
почему
православные
такие?..
диакон
андрей кураев

ДИАКОН
АНДРЕЙ КУРАЕВ

ПОЧЕМУ ПРАВОСЛАВНЫЕ ТАКИЕ?..

МОСКВА · 2006

ББК 86.372
К93

*По благословению
епископа Саратовского и Вольского
ЛОНГИНА*

Диакон Андрей Кураев.
К93 Почему православные такие?..— М.: Подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2006.— 528 с.
ISBN 5-7789-0208-5

В новой книге диакона Андрея Кураева, выдающегося православного богослова и публициста, ставятся, как всегда остро и доказательно, насущнейшие вопросы жизни современного человека и даются на них четкие, ясные и исчерпывающие ответы. О чем бы ни писал отец Андрей, он всегда горячо, заинтересованно и с глубоким знанием предмета, хотя порой и крайне полемично и парадоксально, ищет справедливо православный взгляд на мир.

Новая книга известнейшего литератора адресована самым широким кругам читателей и приглашает к откровенной дискуссии по всем затронутым ею проблемам.

ББК 86.372

7 марта 2006 года отошел ко Господу
известный художник **Станислав Владимирович Попов**
(в крещении Серафим), долгие годы трудившийся
на ниве православного книгоиздания.
Просьба помолиться об упокоении его души.

ISBN 5-7789-0208-5

ОТ РЕДАКЦИИ

В новой книге выдающегося русского православного богослова и «харизматического» миссионера Русской Православной Церкви, самого читаемого церковного публициста, автора множества книг и статей диакона Андрея Кураева, профессора Московских духовных академии и семинарии, профессора Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного университета, кандидата философских наук и кандидата богословия, ставятся, как всегда остро и доказательно, насущнейшие вопросы жизни современного человека и даются на них четкие, ясные и исчерпывающие ответы.

Отец Андрей одинаково горячо, заинтересованно и с глубоким знанием предмета пишет о преследовании христиан и инквизиции, о «рериховцах» и буддистах, о сектантах и «загадочной» Анастасии, о Льве Толстом и экстрасенсорике, о церковных нестроениях на Украине, о сложных и неоднозначных отношениях Православной Церкви с церковью Католической, о чудесах и милостыне и даже о курении и о любви к собакам.

Развеивают туман озлобления, неумного страха и идеологической одномерности и разоблачают мир подмен и нетрезвости две глубокие и чрезвычайно актуальные, при нынешнем состоянии некоторых православных умов, работы о «подброшенных» нечистотах и воображаемой «порче».

ОТ РЕДАКЦИИ

Тему «солидарности с традицией» раскрывает блестящее эссе о великом английском писателе-христианине Г. К. Честертоне, творце «Ортодоксии».

Завершает труд обстоятельный, доверительный и искренний рассказ автора... о самом авторе, о его приходе к православной вере и о его деятельности на ниве богословия и миссионерства.

Новая книга известнейшего православного литератора, написанная ярко, живо и занимательно, хотя порой и крайне полемично и парадоксально, адресована самым широким кругам читателей и приглашает к откровенному и открытому обсуждению затронутых ею проблем.

ПОЛЕМИЧНОСТЬ ПРАВОСЛАВИЯ

А инквизиторы кто? – Что такое псогос? – Есть ли неженщины в русских селеньях? – Как вообще Вы относитесь к людям неправославным? – О преследовании христиан в Индии. – Вы получаете сдачи от тех же «рериховцев»? – Почему христиане не верят в карму? – У человека, родившегося в православной стране, больше шансов на спасение, нежели у человека, родившегося среди буддистов? – В чем сектанты обвиняют Православную Церковь? – Кто такая Анастасия? – Что происходит в церковной жизни Украины? – Об анафеме Льву Толстому. – Христианство и иудаизм. – Если бы Христос пришел сегодня...

— Вы не отказываетесь, если Вас называют инквизитором и ретроградом. Почему?

— Просто работу инквизитора я считаю весьма достойным видом трудовой деятельности. При одном условии: чтобы за спиной у инквизитора не маячило государство.

Латинское слово «инквизиция» (inquisitio) означает «исследование». Задача инквизитора — проверить, соответствует ли то, что рассказывается о христианской вере и от ее имени действительному христианству. Когда рядом нет государственного суда, готового при обнаружении этой разницы арестовать и казнить еретика, то в деятельности инквизитора нет ничего опасного или недостойного.

Это всего лишь призыв к ясности, честности и отчетливости. Одно дело, когда человек говорит не от имени Церкви и высказывает свои суждения о ней, в том числе

критические. Его суждения могут не соответствовать исторической действительности. Но он же говорит от себя — значит, имеет право. Если ты не христианин — это твое дело. Но не надо свой собственный «творческий продукт» выдавать за «учение Христа».

«Инквизитор» — тот, кто мешает обманывать людей; он мешает принять за церковный голос или церковную веру то, что на самом деле не является ни тем, ни другим. Своего рода «защита прав потребителя».

А вот если человек хочет говорить не только о Церкви, но и от имени Церкви, возникает вопрос, узнает ли Церковь себя в его словах и узнает ли через его слова читатель — веру Церкви. Вот тут и уместна церковная цензура или инквизиция. В грамоте, данной царем Федором Алексеевичем на учреждение в Москве Славяно-греко-латинской академии, было сказано: «А от Церкви возбраняемых наук, наипаче же магии естественной и иных, таким не учити и учителей таковых не имети. Аще же таковые учители где обрящутся, и оны со учениками, яко чародеи, без всякого милосердия да сожгутся»*.

Не сочувствуя идее сожжения чародеев, все же не могу не заметить, что функции инквизиции были возложены на первый российский вуз (Славяно-греко-латинскую академию), из которого потом выросли, с одной стороны, Московская духовная академия, с другой — Московский императорский университет. Не самые темные, а самые про-

* Цит. по: *Афанасьев А.* Поэтические воззрения славян на природу: Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов. М., 1995. Т. 3. С. 300–301. Инициатором этой нормы был самый просвещенный публицист эпохи — Симеон Полоцкий. Впрочем, «привилегия, которая должна была бы превратить академию в своего рода инквизиционный трибунал, так и осталась на бумаге, не оказав никакого влияния на судьбу реального учреждения» (*Лавров А.* Колдовство и религия в России, 1700–1740 гг. М., 2000. С. 352).

свещенные христиане были инквизиторами. И в этом смысле инквизиция стояла у истоков российской науки.

Инквизитор просто взывает к дисциплинированности мысли. Как «инквизитор» я говорю: если ты не импрессионист и не пишешь эссе в жанре: «Мои впечатления от Православия» (тут-то каждый волен впечатляться как хочет), то просто поработай с источниками.

Кстати, напомню, как булла папы Бенедикта XIV (середина XVIII в.) регламентировала работу инквизиторов: они не должны думать, что книга дается им на рассмотрение с целью осудить ее, они должны спокойно и беспристрастно взвешивать достоинства книги; они не должны судить о книге с точки зрения определенной нации, школы или ордена, а должны иметь в виду догматы Церкви; они обязаны книгу читать всю сполна, различные места книги сравнивать между собой, неясное уразумевать из более ясного, не должны выхватывать места в книге без связи с целым, смотреть на цель, с которой говорит автор. Если заслуживающая запрещения книга принадлежит католическому писателю высокой жизни, сделавшему себе имя в литературе, хотя бы и этой книгой, то нужно запретить книгу не безусловно, а с правом издать книгу по исправлении. О предполагаемом запрещении автор должен быть извещен заранее, ему должна быть дана возможность объясниться, и его объяснения цензоры и судьи должны принять во внимание*.

— Вы не боитесь, что некоторая категоричность может обидеть людей? Ведь Вы — пастырь, и они должны чувствовать тепло, любовь. А от Ваших слов иногда током ударяет...

— И пусть ударяет. Я вовсе не стремлюсь создать перед слушателями такой сентиментальный образ: «Ах, Христос,

* См.: *Лебедев А.*. История запрещенных книг на Западе. СПб., 2005. С. 47.

ах, терпимость, ах, милосердие». Вы помните, как обращался Сам Христос к тем, кто исказил веру отцов: *гробы окрашенные, красивые снаружи, но полные нечистот, порождения ехиднины!* (ср.: Мф. 23, 27, 33). Христос говорил жестко.

Истина — совсем не то, что должно всем нравиться. Ведь Христос назвал христианство *солью земли* (ср.: Мф. 5, 13). Соль высыпается на здоровую землю или на больную? Человечество в духовном смысле несомненно больно. Вы сами понимаете реакцию больного организма, когда на его больное место соль еще сыплют. Так что нет ничего удивительного в том, что почти все Апостолы кончили жизнь мученически.

Проповедник всегда вносит разделение. Я, входя в каждую аудиторию, вношу туда разделение. Почитайте Деяния Апостолов. Там все по одному сценарию происходит. Приходит апостол Павел в какой-нибудь город, идет в иудейскую синагогу и начинает там проповедовать о Христе. Евреи берут камни, избивают его, изгоняют или даже стремятся убить. В общем, переполох страшный. Потом часть из них задумывается: подождите, в проповеди Павла что-то есть, что-то необычное было в этом Иисусе, Которого проповедовал этот странник. И они тайком ищут Павла, идут к нему, беседуют и отходят от синагогального большинства. Так потихоньку основывалась христианская Церковь. Затем Павел идет в следующий город, там все повторяется. То есть проповедь — это почти всегда разделение. Когда я вхожу в аудиторию, я вполне понимаю, что там, может быть, всего несколько душ, которые могут раскрыться.

— И все же на Вас смотрят как на представителя Православной Церкви...

— Я всегда подчеркиваю, что я — это просто диакон Андрей Кураев. И если у вас аллергия на меня, то Церковь здесь

ни при чем*. Но если то, что я говорю, вам понравилось, то благодарите не меня, а идите в Церковь. А я поехал дальше.

— Вы говорите: меня не нужно отождествлять с Церковью. А с кем же? Вы не боитесь, что такие резкие приемы могут сразу оттолкнуть человека?

— Я не апостол Павел. Апостол Павел говорил: «Я был всем для всех». Я не умею быть «всем для всех». У меня своя аудитория, университетская, молодежная. Если я их все время буду гладить по головке, елейно призывать к смирению, послушанию, они знаете как прореагируют?

— А какие светские стереотипы Вас раздражают более всего?

— Самое занятное из нецерковных, светских предубеждений — это уверенность неверов в том, что нам, христианам, ничего нельзя осуждать. Таков стандарт христианского поведения, придуманный для христиан нехристианами. Мол, раз вы христиане, то должны всегда подставлять вторую щеку, перед всем смиряться, всем кланяться, и вообще если вас ваше Евангелие учит любви, то вы должны с любовью признаваться, что всею душой, например, обожаете культ вуду и не имеете права сказать о нем что-то резкое.

---

* Мне очень близки и понятны слова, сказанные Сергеем Худиевым: «Даже не высокое смирение, а простой здравый смысл должен побудить нас признать — если я христианин, это еще не значит, что я прав в 100 % случаев. Если я с кем-то поцапался, неверно сразу воскликцать: “О, до чего же я верный и принципиальный христианин, ненавидимый этим падшим миром!”. Разумнее подумать: “А может, я сам неправ? Они грешники, но я тоже — грешник, и я тоже могу ошибаться, и, чем я увереннее в своей правоте,— тем страшнее ошибаться”. Нельзя путать две вещи: “Христианство истинно” и “Лично я всегда прав”. Некоторые мои взгляды могут быть глубоко моей личной “заморочкой”, а вовсе не выражением христианской истины» (см.: http://www.kuraev.ru:8101/forum/view.php?subj=12087&order=asc&pg=18).

А христианство просто сложнее: наш принцип — люби грешника и ненавидь грех. Это значит, что надо уметь отличать свое отношение к злому поступку (или ошибочному мнению) от отношения к человеку, совершившему этот поступок.

В порядке борьбы с этим стереотипом я, наверно, скоро буду выходить на лекцию с табличкой: «Осторожно! Я — плохой христианин!». В смысле — могу дать сдачи (полемически).

— Полемический стиль общения, преобладающий в Ваших статьях, является ли данью древней святоотеческой традиции, или это просто присуще Вашему характеру?

— По своему характеру я довольно тихий человек. Жажда полемики меня не снедает. Но постоянное чтение древнейших Отцов какой-то отпечаток наложило. У них полемизм, по современным меркам, даже чрезмерный, методы ведения дискуссии удивительные. Тогда и в Церкви, и в миру была совершенно иная культура ведения полемики.

От античной культуры Отцы унаследовали определенные нормы речевого и полемического этикета, решительно отличающиеся от современных. В античных школах риторики специально преподавалось умение пронести по всем кочкам своего оппонента*. В ход разрешалось пускать самые обидные сравнения и эпитеты, вполне нормальным считалось переходить от критики взглядов к критике самого оппонента — вплоть до критики особенностей его фигуры: «Как же быть правой мысли у тех, у кого и ноги кривы?» (*Святитель Василий Великий*)**. «А с противоположной стороны какие-нибудь жабы, моськи, мухи издыхающие

---

* «Даже с судебного места обращался он к тяжущимся витиям совершенно запросто, дозволяя всяческие вольности: хоть кричи во все горло, хоть руками размахивай, хоть ходуном ходи, хоть издевайся над противником и прочее подобное — все, что принято делать для победы в прениях» (*Либаний.* Надгробное слово по Юлиану. 189).

** См.: *Святитель Василий Великий.* Творения. М.; Сергиев Посад, 1892.Ч. 6. С. 238.

жужжат православным...» (*Преподобный Викентий Лиринский*)*. «Выкидыши безумия, я говорю о ничтожных человечишках, недостойных и поздороваться с ними»**.

Вновь говорю: это было в порядке вещей в античной риторике — как языческой, так и христианской. Не «нетерпимость» христиан тому виной, а стиль, характерный для всей литературы той эпохи. Весьма уважаемый жанр античной литературы назывался ψόγος — «псогос» («хула»); «жанр этот требовал от автора исключительно очернительства»***. То, что сегодня этот стиль кажется недопустимым,— это одно из прорастаний той евангельской «закваски», что постепенно квасит тесто человеческой культуры и истории. И в этом вопросе лучше быть «модернистом», лучше ориентироваться не на образцы античной и патристической эпохи, а на нормы современного этикета.

Так что уж если я полемичен — то это как раз связано с моим погружением в мир Отцов. Почитайте откровенные издевательства над сектами у святителя Иринея Лионского, христианского писателя и мученика II века (см.: *Святитель Ириней Лионский*. Против ересей. 1, 13, 3).

А вот действия царя Алексея Михайловича, именуемого «Тишайшим». В Савво-Сторожевском монастыре на службе присутствуют Антиохийский Патриарх Макарий и царь. Чтец по ходу службы произносит: «Благослови, отче». «Вдруг царь вскакивает на ноги и с бранью говорит чтецу: “Что говоришь, мужик, б... сын... Тут Патриарх, скажи: «Благослови, владыко!»!”... От начала до конца службы он учил монахов обрядам и говорил,

---

* Цит. по: Вера и жизнь христианская по учению святых Отцов и учителей Церкви / Сост. проф. Н. Сагарда. М., 1996. С. 286.

** Житие Никиты Мидикийского. 38 // *Афиногенов Д.* Константинопольский Патриархат и иконоборческий кризис в Византии (784–847). М., 1997. С. 174.

*** *Чекалова А.* Прокопий Кесарийский: личность и творчество // *Прокопий Кесарийский.* Война с персами; Война с вандалами; Тайная история. М., 1993. С. 447.

обходя их: “Читайте то-то, пойте такой-то канон, такой-то ирмос, такой-то тропарь таким-то гласом”. Если они ошибались, он поправлял их с бранью»[*]. Такой же стиль выражений был и у патриарха Никона, и у протопопа Аввакума. Но не у меня.

Вновь и вновь я говорю: послушайте, из тринадцати[**] Апостолов Христа двенадцать (исключение — старец Иоанн Богослов[***]) были убиты иудеями и язычниками... Значит, в их проповеди было что-то, что задевало, царапало, шокировало и скандализировало народы Римской империи — и эллинов, и иудеев. О чем и говорит честно православное богослужение: Апостолов оно именует «заушающими словом» (3-я песнь канона на утрене Пятидесятницы). «Заушати» — значит «заграждать уста, не давать говорить», а «заушница» означает пощечину.

Слово «скандал» Апостолы прилагают сами к своей проповеди: *мы проповедуем Христа распятого, для Иудеев соблазн* (σκάνδαλον), *а для Еллинов безумие* (1 Кор. 1, 23). «Слово σκάνδαλον родственно санскритскому skandati – “подскакивать, подпрыгивать, брызгать”, a-skandati “нападать, застигать”, латинскому scando “восходить, подниматься, взлетать”... Из этого следует, что ноэмой <именем эйдоса> слова σκάνδαλον является “подскакивающее, брызгающее”. С этой ноэмой в греческом языке был отождествлен, во-первых, эйдос <умосозерцаемая полнота смысла> капкана, ловушки, западни... который сам стал ноэмой эйдоса чего-то побуждающего к греху, отпадению, отречению... во-вторых, с этой ноэмой был отождествлен эйдос возмущенного, оскорбленного человека;

---

[*] *Архидиакон Павел Алеппский.* Путешествие Антиохийского Патриарха Макария в Россию в первой половине XVII века, описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским. М., 2005. С. 496.

[**] Из первых двенадцати Апостолов отпал Иуда, на его место был избран Матфий. Тринадцатым Апостолом стал Павел. Умер своей смертью Иоанн.

[***] Впрочем, по свидетельству Тертуллиана, и апостол Иоанн был ввержен в кипящее масло, но вышел невредим (см.: *Архиепископ Иннокентий (Борисов).* Последние дни земной жизни Господа нашего Иисуса Христа. Одесса, 1857. Ч. 1. С. 170).

такой человек отождествлен в инобытии греческого языкового сознания с подскакивающим, брызжущим человеком; отсюда у σκάνδαλον значение “обида, оскорбление” <...> Как же должен понимать каждый иудей распятого Христа – как искушение или как оскорбление? Вероятнее всего, что он имел в виду и то и другое: распятый Христос оскорблял понятие иудеев “о мессии – великом царе и победителе своих врагов”»*. «Съблазнъ образовано от праславянского *blaznъ, которое было прилагательным, образованным от основы *blaz- с помощью суффикса -n-. “В отношении этимологии наиболее удачно объяснение от индоевропейского *bhlag-, откуда также латинское flag-rum («бич»)... Следовательно, ноэмой блазнъ было «ударенный»”»**. В лютеровском переводе Библии слово «скандал» переведено как ärgernis – «оскорбление»***.

А нас сегодня пробуют уверить, будто Христос завещал нам «политкорректность»!

Жесткая дискуссионность традиционна для христианства. В Евангелии от Матфея (см.: Мф. 22, 34) говорится, что Христос *привел саддукеев в молчание.* Но это мягко сказано (точнее говоря – смягченно переведено). Буквальный смысл греческого слова, стоящего в оригинале,– «надел намордник» (ἐφίμωσεν от φιμός – «намордник»)[1]****.

Так что вслед за великим ученым о. Георгием Флоровским я могу сказать: «Я считаю резкость добродетелью»*****.

---

* *Камчатнов А.* История и герменевтика славянской Библии. М., 1998. С. 113–114.

** Там же. С. 114. Примечание 146.

*** Ну а мой постоянный критик и доморощенный «филолог» из «Русского вестника» Владимир Губанов во всей полноте являет свои познания, когда пишет, будто слово «соблазн» означает «со-благо, находящееся рядом с благом, похожее на благо» (*Губанов В.* Школа выживания: как бороться с нечистой силой // Русский вестник. 1992. № 25).

**** Здесь и далее цифровой знак выноски отсылает к Примечаниям (с. 514–525).– *Ред.*

***** Цит. по: *Блейн Э.* Жизнеописание о. Георгия // Георгий Флоровский: священнослужитель, богослов, философ. М., 1995. С. 234.

Это смущает многих нецерковных людей, но такова реальность: проповедь христианства неизбежно носит не только созидательный, но и разрушительный характер. Христианство с самого начала полемично*. Ведь если провозглашается Новый Завет — значит, некий иной Завет вполне недипломатично именуется устаревшим, обветшавшим. Апостолы проповедуют не в атеистическом мире. Мир, к которому они обращаются, настолько религиозен, что сами христиане обзываются «атеистами», «безбожниками» — за то, что не оказывают почтения традиционным языческим богам.

Как ни странно, эта полемика велась Апостолами во имя именно Непостижимого Бога. Языческие представления о Боге были слишком заниженными — и потому их нужно было сломать ради того, чтобы освободить человеческую душу для более высокого представления о Божестве. Люди строят слишком низкие потолки над своими головами — и их приходится сносить. Как сказал немецкий поэт Йозеф Эйхендорф:

Ты тот, Кто кротко рушит над нами
То, что мы строим,
Чтобы мы увидели небо—
Поэтому я не жалуюсь**.

Не стоит обвинять Апостолов в «нетерпимости». Хотя бы потому, что для человеческой мысли вообще свойственно развиваться в полемике***. Кроме того, даже храмы можно сносить — но лишь при условии, что на месте снесенного храма будет построен не туалет, а другой храм, более высокий.

— Почему после революции православный народ так быстро отказался от своих святынь, так легко отвернулся от Бога?

— Дело в том, что есть люди по-разному одаренные. Именно религиозно одаренные. Есть люди по-разному отзывчивые к евангельскому слову...

---

* Греческое слово πολεμικά («полемика») значит «военное искусство».

** Цит. по: *Рацингер Й.* Введение в христианство. Брюсель, 1988. С. 233.

*** См. об этом мою книгу «Вызов экуменизма» (М., 2003).

— Да, Фазиль Искандер говорил, что вера — это как музыкальный слух: кому-то дано, кому-то нет. Дело не в уме, не в личных качествах человека — просто кто-то может различать оттенки нот, а кто-то нет. Это верно?

— Это очень близко к истине. Единственное уточнение — совсем неспособных не существует. Конечно, есть градация этих талантов, а есть еще и то, как человек с этим талантом обращается. Смог ли он сохранить и взрастить крупицу, которую получил изначально,— или же растранжирил огромные сокровища.

Извечная трагедия и проблема церковной жизни состоит в том, что формы и цели религиозной жизни формируются людьми богатырского духовного роста — святыми. Их душа жаждет большего подвига, большей молитвы, большей душевной чистоты. А затем, видя их, другие люди начинают им подражать. Тем более: когда государство является христианским, за образец жизни берутся жития святых. А потом оказывается, что эта одежда не впору очень многим людям. Людям, которые не имеют такой религиозной одаренности, а порой даже и просто религиозно бездарны. Знаете, как однажды Иван Бунин сказал о Льве Толстом: «Просто у Толстого нет органа, которым верят». Такие люди не имеют личного религиозного призвания, но в христианском государстве они вынуждены имитировать духовность. А потому в них потихонечку начинает расти чувство отторжения: «Зачем?! Я не понимаю, к чему это. Давайте обойдемся без этого!». И со временем может возникнуть протест, взрыв.

Впрочем, и «стремительного отворота» тоже не было. Всесоюзная перепись населения 1938 года была последней переписью, на которой задавался вопрос об отношении к религии. И оказалось, что примерно половина городского населения и две трети сельского населения не постеснялись заявить о своей религиозности. А ведь в анкете, где ты называешь свою фамилию, имя, отчество, сказать о своей вере, да еще в такие времена,— это очень серьезный жест.

Быстро сломалась не вера; сломались способы трансляции веры. Люди, воспитанные в старой школе, остались в вере. Но они не умели передавать эту свою веру своим детям, не умели противостоять пропаганде. И в этом — изъян предыдущей русской жизни. Люди воспринимали веру или как нечто само собой разумеющееся, или как то, за сохранение чего отвечает государство. Или батюшка. И соответственно, люди не были готовы к самоорганизации. И буквально к физической защите своих святынь, и к тому, чтобы знать свою веру настолько хорошо, чтобы передать ее своим детям вопреки давлению официальных органов.

— К слову о физической защите святынь — какова Ваша позиция в вопросе о разгромленной выставке?

— Я еще года четыре назад в «Огоньке» на эту тему сказал: меня печалит отсутствие православного терроризма. Терроризм — это плохо, это зло. Но терроризм — это выплеск черной энергии. Пусть черной — но все-таки энергии. А если тебя бьют в самые болевые места, но ты никак не реагируешь — то одно из двух: или ты свят — или ты мертв. Поскольку у меня нет оснований считать свой народ в его нынешнем состоянии святым, то отсутствие реакции на бесконечный поток оскорблений и провокаций — это, скорее, очень печальный признак угасания жизни вообще. С точки зрения человека, желающего, чтобы история России продолжалась,— я скорее радуюсь, что еще есть неженщины в русских селеньях. Есть мужики, которые могут пойти и в конкретной точке конкретными действиями осадить хулиганов.

А еще я радуюсь тому, что мне не встретился известинский автор Сергей Лесков. Мне было бы тяжело удержаться от более чем резких слов или даже от оплеухи. В рождественском номере «Известий» за 2003 г. этот хам ничтоже сумняся повторил гнуснейший талмудический антихристианский выпад, выдав его за мнение «современных ученых»:

«Исходя из нравов той эпохи, можно предположить, что Иисус был зачат в результате сексуального насилия со стороны римского центуриона». Тут уж не только Дон Кихот, но и Санчо Панса преподал бы ему несколько уроков того,— как нельзя говорить о женщине, а тем более о Святой Деве*.

— Что бы Вы сказали о фактах уничтожения в Афганистане памятников истории и культуры, в частности — о расстреле из пушек статуй Будды?

— Мы с возмущением реагируем на такие вещи. В Афганистане давно нет ни одного буддиста. И каменные идолы не более чем памятник древней истории. Наше возмущение — это не просто негодование культурного сообщества. Оно идет из нашей памяти. Мы не забыли, что творили мусульманские фанатики на Балканах. Они рубили иконы и фрески шашками, выцарапывали глаза на святых образах, называя их идолами. Видя боль других людей, мы вспоминаем о нашей.

— Если народ не свят — можно ли считать, что он мертв?

— При условии, если он позволяет плевать на свои национальные, религиозные, культурные, исторические святыни. Есть известная формула священной войны, выведенная еще Цицероном: pro aris et focis — «за алтари и очаги». Если очаги разоряются, а святыни оскверняются, и при этом реакции никакой нет — значит, люди готовы быть рабами.

— В данном случае — рабами чего? Или кого?

— Рабами захватчиков. Кто же еще разрушает очаги и алтари?

---

* А в мае 2004 г. сей журналист опозорил «Известия» статьей «Прошлись паникадилом по университету» (Известия. 2004. 29 мая). К сведению г-на Лескова, ведущего в «Известиях» (с равной степенью профанации) научную и религиозную тематику, то, с чем «проходят» по храму или по освящаемому помещению, называется «кадило». «Паникадило» — это люстра в храме.

— Кто сейчас может считаться захватчиками?

— Сейчас противостояние идет не по паспортам. Сейчас это противостояние мировоззрений — нигилистического «поколения пепси-колы» и людей, которые не хотят считать себя этим поколением. Есть чело-веки (у них *чело*, обращенное к *вечности*), а есть ходячие «куски человечины».

— Вы хотите сказать, что все неправославные — католики, протестанты, язычники — ходячие «куски»?..

— Отнюдь. Если он католик, буддист или язычник, у него уже есть некое стремление ввысь. Уже есть вертикаль в жизни. Конечно, могут быть какие-то оплошности в его навигационной карте, в его религии могут оказаться слишком слабые движки, которые не смогут вывести на нужную орбиту. Но то, что он взлетел,— это уже хорошо.

— Как вообще Вы относитесь к людям некрещеным, неправославным?

— Нет общего отношения. Что за человек? Почему он такой? Иногда я могу испытывать перед таким человеком чувство вины,— когда я слышу, что этот человек пробовал войти в Церковь, но... вспоминает, какими словами его встретили, куда послали... Это наша вина, что мы не нашли с ним общего языка.

Очень разные бывают мотивы у неверья. Есть такой атеизм, к которому я отношусь с уважением и состраданием. Это атеизм Жан-Поля Сартра или Альбера Камю, атеизм неудачного поиска. Человек хотел бы видеть небо живым и зрячим, но не смог. Его неверие — заноза, которую он сам ощущает в своей душе: «Ты чувствуешь сквозняк оттого, что это место свободно» (*Борис Гребенщиков*).

Но бывает, что неверие есть порождение некоего откровенного самоуверенного хамства.

В таких случаях я вспоминаю слова Иосифа Бродского:

Есть мистика. Есть вера. Есть Господь.
Есть разница меж них. И есть единство.
Одним вредит, других спасает плоть.
Неверье — слепота, но чаще — свинство*.

Так вот, я очень редко встречал людей, которые четко отдавали бы себе отчет в своем «свинстве». Очень небольшое число людей честно отдают себе отчет, почему они не в храме. Однажды у меня на философском факультете был один паренек. И когда мы с ним на философском уровне уже все выяснили, он сказал, что креститься все-таки не будет. «Ну почему же не будешь?». Он честно ответил: «Я женщин слишком люблю». Парень он был чрезвычайной красоты и пользовался огромным успехом среди студенток. Но он осознал и признал, что именно мешает ему принять крещение. Когда же он подрос, поступил в аспирантуру, женился, вот тогда он и вправду крестился.

Но это был честный человек, который честно сказал себе, где у него свербит. Не знания ему мешали, а нечто совсем другое. И вот помочь человеку познать правду о себе — тоже задача миссионера. А вот дальше — я уже бессилен. Дальше — это уже тайна совести человека и тайна Божиего Промысла. Мое дело — бросить семя, дать человеку некоторое представление о Православии. А когда его душа откликнется — может, не сейчас, может, через двадцать лет, может, когда он полезет в петлю,— вдруг он вспомнит: «Подожди, ведь была же возможность жить иначе, открывалась дверка, туда, в мир Церкви, а я не вошел. А если все-таки попробовать? Отложить эту петлю до завтра, а сейчас — в храм идти?». Дело миссионера — бросить семя. А когда оно взойдет — дело Владыки нашего.

---

* *Бродский И.* Сочинения. СПб., 2001. Т. 2. С. 139.

Так вот, задача миссионера – показать: «Подумай сам: может быть, ты в Церковь не идешь просто потому, что боишься жить по совести? Может быть, ты не хочешь жить в чистоте? Может быть, ты заповедей наших боишься? Не догм – а заповедей?..».

– Допустим, я – кришнаит. Вот увидел я плакатик, что выступает некий православный профессор Андрей Кураев, мне стало интересно, прикольно, как говорится, и я пришел к Вам на лекцию. Как Вы себя поведете, узнав, что я – сектант?

– Непредсказуемо. Если Вы будете нападать на наши святыни, кощунствовать – то нарветесь на нетолстовца. Принцип миссионера прост: с эллинами как эллин, с иудеями как иудей, с волками как волкодав.

Я готов к полемике. И я не ставлю своей целью очаровать, обратить всех присутствующих в свою веру, тем более прямо на лекции. Мое дело – понудить человека к труду мысли, сопоставления. Поэтому я могу даже задирать собеседника, чтобы вывести его из состояния равновесия, чтобы он, может быть, и оскорбленный ушел, но зато с четким осознанием, что его вера и Православие – это разные вещи, что не надо себя тешить иллюзиями насчет нашего всеобщего братства и примирения. Пусть после этого он будет ненавидеть Православие, но это лучше, чем если он будет считать: «Я кришнаит, но и православный, между прочим, тоже». Констатация факта, что ты находишься вне Церкви, может обидеть, но эта обида может привести к тому, что человек начнет на эту тему думать и позже придет в Церковь, но уже с покаянием и всерьез.

Я знаю не один десяток случаев, когда судьба человека развивалась именно по этой логике. Бывает, спустя годы человек подходит и говорит: мол, о. Андрей, простите, я тогда-то вступил с вами в диспут (или вот я прочитал такую-то вашу книжку, и она меня очень обидела, как вы по-

смели такое сказать про моего гуру), а затем, когда я стал искать материал для того, чтобы вам ответить, я понял, что король-то и в самом деле голый.

Так что есть прямая нужда в такой полемичности. Когда на лекции, например, в университете, просят: «Расскажите о Христе»,— прекрасно понимаешь: сейчас ты будешь рассказывать о Христе, и эта вот женщина будет замечательно слушать, кивать головой и будет по-своему медитировать под твой рассказ, но через два дня ей встретится какая-нибудь буддийская или оккультная книжка, и она с точно таким же удовольствием это пирожное тоже скушает. Ведь она тотально всеядна! Я понял, что нельзя просто рассказывать о христианстве, надо обязательно говорить: вот это в христианстве есть, а вот с этим христианство несовместимо. Нужно уметь проводить четкую различительную линию. И пусть люди даже возмущаться будут, но лучше возмущение, чем всеядность.

Но вновь скажу: я разрешаю себе «наносить обиды» убеждениям человека, но нельзя оскорблять самого человека...

Я считаю возможной такую миссионерскую тактику как проповедь через скандал. Церковь в современном мире СМИ похожа на уэллсовского человека-невидимку. Если помните, его поймали только потому, что увидели комки грязи, налипшие на ногах. Так и внутренняя жизнь Церкви — спокойная, молитвенная,— она не видна. Если батюшка молится по ночам за своих прихожан, его никто не замечает. А если он валяется пьяный в канаве, то это отличный скандал для газеты. Пресса замечает лишь скандал: священник какое-то необдуманное действие совершил, какое-нибудь неожиданное заявление последовало, в чем-то с государством Церковь не согласилась. Вот на это обращают внимание.

И раз уж такая ситуация возникает, то иногда из нее можно извлечь пользу. Показать: мы с тобой, к сожалению, по разные стороны баррикад, тебе кажется, что ты с нами, но ты зря называешь себя именем «христианин», на деле ты адепт такой-то секты.

— Значит, Вы не фундаменталист?

— Фундаментализм мой — теоретический, а нетерпимость — идейная; могу заверить, что для моих оппонентов они не опасны. Я могу пить чай (и не только чай) с любым теоретическим оппонентом. Идейная нетерпимость и полемичность не должны переходить в нетерпимость человеческую. Мне он даже нужен, этот оппонент,— чтобы мои аргументы отдать ему на суд... Когда не с кем поговорить, не с кем поспорить — это же тупик!

Увы, в нынешней Церкви много реальной, буквальной, организованной нетерпимости. Но это разные вещи: одно дело — вызывать оппонента на дуэль, на словесный интеллектуальный поединок, и другое — требовать от госвластей лишить оппонентов права на проповедь и на ответ. Новые опричники не устраняют врагов Церкви, а лишь умножают их число. Особенно эффективно опричники превращают интеллигентов из отстраненно-благожелательных наблюдателей во вполне сознательных противников бурного церковного ренессанса.

— А «административный ресурс» Вы готовы использовать для противостояния сектам?

— Я готов призвать власти задуматься над последствиями всеразрешающей или коррумпированной их политики.

Например, осенью 2003 г. Альфред Форд, правнук легендарного автостроителя Генри Форда, обнародовал свой план строительства огромного центра для последователей «Харе Кришна» и ведической религии в центре Москвы. Здание, стоимостью 10 млн долларов, высотой в 52 м, площадью в 10 000 м^2 и вместимостью в 8 000 человек, будет воздвигнуто в районе стадиона ЦСКА, у Ходынского поля, в районе элитных новостроек.

С одной стороны, это по-своему естественная плата за статус Москвы как одной из мировых столиц. Раз мы хотим влиять на всех — то и эти «все» будут влиять на нас. Но

в тоже время Москва не Лондон. Лондон — столица Британской империи, жемчужиной в короне которой, собственно, и являлась Индия. Наплыв индусов в Англию, а арабов во Францию — расплата за века колониальной экспансии. Россия же перед Индией ничем не согрешила и потому не должна становиться заложницей какой-то ответной «миссии».

Индуистский храм в Москве может быть; никакие наши законы не могут запретить его возведение. Но при решении вопроса о его строительстве нужно все-таки подумать: мы продолжаем политику Горбачева—Ельцина, когда государственная власть декларировала, что у России нет никаких национальных интересов и нет никаких своих опорных точек в мире, или мы все же будем проводить политику защиты своих национальных интересов? К примеру, некая подобная трезвость должна наконец прорезаться в отношениях России и Украины: помощь Украине с газом или с зерном пора бы увязывать со статусом русского языка на Украине, статусом Русской Церкви.

В былые времена Россия в отношениях со своими соседями опиралась на местные православные общины. Так это было при высвобождении Украины из-под власти Польши, так это было в Турецкой империи. Нечто подобное можно использовать и в отношениях с Индией.

В Индии на данный момент положение христиан хорошим не назовешь. Христианство — одна из традиционных религий Индии, насчитывающая уже двадцать веков; еще в апостольские времена апостол Фома дошел до Индии и создал там христианскую общину. В Индии сейчас христиан больше, чем буддистов,— по переписи 1991 года христиан в Индии 19 млн (2,4 % населения), а буддистов — 6 млн (0,76 %) — это даже при учете многочисленных буддистов-беженцев, покинувших Тибет после его оккупации Китаем. Тем не менее статус христиан в Индии достаточно проблематичен. В 1950 г. указом президента бедняки («неприкасаемые»-далиты) в случае

обращения в христианство лишались ряда предусмотренных законом льгот (указ подтвержден Верховным судом Индии в 1985 г.). В 70-е гг. в ряде штатов были приняты законы, просто запрещающие обращение индуистов в христианство и ислам. В 90-е гг. к власти в стране пришли националистически настроенные партии. В итоге началась политика тихого удушения христианства. Был принят закон, по которому место, где находится вино, не может являться объектом культа. В христианстве, как известно, вино употребляется во время Причастия, так что христианские храмы лишаются статуса святынь. Это значит, что если какой-нибудь воинствующий фанатик ворвется в христианский храм и устроит там скандал или погром, то это будет рассматриваться не как кощунство, а как обычное уличное хулиганство. То есть все равно, что нагадить в телефонной будке, что в алтаре христианского храма.

Только в течение 1998 г. «Объединенный христианский форум за права человека» зарегистрировал 120 нападений и других враждебных актов, направленных против христиан, в том числе поджоги более тридцати церквей в штате Гуджарат на рождественской неделе. Шестьдесят четыре христианина были убиты. Двадцать третьего января был убит австралийский миссионер Грэхем Стейнс и двое его сыновей, 10-летний Филип и 8-летний Тимоти. Они были сожжены в своей машине в деревне Манохарпур в восточноиндийском штате Орисса. В этом преступлении была обвинена индуистская фундаменталистская группировка «Баджранг дал». Третьего апреля был убит член ордена миссионеров милосердия 46-летний брат Люк Путтанийила. Он сопровождал груз лекарств для пациентов лепрозория. Двадцать четвертого марта попал в засаду, устроенную бандитами на дороге из Калькутты в Патну. Тела убитых были брошены на дороге. Полиция закопала их и не сообщила об убийстве. Сотня воинствующих индуистов, поддерживающих правящую «Бхаратия-Джана-

та-Парти», выкрикивая антихристианские лозунги, сожгла около 300 экземпляров Библии в Раджкоте (штат Гуджарат). В селении Симдага на юге штата Бихар была зверски убита христианская семья: мать, отец и четверо детей в возрасте от двенадцати до двух лет. Вооруженная группа пробовала ворваться в церковь в Джхабуа (штат Мадхья-Прадеш). В этом же штате изнасилованы четыре католические монахини. В штате Гуджарат около 150 делегатов съезда христианского миссионерского движения «Alpha missionary movement» были избиты боевиками индуистской организации «Баджранг дал».

Особое раздражение индуистов-фундаменталистов вызывает то, что Церковь выступает за равенство всех людей, невзирая на кастовое происхождение. Поэтому-то чаще всего нападениям подвергаются те, кто посвятил себя служению бедным и обездоленным...

Я думаю, было бы странно открывать в Москве индуистский религиозный центр, не дождавшись и не добившись улучшения положения христиан в самой Индии. Кроме того, естественно было бы дождаться урегулирования в Индии других межрелигиозных конфликтов: возврата буддистам храмового комплекса в Бихаре, захваченного тридцать лет назад индуистскими жрецами, и замирения с мусульманами. В том же 1998 г. в Индии произошло 626 межрелигиозных столкновений, в ходе которых 207 человек было убито и 2 065 ранено... Лидер одной из правящих партий Индии (партия зовется «Шив сена-Армия Шиваджи»; ее лидер Бал Тхакре) заявил в 1996 г.: «Кто такие мусульмане? Если "Шив сена" придет к власти, каждый будет обязан пройти обряд "дикша" (инициации) в индусскую религию»*.

---

*Источники сведений о гонениях на христиан в современной Индии приведены в моей книге «Дары и анафемы» (М., 2001); остальные цифры – из книги: *Клюев Б.* Религия и конфликт в Индии. М., 2002.

Сегодняшний индуизм не похож на пассивно-фаталистичный индуизм прошлых столетий. Индуизм конца XX в.— это потрясающе активное, миссионерское и при этом фанатичное религиозное движение, которое расценивает христианство и ислам как частные (и несовершенные) случаи проявления своих собственных божеств и потому готово поглотить другие религии...

Нельзя не заметить асимметричность в русско-индийских религиозных отношениях. Если в Индии будет построен православный храм, то он будет храмом для русских женщин, которые вышли замуж за индусов в эпоху индо-советской дружбы. Но он не станет центром проповеди Православия среди индусов.

Однако если индуистское святилище появится в сегодняшней Москве, то его жрецы отнюдь не ограничатся работой с индуистской общиной. Во время визита в Москву в середине октября г-н Форд заявил: «Для меня наиболее важным является распространение индуистского знания о душе. Это более важно, чем всякое иное знание, и моя главная ценность». Строится пропагандистский центр, рассчитанный на русских, а не на индусов. Он станет центром раздробленных, но довольно многочисленных языческих групп; центром, который будет разрушать остатки христианской традиционной культуры в сознании многих и многих москвичей.

Наконец, позитивную оценку планам строительства индуистского религиозного центра мешает дать участие в этих планах движения «Харе Кришна» — движения, о котором идет довольно скандальная, а порою и криминальная слава. Кришнаиты — не столько индийский продукт, сколько американский религиозный «Фастфуд» на индуистский мотив, этакая «Карма-кола».

И опять же не стоит забывать, что в XX в. именно группы, возрождающие язычество, проявили себя наиболее тоталитарным образом — достаточно вспомнить немецкий нацизм,

весь настоянный на оккультизме и индоарийских богах (основатель династии Фордов, кстати, внес свою лепту в нарастание антиеврейских настроений в западном обществе в годы, предшествовавшие приходу Адольфа Гитлера к власти).

Вот новенький языческий журнальчик — «Русский молодежный сказатель «Перун»: Языческий вестник Славянской культуры и истории с разделом о русском музыкальном андеграунде». На обложке журнала надпись крупными буквами: «Перун» — и многоговорящая картинка: группа людей в светлых рубахах возле идола с суровым лицом. Справа — высокий жрец с посохом в руках. Внизу двое молодых людей трубят в рога. Могучий воин замахнулся мечом над опущенной головой пленника в монашеских одеждах...

В Интернете есть «Славянский языческий календарь». В нем можно прочитать: «Купала. Кресень (Июнь), 23. Сегодня праздник Летнего солнцестояния и человеческого жертвоприношения подводному хозяину Ящеру (Яше). Проводятся обряды у воды, возжигают костры и утапливают в реке Купалу. В более позднее время утопляли куклу из соломы». Но сейчас-то, конечно, не «более позднее время». Сейчас время возрождения «древних обычаев»...

Так что прежде умножения языческих капищ стоит задуматься над культурными и социальными последствиями. Нет, если г-н Форд купил огромный участок дорогущей московской земли, то это его право строить там что угодно. Но, кажется, речь идет не о продаже, а о передаче земли. Выходит, что государство помогает языческому культу. Именно — культу, а не культуре Индии.

Если же индусам, проживающим в Москве, нужно место для своих молитвенных собраний — то такое место им вполне могло бы предоставить посольство Индии на своей территории (именно так создаются сегодня православные приходы в Пекине или Риме). Впрочем, трудно сказать,— как он сможет работать: ведь «индуизм» — всего лишь газетный термин.

На самом деле религии народов Индии,— даже признающие авторитет Вед,— весьма разнообразны, и не всегда их отношения беспроблемны.

В любом случае мэрии не стоит спешить с пропиской языческих богов в нашем городе.

— Вы в свое время активно занимались проблемой сект в России. Но вопрос, «кого считать сектантом, а кого — нет», в разных регионах сегодня решается по-разному. Часто проблема сект становится поводом для острых межконфессиональных конфликтов. Не кажется ли Вам, что, прежде чем противостоять сектам, надо сначала разработать четкий, причем законодательно прописанный, механизм детерминации, что такое есть «секта».

— Нет, я так не считаю. Я вообще не хотел бы, чтобы государство брало на себя борьбу с сектами в любой форме, в том числе оформляя понятие «секта» законодательно. В гражданском обществе есть вещи, которые граждане должны сами решать между собой, не привлекая властные структуры. В законе нет определения «арбуз», но это не значит, что мы не можем этот арбуз есть либо должны молчать, если видим, что он некачественный.

— В Вашей миссионерской практике проходит много встреч и бесед с разными людьми. Не несут ли подобные встречи признаков современного пиара?

— Некоторые считают меня маловером, некоторые — фанатиком. Но фанатизм я понимаю по-другому. Изначальное значение слова «фанатик» — это «смертник», то есть человек, способный умереть ради своей идеи.

Я очень не хотел бы сорваться до уровня пропаганды Православия. Я получил отвращение к пропаганде еще с советских времен. У меня есть средство собственного контроля — это то, что я постоянно выступаю в молодежной аудитории, особенно если это — университетская среда.

А молодежь очень чувствительна к подобным вещам, и если она почувствует в отношении себя какую-нибудь пропаганду, то немедленно продемонстрирует свое недоверие.

— А какую цель Вы ставите, вступая в диспуты с сектантами?

— В принципе, я не веду полемику с сектантами. Здесь одно из двух: или я просто беседую с ними как с людьми, а не как с сектантами,— и это просто человеческий разговор, или я делаю вид, что веду полемику с сектантами, но на самом деле я обращаюсь прежде всего к людям, которые присутствуют рядом. И я не ожидаю, что наша беседа кончится тем, что какой-нибудь кришнаит бухнется на колени и скажет: «Ах, простите, где же я был?..». Нет. Задача в том, чтобы наблюдение за нашим диспутом людьми «со стороны», которые никуда еще не отнесли сами себя, понудило их к выбору. Пусть человек в итоге скажет: «Хорошо, я не могу себя еще назвать православным, но я посмотрел и точно убедился, что, скажем, адвентизм — это вещь еще менее вкусная, чем Православие».

А иногда имеет смысл войти в разговор сектанта с пойманными им собеседниками просто ради того, чтобы сбавить проповедническую «суггестию» и позволить людям более рационально воспринимать возвещаемые им «трансцендентальные истины».

Летом 2005 г. в Иволгинском дацане (это центр российского буддизма и находится он в Забайкалье, в Бурятии) я наблюдал такую сцену: группа москвичей безропотно слушала все, что рассказывал ей местный монах. Во мне началось столкновение двух императивов: долг гостя не позволяет критиковать хозяев, но долг христианина не позволяет безучастно смотреть на то, как несколько крещеных душ соскальзывают в язычество. Тогда я просто присоседился к этой группке. Через некоторое время монах подводит нас

к стеллажам, прикрепленным к стене храма. Полки заставлены сотнями различных изображений Будды. И тут все же я подал голос: «Скажите, а почему у вас здесь нет канонического изображения Будды?».— «А что Вы имеете в виду?».— «Насколько я помню, тело истинного Будды должно обладать тридцатью двумя знаками. Некоторые из них тут видны. Но ведь еще и фаллос у Будды должен быть как у коня*. А на этих изображениях сие не видно». Монах пояснил, что да, в текстах это именно так, но в иконографии встречается редко... Продолжения дискуссии не последовало, но, надеюсь, все же гипнотичность экскурсии была немного рассеяна...

— Подобные диалоги всегда заканчиваются мирно?

— По-разному. Иногда мордобоем. В Томске один активный «рериховец» прямо-таки набросился на меня с кулаками. А это, как вы знаете, признак отсутствия духовной силы. У меня для таких случаев всегда при себе черный пояс, не по карате конечно, а чтобы прятать за него руки, дабы не дать сдачи, чего все же требует мое мужское естество.

Иногда к моим оппонентам приходит понимание. Однажды в Москве я пришел в семинарию пятидесятников и попросил разрешения прочитать студентам лекцию. В конце ее, подводя итоги, сказал им, что пятидесятническая община — не

* «В <Лакшана-сутре> сказано, что Его мужской орган, “как у Царя-коня”... другие источники поясняют значение этого образа, прямолинейно отождествляя половые органы коня (или даже слона) и Великого существа... Если судить по тантрическому искусству ваджраяны Индии и Тибета, изображавшему будд и бодхисаттв с лингамами огромных размеров (исходя из пропорций тела), то надо признать справедливость таких отождествлений, которые показывают, что Великое существо и в этом отношении, как и во всем остальном, превосходит известные человеческие мерки» (*Андросов В.* Будда Шакьямуни и индийский буддизм: Современное истолкование древних текстов. М., 2001. С. 356. Примечание 24). Кстати, еще один признак истинного Будды: руки достигают колен, когда Будда стоит прямо (см.: Там же. С. 360).

Христова Церковь. Студенты, как и следовало ожидать, сильно обиделись. Но через три месяца приходят ко мне преподаватель этой семинарии и несколько семинаристов и говорят: «О. Андрей, вы нас так сильно обидели тогда, и мы стали изучать Православие, чтобы опровергнуть вас. Но, углубившись в чтение литературы, пришли в итоге к тому, что вы были правы. Скажите, как нам перейти в Православную Церковь?».

— Почему Вы так много внимания уделили именно Рерихам?

— Дело в том, что сегодня в России самая массовая форма религиозного мышления — это оккультизм. А в оккультизме самая цементированная и авторитетная, даже для светских людей, группка связана с Рерихами. Меня интересует не столько даже критика их доктрин — это уже давно пройденный этап,— мне гораздо интереснее другое: через сопоставление с этими радикально антихристианскими доктринами многое становится понятнее во внутренней логике самого христианства. Потому что христианское вероучение, апостольское, святоотеческое учение, даже сам канон Нового Завета,— слагались в эпоху, когда Церковь жила в оккультно-языческом окружении. И сейчас это оккультно-языческое окружение снова вокруг нас, и многие вещи, которые могли быть непонятны в «спокойном», «христианском» XIX в.,— сегодня становятся гораздо яснее. Интеллигенту XIX в. было бы очень трудно объяснить, зачем нужна святая вода. В начале XXI в. это объяснить уже легче.

— О. Андрей, во время Ваших общегородских лекций в нашем городе не возникло открытой полемики с сектантами, в частности с «рериховцами». Что означает для Вас такое молчание? Это победа или поражение?

— Для меня это тоже удивительно. Не только из устной речи, но даже по запискам не было заметно присутствия сектантов в зале. При этом я из многих источников знаю,

что они там были, слушали мои выступления. Но при этом молчали. Может, просто сектант нонче пуганый пошел? Впрочем, у «рериховцев» есть такая тактика – обычно они ждут, когда я уеду из города, а потом, когда я уже не могу ответить, начинают реагировать.

А в общем я рад, что удалось избежать полемики с сектами. Почему-то некоей печальной чертой моего имиджа является слух, что я – «сектоед». На самом деле мне гораздо интереснее и важнее говорить о своей вере.

– А правда, что Вы во дворе своего храма в Москве публично сжигали рериховские книги?

– Это из области черного пиара или галлюцинаций. Я ни в каком публичном сожжении книг не участвовал. Конечно, время от времени я чищу свою библиотеку, но никаких публичных акций из этого не делаю, а книги Рериха тем паче собираю для работы.

– Вы получаете сдачи от тех же «рериховцев»?

– Ненависть со стороны «рериховцев» скорее смешит. Они уже три книжки против меня выпустили. Уровень аргументации таков: «Настенька спросила: "Почему в сказке ножки у избушки не куриные, а курьи?"». Дядя ей отвечает: «Корень "кур" необычный. Поле битвы света и тьмы – Куру зовется». Дальше идет пересказ сюжета «Бхагавадгиты» о битве при Курукшетре. Затем – Куликова битва и Курская битва. И вывод: «Значит, все битвы, чьи имена включают корень "кур" – это битвы света с тьмой». «Дядя, почему же у избушки на курьих ножках ног-то – четыре»,– спрашивает девочка, и после этого начинается долгое повествование о битве «рериховцев» с Кураевым...* Впрочем, если уж удаляться на поиски экзотических этимологий моей не то чеченской, не то татарской фамилии, то смиренно замечу, что латинское слово kura – «забота», от-

---

* См.: *Владимиров А.* В поисках Православия. Современники. М., 2000. С. 35–39.

сюда «курия» — сенат (см.: *Блаженный Августин.* О Граде Божием. 10, 7). А еще κύριος по-гречески — «господин» (наши древнерусские чтецы нередко читали κύρ- не: *кир-*, а: *кур-*; получалось: *курие элейсон* (κύριε ελέησον — «Господи, помилуй»); отсюда слово «куролесить»).

— Но ведь и Вы не остались в долгу: «Сатанизм для интеллигенции», книга о Рерихах и Православии,— чего стоит!

— «Рериховцы» не стали спорить со мной на философском уровне. Они предпочли в каждой антикураевской публикации твердить, что Кураев — прожженный карьерист. Он якобы вовремя понял, что атеистическая система рушится и поэтому быстренько начал делать себе карьеру в Православии.

Ни одной атеистической лекции я в жизни не читал (свидетелей противоположного прошу откликнуться). Единственное «комсомольское дело», которое я сделал,— это организовал для одного ПТУ, над которым шефствовал университет, концерт рок-группы «Воскресенье» (сегодня это кажется мне уже символичным).

Да, а уже для студентов кафедры атеизма я организовал посещения Музея древнерусской культуры (об этом может рассказать о. Александр Салтыков) и иконописного зала Третьяковской галереи. Там экскурсовод меня напугал, а моих коллег насмешил тем, что, показывая на икону святителя Николая Чудотворца, сказал: «Посмотрите на этот лик. Эта икона замечательна тем, что на ней мы впервые видим лицо типичного русака, а не грека. Вот у этого юноши (он показал на меня) в старости точно такое лицо будет!».

В Церковь я пришел еще в 1982 году. «Перестройкой» тогда и не пахло. Сегодня это со стороны кажется «перетеканием из одной идеологии в другую, где для него открылись карьерные перспективы»*.

---

* *Шапошникова Л.* Подвижничество диакона Кураева // Защитим имя и наследие Рерихов. М., 2001. Т. 1: Документы. Публикации в прессе. Очерки. С. 356.

Впрочем, «рериховцы» воспитаны в таком презрении к людям, что им в голову не приходит, что кто-то может быть с ними несогласен из мировоззренческих, нравственных, научных, а не из «корыстно-карьерных» побуждений. Эта их фантазма о моем карьеризме немало говорит о самих «рериховцах». Один из признаков тоталитарности сознания – это неспособность понять, что человек может искренне меняться. Равно как и неспособность понять, что твой оппонент может быть не согласен с тобой по велению своего разума и совести. «Рериховцы» же все время считают, что их враги или подкуплены кем-то, или одержимы темными духами. А это уже опасно. Это признак тоталитарного мышления,– когда твоя позиция кажется тебе единственно нормальной. Если такие люди дорвутся до серьезной власти, мало никому не покажется.

– Есть вероятность, что такое получится?

– Массовое сознание в России, да и во всем мире, сегодня скорее оккультное, нежели христианское. Поэтому нельзя исключать, что через несколько поколений могут и в политике оказаться люди, ориентированные на оккультное мировоззрение. В конце концов, если даже Геннадию Зюганову график жизни дочь составляет по гороскопу, а у Бориса Ельцина был личный астролог, то я не вижу оснований для беспечального созерцания современного политического бомонда.

– Известно Ваше мнение о том, что распространение рерихианства и иных форм оккультизма является угрозой для национальной безопасности России.

– Во-первых, мое возмущение деятельностью рериховских кружков и иных подобных сект вызвано не тем, что эти люди думают иначе, чем я, и придерживаются других религиозных и философских убеждений.

Моя личная неприязнь к рерихианству в меньшей степени определена тем, что я христианин, а скорее уж тем, что я вырос и воспитан в научной среде. Так что мое отвращение к оккультной литературе вызывается тем безмыслием, которое царит там. Абсолютная фантастичность всех построений, отсутствие элементарной культуры логического и научного мышления. Возьмите любую книгу из «Агни-Йоги» и вы увидите, что в них нет никакого проблеска научного мышления, нет реальной работы с источниками, нет анализа текстов, нет логически развивающегося философского сюжета. Любые параграфы в этих книгах можно спокойно поменять местами.

Оскорблено не религиозное мое чувство, а просто человеческое, нравственное. Проповедовать другие взгляды можно, но нельзя сознательно врать. Рерихианство проповедует доктрины, враждебные христианству. Что ж — имеют на это право. Но зачем при этом заявлять, будто оно и есть христианство? Так авторитет христианства используется для распространения совсем не христианских идей. У меня вызывает протест очевидная некорректность их поведения.

Я ведь тоже мог бы использовать подобный прием. Я тоже знаю такие волшебные слова, которые могут производить совершенно неотразимое впечатление на аудиторию. Например, я могу прийти к студентам или к старшеклассникам и произнести одно-единственное слово, эффект от которого будет таков, что все девочки останутся «соломенными вдовами», а все пацаны построятся в шеренгу и в ногу зашагают за мной. Это волшебное слово — «шаолинь». Мне достаточно зайти в класс и сказать: «Дети, я послан к вам от имени китайского монастыря Шаолинь, и тот, кто выйдет сейчас со мной за дверь, будет посвящен в тайну удара левой пяткой по правому уху». Но со вздохом сожаления я должен отказаться от использования этого проповеднического приема,— потому что, хоть он и эффективен, но некорректен: к китайскому монастырю Шаолинь я не

имею ни малейшего отношения... Рериховские же проповедники не стесняются заверять в своей вымышленной генеалогии: мы, мол, от Сергия Радонежского, от Иоанна Кронштадтского, мы — православные.

Впрочем, однажды — в 2001 г.— на мою лекцию зазывали именно так. Листовка московского оккультного центра «Путь к себе» гласила: «23 ноября. Православие в “эпоху Водолея” *(духовно-просветительский цикл).* “Секретные мистические практики православных аскетов. Путь к обожению”. Диакон Андрей Кураев, известный богослов, автор популярных книг. Начало в 18.30»*. Я не смог прилететь на ту лекцию (застрял где-то в Сибири). И эту листовку обнаружил в Интернет-архивах только спустя пару лет. Попадись мне она на глаза перед лекцией — я потребовал бы ее убрать. Но у оккультистов свои рыночные принципы...

Поэтому при знакомстве с текстами «рериховцев» прежде всего было возмущено мое нравственное чувство. Второй шок испытали уже мои научные принципы. Я привык к тому, что оппоненты приводят рациональные доводы в подтверждение своих суждений. Например, услышав рериховское заявление о том, будто в древности христиане верили в переселение душ, я, с присущим мне занудством, спрашиваю: «Пожалуйста, приведите тексты!». В ответ — молчание. Я, со своей стороны, привожу десятки текстов раннехристианских авторов, полемизирующих с идеей переселения душ. Тогда мне говорят: «Ну да, действительно, текстов мы привести не можем, но это потому, что вера в реинкарнацию была тайным эзотерическим учением, и именно поэтому оно не фиксировалось письменно».— «Что ж, если так, давайте говорить на этом языке, языке эзотерики,— отвечаю я.— Итак, внимайте мне, други. Ныне я уполномочен объявить вам последнюю тайну. Я — это перевоплощение души Николая Константиновича Рериха. И за то время, которое я про-

* См.: http://yampole.dtn.ru/php4/news/archiv.phtml?id=1325&start=20.

вел в нирване, я, в частности, понял, что в прежней своей жизни я во многом ошибался, и поэтому сейчас, приняв имя Андрея Кураева, я исправляю те свои ошибки, которые допустил в той жизни, в которой носил имя Николая Рериха. Я, например, понял, что переселения душ вовсе нет»...

Все наши дискуссии всегда имеют один и тот же сюжет. Они начинаются с того, что «рериховцы» мне заявляют: «У нас-то синтез науки, философии и религии в придачу, а у вас, у православных, сплошные догматы и никакой научности нет». Через полчаса разговора я слышу: «Ну какой вы рационалист! Ну нельзя так! Что вы все время требуете доказательств и аргументов?! Тут голосуй сердцем, "понимашь" ли». В эту минуту мне важно привлечь внимание слушателей и попросить их запомнить: кто на самом деле первый начал убегать в мистические тайны и говорить, что разумом наши убеждения не обосновать, что они строятся на голосах и откровениях.

К моему величайшему сожалению, из нашей жизни ушло то словечко, которое очень меня пугало в пору моей юности: «Обоснуйте!». Представьте, я студент второго курса. В своем собственном понимании я уже корифей всех наук. Ведь, готовясь к семинару, я прочитал пару статей на нужную тему, то есть я уже знаю все и даже немножко больше. И вот я делаю доклад на семинаре, провожу смелые аналогии, обобщения. Легкость в мыслях необыкновенная, и я так смело воспаряю к небесам. Будь у меня еще две минуты, я бы наверняка открыл «всеобщий закон всего». И тут преподаватель смотрит на меня поверх очков и скучным голосом говорит: «Обоснуйте, коллега!». И вся эта поэзия, весь полет уходит, и приходится искать конкретные аргументы.

Сегодня же можно нести любой бред, гневно отвергая требования «научной инквизиции»: «При чем тут "обоснуйте!"? А я так вижу. А это моя точка зрения. И вообще – мне

вчера голос был! Хотите проверить? Как выйдете в астрал — так сразу направо!». Сегодня разрешается уши своих собеседников украшать любыми макаронными изделиями.

Осенью 1997 г. в Нижнем Тагиле была у меня встреча со школьными учителями. После моей лекции встает один педагог и заявляет: «Все, что Вы говорили про буддизм,— неправда. В буддизме всего этого нет, там все ровно наоборот». У меня не было ни малейшего желания разворачивать дискуссию, поэтому я ему опять же довольно-таки скучным голосом сказал: «А Ваши, простите, источники? Я говорю о буддизме не как богослов, а как профессиональный религиовед, старший научный сотрудник Кафедры религиоведения МГУ. Свои суждения я опираю на работы серьезных и профессиональных ученых-востоковедов — Федора Щербатского, Оттона Розенберга, Сергея Ольденбурга, Алексея Позднеева, Владимира Шохина... А Вы откуда черпаете свои познания о буддизме?». И тут мой оппонент сказал замечательную фразу: «А для меня мир буддизма открылся через книги Еремея Парнова». На этом дискуссию пришлось закрыть: ибо, если человек судит об Индии, ее истории и мысли по книгам писателя-фантаста, тогда общего поля для дискуссии у нас просто нет.

«Рериховцы» нарушают элементарные правила диалога. Диалог предполагает за собеседником право самому формулировать предметы своей веры, своих убеждений. Я христианин, я лучше знаю свою традицию. Позвольте мне самому формулировать, в чем моя вера. Вы можете со стороны критиковать эти христианские тезисы, но вы не можете в качестве христианской или буддистской веры презентовать все, что вам пожелается.

Зачем же нужна им эта маскировка (а кстати, именно по ней можно безошибочно отличить секту)? О том, зачем новоявленные сектанты прибегают в таким рекламным трюкам, мне сказал однажды сам «Христос». Да, я однажды три часа

беседовал с «Христом». «Христом» называл себя некий Виссарион из Минусинска. Бывший участковый милиционер Сергей Тороп после выхода из психлечебницы объявил, что он стал Христом. Он посмотрел фильм «Иисус из Назарета». И с тех пор стал подражать тому актеру, который играл роль Христа: одежда, манера говорить, прическа — все у него оттуда... Между прочим, он стал очень популярной фигурой среди московской и питерской интеллигенции. Три часа я беседовал с этим товарищем. По ходу дела выяснилось, что он совершенно не знает буддизма, хотя заявляет: «Мы соединим христианство и буддизм, мы — община единой веры!». Я спрашиваю: «Как же Вы заявляете, что Вы — мессия, сын Божий на земле, а буддизма не знаете? Мессия обязан все знать». Должен признать, что нашелся он гениально в этой ситуации. Он ответил: «Ну и что, что я не знаю буддизма? Буддизм — это ложь, а мессия не обязан знать лжи».— «Я тоже, честно говоря, считаю буддизм ложью, но при этом не заявляю, что я собираюсь примирять буддизм и христианство, а Вы заявляете. Как же можно объединять истину и ложь?». Он сказал: «На самом деле я понимаю, что истина только со мной, истина — только в Библии, но для того, чтобы привлечь народ, я заявляю, что все религии равны». Здесь он, по крайней мере, был честен.

Дело в том, что те секты, которые называют себя объединяющими все религии, на самом деле проводят разделение. Они как бы «усыпляют» людей для того, чтобы люди не заметили сразу, куда их затащили. «Да,— говорят человеку,— будь христианином, это замечательно, но и в язычестве есть замечательные идеи, и вообще Бог един и все религии одинаковы, и потому для христианина не опасно и не зазорно идти путем язычества».

Усыпленный такими причитаниями человек не замечает, как он потихоньку переходит в язычество и отрекается от Христа. Чтобы он не успел осознать свою потерю, ему и делают такую «анестезию».

Впрочем, иногда бывают случаи и противоположные. В 80-е гг. я знал одного юношу необычной судьбы. Он был технарь до мозга костей, учился на инженера и между делом занимался бегом. Поскольку для легкой атлетики нужна хорошая «дыхалка», решил хатха-йогой заняться. Нашел соответствующие книжки, увлекся. Пошли медитации, начались поиски литературы по восточной философии, в том числе религиозной... И вот однажды — читает он самиздатский йоговский трактат (повторюсь, шли 80-е гг., и открыто на эту тему ничего не издавалось) и вдруг доходит до места, где утверждается, что все религии — суть одно и то же, это просто разные пути к одной и той же вершине. Эта фраза произвела в юноше целый переворот. Дело в том, что она была рассчитана на западного читателя, на христианина. Задача автора трактата была в том, чтобы выманить человека из христианства: «Все одинаково, поэтому из христианства не страшно уйти в буддизм». А тут эту агитку вдруг прочитал советский варвар, который с детства о христианстве слова доброго не слышал. Но он опытным путем пришел к йоге, буддизму, для него все это авторитет. И вдруг эти же йоги ему говорят: «Ты знаешь, христианство — это "тоже хорошая" вещь». И в его сознании гремит гром, сверкают молнии в очах, и он спрашивает себя: «А зачем же я тогда занимаюсь буддизмом, если все религии одинаковы, а я живу в Москве, где днем с огнем не сыскать буддистского храма... Так я лучше пойду в православный храм на соседней улице». Но что он знает о христианах? Только то, что у христиан принято молиться по воскресеньям с утра. И он идет в храм утром. Но сами понимаете, что такое воскресное утро для студента-старшекурсника. Уважающий себя студент вообще раньше третьей пары в институт не приходит, а тут еще воскресенье, когда надо отоспаться на неделю вперед. И приходит он поэтому аккурат к концу службы. А в конце службы, как известно, пра-

вославные христиане причащаются. Он видит: стоит толпа у алтаря, и чего-то дают. Срабатывает советский рефлекс «дают-бери», и чуть не с криком: «Мне двойную порцию, пожалуйста»,— он бросается к Чаше. Бабушки расступаются (в то время молодое лицо в церкви было такой редкостью, что, по признанию одного архиерея, ему при виде старушечьих морщин хотелось сказать не: «Виноград сей», а: «Изюм сей»*). Священник ни о чем не спрашивает — и юноша причащается. Причем он был некрещеным человеком, совершенно не знающим, что такое Причастие. Естественно, он не исповедовался, естественно, он перед Причастием плотно поел... То есть он нарушил все церковные правила. Но в том то и дело: в отличие от кармы, Бог христиан — это личность, которая выше всех законов, в том числе и законов благочестия. Поэтому Господь дал юноше ощутить, какая великая святыня из Чаши перешла в него. Этот парень мне рассказывал, что, когда он причастился, необыкновенное состояние в сердце воцарилось — такая радость, такой мир, такое счастье. Никогда ничего подобного он не испытывал. Он поспешил домой, чтобы тут же по своему оккультному справочнику проверить: как это состояние называется? это уже нирвана или еще нет? Но стоило ему только взять в руки этот свой оккультный самоучитель, как радость из сердца ушла. «Я понял,— сказал он,— что то и другое несовместимо».

Этот пример ясно показывает, чего стоят рассуждения о том, будто разница между религиями состоит только в обрядах, а не в сути. Нет, за разнообразием обрядов стоит какая-то сущностная разница. Вспомним: многие десятилетия римской истории прошли под лозунгом: «Carthago delenda

* В Чине архиерейской службы есть молитва, когда епископ осеняет народ крестным знамением с произнесением возгласа: «Призри с небесе, Боже, и виждь, и посети виноград сей, и утверди и, егоже насади десница Твоя!».

est» («Карфаген должен быть разрушен»). Эта фраза стала поговоркой, но мы как-то не задумываемся: «А за что Карфаген должен быть разрушен?». Мы говорим: «Ну, мол, имперское сознание, оно такое фанатичное». Ничего подобного. Любая империя всегда терпима к своим окраинам, иначе она не будет долговечной. И Римская империя – не исключение. Мы не знаем из истории ни одного случая, чтобы римляне начали войну с другим народом с целью уничтожения его, кроме истории Пунических войн, войн с Карфагеном. Я думаю, одна из причин ожесточенности этих войн со стороны Рима заключалась в возмутительной дикости карфагенской религии. В жертву карфагенскому божеству по имени Ваал (отсюда: Ганнибал – «воин Ваала») приносились дети. И для римлян это было слишком омерзительно. Карфаген – не самостоятельная культура. Карфаген – колония Финикии. Финикийцы же – это семитское племя, это двоюродные братья евреев. И в те самые времена, в которые финикийцы сжигают младенцев в жертву своему богу, в соседней стране, в Палестине, другие семитские Пророки (древнееврейские) говорят: «Вот жертва, которую желает Господь: накорми голодного, приюти нищего».

Неужто и между этими двумя религиями разница только в обрядах? Поэтому я хочу сказать: сегодняшние призывы: «Даешь мир между религиями!» – похожи на приказ какого-нибудь гипнотизера: «Спите! Не думайте!». Там, где есть мысль, проводятся разграничения. Мысль всегда ищет определенности, ясности. Воспитанная мысль различает даже оттенки, не говоря уже о более важных вещах. Поэтому популярные ныне синкретические культы типа рериховских способствуют угасанию разума в религиозно-исторической сфере.

– Для Вас все, что вне Православия,– сатанизм?

– Это излюбленный тезис рерихианской полемики со мной: «Если духовность нехристианская, то, по Кураеву,

она — сатанинская»*. На самом деле это не так. Для меня сатанизм — это вполне четкий термин. Я не считаю сатанизмом атеизм, язычество, даже антихристианство типа ницшеанского или ленинского. Чтобы быть сатанистом, человек должен быть религиозным. Он должен признавать религиозную серьезность Библии. Он должен пользоваться Библией, предлагая свои истолкования ключевым библейским сюжетам. Но при этом сатанист оправдывает действия именно сатаны-Люцифера. Сатанизм есть там, где есть апология Люциферова бунта и апология первородного греха.

Есть это в текстах Елены Блаватской и Елены Рерих? Да. «Разъясним этот вопрос раз и навсегда: тот, на кого священство *всех* догматических религий, преимущественно христианских, указывает как на Сатану, врага Бога, в действительности является высочайшим божественным Духом — Оккультною Мудростию на Земле,— которая естественно антагонистична каждой земной, преходящей иллюзии, включая и догматичные или церковные религии»**. «Естественно рассматривать Сатану, Змия в книге Бытия, как истинного создателя и благодетеля, Отца Духовного Человечества»***. «Люцифер есть божественный и земной свет, “святой Дух” и “Сатана”... есть Карма Человечества»****. «Теперь Сатана будет явлен в сокровенном Учении как аллегория Добра и Жертвы, как Бог Мудрости»*****.

---

* *Шапошникова Л.* Подвижничество диакона Кураева. С. 369.

** *Блаватская Е.* Тайная Доктрина. Рига, 1937. Т. 2. С. 473.

*** Там же. С. 303–304.

**** Там же. С. 644. Уже упоминавшиеся «Планетарные Духи», те самые, которых сама Блаватская называет «Космократорами» и о которых говорит, что «они никогда не имели никакого отношения к Духу»,— так вот именно «Планетарные Духи, которые не являются Дхиани-Буддами, полностью связаны с землей, физически и морально. Они управляют ее судьбой и судьбами людей. Они являются Кармическими Силами» (*Блаватская Е.* Комментарии к «Тайной Доктрине». М., 1999. С. 64).

***** *Блаватская Е.* Тайная Доктрина. Т. 2. С. 296.

«Змей – величайший Свет в нашем плане»*. Теософы заявили, что вообще нет другого Бога, кроме Люцифера: «Именно Сатана является Богом нашей планеты и *единым Богом*, и это без всякого аллегорического намека на его злобность и развращенность. Ибо он един с Логосом»**. «Дьявол не есть "Бог этого периода", ибо это есть Божество всех веков и периодов с момента появления человека на Земле»***.

Сами же Рерихи дают крайне расширительное толкование понятия «сатанизм»: «Можно составить треугольник – иезуиты, разведка Англии, разведка белая. Так утвердилось воинство Сатаны»****. «Иезуиты – подлинные сатанисты»*****. «Фуяма не должен ждать добрых вестей от сатанистов. Заметьте, что они особенно кричат о Христе, их задание – разлагать и смущать сознание»******. «Имеются сатанисты и хуже большевиков»*******. «По приказу Моему будет преследоваться безбожие, которое приняло вид самого явного сатанизма»********. Вспомним и письмо Рериха, упоминающее о людях, говорящих, «что я буддист, большевик и масон. В злобной клевете эти сатанисты...»*********.

Но разве сатане кланялись атеисты? Разве приносили в жертву кошек или младенцев иезуиты или английские разведчики? Разве человек, который говорит о Рерихе как о коммунисте, или о масоне, или о буддисте, уже тем самым

---

* *Блаватская Е.* Тайная Доктрина. Т. 2. С. 269.

** Там же. С. 293.

*** Там же. С. 609.

**** Агни-Йога. Высокий Путь. М., 2002. Ч. 2: 1929–1944. С. 351.

***** Там же. С. 354.

****** Там же. С. 616.

******* Там же. С. 594.

******** Мир Огненный. Новосибирск, 1991. Ч. 2. С. 52.

********* Письмо Н. К. Рериха Г. Д. Гребенщикову от 24.06 1933 г. // Утренняя звезда: Научно-художественный иллюстрированный альманах Международного центра Рерихов, 1994–1997. М., 1997. № 2–3. С. 318.

совершает сознательно богоборческий поступок? Рериховское понимание сатанизма нельзя не признать слишком растянутым, искусственно-полемическим.

И снова очевидны двойные стандарты «рериховцев»: когда им хочется заклеймить оппонента, то они и атеиста, и христианина будут честить «сатанистами», то есть придавать этому слову максимально расширительное значение, но когда христианские богословы говорят о сатанинских нотках в теософском учении, «рериховцы» предпочитают понимать сатанизм предельно узко.

— Название Вашей книги «Сатанизм для интеллигенции» кажется мне несколько резким. Может быть, стоило дать название помягче?

— Все время, пока писалась книга, я хотел уйти от этого названия (которое сам же предложил как один из нескольких вариантов). Искал варианты, советовался с издателями, редакторами. И в конце концов понял, что так будет честнее перед читателями. Книга действительно написана резко, и ее вывод выносится в заглавие. Но этот вывод обосновывается тысячью страниц текста. В книге приводятся реальные примеры откровенной лжи Блаватской и Рерихов. Как я мог изменить свой диагноз, если, повторюсь, Елена Блаватская прямо пишет: «Разъясним этот вопрос раз и навсегда: тот, на кого священство *всех* догматических религий, преимущественно христианских, указывает как на Сатану, врага Бога, в действительности является высочайшим божественным Духом — Оккультною Мудростию на Земле,— которая естественно антагонистична каждой земной, преходящей иллюзии, включая и догматичные или церковные религии»*? Дело в том, что не все люди, симпатизирующие Рерихам, дали себе труд прочитать «Тайную Доктрину» Блаватской и подумать над ней.

* *Блаватская Е.* Тайная Доктрина. Т. 2. С. 473.

Именно поэтому я вижу цель своей преподавательской, публицистической и лекторской деятельности в том, чтобы вновь и вновь повторять: у разума и рациональности есть свои права и в области религии. И поэтому не позволяйте украшать свои уши макаронными изделиями. Спрашивайте аргументы. Думайте, сопоставляйте.

Взять, к примеру, модную нынче кармическую теорию. Как можно совместить кармическую веру в то, что прошлое целиком определяет наше настоящее, с призывами к свободному творчеству?

В кармической философии нет никакого «Я». Есть всего-навсего сочетание психофизических элементов («поток дхарм», говоря буддийским языком), которые и слагаются в иллюзию самости. И каждая из этих частиц обусловлена чем-то прошлым. Так что в вашем сегодняшнем сознании нет таких мотивов, мыслей и эмоций, которые не были бы порождены прошлым, и поэтому на самом деле некому принимать решения здесь и сейчас.

— Насколько я знаю, теория кармы подкупает людей идеей справедливости. Как говорится, что посеешь, то и пожнешь. Все просто и понятно.

— Дело в том, что христианство как раз и начиналось с бунта против справедливости. Замечательны слова преподобного Исаака Сирина, сказанные в VII веке: «Не называй Бога справедливым. Потому что, если Бог справедлив, я погиб».

Христианство — это путь любви, которая выше закона. В опере Шарля Гуно «Фауст», когда умирает детоубийца Маргарита, Мефистофель говорит: «Осуждена!», а хор Ангелов настаивает: «Спасена!». (Впрочем, в русском переводе это различие реплик стерто, и мефистофелевское «Jugée!» — уравнено с ангельским: «Sauvée!». И дальше хор Ангелов во французском оригинале поет: «Христос

Воскрес!»,– а в русском переводе: «Есть правда в небесах!»,– хотя Маргарита помилована не по «правде», а по милости.)

Вспомним еще, что русская литература начинается с проповеди Киевского митрополита Илариона «Слово о законе и благодати». Благодать и любовь выше закона. И если Бог есть любовь, то при чем здесь карма? Бог может прощать там, где карма велит казнить.

— Уж коли мы коснулись темы справедливости, не могу не задать Вам один вопрос. Известно, что с принятием крещения человек получает отпущение старых грехов. Предположим такую ситуацию: некто, на протяжении всей своей жизни много и долго грешивший, незадолго до смерти принимает крещение и таким образом как бы получает «фору» перед человеком, крещенным в детстве, но за свою долгую жизнь много раз оступавшимся.

— Этот вопрос заставляет обратиться еще и к теме различия Православия и западного христианства. Перед западным богословием (и в католичестве, и в протестантизме) вопрос, поставленный вами, возникает вполне естественно. И этот вопрос не получает убедительного ответа. Но для Православия такого вопроса не существует. Потому что в Православии спасение не просто прощение греха, а соединение с Богом.

И если для протестантского мышления спасение — это некое отрицательное понятие, то есть избавление *от* чего-то, *от* греха, *от* наказания за грех, то в Православии спасение есть позитивное понятие — соединение во Христе, соединение с Богом. Да, на человека, прожившего всю жизнь вне заповедей, вне благодати Христовой и лишь на смертном одре принявшего крещение, Господь не будет гневаться за грехи. Но дело в том, что человек своими грехами все равно свою душу изуродовал. Представьте себе инженера,

по вине которого произошла какая-то серьезная технологическая катастрофа, та же чернобыльская авария. И вот на смертном одре на тюремной койке он получает помилование. Его вина прощена, но последствие этой вины он несет в себе. Он уже отравил свою душу и сжег свое тело. Он умирает от радиации и болезней. Так и человек, проживший всю жизнь во грехе.

Если его душа при жизни так и не смогла встретить Христа, насытиться Светом, то будет ли ему в радость встреча и вечное предстояние перед Христом,— перед Тем, от Кого он всю жизнь убегал? Да, своим предсмертным покаянием он спас себя от вечного без-божия, но и полноту духовных даров Христа он в себя не вместит (по крайней мере на первых шагах своего возрастания в вечности).

— Если продолжить тему справедливости, невольно возникает еще один вопрос. Получается, что у человека, родившегося в стране, исповедующей Православие, намного больше шансов обрести спасение, нежели у человека, родившегося, скажем, в буддистской стране?

— Как вы отнесетесь к рассуждению человека, который скажет: «Да, мне повезло. Я лечусь в хорошей больнице, а где-то люди вообще не получают медицинской помощи. Страшные эпидемии идут одна за одной. И я, пожалуй, из солидарности с ними тоже перестану лечиться»? Вряд ли вы назовете это очень умным решением. Напротив, надо использовать имеющиеся врачебные средства, чтобы стать здоровым и быть в состоянии помочь своим душевным и телесным трудом всем нуждающимся в этой помощи. Это и есть самоощущение христианской Церкви.

Вообще христианство смотрит на мир совсем не так, как смотрит на него современное миропонимание. Нет в христианстве идеи о том, что человек рожден для счастья, как птица для полета. Он, конечно, призван к этому счастью, но к нему

надо восходить с огромным трудом. Во всех религиях мира есть учение о каком-то изначальном грехе, ошибке, катастрофе. Во многих религиях есть учение о потерянном Боге. Не просто о потерянном рае, а именно о потерянном Боге. И эту потерю язычество пробует заменить суррогатами в виде всевозможных духов, демонов, мелких божков. Не найдя Бога, язычество перестает Его искать. А где нет Бога — нет Жизни.

Оттого-то идея о том, что *все* люди идут в ад, присутствует во многих религиях древности. В шумерских, скандинавских. То же самое мы встречаем в «Одиссее» Гомера, об этом плачет Екклесиаст. И вот на этом фоне звучит евангельская радость: спасение возможно хотя бы для желающих его.

Но сегодняшняя гедонистическая культура требует от Христа: «Мы в Тебя не верим, но Ты все равно нас спасешь, правда?». Что ж, христианство обречено на то, чтобы дерзить и противоречить этим странным ожиданиям.

— Как Вы чувствуете себя после такого количества оккультной литературы?

— Как ассенизатор после рабочего дня!.. И поэтому в ближайшее время я никакими сектами заниматься не хочу, а хочу хоть немножко подышать чистым воздухом христианской мысли и святоотеческой письменности.

— Интерес к оккультизму и в самом деле довольно неожидан для нашего в общем-то безрелигиозного общества. Что Вы думаете о природе этого интереса?

— Я бы не сказал, что наше общество безрелигиозно. Напротив. По моим наблюдениям, сегодня в России количество верующих раза в три превышает количество жителей. Попробуйте провести небольшое социологическое исследование. Выйдите на свою лестничную площадку, позвоните во все квартиры и спросите: «Вы собираетесь праздновать Пасху?». Никто не скажет «нет». В следующий

раз спросите: «А вы слышали последнее пророчество астрологов? На следующей неделе, понимаете ли, надо все деньги из банка забрать». Вам ответят: «Да-да, конечно, заберем!». Через неделю зайдите и скажите: «А вы знаете ли, что спасение к человечеству придет через летающие тарелки? Через год они будут летать над нами и нас спасать. Они будут разбрасывать энергетические пирамидки по всей Москве».— «Ой, поскорее бы!» — услышите вы в ответ. Современное массовое сознание характеризуется не неверием, не недоверием, а всеверием. Отчасти это связано с советскими временами. С тех пор осталось убеждение, что разум и вера несовместимы. Раньше советский человек себе говорил: «Если разум и вера несовместимы, я выбираю разум, и — долой веру». Сегодня мода изменилась, но тот же стереотип, тот же шаблон заставляет делать такой выбор: «Из несовместимости разума и веры я выбираю веру, и — долой разум. Барабашки, залетайте!».

Люди готовы воспринимать любой бред, не давая себе отчета, какие этот бред влечет за собой последствия, какие обязанности возлагает на них принятая ими вера. Это и есть главное искушение оккультизма. Оккультизм — это религиозная вера, которая дает некие эзотерические «права», не возлагая ни малейших обязанностей. Этакая «быстрорастворимая нирвана», удобная в быту «Карма-кола»: легко, замечательно (две-три позы, две-три брошюрки) — и никакой серьезной ответственности и никаких перемен в жизни. А то, что примитивно-легко, то и является массовым. Это — отказ думать, отказ выбирать. Выбор всегда жесток. Надо от чего-то отказаться. А ведь так хочется с полным комфортом — на 600-м «мерседесе» — въехать сразу в Царство Небесное.

Общество в целом не может из «вечной мерзлоты» атеизма сразу шагнуть в высоту Православия. Сегодня люди обречены на то, чтобы пройти всю историю религии, начиная от нуля, и потихонечку — через мир магизма, мир оккультизма, шаманизма — дойти до Евангелия...

— Но до христианства мы уже не дойдем.

— Многие уже и сейчас доходят. И дойдут. Моя надежда — на нормальную человеческую физиологию. Я надеюсь на то, что у людей сработает рвотный рефлекс. Когда со всех сторон перекармливают оккультизмом, рано или поздно сблевать-то захочется. Однажды обомлеет человек: «Да что же это я с собой позволяю делать?! Что ж это меня с утра до ночи обзывают то голубой свиньей, то красной крысой?! Почему мою жизнь и свободу отбирают, заявляя, что я управляюсь расположением звезд?..» И вот когда человек поймет, какой отравой его кормят, он однажды вслед за Осипом Мандельштамом скажет: «Я христианства пью холодный горный воздух».

— Так все же — наше общество языческое или атеистическое?

— Я все-таки убежден, что мы живем среди язычников. Атеист — это крайне редкое существо, атеистов пора уже вносить в Красную книгу. Если он и атеист по отношению к Библии, то он совсем не атеист по отношению ко всяким гороскопам, восточным календарям и прочему.

— В чем, на Ваш взгляд, сила новых религиозных течений?

— Отчасти в примитивизме. То, что просто, становится эффективно в современном мире. У сектантов подготовить проповедника совсем не сложно. Почитал поучил Библию — и вперед с песнями (с «гуслями»). А Православие — это целая библиотека. Надо знать историю Церкви, наше богослужение, творения святых Отцов, философию и историю религии.

Главная причина успеха всех этих новых течений в их технологичности. В Православии есть фундаментальная неясность, даже для нас самих. Любой православный человек, если его спросить,— как он пришел в Церковь, скажет вам: «Да я не знаю, меня Господь Сам привел». Здесь есть

какая-то тайна личного обращения. А в сектах, напротив, все очень технологично — вот тебе мантра, вот тебе гуру, вот тебе путь. Все это очень привлекает современного человека. Но есть немногие, кого эта технологическая предсказуемость отпугивает. Вот их, тех, кто знает вкус свободы, притягивает Православие.

В любом случае рост сект — это обличение нас. Думаю, пора сворачивать десятилетнюю шарманку о том, какие сектанты страшные. Это звучит уже неубедительно. Просто Господь бросает нам вызов: «Научитесь быть христианами без надзора государства, научитесь свидетельствовать сознательно и открыто о своей вере».

— И все же секты гораздо активнее завлекают к себе молодежь...

— Завлекать-то мы как раз и не хотим. Но должны быть места возможных встреч молодежи и ее культуры с Православием.

— Неужели сегодня нельзя единым фронтом выступить против агрессии сектантов в России?

— Я знаю только одно средство противостояния всем сектам — это наше свидетельство о Православии. Но почему же мы сами сегодня так нелюбопытны по отношению к нашей собственной вере? Нелюбопытство даже самих православных к своей вере поражает.

— Россия многоконфессиональная страна. Кто настроен наиболее агрессивно по отношению к православной культуре?

— Самое агрессивное воздействие на культуру вообще идет со стороны хамства. Выставка «Осторожно, религия!» показала, что для тех, кто ее организовывал, никаких нравственных ограничений принципиально не существует. Одно дело, когда человек нецензурно бранится в силу того,

что он так просто разговаривает, другое дело писатель, который владеет всей полнотой языка, но сознательно избирает прямолинейную матерщину.

— Сектанты — Ваши любимые слушатели. В чем чаще всего они обвиняют Православную Церковь?

— Набор их упреков всегда одинаковый: начиная с: «Почему у вас попы такие толстые?» — и кончая: «Зачем иконы делаете?».

Но есть две вещи, на которые в диспутах я реагирую довольно резко. Первое — я сразу осаживаю, когда сектанты начинают пересказывать свою биографию в шаблонном стиле: «Я был неверующим, был грешником, даже курил, а потом я уверовал и стал святым, и теперь у меня грехов нет, и я счастлив и спасен». Агитштампы мне неинтересны, и я предпочитаю время на них не тратить. Второе — мне не нравится, когда они начинают рассказывать истории про нас, естественно, зеркально перевернутые. Мол, у вас попы пьяницы... Да в России столько водки нет, чтобы число пьяных попов соответствовало рассказам сектантов!

— Но недостойные служители все-таки есть в Церкви?

— Есть. Отвечу теми словами, которые Клиффорд Саймак вложил в уста мудрого епископа. «Церковь многолика,— произнес епископ,— в ней находят приют самые разные люди: просветленные, как недавно почивший отшельник, и, к сожалению, отъявленные мерзавцы. Она слишком велика, и ей уже не под силу изгонять тех, кто ее порочит; она их не замечает»*.

— А как сектанты реагируют на Вашу критику?

— По-разному. Есть такие, которые зарекаются критиковать Православие. Есть такие, которые просто переходят

* *Саймак К.* Паломничество в волшебство // *Саймак К.* Паломничество в волшебство; Братство талисмана. М., 2002. С. 91.

в Православие. Есть сектанты, которые начинают активно заниматься диффамацией, то есть распространяют про меня всевозможные дурные небылицы (Кураев, мол, к погромам призывает!).

Самая трогательная реакция — это когда сектанты обещают обо мне помолиться. Они говорят: «Ну не может такой умный человек остаться в этом дремучем Православии! Мы о Вас помолимся, и Вы обязательно к нам перейдете!».

Уже несколько лет меня заваливает письмами один тихий оккультно-помешанный из Обнинска. Он даже прислал мне график моей жизни: в 2010 г. я должен буду защитить докторскую диссертацию на тему «Тонкого мира» по материалам «Диагностики кармы» Сергея Лазарева, в 2016 г. мне предстоит стать Патриархом Русской Православной Церкви и начать менять ее в сторону слияния с оккультизмом. Кончается этот график так: «2042. Ты помер, а я уже пять лет в новом теле».

— В человеческой истории постоянно идет процесс взаимовлияния и взаимопроникновения культур, это неизбежно и естественно. О влиянии Запада на Россию говорится очень много, на эту тему написано громадное количество трудов, но в последнее время очевидно и влияние Востока, я имею в виду чуть ли не повальное увлечение так называемой восточной мудростью. Похоже, что об этом как раз мало кто задумывается всерьез.

— Вот еще одна загадка в нынешнем положении дел в России. Влияния Востока нет. То, что называется «восточной мудростью», приходит с Запада. Я могу это объяснить только тем, что в течение многих веков на Западе существовали очаги неприятия христианства, которые при начале активных контактов Европы и Востока переняли некоторые, созвучные их собственному язычеству, идеи восточной философии. Не пользуясь доверием и симпатией в христианской культуре Запада, эти языческо-антихристианские анклавы в западной

жизни сделали вид, будто они проповедуют не свои собственные доктрины, а всего лишь знакомят европейцев с «мудростью Востока». Так западный «эзотеризм» начал распространять идеи «эзотеризма» восточного. Те же Рерихи и Блаватская проповедуют на самом деле обычную масонскую философию. А при этом они говорят, что проповедуют философию восточных «махатм». К примеру, фундаментальное восточное убеждение – что Бог не является свободной и разумной личностью. Где именно в западной философии, в западной интеллектуальной культуре сохранялась эта идея? В каббалистике. Очевидно, каббалистические кружки для того, чтобы распространить свое влияние на христианскую среду, создали поле интереса к восточной языческой философии, которая в чем-то была ближе им, чем христианство. Поэтому мы сегодня видим такой странный феномен – учителей всевозможных тибетских, китайских, индийских «мудростей» с чисто западными лицами. В наши дни для пропаганды Востока гораздо больше сделал Голливуд, чем сами китайские или тибетские монахи.

– А как относится Православная Церковь к дианетико-сайентологической организации Хаббарда?

– Это однозначно религиозная организация. И проповедует она доктрины, абсолютно несовместимые с христианством, в которых весьма мало научного элемента и очень много мифологии. И очень много контроля над жизнью человека.

– Но представители «Сайентологической церкви» утверждают, что к ним может приходить любой человек, даже верующий: и христианин, и мусульманин.

– Это заявление надо понимать так, что они готовы устроить промывку мозгов любому человеку... И любого человека освободить от его прежних убеждений и прежних принципов.

— Можно ли считать христианскими книги про сибирскую отшельницу Анастасию?

— Я с некоторым восхищением смотрю на распространение книг «про Анастасию». Мне всегда приятно смотреть на работу профессионалов. А серия эта раскручивается вполне профессионально. Это чисто коммерческий проект, и учиться по этим книгам можно только этому — агрессивному вхождению в рынок и вымыванию денег из карманов людей.

Если бы я однажды возмечтал стать миллионером, и причем достичь миллионного состояния путем работы на книжном рынке, я бы прежде всего занялся маркетингом — то есть исследованием того, что более всего раскупается в сегодняшних книжных магазинах. Этот анализ довольно ясно показывает, что наиболее тиражными и доходными в 90-е гг. стали книги по двум направлениям: эротика и мистика. Именно это сегодня «пипл хавает» с особым аппетитом и финансовой жертвенностью.

Так вот, если бы я решил состряпать брошюрку с миллионным тиражом, эта брошюрка должна была бы слить в один флакон эти две супермодные темы. Ее идеальное название могло быть выдержано в стиле — «Как достичь оргазма Великим постом». Но именно в этом жанре работает г-н Пузаков, пишущий под псевдонимом «Владимир Мегре»[2].

Немного популярной экологии, немного эротики под кедрами на таежной опушке, много-много мистики — и вот готов продаваемый продукт. Продать обычную кедровую шишку за 50 долларов не удастся. А вот если к этой шишке прицепить увесистый миф про «звенящие кедры», то и такая цена суеверам не покажется чрезмерной.

О. Иоанн Охлобыстин когда-то (точнее — тогда, когда он еще не был священником и звался еще Иваном) рассказывал мне о том, как он вышел из очередного своего финансового кризиса. К вечеру ему нужно было найти некую сумму для возврата старого долга. Все гонорары со всех теат-

ров и киностудий уже давно были получены и потрачены. Где же взять требуемую сумму? И тогда Иван у себя на подмосковной даче взял обычное полено, расщепил его, каждую щепочку завернул в целлофан, затем все наструганное сложил в рюкзак и поехал в Москву. В Москве же, на ближайшей станции метро, в подземном переходе он вывалил содержимое рюкзака на пол и в образовавшуюся кучку воткнул табличку с надписью: «Частицы священного дерева дум-дум. Исцеляет от всех болезней!». К вечеру москвичи, жаждущие здоровья и «духовности», раскупили все полено...

Анализировать содержание коммерческого культа Владимира Пузакова-Мегре — значит недопустимо унижать достоинство богословского разума.

Однажды и сам Пузаков признался, что придумал свою героиню. Некая питерская «рериховка» (Ольга Стукова) решила сама написать книжку про Анастасию. Пузаков подал на нее в суд: мол, нарушены его авторские права. Однако ответчица исходила из того, что не может быть монопольного права одного человека описывать некую реку, гору или реально существующего другого человека. Позиция здравая. Но Пузаков-Мегре нашел способ ее обойти: в исковом заявлении, поданном им в мае 2001 г. в Куйбышевский районный суд Петербурга, он написал: «Книги Мегре являются литературно-художественными текстами, которые можно отнести к научной фантастике»*. Иными словами, все написанное — авторский вымысел и ничего больше.

В этой фантазме предлагается дикая смесь языческих и оккультных идей с христианской терминологией. Даже шаровая молния, представляющая бога Анастасии, оставляет после себя запах «ладана и серы»**.

---

* Цит. по: Смена. СПб. 2001. 18 мая.

** *Мегре В.* Сотворение. Ростов-на-Дону, 1999. С. 381.

Что Пузаков через свою Анастасию проповедует язычество, не слишком им скрывается. Культ Анастасии он вполне ясно противопоставляет Евангелию: «Данный образ по своему психологическому воздействию превосходит на несколько порядков все ранее известные, включая классические и библейские»*. Оказывается, святые равноапостольные Кирилл и Мефодий «по приказу» ввели новую письменность, чтобы лишить славян «знаний о первоистоках», «чтобы жрецам иным народы подчинялись»**. О православных паломниках, отправляющихся в Святую Землю, читаем: «А россияне едут за тридевять земель, чужим богам поклоняться»***. «Своих» богов Пузаков увидел в камнях Геленджика.

Мегре претендует на то, что он «передает откровение». Поскольку ему отчего-то кажется, что Пророк обязан быть косноязычно-превыспренним, то он и корежит русский язык под пригрезившиеся ему «пророческие стандарты»: «Сегодня день настал, когда необходимо подумать всей пастве исповеданий разных, как лидеров духовных от беды спасти». Кстати, тот же прием использован в «Звездных войнах» — магистр Йодо говорит с такими же инверсиями, что по замыслу сценариста должно придавать его речи сакральное звучание...

По справедливому заключению востоковеда священника Петра Иванова, «к сожалению, для значительной части последователей нового культа совершенно безразлично то, насколько противоречиво или бессмысленно то учение, которому они следуют. Они чувствуют себя вполне комфортно в атмосфере эмоционального и духовного хаоса».

---

* *Мегре В.* Пространство любви. М., 1998. С. 92.

** *Мегре В.* Сотворение. С. 10.

*** *Мегре В.* Анастасия: Звенящие Кедры России. Ростов-на-Дону, 1998. С. 401.

— Вы часто бываете за границей, расскажите о наших православных соотечественниках за рубежом...

— В жизни русского зарубежья, к счастью, испаряется дух диссидентства. После Гражданской войны русские люди, оказавшись по ту сторону железного занавеса, смотрели на Россию с болью — все рушится, все плохо, новости только трагичные. Послевоенная эмиграция состояла из россиян, которым тоже не было пути назад. Они знали, что встреча с Родиной для них будет встречей со смертью.

А в 90-е гг. люди уезжали по экономическим, семейным причинам, но, главное — без страха и без ненависти. И потому меняется настрой в эмигрантских приходах. Теперь люди хотят ощущать свое единство с Русской Церковью. Радостно ведь, находясь в Новой Зеландии, Африке или на Кипре вознести молитву о Патриархе Московском и всея Руси и ощутить, что Русь Святая простирается до дальних пределов мира.

Чем отличаются приходы зарубежья от приходов в России, так это малолюдством. Здесь есть свои плюсы и минусы. Приятно, когда все друг друга знают, когда отношения теплые, сердечные. Хорошо, что после службы предлагается совместное чаепитие, общение. Это заимствование у инославных, так ведь доброе и человечное есть и у неправославных христиан.

Этого нам в России и по сию пору не хватает. Очень точно сказал один святой Отец о грехе первых людей: «Не став еще людьми, они хотели стать богами». Прежде чем обожиться, надо очеловечиться. То есть надо научиться радоваться друг о друге, а потом нести радость о Господе. Элементарные вещи: улыбка, внимательное доброе слово, приветливый взгляд — как все это важно в жизни прихода. На малом приходе священник помнит всех и знает обстоятельства жизни каждого...

Но иногда хочется побыть наедине с Богом, хочется прийти туда, где тебя не знают, затеряться в многолюдстве. Вот это чувство одиночества пред Богом в толпе необретаемо в малолюдных зарубежных приходах.

— О. Андрей, некоторые украинские журналисты обвиняют Русскую Православную Церковь в слишком нетерпимом, на их взгляд, отношении к так называемому Киевскому патриарху Филарету. Что Вы могли бы сказать по этому поводу?

— Честно сказать, я предпочел бы по этому поводу не говорить, а слушать. Мне важнее расслышать, понять украинское переживание этой украинской боли. И уж совсем не хотелось бы, чтобы кто-нибудь воспринял мой ответ как некую «указивку» московского «засланца»...

— И все же — считаете ли Вы возможным в ближайшее время объединение Православных Церквей Украины в единую Православную Поместную Церковь? Если да, то кого Вы видите во главе такого объединения? «Незалежного» патриарха Филарета или же связанного с Москвой митрополита Владимира?

— Сердца человеческие — в руке Божией, поэтому я не могу за Бога решать, есть такая возможность или нет.

Кроме того, само словосочетание «объединение Православных Церквей в Украине» мне, честно говоря, режет слух. Потому что и самоощущение канонической Украинской Православной Церкви, и мое ощущение — Церковь здесь только та, которая возглавляется митрополитом Владимиром и находится в единстве с Московским Патриархатом.

Мне же лично очень тяжело говорить о Филарете, потому что я неоднократно и искренне лобызал длань митрополита Филарета. Я помню дни, когда в Сергиеву Лавру на заседания Синода приезжал Киевский митрополит, первый человек в Церкви после Патриарха Московского, бывший

ректор нашей Московской духовной академии,— и я, тогдашний семинарист, считал за честь, если была возможность, взять благословение у этого первенствующего архипастыря. И до сих пор во мне живет такое благоговение по отношению к нему, что мне очень трудно через это преступить и понять, что он уже не митрополит...

Я человек бездуховный... то есть всяким там снам, видениям, голосам, ощущениям не придаю особого значения. Так что тем более для меня, книжного сухаря, было неожиданным одно ощущение... Единственный раз в жизни было у меня ощущение, что рядом со мной стоит сатана, который хочет в меня войти... Это было года два назад, в Киеве, в Михайловском соборе. Этот дивный храм снаружи мне нравится даже больше, чем храм Христа Спасителя в Москве. Он был разрушен в былые годы, недавно восстановлен — и отдан Филарету... Снаружи он прекрасен, но, когда я вошел внутрь,— мне стало плохо в самом буквальном смысле.. Стены там покрыты новодельными фресками. У персонажей, которые на этих фресках почему-то выдаются за святых, откровенно наркотические глаза... Я несколько минут постоял в этом новоделанном храме человеческом, и у меня возникло ощущение ужаса. Задыхаясь, я выбежал на улицу, в город, чтобы там отдышаться...

Конечно, это не более чем ощущение. У одних — такие ощущения, у других — другие. Поэтому я попробую сказать объективистски — со стороны.

Филарет — удивительно талантливый человек. Администратор великолепный. Политик прекрасный. Богослов не последнего уровня. Проповедник. Публицист. Умница. За этим человеком стоит мощная государственная власть. В России, скажем, нет Совета по делам религий, на Украине — есть. И в течение, по крайней мере большей части, 90-х гг., пожалуй, даже до сих пор, этот государственный аппарат работает в поддержку Филарета. Изрядная часть прессы также

работает на его идеи. Симпатии немалой части населения Украины, особенно Западной Украины, тоже на его стороне. Церковная казна – у него. Связи – во всех политических кругах, элитах. Огромный политический опыт. Словом – все козыри у него в руках.

И вот, тем не менее, после десяти лет его свободного плавания – или полета – или падения – налицо удивительный факт, который никак не объяснить «происками Москвы»: у Филарета нет монахов. И это очень серьезно... Это означает, что филаретовская версия Православия не зажигает в людях желания жертвенного служения Христу. Чтобы стать монахом (а это поступок!), для этого надо сделать очень широкий шаг – через пропасть. Пожертвовать собой. Но кажется, то видение Православия, которое проповедуется в филаретовских семинариях и храмах, не порождает такой решимости. Филаретовская идеология учит жертвовать верой, Православием ради политических расчетов и поверхностно понятых «национальных интересов», а – не собою во имя Православия.

Знаете, была такая изощренная казнь в Персии: осужденного на смерть привязывали к трупу и бросали в яму. И труп, привязанный к живому здоровому человеку, своим ядом разлагал тело живого человека, и тот умирал тоже (см.: *Климент Александрийский.* Увещание к язычникам. 7, 4). Боюсь, что соединение с Филаретом будет означать умножение наших болезней, а не исцеление церковных ран Украины.

Да, а митрополит Владимир «связан» не с Москвой, а с Церковью.

– А почему Москва до сих пор не дает Украинской Церкви независимости?

– Дело не в желании Москвы. Просто еще не сформировался украинский народ как единая нация в тех границах, в которых Украина существует сегодня. Есть шесть очень разных Украин.

Первая Украина – это Закарпатье. Земля русинов, присоединенная к Украине лишь сталинским решением. В церковном смысле она никогда не была связана ни с Москвой, ни с Киевом. История Православия в этом регионе была связана с Румынской Церковью или с Сербской. Как сказал мне один закарпатский батюшка: «Для нас Киев не отец, но и Москва нам не мать». Я так понял, что в этом регионе ценят не ту или иную национально-политическую символику, а церковную законность, каноничность. Канонически дарованную автокефалию там примут, но амбициями киевских политиков там не настолько дорожат, чтобы ради них идти на грех раскола.

Вторая Украина – Галиция. Здесь и в самом деле сильны антимосковские настроения. Но здесь же есть Почаевская Лавра, которая готова мученически отстаивать церковное единство.

Третья Украина – Киевщина, Подолье, Полтавщина. Я бы сказал –собственно Украина. Здесь сопоставимо число сторонников автокефалии и ее противников.

Четвертая Украина – это Слободская Украина, Харьковщина, о которой Грушевский говорил, что «она заселялась украинскими выходцами, которые в тяжелые моменты селились за линией пограничных крепостей, построенных московским правительством,– за так называемой белгородской чертой, заграждавшей татарам дорогу в московские земли»*. Здесь уже совершенно общее дыхание с Россией.

Пятая Украина – это, собственно, Новороссия, отвоеванная у степняков не дружинами киевских князей, а екатерининскими полками: Донбасс, Одесса, Херсон. В подчинение Киеву эти земли были отданы немецким решением – по условиям Брестского мира с большевиками. Здесь,

* *Грушевский М.* Иллюстрированная история Украины. К., 1997. С. 429–430.

как в Харькове, люди болезненно переживают распад единой державы, ворчат на навязывание им украинского языка в качестве языка обучения и государственной документации. Единство Церкви для них хотя бы символически смягчает пережитую ими травму.

И шестая Украина – Крым. Татар вопрос о церковной автокефалии не волнует. А христиане Крыма все же считают себя русскими.

Трагедия Украины 90-х гг. XX в. в том, что национальное меньшинство («галичане») взяли власть над огромной, разнообразной многомиллионной страной и стали свои стандарты речи, веры и культуры навязывать всему населению Украины. Реальное разнообразие людей, населяющих Украину, порождает и неизбежное разнообразие в вопросе о будущем Украинской Церкви.

Я помню Московский архиерейский собор 1992 года, когда Филарет поставил вопрос об автокефалии. Московские архиереи смотрели на это как на нечто неизбежное. И сегодня Патриарх Алексий говорит: «Если иерархи, священнослужители, монашествующие и миряне Украинской Православной Церкви пожелают иметь автокефалию и будут единомысленны в таком желании, Русская Православная Церковь будет готова пойти навстречу воле народа Божия и его пастырей»*.

Так вот, на том Соборе после речи Филарета произошло нечто неожиданное для россиян. Один за другим стали подниматься украинские епископы и умолять не объявлять автокефалии. Епископы с Западной Украины говорили, что православных в их приходах и так мало. Все, кто испытывал аллергию на Московское Православие, уже давно ушли к униатам. Те же немногие, что остались, свою верность свое-

---

* *Патриарх Московский и всея Руси Алексий II.* Войдите в радость Господа своего: Размышления о вере, человеке и современном мире. М., 2004. С. 133.

му выбору доказали буквально своей кровью. И если сейчас им объявить, что связь с Русской Церковью все же прервана,– они скажут епископам: «За что вы предали нас?!». А епископы с Восточной Украины говорили: «Если мы сейчас проголосуем за разделение, то наши прихожане не пустят нас в наши храмы! У нас настроения народа за единство!».

Так что не московские политики или иерархи держат Украину. И потому объявление об автокефалии породит лишь новые расколы.

Тем же, кто требует немедленного разделения, я бы сказал: да! пора освободить церковную жизнь России от влияния из зарубежной Украины! Ведь ситуация сложилась вполне парадоксальная. Московский Патриарх никак не может влиять на церковную жизнь Украины. Никто из граждан России не входит в состав Синода Украинской Церкви, но гражданин Украины входит в состав Московского Синода. В итоге – прославления украинских святых, назначения и перемещения епископов на Украине происходят без всякого согласования с Патриархом. Его подпись не требуется под соответствующими документами. Но зато без подписи Киевского митрополита нельзя назначить епископа в Сибирь или в Рязань! Так что не «хохлам» впору требовать отделения от «москалей», а «москалям» пора ставить вопрос об освобождении от «хохлов»!

Это была шутка. А если всерьез – нельзя не заметить странных двойных стандартов в агитации за автокефалию. Почему этот пропагандистский слоган («незалежной державе – незалежну Церкву!») никогда не обращается к католикам? Связь Украинской Церкви с Московским Патриархом чисто символическая, зависимость же украинских католиков от Римского папы вполне реальная. Но отчего эта зависимость не травмирует сердца «национально свидомых громадян» Украины?

Кроме того, знакомство с церковной историей, а равно и с логикой, учит, что понятие *независимость* – понятие соотносительное. Оно требует уточнения: независимость

кого и от чего? В истории мы видим, что всякий раз, когда церковная иерархия некоей страны обретала независимость от зарубежного церковного центра, она очень скоро становилась крайне зависима от местных, национальных властей. Для религиозного человека вопрос стоит так: что лучше — зависимость от зарубежного, но духовного центра или же зависимость от своих мирских властей и их пожеланий.

Кстати, и московской церковной власти помогает сохранять независимость от московских властных элит то обстоятельство, что наша Церковь осуществляет свою деятельность не только в России. В советские годы участие в наших Соборах делегатов от заграничных епархий помогало парировать некоторые «пожелания» светских властей.

— Если Москва не вмешивается в жизнь Украинской Церкви, то почему нет службы на украинском языке?

— А на каком из них? На «суржике», на галицийском наречии, на полтавском говоре? Впрочем, никаких запретов для служения на народном языке нет. Есть официальное решение Украинского Синода о том, что по выбору прихода и с благословения местного епископа служба может вестись на украинском языке. В России, кстати, аналогичного позволения, касающегося русского языка, нет...

— А что Вы ответите тем, кто обвиняет Московскую Патриархию в насильственном захвате греко-католических храмов в сталинские годы?

— В конце 40-х гг., когда регионы Западной Украины были включены в состав Советского Союза, Иосиф Сталин решил искоренить там униатство. Униаты — это верующие, которые служат по православному обряду, но подчиняются папе Римскому. Сталин объявил вне закона Униатскую церковь, иерархи которой и в самом деле весьма лояльно относились к гитлеровской оккупации. Что было делать

Русской Православной Церкви? Смириться с тем, что в разрушенных храмах поместят коровники, или же поспешить встать между МГБ и сотнями тысяч людей, у которых государственная власть все равно отбирает их храмы? Наша Церковь избрала второй путь. Она объявила эти храмы своими. И тем самым сохранила и храмы, и привычный для униатов православный строй богослужения, и церковные Таинства... Теперь же униаты считают, что мы эти храмы украли. На самом деле мы их взяли не у них, а у МГБ. Иначе они были бы просто разрушены. С точки зрения Русской Православной Церкви, это был поступок, который помог сохранить основы церковности и благочестия на Западной Украине, а с точки зрения униатов мы выступили чуть ли не как воры. До сих пор эта проблема на Западной Украине кровоточит и является главным препятствием на пути встречи Патриарха и папы Римского.

— Как Вы относитесь к Катакомбной церкви?

— Вы знаете, я бы хорошо относился к Катакомбной церкви в 20–30-е гг. XX века. То, что сейчас называется Катакомбной церковью, по определению таковой быть не может. Это есть некий нонсенс. Представьте, придет сейчас в храм женщина и громко объявит о себе: «Я тайная монахиня Серафима». Когда о тайне объявляют громко, она таковой быть перестает. Поэтому те группы, которые относят себя к Катакомбной церкви,— это просто-напросто самозванцы. Хуже того, слишком часто это уже не просто самозванцы, а уже психически ненормальные люди. В подполье можно встретить только крыс. Постоянная жизнь в подполье накладывает неизгладимый след на психику человека. В условиях многолетнего и безысходного подполья люди неизбежно мутировали. Если жить в постоянном страхе и напряжении от того, что все кругом доносчики и предатели, то через несколько лет начинаются необратимые процессы.

— В таком случае как быть с Александром Солженицыным?

— Солженицын не был в подполье.

— Практически в подполье. Или Вы не считаете это подпольем?

— Солженицын был в эмиграции, а до этого в лагере. Лагерь не подполье: там все ясно. После лагеря он стал официально издаваемым писателем и даже выдвигался на Государственную премию...

— Но ведь он подпольно писал свой «Архипелаг ГУЛАГ»... Прятал его, перепрятывал, передавал из рук в руки...

— И это было лишь несколько лет. Вскоре его выслали и тем самым спасли его для нормальной литературной работы.

— Что Вы можете посоветовать человеку, который в Бога верит, а в бессмертие души поверить не может никак?

— Ну здесь уже есть некий повод для самоуважения. Большинству людей сегодня кажется, что никакого Бога нет, а они зато совершенно бессмертны. Это и называется оккультизмом, и увлечение им, на мой взгляд, свидетельствует о душевной неразвитости.

Если же говорить о конкретных рецептах... Вы что же, действительно полагаете, что Бог работает начерно? Пишет и рвет, пишет и рвет?

— Да, примерно так мне и кажется.

— Ну, это было бы слишком бессмысленным и унылым времяпрепровождением. Ничто не пропадает. Как говорил Федор Достоевский,— здесь, на земле, все начинается и ничего не кончается... Стоило создавать такую сложную систему, чтобы пустить ее под откос.

— Но зачем тогда столько... откровенно примитивных систем?

— Не надо высокомерия. Ему интересны все. Если мы будем спасены — мы сможем посмотреть на мир Его глазами. Посмотреть и понять. В одной бардовской песне были дивные слова: «Уходят люди — каждый в свой черед. Всей жизни суть в простом вопросе этом: кого Господь к ответу призовет; кого утешит Сам Своим ответом».

— О. Андрей, зачем Богу человек?

— А ни за чем. Это чистый Дар. Это мы привыкли мыслить в рамках контрактно-выгодных отношений. Не для Себя Бог нуждается в нас, а для нас. Он создал нас во времени с целью подарить нам Свою Вечность. И он дал нам свободу, чтобы этот Дар мы смогли принять свободно. Бог хочет не усвоить нас Себе, но подарить Себя нам. Это и называется любовью. Бог отпустил нас от Себя в надежде, что мы вернемся.

— Как строятся отношения человека с Богом?

— Об этом можно говорить только на языке притч. Притчи не доказывают, не дают научных определений, но высвечивают разные грани того, чего нельзя взять в руки для более детальной аналитики.

Например, отношения человека с Богом можно уподобить отношениям больного и врача. Бог — это врач, который сам входит внутрь болезни. В этом своеобразие христианской веры. Потому что мы считаем, что Бог скорбь и боль каждого человека принимает на себя. Поэтому для христианства не было того потрясения, которое испытали, например, еврейские богословы. После трагедии Второй мировой войны у них появилось много публикаций на тему «Можно ли верить в Бога после Освенцима?». Вопрос ставился так: «Когда мы были в Освенциме, где был Бог?». Христианский ответ однозначен: «Если мы были в Освенциме, значит, Бог был там же». Бог раньше людей прошел опыт распятия и предательства.

А земную жизнь христианина можно сравнить с ракетоносителем, который выносит на какую-то орбиту полезный груз, а дальше траектория полета зависит от того, насколько успешно произошел расчет моей орбиты, выход на нее, достаточно ли оказалось топлива, не произошло ли отклонения от цели. Греческое слово ἁμαρτία, «грех»,— буквально означает «непопадание в цель». То незначительное отклонение от маршрута, которое было на околоземном небольшом первом этапе полета, умножается на миллионы километров в космосе.

— Кто-то сказал: «На первом шаге путь в рай или в ад отличается на миллиметр».

— Совершенно верно.

— И наша земная жизнь — некий экзамен?

— Да. Экзамен — это вечное состязание щита и меча. Опытный студент никогда не учит до конца билет, а учит первые двенадцать-пятнадцать фраз. Дальше надеется или на общую эрудицию, или на то, что преподавателю станет скучно сто раз слушать одно и то же. Но, тем не менее, опытный преподаватель всегда может различить, кто перед ним: подготовленный талантливый, с резервными возможностями, которые могут еще раскрыться, студент или нет. Конечно, и профессор может ошибиться, но Бог — идеальный экзаменатор (Альберт Эйнштейн называл Его «идеальным экспериментатором», но это как раз был не образ, а строго научное понятие). Ему не нужно многих попыток, чтобы понять, какую вечность мы сможем в себя вместить. Богу не нужны миллионы наших попыток, чтобы определить, что из «этой» души может вырасти. Все равно «заработать» собственную Божественность, наработать ее в себе — нельзя, даже за миллион жизней. Но то, что мы не можем заработать, Бог может нам подарить. Может, потому что в христианстве, в отличие от кармических религий, где предполагает-

ся путь самоусовершенствования и путь самоспасения, есть свободный диалог двух свобод — свободы Бога и свободы человека. Бог Библии не есть ни космос, ни его часть. Бог — Творец космоса. И Он свободен по отношению к законам космоса в той же мере, в какой писатель свободен по отношению к сюжетным линиям создаваемого им романа.

Поэтому и может Творец действовать поверх всех законов, в том числе и законов «кармической справедливости». Как говорится у Джона Толкиена в «Сильмариллионе», «жребий Мира может изменить лишь Тот, Кто его сотворил». Бог свободен от мира, и потому Он может прощать и дарить, милосердствовать и помогать. Невозможное для человека оказывается возможным для Бога. Например, малыша приводят в гимнастический зал, подводят к перекладине и говорят: «Подпрыгни и хватайся за перекладину». Допрыгнуть малец не может, но ему говорят: «Изобрази прыжок, и тебя подхватят отцовские руки. Но ты все же приложи какие-то свои усилия».

Мне кажется, в такой же пропорции соотносятся Божественная помощь и наша человеческая готовность принять эту помощь: от нас — желание, от Бога — результат. Поэтому в основе Православия лежит принцип синергии: сотрудничества Бога и человека.

— Что такое вера в Бога?

— Вера — это моя личностная реакция на то знание, которое у меня есть. Я верю не потому, что я не знаю, а я знаю много такого, во что я не верю. Вера — это акт моей воли, когда я решаюсь знание о Боге с периферийной полочки моей жизни перенести в центр моей жизни. То есть когда знание стало моим убеждением — вот что такое вера.

— Идет извечная дискуссия по поводу доказательств существования Бога. Кто-то считает их неопровержимыми, кто-то спорными. Но даже если предположить, что такие

доказательства существуют, почему мы должны Ему поклоняться. Какое мне, отдельно взятой человеческой единице, дело, есть Он или нет?!

— Вот-вот — это и есть главный вопрос: «Какое мне дело?». Потому и нет доказательств, что они бесполезны. Ну докажут мне, что у звезды Бета в созвездии Лебедь не две планеты, а три. А какое мне до этого дело? Поэтому надо не знать, что Бог есть, а любить Его. Никакие аргументы и доказательства любовь в человеке не возжигают. Гилберт Честертон однажды сказал, что «самое несчастное существо — это атеист, который видит морской закат, и ему некому сказать спасибо за эту красоту». Впрочем, для того, чтобы заметить наличие противоречия между своим головным атеистическим убеждением и жаждой сердца сказать «спасибо»,— тоже нужно логическое усилие. А для того, чтобы в этом конфликте встать на сторону сердца,— нужна воля.

— Может быть, не нужно стремиться познать Бога, а просто слепо верить?

— Есть две ошибки: первая, когда человек рано капитулирует перед трудностью познания и слишком рано вешает ярлык: «Это непознаваемо». Вторая,— когда человек во всеоружии, как ему кажется, входит в область, где кончаются проблемы и начинаются тайны. Тут его оружие «не работает», а он этого не понимает. Чтобы почувствовать эту границу, нужен некий вкус, определенный уровень философской воспитанности. Профессионально воспитанный ум знает границы своей компетенции.

Как писал преподобный Иоанн Дамаскин, святой VIII в.: «Не все в Боге познаваемо, но не все непознаваемо. Не все познаваемое выразимо, но не все непознаваемое невыразимо». Есть в Боге то, что познаваемо и выразимо, и есть то, что познаваемо нами, но на каком-то несловесном уровне.

Православие не просто. Православие настолько сложно и жизненно, что в нем есть место даже для простоты и простецов.

Воспевание «простой» веры просто вредно. Любое бескультурье мстит за себя – в том числе и бескультурье религиозное. Могу привести печальный пример: вот репринтное издание полного собрания Творений святителя Иоанна Златоуста, величайшего и популярнейшего православного богослова. Первый том вышел в 1991 г., двенадцатый – в 2004-м. Тираж первого тома 75 000 экземпляров. Тираж двенадцатого – 3 000 экземпляров. То, что в 25 раз упал круг читателей Иоанна Златоуста, при общем несомненном росте числа православных, на мой взгляд, чрезвычайно негативный симптом. Попсовые дешевые брошюрки про «блаженных стариц» и «последние времена» отбили у церковных людей вкус к серьезной духовной пище. Причем даже у священников. В Русской Церкви около 30 000 священнослужителей. И выходит, лишь один из десяти желает познакомиться с творчеством Златоуста...

А за пределами Церкви религиозное «опрощение» ведет к росту сект и оккультизма.

– А что ужасного в учении Льва Толстого?

– Кощунствовать по поводу святынь народа – это непристойно. Взять, к примеру, Николая Некрасова, о котором я не дерзну сказать, что он был православным христианином. Но с какой любовью он описывает храм... Для него это святыня не потому, что он в церкви ощущает Бога, а потому, что это народное утешение. Для Некрасова храм освящен не Духом, а народной слезой. Но все же – освящен. Поэтому он с такой любовью описывает все, что связано с Православием. А Толстой? В его «Воскресении» есть совершенно дикая 39-я глава с описанием Литургии в кощунственных тонах. Здесь художественный и человеческий гений оставил Льва Николаевича.

Толстой – гений деталей и подробностей, он умел понимать и подмечать символические мелочи. Подробности в одежде, чертах лица, речи персонажа. Как же он смог просмотреть столь крупный феномен в истории, как Церковь, не попытавшись понять, в чем здесь символизм и значение церковной жизни?

Я знаю многих людей, пришедших в Православие через буддизм, индийские религии, даосизм. Изучив чужие традиции и проникнувшись к ним уважением, они вдруг по-другому посмотрели на Православие. Оказывается, в нем есть все то, что они искали, и даже больше. То, что раньше им казалось примитивным, оказалось вовсе не таким. Именно этого уважения к истории и традициям, желания понять и услышать другого у Толстого не оказалось, когда речь зашла о Православии.

— Наверное, не только в этом смысл расхождения Церкви и Толстого?

— Разумеется. Основная идея Толстого в том, что Бог — это твоя совесть, и ничего более. Христос для него лишь один из многих «учителей человечества».

Но евангельский Христос не просто Тот, Кто дает нам инструкции, как жить. Он еще реально все время Свою руку рядом с нашими держит. «Моя сила в вас да пребудет. Примите Мое причастие, Мою благодать и силу, и тогда Моя сила сольется с вашей». Это называется в православном богословии синергия — содействование, сотрудничество. Это диалог. И вот этого диалога, этого ощущения, что что-то другое, не мое, может войти в жизнь человека, нет ни у толстовцев, ни у «рериховцев». Для них весь путь духовного восхождения — это бесконечный монолог, это самосовершенствование. Бог для них — «мое высшее Я».

Мера их глухоты к тому, что создано христианской культурой, предельно ярко высказалась для меня в комментарии, который рериховский журнал «Дельфис» сделал по поводу «Фауста» Иоганна Вольфганга Гете. Один из авторов этого журнала сказал, что Мефистофель в итоге побеждает Фауста, а редакция сделала от себя примечание: «Фауст у Гете в конце концов побеждает Мефистофеля, и тот остается ни с чем, в то время как Ангелы возносят с собой бессмертную часть Фауста»*.

---

* От редакции: Примечание к статье Г. Югоя «От истории европейской к истории евразийской» // Дельфис. 1997. № 2 (10). С. 83.

Это удивительная глухота. Ведь на самом деле сюжет у Гете совершенно другой. Он начинается с того, что Бог говорит Мефистофелю: «Тебе позволено. Ступай и завладей его душой. И если можешь, поведи путем разврата за собой». То есть Бог снимает Свою защиту со свободы человеческой души Фауста. И тот оказывается бессилен перед духом злобы. Фауст не свободен в своем странствии. И кончается вся история его страшным поражением – на нем человеческая кровь, смерть стариков во 2-й части. Он умирает растертый в грязь, совершенно растоптанный. И когда Мефистофель готовится взять свою законную добычу, Богородица упрашивает Христа спасти Фауста, потому что он не сам виноват в своем бедствии,– он был пленен Мефистофелем с разрешения Господа. И по молитвам Богородицы сонм Ангелов приходит и выхватывает погибшую душу Фауста из рук Мефистофеля. Так что не Фауст себя спасает. Он побежден, но любовь Христова окажется сильней.

И вот этой диалогичности и сложности религиозного сюжета не заметили «рериховцы». Как не заметил этого и Лев Толстой в своем взгляде на Евангелие, где оказывалось, что всего-навсего был такой человек – Иисус, Который не был Богом, Который не воскрешал людей, да и Сам не воскрес.

То, что эти люди придерживаются таких взглядов,– это их право. Но мне больно, что они при этом считают, будто это и есть христианство. И когда они в свой монологизм насильно втирают христианские тексты, мне это кажется недопустимым и кощунственным. И в этом моя научная и этическая обида на них.

– А что значит – «предать анафеме»?

– Это значит публично засвидетельствовать несовместимость той или иной идеи с христианской верой или же отлученность данного человека или группы людей от церковного общения. И это ни в коем случае не проклятие!

В католической традиции — это проклятие, да, но в Православии я знаю только один случай, когда анафема провозглашалась как проклятие. Это было в 1821 году. Греки подняли восстание против турок, и султан вознамерился издать закон, согласно которому все православное население в Турецкой империи объявлялось вне закона и подлежало вырезанию. Надо отдать должное главе мусульманского духовенства: он отказался подписать это распоряжение, за что был сразу убран, и на его место султаном был поставлен другой человек. Но в результате этой заминки о замысле стало известно в правительственных кругах, а поскольку в правительство Турецкой империи, в ранге трехбунчужного паши, по статусу входил Константинопольский Патриарх, то об этом узнал и он. И вот перед ним встал страшный выбор — либо гибель всех его соотечественников, либо какой-то неожиданный поступок. И тогда он публично издал Послание, от своего имени и от имени Синода,— с анафемой всех восставших греков. И вот в этом случае анафема означала отнюдь не просто отказ в церковном общении,— потому что туркам, которые сами были вне Церкви, было бы непонятно, в чем тут наказание. Там были страшные слова именно проклятия: «Пусть ваши жены станут вдовами, пусть ваши дети будут сиротами, пусть земля станет как бесплодный камень под вашими ногами, а небо — медным тазом, которое будет сжигать вас огнем» — ну и так далее. Вот это и был единственный подобный случай в православной традиции.

— Сбылось проклятие?

— Нет, не сбылось. Турки проиграли, грекам удалось создать свое Эллинское королевство, тогда еще довольно крохотное. Патриарха этого, Григория V, турки все равно повесили через пару недель. Но, как ни странно, греки почитают его как святого и героя, ему ставят памятники. Он принес в жертву свою совесть, душу и, несомненно, репутацию — только ради того, чтобы спасти свой народ. Но при этом после

того случая греки отказываются признавать церковную власть Константинопольского Патриарха — оттого жизнью Греческой Церкви управляет Афинский Синод.

И вновь говорю: это был единственный случай. Когда отлучали Льва Толстого, то ни о каком проклятии не было и речи, даже службы специальной не было.

— Каково сегодня в Церкви видение отлучения Льва Толстого от нее?

— Ничего не изменилось за эти сто лет. Чтобы понять, что произошло тогда на самом деле, нужно забыть рассказ Александра Куприна «Анафема» и снятый по нему фильм. Никакого специального чина с торжественной анафемой Толстому не было. В церковных и светских газетах было опубликовано обращение Синода к Толстому, в котором говорилось о том, что, к сожалению, взгляды Льва Николаевича ставят его вне Православной Церкви и делают невозможным его участие в Таинствах. И был призыв к православным христианам молиться о вразумлении графа Толстого. Что в этом безнравственного? Ведь и сам Толстой не считал свои взгляды церковно-православными. Так что Церковь просто со своей стороны подтвердила то, о чем Толстой неоднократно публично заявлял прежде.

Известен совершенно аналогичный жест в адрес того же Льва Толстого со стороны человека науки. Знаменитый русский врач Николай Белоголовый лечил многих русских писателей. Но однажды, дав Толстому необходимые медикаменты, он не подал ему руки. В своих мемуарах он пояснил, что тем самым выразил свое отношение к толстовским нападкам на науку*. И в самом деле, старчески брюзжащий Толстой нападал на все: на семью, на искусство, на государство, на науку, на технику. И на Церковь — в том числе. Все это

*См.: Наука, техника, культура: проблемы гуманизации и социальной ответственности: Материалы круглого стола // Вопросы философии. 1989. № 1. С. 15.

казалось ему ненужным, репрессивным. Когда это брюзжание стало невыносимым, кощунственным и при этом заразным,— тогда и Синод «отказал от дома» графу.

И все же решение Синода об отлучении Льва Николаевича от Церкви может быть пересмотрено. Просто официальная церковная позиция по этому вопросу находится в руках архивистов. Именно они должны внести ясность в последние дни жизни Толстого. Известно, что он ушел из дома в Оптину пустынь, хотел встретиться со старцем Варсонофием, но не решился. Известно также, что старец последовал за Толстым, чтобы все-таки с ним поговорить. Почему встреча не состоялась? Если удастся на основании документов, мемуарной литературы доказать, что в последние часы жизни Толстой был изолирован против своей воли, что у него было желание поговорить со старцем и покаяться, но его секретари не позволили этому случиться — вот тогда у Церкви будут все основания с радостью отменить свое былое решение.

Вообще же меня удивляет, насколько избирательно люди относятся к воззрениям позднего Толстого. Его антицерковные настроения приветствуются. Но разве Толстой только Церкви оппонировал? Посмотрите круг антипатий Толстого — и вы увидите, что Церковь оказывается в весьма достойном сообществе. Толстого эпохи «Крейцеровой сонаты» и позже раздражают наука, техника, прогресс, культура, семья, Церковь. Это просто старый и тотальный брюзга. Мне было бы стыдно, если бы Толстой брюзжал от имени Церкви. Вот если бы он был истовым церковником и при этом продолжал бы поносить науку и семейный уклад жизни, прогресс и классическую культуру, вот тогда мне было бы стыдно за Толстого-луддита, ставящего пудовые свечки в наших храмах.

— Почему вообще для христиан так важно утверждение, что Христос — это Бог? Многие люди, например Лев Толстой, не были атеистами, но порвали с Церковью именно из-за этого пункта ее вероучения. Почему христиане наста-

ивают, что Иисус не просто самый лучший учитель нравственности, не просто великий и умный человек, а Сам Бог?

— Знаете, современное человечество одержимо идеей контактерства: очень хочется найти внеземные цивилизации. Когда спрашиваешь у энтузиастов этих проектов: «Зачем?»,— они восклицают: «Но ведь так радостно знать, что мы не одни во вселенной!».

Точно так же я скажу и о христианстве. Для христиан тоже жизненно важно знать, что мы не одни во вселенной, что Бог не равнодушен к нам. Нам важно знать, что в глазах Бога, Творца всей вселенной, мы не заброшены, мы не какие-нибудь ублюдки, копошащиеся на окраине вселенной. Смысл нашей жизни придает то, что Бог не послал нам какого-то вестника, а пришел к нам Сам. Оказывается, в глазах Бога мы что-то значим. Помните одного капитана у Достоевского, который говорил, что «если Бога нет, то какой же я после этого капитан?»*. Точно так же и здесь: если Бога нет, тогда мы, действительно, просто космическая плесень, покрывшая камень, который носится по окраине Млечного пути. Или, по-другому, если Бог все-таки есть, но Он никогда не воплощался, не становился таким же человеком, как и мы, то в глазах этого Бога мы не представляем никакой ценности, Он не приходил нас искать. А если Бог нас не искал, тогда зачем же нам искать такого Бога, ведь мы все равно Ему безразличны?

Кроме того, для христиан жизненно важно знать и что Иисус — это не порождение земли, не просто один из великих людей, создавших человеческую культуру. Потому что те вещи, которые мы можем созидать, мы же можем и разрушить. А христианам важно знать, что в нашу жизнь вошло нечто неразрушаемое. То, что не только само не могло бы разрушиться, но еще и нас может спасти от разрушения. Все, что создает человек, подвержено тлению, поэтому важно, что нечто сверхчеловеческое вошло в нашу жизнь и сделало ее нетленной.

---

* *Достоевский Ф.* Бесы//Собр. соч.: В 10 т. М., 1957. Т. 7. С. 240.

Здесь нам придется говорить уже на сугубо религиозном языке, потому что смерть, оказывается, бывает разная. Есть смерть физическая, биологическая, а есть смерть души, которая задыхается без Бога. Вот это безвоздушное пространство языческого мира Христос наполнил Собой, то есть теперь, когда душа выходит из тела, она уходит не в пустоту — она уходит к Богу.

Очень понятно желание многих людей видеть Христа обычным учителем нравственности. Дело в том, что христианство, Евангелие и вообще мир Церкви — это мир императивов, мир этики, которая властна совершать над человеком суд. Более того, это не просто суд, который ты сам совершаешь в своей совести над собой. Христианство — это живая традиция, оно может опровергать ложные видения своего учения. Поэтому его труднее переделать в соответствии со своими вкусами, подстроить его под себя, как это можно сделать с какой-нибудь «умершей» религией.

Человек прекрасно понимает, что, соприкоснувшись с миром Евангелия, он подставляет себя под стрелы императивов, повелений, жестких требований: со стороны самого евангельского текста, со стороны своей совести, да еще и со стороны Церкви. Конечно, он пытается избежать подобной ситуации, но, чтобы совсем «не ругаться» со Христом, такой человек по-дружески хлопает Его по плечу и говорит: «Да, я признаю, что Ты великий учитель и человек высокой нравственности». Но на самом деле он совершает то, что иначе, как «поцелуем Иуды», и назвать нельзя. Именно так характеризовал Достоевский книжки XIX в., в которых пояснялось, что Иисус, конечно, великий человек, но не Бог.

Вроде бы комплимент. Но на самом деле такое признание означает только одно — мы еще раз хороним Христа, мы погребаем Его в гробнице истории, тщательно замуровываем в ней, чтобы Он ни в коем случае не вышел оттуда и не вторгся в нашу жизнь. Люди провозглашают Христа «великим учителем человечества» именно для того, чтобы перестать у Него учиться.

Логика у этих неучеников (или неучей) простая: раз Христос не Бог, значит, и основанная Им Церковь не имеет отношения к Богу. Соответственно, и Книги, от имени Христа возвещаемые Церковью, не имеют за собой никакого Божественного достоинства. Далее начинается сказка о том, что все Евангелия правлены-переправлены, а самое главное, настоящее Евангелие хранится где-то на Тибете...

Все. Человек встал на путь конструирования христианства по рецепту: «Сделай сам». Дальше начинается цензура Евангелия: «Вот этого Христос сказать не мог, потому что я с этим не согласен, а вот это, несомненно, Его идея, потому что она мне нравится. И вообще, знаете, я думаю, Христос вот в этом месте должен был вот то-то сказать, потому что это мое глубочайшее убеждение. Вообще-то Он это и сказал, но просто последующие цензоры вырезали».

В итоге получается, что, провозгласив Христа просто великим учителем, человек сам начинает поучать Его: что Он мог делать, а чего не мог. Таким путем пошел и Лев Толстой. Он просто начал цензуровать Евангелие. Он запрещал Христу воскресать, запрещал Ему творить чудеса и, уж тем более, запрещал Христу брать в руки бич, чтобы выгнать из храма торгашей.

— Михаил Булгаков в «Мастере и Маргарите» тоже пошел путем цензуры Евангелия?

— Я бы не стал так говорить. С Булгаковым все намного сложнее, по той причине, что Лев Толстой писал от себя, а *несомненно* антихристианское Евангелие от Воланда — это Евангелие именно от Воланда, а не от Михаила Афанасьевича Булгакова. Поэтому в данном случае отождествлять автора и его персонажи — не логично.

Более того, я думаю, что, в определенном смысле, Христос был именно таким, как булгаковский Иешуа Га-Ноцри из «Мастера и Маргариты». Таким был имидж Христа, таким Он казался толпе. И с этой точки зрения роман Булгакова

гениален, он показывает видимую, внешнюю сторону великого события — Пришествия Христа Спасителя на Землю, обнажает «скандальность» Евангелия, потому что, действительно, нужно иметь удивительный дар благодати, совершить истинный подвиг веры, чтобы в этом запыленном Страннике без диплома о высшем раввинском образовании опознать Творца вселенной*.

Мы привыкли к представлению об Иисусе Царе, Иисусе Боге, с детства слышим молитвы: «Господи, помилуй», «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго». А такие произведения, как картины Николая Ге, или, в меньшей степени, Василия Поленова, или тот же «Мастер и Маргарита», помогают нам понять всю невероятность и парадоксальность апостольской веры, почувствовать ее болевой ожог, позволяют нам вернуться в точку выбора...

— Но, все же, почему среди церковных людей «Мастер и Маргарита» имеет больше противников, чем сторонников?

— Назовите мне хоть одну светскую книгу, которая имела бы в Церкви больше сторонников, чем противников! Исключением могут быть, наверное, только произведения Достоевского, да и то, как ни парадоксально, «Братьев Карамазовых» очень не любили в Оптиной пустыни**.

---

* Святитель Иоанн Златоуст так говорит о словах Христа, согласно которым хула на Сына Человеческого простится (см.: Мф. 12, 31–32): «Христа не знали, Кто Он был; а о Духе получили уже достаточное познание... слова Христа имеют такое значение: пусть вы соблазняетесь Мною по плоти, в которую Я облекся... Я вам отпускаю все то, чем вы Меня злословили прежде креста, даже и то, что вы хотите распять Меня на кресте, и самое неверие ваше не будет поставлено вам в вину... Но что вы говорили о Духе, то не будет прощено вам... Почему? Потому, что Дух Святой вам известен, а вы не стыдитесь отвергать очевидную истину» (*Святитель Иоанн Златоуст.* Толкование на святого Матфея Евангелиста (41, 3) // Творения. СПб., 1901. Т. 7. Кн. 1. С. 440–441).

** См. жестокий отзыв о Достоевском в книге: *Концевич И.* Оптина пустынь и ее время. Джорданвилль, 1970. С. 598–599.

Если судить по тем людям, которые вдумывались в «Мастера и Маргариту» уже будучи христианами, то очевидно, что существуют два основных течения церковного литературоведения. Одна группа авторов считает (довольно аргументированно), что «Мастер и Маргарита» – оккультно-антихристианское произведение*, а другая группа церковных литературоведов, не менее аргументированно, утверждает, что это не так.

Лично мне ближе та позиция, что в «Мастере и Маргарите» Булгаков пробовал дать некое предостережение против доверия к атеистической пропаганде. Для этого он использовал тот прием, который называется reductio ad absurdum, когда берется позиция оппонентов, и ты заранее соглашаешься с ней, но доводишь их позицию до логического предела, и этот предел оказывается абсурдным...

Дело в том, что на Христа как на странного и полусумасшедшего проповедника указывали атеистические лекторы 20–30-х гг. в Советской России. Булгаков не имел возможности прямо спорить с ними по цензурным соображениям, и поэтому он написал «Мастера и Маргариту», где глаза научного атеизма были вставлены в глазные впадины Воланда, и оказалось, что атеизм – это, как раз, взгляд на Христа сатаны, а отнюдь не просто науки.

— Каково Ваше отношение к попыткам истолкования в искусстве евангельских событий (вспомним острейшую полемику вокруг фильмов «Последнее искушение Христа» Мартина Скорсезе и «Страсти Христовы» Мэла Гибсона)?

– Честно говоря, для меня любой шаг по этой дороге является неприемлемым. В связи с фильмом «Страсти Христовы» могу сказать, что тут надо различать две вещи: во-первых, оценку – с точки зрения Православной Церкви – труда режиссера и актера и, во-вторых, оценку плода этого труда.

* См.: *Гаврюшин Н.* Лифостротон, или Мастер без Маргариты // *Гаврюшин Н.* Рыцари Софии. М., 1998. См. также: http://www.kuraev.ru/forum/view.php?subj=23042.

О первом: подобный фильм не мог бы родиться в православной культуре. О втором: из того, что он родился в католической атмосфере, вовсе не следует, что Православная Церковь не в состоянии до некоторой степени ассимилировать и принять этот плод. Тут некая «хитрость» Божественного Промысла: Господь нам дает некоторые вещи, которые мы сами создать не можем, но можем использовать их для блага Церкви. В конце концов, не православные люди создали Интернет, но это не означает, что православный человек не может пользоваться этой всемирной Сетью. Точно так же и с языком кино или литературы: сам я, наверное, не буду снимать кино и не обращусь к художественному творчеству, но это не означает, что я буду осуждать людей, которые это пробуют. Остальное – это уже вопросы веры, вкуса, талантливости и многого другого.

– Папа Иоанн-Павел II снял с иудеев догматическое обвинение в богоубийстве, он сделал и известное заявление по поводу холокоста.

– В Церкви никогда не было догмата о том, что все евреи являются богоубийцами. В христианстве нет идеи коллективной ответственности. Вновь напомню слово Апостола: *кто ты, осуждающий чужого раба?* (Рим. 14, 4),– то есть не своего раба, а Божия.

Странно, что либеральные журналисты, обвиняющие христианство в антисемитизме и в том, будто христиане видят в евреях народ богоубийц, целокупно ответственный за трагедию Голгофы, сами распространяют идею «коллективной вины». Христианские народы в Европе убеждают в том, будто они все солидарно ответственны за преступления нацистов в Германии. Всем европейским народам предлагается покаяться в соучастии в этих трагических событиях. При этом указывается, что́ именно христиане должны пересмотреть: представление, что еврейский народ, как некое целое, виновен в Голгофской трагедии. Такого рода суждение внутренне противоречиво. С одной стороны, нам говорят: «Вы должны отказаться от мнения, что весь народ виноват в действи-

ях одного человека или одной какой-то части этого народа»; но тут же следует утверждение: «А ваши народы, христианские, все виноваты в том, что был холокост».

Такое обвинение в наш адрес со стороны евреев означает, что в их сознании все же присутствует стереотип, согласно которому народ может грешить как некое единое целое, и за грех нескольких политиков или одной погромной толпы отвечают все — даже те, кто родился десятилетия спустя после инкриминируемых событий. Но в таком случае и крик той толпы в Иерусалиме, что требовала распятия Христа: *кровь Его на нас и на детях наших* (Мф. 27, 25),— имеет смысл именно в национальной психологии евреев. Так что вопрос не в том, как мы воспринимаем евреев, а в том, как они воспринимают самих себя. Евреи сохраняют в своем сознании стереотип, согласно которому народ есть некая целостность, которая несет совокупную ответственность за то или иное преступление отдельных своих лидеров.

Мы ведь не требуем пересмотреть вероучение ислама и не виним весь исламский мир в преступлениях исламских террористов. Но филосемитские критики христианства нам говорят: «Все христиане повинны в преступлениях нацистов (которые, между прочим, были сознательными антихристианами-язычниками). И все христианство должно быть пересмотрено, чтобы избежать повторения холокоста». Неужели не понятно, что, именно когда христиане слышат от евреев требование изменить свою веру, свою святыню,— именно тогда и рождаются несимпатичные чувства?

Тут, знаете,— кто каким судом мерит, тем и сам будет отмерен (см.: Мф. 7, 2). Если мы занимаем последовательную позицию, что каждый отвечает сам за себя, по пророку Иезекиилю: сын не несет вины отца, а отец не отвечает за сына, но каждый человек отвечает за свои грехи (см.: Иез. 18, 20),— то не может быть и речи о совокупной еврейской ответственности за преступление 2000-летней давности, так же, как и о вине христиан за события 50-летней давности. Здесь должно быть взаимное разоружение, а не игра в одни ворота.

Если же преступления отдельных лиц приписывать всему национально-религиозному сообществу, то в ответ на обвинения христиан в Освенциме мы можем припомнить фамилии тех, кто гноил христиан в ГУЛАГе, и призвать евреев к покаянию за действия Льва Троцкого, Лазаря Кагановича и прочих. Я думаю, что не надо играться с огнем.

И вообще мне не нравится идея публичных покаяний. Покаяние – это внутреннее таинство человека, и публично оно совершаться не должно. Тем более глупо каяться в грехах, совершенных другими людьми. Такие покаяния имеют связь с идеологией. Я боюсь идеологий. И с той, и с другой стороны.

Кроме того, Ватикан (не знаю, в какой мере сознательно или бессознательно) не замечает, что, с точки зрения не только богословской, но и религиоведческой, культурологической, все же нельзя так просто и беспроблемно отождествлять древний Израиль и современный Израиль, древнееврейскую и современную еврейскую религии. Если вы поедете в Грецию и будете делать вид, что это есть Византия или древняя Эллада, вас ждет много ошибок и разочарований. Точно так же очевидно, что сегодняшний Киев мало похож на Киев князя Владимира. На днях я читал исследования одного украинского историка. Официальная украинская националистическая пропаганда убеждает сегодня, что именно Украина есть продолжение традиций Киевской Руси во всех смыслах, а Московия – это вообще не поймешь что. Этот же здравомыслящий украинский историк предложил, в частности, для спокойного ответа на вопрос о взаимоотношениях Руси, России и Украины присмотреться к бытовой архитектуре. Мы знаем, как выглядели жилища древних киевлян. Очевидно, что позднейшая украинская мазанка из соломы менее похожа на них, чем севернорусская изба-пятистенка. Так что даже на этом уровне именно русская изба есть преемник и наследник древнекиевской бытовой архитектуры...

Не надо обманываться. Если некий народ носит то же имя, что и в древности, или живет на территории, где в древности жили те, кого он считает своими предками, то это еще не значит, что древний и современный народы можно отождествлять. Так, каббала и Ветхий Завет — это разные религии. Пророки Ветхого Завета очень остро переживают личностность Бога, а для каббалистической традиции средневекового иудаизма Божество безличностно. В Ветхом Завете есть вера в телесное воскресение мертвых и напрочь отвергается возможность переселения душ. Напротив, в каббалистическом иудаизме присутствует идея переселения душ («гильгулим»). В Ветхом Завете категорически запрещается любая магия, алхимия, хиромантия, гадания, гороскопы и так далее. Но вся каббалистика на этом замешана. И поэтому приходится сказать, что это все-таки разные религиозные традиции.

— Но стоит ли христианству открещиваться от своего бесспорного родства с иудаизмом?

— Конечно же, у христианства есть близость с иудейской традицией. Именно она и порождает конфликтность. Там, где четко определена граница, конфликтов не бывает. Там, где граница неясна, возникают проблемы и напряженность. Есть общее наследие и общие святыни, которые по-разному интерпретируются, иногда до радикальной противоположности.

То, что предшествовало возникновению христианства, было ожиданием, последней ступенькой. Те ступеньки, которые ведут к цели, не надо осуждать, надо понимать, что их нужно пройти. Вот только жить на этой ступеньке не надо оставаться. Впрочем, взобравшись на вершину, плевать «за борт», вниз, тоже особо не стоит. То же — и с движением эбионитов, «иудействовавших христиан» (II–V вв.). Они сыграли свою позитивную роль в подготовке к принятию христианства и частью Израиля, и частью Римской империи. А сегодня, когда солнце евангельской правды давно зажжено, пробовать его погасить, делать вид, что все по-прежнему,

возвращаться опять в дохристианские времена – это уже опасно. Одно дело – язычество до Христа, которое не знает Христа и поэтому не противостоит Ему, другое дело – язычество, которое воинствует против Христова Евангелия. Одно дело – частичный полусвет, полутьма. Но когда солнце взошло, а ты жжешь лучинку и говоришь: «Закройте окна, ведь лучинка есть» – вот это уже опасно.

Вина Израиля – это, наверное, главная тайна Евангелия, и ее надо понять именно как тайну. По большому счету евреи не виноваты в том, что не узнали Христа. Не надо путать вину тех, кто кричал Пилату: *распни Его!*,– и тех, кто просто прошел мимо. Это разные состояния души. Апостол Петр говорит иудеям: *впрочем я знаю, братия, что вы, как и начальники ваши, сделали это по неведению* (Деян. 3, 17). Апостол Павел говорит, что *никто не может назвать Иисуса Господом, как только Духом Святым* (1 Кор. 12, 3). Понимаете, вот идет по улице Иерусалима Иешуа Га-Ноцри, и признать в этом Плотнике и странствующем Проповеднике Творца вселенной невозможно, хотя ты можешь наизусть знать Библию, умело жонглировать цитатами из нее и наизусть знаешь все пророчества о грядущем мессии, как знали их многие евреи. Только если Бог откроет тебе Духом Своим, что Иисус есть Господь, что Иисус есть Христос, только в этом случае можно узнать Его.

Этот благодатный дар – познания Себя – дает только Сам Бог, поэтому от Бога зависело, кого Он призовет к апостольству, а кого не призовет. Помните в Ветхом Завете: Господь ожесточил сердце фараона, и тот перестал видеть очевидные вещи и не хотел отпускать евреев из Египта (см.: Исх. 7, 3)? То, что для Моисея и израильтян было очевидным, для фараона – не было таковым.

Так же и в случае со Христом. У сектантов сегодня модно говорить, что «вот, вы, церковники, офарисеились, и, если бы сегодня Христос пришел на землю, вы бы тоже Его распяли». Знаете, я глубоко убежден, что так оно и есть, только в этом нет ничего антицерковного.

Во-первых, здесь очень важно осознать, что события, произошедшие в Евангелии, произошли с каждым из нас: не за грехи евреев Христос страдает, а за мои грехи. А вовторых, если бы Христос пришел на землю сейчас с той же целью, что и 2000 лет назад, то есть пострадать, то если такова Его цель – так произошло бы непременно. Он точно так же ослепил бы умы: ваш, мой, епископов и так далее, если, конечно, Его задача состояла бы в том, чтобы пострадать. Другое дело, мы знаем, что Второе пришествие Христа на землю будет славным, и, соответственно, вышеприведенный аргумент уже не будет действовать.

Один священник из Вятской епархии рассказывал мне, что, когда он был первоклассником, то часто читал своей бабушке Евангелие (она была очень слаба: плохо видела и с трудом ходила). И вот однажды на Страстной Седмице, когда он читал ей главы, посвященные суду над Христом и Его распятию, бабушка вдруг из последних сил поднялась с кресла, повернулась к иконам, перекрестилась и сказала: «Господи, слава Тебе, что Ты не к нам, к русским, пришел, а то ведь какой позор на весь мир был бы».

Вот это очень христианское, правильное переживание Евангелия. Мы не имеем права показывать пальцем и говорить, что «это сделали они, а мы поступили бы иначе». У них не было выбора, потому что выбор появляется в том случае, когда Господь открывает в твоем сердце знание о том, Кто есть Христос, и тогда ты уже делаешь выбор между ветхим и новым. А если ты этого нового не видишь, если тебе не дано пока такого благодатного знания, то ты и дальше катишься по колее Ветхого Завета.

— Получается, что правы те, кто оправдывают предательство Иуды предопределением Божиим?

– Нет, с Иудой совсем другая ситуация. Он совершил сознательный грех, потому что у него была возможность выбора. Ведь Иуда уже пришел к апостольству, ему уже очень

много было открыто, поэтому его положение сильно отличалось от положения обычного жителя иерусалимского пригорода, который об Иисусе только где-то что-то слышал или мельком видел Его в толпе. Но двенадцать учеников Иисуса, в том числе и Иуда, знали, Кто их Учитель, они знали, что Он Господь и Христос, и могли выбирать. Другое дело, что до момента Воскресения они не понимали Его замысла о спасении.

У профессора дореволюционной Московской духовной академии Михаила Тареева была интересная версия относительно Иуды. Он полагал, что Иуда выступил в роли провокатора-реагента, то есть он верил, что Иисус есть Христос и истинный Бог, но его смущало, что Иисус почему-то таится и всенародно не объявляет Себя мессией, не берет в Свои руки земную власть. И тогда Иуда попробовал создать ситуацию, при которой Иисус должен был бы взять власть в Израиле в Свои руки, то есть он попробовал поставить Иисуса в ту ситуацию, при которой перед Ним встал бы выбор: или смерть, или переворот. Так что, по мнению Тареева, это было предательство ради возвышения Того, Кого Иуда предал.

— Почему же Христос нигде прямо не называл Себя Богом? Наверное, это намного бы облегчило Его миссию по спасению людей, может быть, в этом случае Его бы сразу все приняли и узнали?

— В Евангелии не раз говорится о том, что иудеи просили Христа показать им какое-нибудь знамение с неба: «Дай нам его, и мы поверим, что Ты мессия». Но пойти таким путем для Христа означало бы принять то, что предлагал Ему в пустыне сатана.

А без чудес — скажи Иисус прямо, что Он Бог, евреи совсем бы Его слушать перестали, потому что, с точки зрения иудеев, Он и так уже был кощунником, который крадет Божественную славу. А язычники, пожалуй, согласились бы признать Иисуса Богом, но такое согласие означало бы только то, что в их глазах Он стал одним из тысяч богов греко-римского пантеона.

Например, сегодняшние буддисты или индуисты принимают Христа, но это никак не влияет на их религиозную жизнь. Для них Христос — один из сотен божеств их «домашнего пантеона».

И главное: Христос ведь пришел не за тем, чтобы собрать с людей дань уважения и почитания. Он пришел, чтобы умереть за нас. А для того, чтобы стать казненным, как раз не надо быть обожаемым.

— Если бы среди нас сейчас появился Иисус, смогли бы Вы Его узнать и признать — не потому, что «я знаю, что это Он», а именно потому, что это — Он?

— Первое: не признаю и не поклонюсь. Потому что именно о такого рода авантюристах Христос сказал: *многие придут под именем Моим, говоря, что это Я* — и предупреждал: *не ходите вслед их* (Лк. 21, 8). Второе пришествие Христа будет очевидным для всего человечества: *как молния, сверкнувшая от одного края неба, блистает до другого края неба, так будет Сын Человеческий в день Свой* (Лк. 17, 24). И, кроме того, до этого еще антихрист будет. Поэтому если вы хотите выяснить, пришло ли время Апокалипсиса или нет, я даю очень простой совет: смотрите НТВ.

Дело в том, что, с точки зрения иудаизма, приход мессии в мир не может быть сокровенным. Это должен быть всемирный правитель — правитель Израиля, который даст израильскому народу власть над всем миром. Иисус этого не сделал. Поэтому иудеи в большинстве своем Его не приняли. Соответственно, тот, кого евреи примут за своего Христа, должен будет отвечать их ожиданиям. Это должен быть преуспевающий политик, великолепно сделавший свою карьеру. Это должен быть правитель земного шара, но при этом еврейского происхождения. Он должен быть коронован израильтянами — но на том месте, где сейчас находится мусульманская святыня — мечеть Омара, из-за которой сейчас происходят все эти военные конфликты на Ближнем Востоке. Итак, сначала будет взорвана мечеть

Омара, потом на ее месте будет построен храм Соломона, потом там будет коронован царь Израиля, и, естественно, этот царь будет показан по всем телеканалам... Уверяю вас, скрытым все это не останется.

В 20-е гг. имела место замечательная история. Русские эмигранты арендовали одну из квартир многоэтажного дома под храм — отдельное здание не было возможности купить. Вначале все было спокойно — тихое чтение Псалтири, канонов, акафистов... А затем пришла Пасха. А это ночная служба, все кричат: «Христос воскресе!». Соседям, конечно же, не дали спать всю ночь. И возмущенные соседи наутро начинают собирать подписи с требованием закрыть этот храм. Они собирают подписи у всех жильцов и вспоминают: еще, мол, в этом подъезде живет раввин, и это ж важно: раввин — сам духовное лицо, авторитетное в мэрии, поэтому ж надо, чтоб и он подписался. И вот эти организаторы протестной акции приходят к раввину, просят его подписать бумагу, а он говорит: «Не подпишусь». Его спрашивают: «Как? А Вам разве не мешали этой ночью?». Он говорит: «Мешали».— «Разве Вы не слышали, как там кричали, орали?».— «Слышал».— «Ну и что, Вы не будете протестовать против этого?». Мудрый раввин ответил: «Если бы я был уверен, что я нашел мессию, я бы кричал еще громче». Вот это характерная черта иудаизма: если они будут уверены, что обрели мессию, они будут кричать об этом на весь мир. И конечно, покажут это по телевидению. Поэтому я и говорю: смотрите НТВ — там вам покажут всю процедуру в режиме online.

Поэтому я не намерен искать Христа среди слушателей в этом зале. Тем более, напомню, у меня есть опыт беседы с «Христом». Я ведь целых три часа с ним беседовал,— с товарищем Виссарионом из Сибири. Была интересная беседа, я ее описал в книге «Дары и анафемы», в главе «Устарел ли Новый Завет?». Это же любимый аргумент всех сект: «Как попы Ветхого Завета не узнали Христа и распяли, так и вы теперь отрицаете...» — дальше по желанию добавляется кого: Рериха, Виссариона, Муна, Хаббарда и так далее и тому подобное. Как говорится, по вкусу добавить, ненужное зачеркнуть...

БЕСЕДА О КОНСЕРВАТИЗМЕ

Возможны ли перемены в Церкви? – Языческий термин в Символе веры. – В защиту церковнославянского языка.

— Можно ли считать, что идеи консерватизма в стране хотя бы в какой-то мере победили?

— Один из критериев консерватизма в жизни — это стремление к многодетности. К естественным бракам. То есть — к бракам гетеросексуальным, а не гомосексуальным, с детьми не клонированными и не зачатыми в пробирке, без суррогатных матерей. К бракам многодетным. До тех пор, пока женщина, рождающая третьего ребенка, будет слышать в женской консультации, что она сумасшедшая, пока подружки за ее спиной будут крутить пальцем у виска — ни о каком возрождении консервативной системы ценностей говорить не приходится.

Другой показатель консервативного уклада жизни — отношение к прошлому. Здесь действительно можно говорить о том, что наследие Октября преодолевается. Современные люди готовы учиться у прошлого. Значит, истории возвращено право голоса. Это нормальная консервативная позиция. Как говорили английский консерватор Гилберт Честертон и русский консерватор Семен Франк (они оба использовали один и тот же образ), мертвые должны участвовать в наших референдумах, и они голосуют, как обычные крестьяне,— крестиками.

Третья черта консервативности — это отношение к государству, к власти. Здесь тоже намечаются перемены: мода ругать начальство потихонечку начинает уходить. Хотя среди московской интеллигенции до сих пор нужно гораздо меньше мужества для того, чтобы сказать что-нибудь критическое о государственной власти, нежели для того, чтобы ее поддержать.

И наконец, четвертая составляющая консерватизма — вертикаль. Не вертикаль власти, а вертикаль совести. Религия. По замечательной формулировке Максима Соколова, консерватизм — это Бог, родина, свобода. Бог — это то, что делает меня личностью. Это вертикаль, сверху смотрящая в глубину моей личностной совести. Родина — то, что делает меня частью человечества, это горизонталь. Вместе они создают крест. А крест только тогда значим, когда человек свободно берет его, а не по приказу.

И вот именно религиозная составляющая консерватизма в России наиболее слаба. Да, налицо массовый интерес к миру религии. Но (по крайней мере, если судить по книжно-газетной продукции) интерес этот проходит мимо христианской традиции, мимо Православия. Это интерес к различной магии и оккультизму. И это плохо. Потому что в магии нет вертикали. В магии нечему служить по-настоящему. В ней нет личностного долга, нет дерзновения в свободном риске своей единственной и уникальной жизнью предстать перед Богом. Модные идеи «кармизма» и реинкарнации перечеркивают дивные строки Бориса Пастернака:

Сколько надо отваги,
Чтоб играть на века,
Как играют овраги,
Как играет река*.

---

* *Пастернак Б.* Стихотворения и поэмы. Л., 1990. Т. 2. С. 121.

Оккультизм – это уход от выбора, от решений, от ответственности. И вообще это технологическое мышление. Лозунг: «Знание – сила» – это лозунг алхимиков. Человек, который живет в мире магии,– это человек, который живет в мире машинной, по сути дела, цивилизации. Он надеется всем управлять, все подчинить себе. А консерватор должен позволить реке течь туда, куда она течет. Он должен уметь воздерживаться от фаустовского активизма. Он должен уметь служить Тому, что считает Высшим себя.

– Если уж мы заговорили о традиционной семье – то одна из трудных тем сегодня, особенно с точки зрения консервативных ценностей,– роль женщины в семье и обществе. Ни для кого не секрет, что во многих семьях женщина сейчас и мотор, и главный добытчик. Женщина делает карьеру, стремится работать, хочет себя в чем-то проявить. Это довольно неконсервативно. А есть ли в этом здравое зерно – с точки зрения христианской?

– Если бы семья была по-настоящему консервативной и многодетной – этот вопрос и не стоял бы. Женщина просто не смогла бы никуда деться от своих малышей. Это было бы хорошо и для них, и для самой женщины. Потому что заставлять женщину жить по мужским правилам карьеры и бизнеса – это не очень человечно. А когда речь идет о малодетной или бездетной семье,– какие могут быть причины заставлять женщину сидеть дома и не приложить свои силы где-то на стороне?

Но конечно, с консервативной точки зрения, мужчина-добытчик должен обеспечить своей семье возможность жить в теплой пещере и не выходить в мир, где гуляют тигры.

– Если человек последовательно придерживается либеральных ценностей – означает ли это, что он обречен противостоять Церкви?

– Сейчас настолько все запуталось... Дело не только в неясности понятия «либеральные ценности». Хуже то, что

мы теперь не знаем, где у нас государство. Даже для Церкви это неясно. И неслучайно в Церкви в последние годы набирает силу антигосударственническая риторика — протесты против переписи населения, против введения новых паспортов, против присвоения налоговых номеров. Это ведь настоящая революция в церковной истории, только на нее почему-то не обращают внимания. Церковь, которая всегда поддерживала любые формы усиления государственной власти, сейчас в своем массовом сознании,— а нередко даже на уровне официальных заявлений,— начинает протестовать против наращивания «электронно-сыскных мышц» государства. И связано это не с пробуждением либерального мышления, а с тем, что государство теряет национальные черты, национальный статус. Государство все более и более превращается в колониальную администрацию, представляющую интересы «нового мирового порядка» на данной территории. Отсюда вопрос: в какой мере консерватор-патриот-христианин должен поддерживать действия колонизаторов? Одно дело — благословлять людей с оружием, когда это оружие в руках армии, защищающей границы страны, и совсем другое,— когда МВД держит под ружьем большее количество людей, чем Министерство обороны. Получается, что сегодня «человек с ружьем» свое ружье обратил внутрь страны, а не за пределы ее границ. Выглядит это так, будто Россия, не без наводки заокеанской метрополии, собирается воевать со своим народом. Так должны ли мы приходить в восторг от подобной перспективы?

— Может ли Православная Церковь что-то заимствовать у католиков или протестантов?

— Сначала скажем, что Церковь растет из самой себя. Ей важней сохранить верность своему истоку и заимствовать у Христа, чем брать что-то со стороны. Очень точно это почувствовали православные японцы. В 1888 г., когда

отмечалось 900-летие Крещения Руси, они направили в Синод приветственный адрес. В нем было сказано: «В нашей стране есть немало называющих себя христианами. Мы и наши отцы хорошо наблюдали за ними: одни из них и сами не знают, что они к своему учению завтра прибавят (католики), другие не знают, что они в своем учении завтра убавят (протестанты). Только то христианство, которое принесли к нам русские, сами взявшие его у греков, всегда одинаково, без прибавления и без убавления. И мы уверовали, что оно от Христа, и полюбили его»*.

Но сказав это, не надо ставить точку. Консервативная позиция — позиция благоговения перед жизнью. Предпочтения органического неорганическому. Церковь — это живой организм, а живое всегда что-то вбирает в себя из окружающей среды. Как говорил классик консервативной мысли Честертон, разные вещи хранят, то есть консервируют, по-разному. Если я хочу сохранить листочек из осеннего сада, я его просто подбираю и кладу в книжку. Совсем иначе консервируют грибы: их надо, как минимум, сварить, то есть — изменить. Если я хочу сохранить рыбу, то ее я должен выпотрошить, прокоптить или посолить. А если я хочу сохранить научную школу, то я должен каждый год ее менять, набирать новых студентов, преподавателей, осваивать новые методики работы и так далее. И только тогда дух школы будет сохранен**. Поэтому не нужно думать, что сохранение церковных преданий — это работа с копировальным автоматом.

---

* Цит. по: *Протоиерей Иоанн Восторгов.* Православие в Японии: Чтение, предложенное в торжественном собрании Тифлисского отдела Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III 26 февраля 1904 г. // Правда веры и жизни: Житие и труды священномученика протоиерея Иоанна Восторгова. М., 2004. С. 217.

** «История показала, что если мы не совершаем постоянного усилия по поддержанию творческого климата в духовных школах, то в них начинает утверждаться дух формализма, школярства» (*Патриарх Московский и всея Руси Алексий II.* Войдите в радость Господа своего… С. 145).

Сохранение Церкви означает сохранение ее живой. Меня всегда возмущает словосочетание: «Культурное наследие Православия». Когда я это слышу, я всегда встаю и говорю: «Contradicitur (“я протестую!”)! Не дождетесь!.. Наследие бывает после умерших. А мы таки живы, и потому никакого наследства лично вам мы не оставляли!». Для живого естественно что-то вбирать в себя, естественно меняться. Так и Церкви естественно вбирать в себя новые идеи и методы. Во что мы верим — это не меняется, а как мы воплощаем свою веру — здесь перемены могут быть весьма серьезными.

— Значит, Вы, хоть и консерватор, считаете возможными перемены?

— Не меняется только скелет. Живой организм меняется. Но при этом все внешнее он впускает в себя только переработав на свой лад. Это лишь кажется, что в Церкви нет перемен.

Вот, например, одна из них: в 91-м г., в мае, был издан сборник газетных статей и интервью Патриарха Алексия. Это действительно было очень необычным — присутствие иерарха в светской прессе. Это был совершенно новый феномен, которого не знали ни Советская, ни дореволюционная Россия. Изменилась форма проповеди, но не та система ценностей, из которой эта проповедь исходит.

Здесь как с любым живым организмом: всякое живое существо, начиная от одноклеточных, имеет свою мембрану, имеет свои, ясно выраженные, границы. И вот что-то из внешнего мира через эту мембрану, через кожу проникает, а что-то отсекается, остается вовне.

В биологии есть закон Уолтера Кеннона. Он гласит, что степень совершенства живых организмов определяется степенью их независимости от изменений окружающей среды. По этому критерию теплокровные животные совершеннее, чем хладнокровные. Это означает, что, независимо от того, какая температура вокруг меня, у меня, я наде-

юсь, мои 36 и 6. А вот если однажды температура моего тела, мои давления — артериальное, соматическое, внутричерепное, глазное, внутриклеточное и так далее — сравняются с той температурой или с тем давлением, которые были предсказаны Гидрометеоцентром, это будет означать, что я таки стал частью окружающей среды.

Поэтому некоторая самозамкнутость живого организма, в том числе и Церкви, закрытость от внешнего мира есть признак жизнеспособности, а не какой-то ригидности и мертвости.

В хрущевские годы имела место замечательная история. В одной школе два мальчика отказались вступать в пионеры. Их спрашивают:

— Почему вы вступать в пионеры не хотите?

— Папа не велел.

— Отца завтра в школу.

Отец приходит в школу, директор начинает на него накатывать:

— Это вы не велели вашим детям в пионеры вступать?

— Да.

— Почему?

— А вы знаете, мы христиане, мы в Бога верим, нам с вами, атеистами, пионерами, не по пути.

Директор начинает отрабатывать свою должность:

— Как это так? Это в наше время, когда мы ракеты в космос запускаем, когда Белка со Стрелкой уже три раза всю планету облаяли...

— Я не знаю, чем там Белка со Стрелкой занимались, но мы со Христом остаемся.

— Это что же получается, что все наши великие инженеры, математики, конструкторы — все не правы, а вы один правы?

— Мы — христиане, что мы будем людей судить, можно, мы со Христом останемся?

— Ну да, все, понимаете ли, идут не в ногу, один вы в ногу.

— Мы лучше со Христом...

— Конечно, все плывут по течению, один вы против.

И тут запасы христианского терпения у этого мужика иссякают, и он говорит:

— Милый мой, да ведь по течению только дерьмо плывет!

Так вот, умение плыть против течения — это признак жизнеспособного организма. Поэтому здравый консерватизм Церкви, умение Церкви дерзить современности по мелочам, не говоря уже о крупных вещах,— это признак жизнеспособности. Сквозняки свободно проходят только через пустую квартиру, в которой выбиты все окна.

Но с другой стороны не должно быть и романтики самоизоляции. Один из титанов эпохи Возрождения решил дать замечательный пир и удивить гостей живыми статуями. Для этого несколько детишек были специально позолочены к этому дню, и вот такие живые золотые голенькие ангелочки ходили по саду. Их ласкали, кормили, поили. Но потом эти дети заболели, и некоторые из них умерли. Оказалось, человек должен дышать не только носом, но и кожей, и полная изоляция — смерть для организма. Нечто подобное и в церковной жизни. Не следует думать, что мы всецело самодостаточны, что нас ничто внешнее не интересует и мы ничего не будем брать из светской культуры и современной мысли. Церкви недостаточно древних форм.

— И у Вас есть аргументы, которые могут в этом убедить даже церковного консерватора?

— За примером далеко идти не придется. Достаточно вспомнить наш Символ веры.

До сих пор многие церковные люди чувствуют некоторую мозолистость Символа веры, когда доходят до его второй части, где излагается христология. Тут обнаруживается некоторый избыток синонимичных слов — отношение

Христа и Бога Отца описывается так: «Сын Божий Единородный, рожденный от Отца прежде всех веков, свет от света, Бог истинный от Бога истинного, рожденный, а несотворенный, единосущный Отцу...». Можно было бы сказать проще: Христос есть истинный Бог наш. Но дело вот в чем. Первый Вселенский Собор был в буквальном смысле слова экуменическим, даже в современном смысле этого слова. В работе этого Собора принимали участие неправославные епископы – ариане (они как раз не видели во Христе Бога, полагая, что это высший Ангел и учитель).

Когда сегодня собирается экуменическая конференция, ее участники прежде всего начинают искать консенсус. Заглядывают во все углы и бумажки и заклинают: «Консенсус, ты где? Выходи, маленький, мы тебя не обидим, иди к нам на ручки!»...

А святые Отцы Первого Вселенского Собора искали повода поругаться. Они искали такое слово, которое бы, как меч, разрубило видимое единство православных и ариан. Символ веры – это знамя Церкви. А вот знамя в древности понималось совсем иначе, чем сегодня. Сегодня боевое знамя части – экспонат музея. Там, где-то за стеклом, стоит, и рядом солдат «на тумбочке». А в средневековье и в древности знамя – это некий видимый знак, по которому полководец может понимать, что происходит на поле битвы. Знаменосец должен быть на самой передовой, в гуще сражения, чтобы полководец, стоя на холме, мог понимать по движению знамен, где какая часть отступает, а где успех.

Так вот, Символ веры нужен был Церкви как некое пограничное знамя, которое отделяет мир Православия от другого мира. А еретики – как глисты,– попробуй уговорить глистов выйти из организма хозяина! Вот и еретики не уходят из Церкви: мы тут живем, нам здесь хорошо, у нас прописка. И поэтому очень важно было найти такое слово, с которым еретики не могли бы согласиться. Ариане (это «Свидетели Иеговы» сегодня) признают, что Иисус – это Пророк, но не Бог. Казалось бы, достаточно сказать, что Христос есть

Бог, и ересь Ария этим была бы отвергнута. Но дело в том, что есть такой трюк в дипломатии, а отчасти в сектантской проповеди — reservatio mentalis.

Представьте: беседуют два человека, и один из них употребляет некий термин, причем произносящий термин заранее знает, что его собеседник понимает это слово иначе, чем он. Но говорящий не оговаривает это различие, резервируя (reservatio...) в своем уме (...mentalis), для оправдания перед собственной совестью, именно свое понимание этого термина. Классический пример reservatio mentalis — сцена из фильма «Подвиг разведчика». Немецкие офицеры произносят тост: «За победу!».— «За нашу победу»,— уточняет переодетый в немецкую форму советский разведчик.

...У меня такое однажды было. В 1991 г., в том голодном году, в Москве был устроен шикарнейший банкет по поводу первой годовщины издания «Независимой газеты». Он запомнился московской элите тем, что ради него из Парижа привезли самолетом устриц. На этом банкете я уговорил раввина попробовать устриц, а по их закону нельзя есть всякую нечисть морскую. Но раввин-то был советский: он по книжкам знал, что устриц есть нельзя, а как они выглядят, не знал. Проходит полчаса, и раввин снова подходит ко мне с желанием еще чем-то меня поразить: «О. Андрей, а ведь я тоже считаю, что Иисус — это Бог». И глядит на меня лукаво-выжидающе, надеясь посмотреть на мой шок. Но не на того напал. Я спокойно допиваю шампанское и говорю: «Вы, наверное, имеете в виду ту строчку Псалтири: *вы – боги, и сыны Всевышнего – все* (Пс. 81, 6)?».— «Ах, как жаль, что Вы догадались. Вы понимаете, в конце концов, все мы, евреи, боги, а Иисус был евреем. Поэтому, в каком-то смысле, Он, конечно, тоже Бог».

Так вот, чтобы такого разночтения не было, на Первом Вселенском Соборе искали такое слово, которое нельзя было бы переврать. Слово «Бог», оказывается, можно было перетолковать. Другие библейские имена, прилагаемые к Иису-

су, ариане также перетолковывали занижающим образом. В ходе дискуссий выяснилось, что единственное слово, которое слишком определенно, чтобы не допускать двусмысленностей,— это слово ὁμοούσιος — «единосущный».

Его появление в Символе веры было истинным чудом Первого Вселенского Собора.

Я вам честно скажу, что у меня есть некоторое недоумение в день празднования памяти святых Отцов этого Собора. У меня возникает вопрос: а можно поименно, кто имеется в виду? Проблема вот в чем: большинство участников Собора отказались потом от этого Символа веры. Когда они разъехались с Собора, то поодиночке оказались неспособны понять, что они сделали сообща. Нет, они не стали арианами, они по-прежнему исповедовали, что Христос есть истинный Бог. Но у них возникли поводы для смущения.

Первое: слова «единосущный» нет в Библии.

Второе: это слово взято из языческого лексикона, причем из лексикона сознательных и рафинированных врагов Церкви. Этот термин философский, но не просто философский, а термин из лаборатории неоплатонической мысли. Это «две большие разницы»: Платон и Плотин. Платон жил за несколько столетий до Христа. Святые Отцы III столетия говорили о нем, что это ищущая душа, христианин до Христа. Но Плотин — это III в. по Р. Х. Это человек, знавший о Евангелии и критиковавший его. И вот из рук умнейшего из оппонентов Церкви взять созданный им термин и внести в церковную ограду — это очень странно. Символ веры — это интеллектуальная икона Церкви. Нужно ли было языческой вещью, созданной врагами Церкви, инкрустировать интеллектуальную икону Церкви, вносить эту вещь в святая святых?

И третий повод для недоумения: был уже богослов, который в III в. использовал термин «единосущный». Это — епископ Павел Самосатский. В его системе слово «единосущный» имело откровенно еретический оттенок, потому что он предложил очень простую интеллектуальную схему

Троицы: Бог один, но Он проявляет Себя в разных ситуациях с разными именами, иногда как Бог Отец, иногда как Сын, иногда как Дух Святой. То есть речь не о Личностях, а разных функциях Божества. И соответственно, обозначая тождество сущности, прячущейся за игрой трех масок, Павел Самосатский употреблял слово «единосущный». На Антиохийском соборе это было квалифицировано Церковью как ересь модализма*.

На всякий случай поясню, в чем различие языческих «троиц» и христианской Троицы. В язычестве «троица»,— индуистская Тримурти например,— это единое божество в своей трансцендентной сущности, но оно по-разному проявляет себя, преломляясь в разных гранях сложной вселенной, как единый луч солнца дробит себя в цвета радуги. Это означает, что множественность лиц божества возникает на границе бога и космоса, а сам бог в себе самом абсолютно един.

Христианская схема противоположна: Бог Троичен именно в Себе. Отношения любви и межличностного диалога, дарения есть в Самом Боге вне зависимости от космического процесса. Эти Личности владеют одной сущностью, и из этой одной, единой, простой Божественной

---

* «На Востоке термин “единосущный” был давно известен, но на нем лежала густая тень соборного осуждения. В религиозный язык выражение впервые введено гностиками-валентинианами, в церковном же он имел эманатический оттенок. У Павла Самосатского, осужденного на Антиохийском соборе 269 года, единосущие означало модалистическую слитность Божества. Все это делает понятным сдержанное отношение тогдашних богословов к Никейскому определению. Оно требовало разъяснений и толкования, а это было возможно только в связи и в целом составе целостной вероучительной системы» (*Протоиерей Георгий Флоровский.* Восточные Отцы IV века. Париж, 1990. С. 14–15). Учитывая использование основных терминов тринитарного богословия (и единосущие, и исхождение) еретиками III в., получалось, что эти слова старого философского языка можно использовать в богословии только после карантина – «только путем бесконечных обиняков, входящих в их состав» (*Рацингер Й.* Введение в христианство. С. 125).

сущности истекают в мир божественные энергии. Но поскольку они берут начало в Божественной сущности, а не Личности, то поэтому любая Божественная энергия есть проявление всех Трех Лиц сразу. Нет отдельной благодати Отца, отдельной благодати Сына и отдельной благодати Духа Святого. Поэтому получается, что на границе Бога и мира Бог Един, а вот в трансцендентном мире, в Своей тайне, Бог Троичен. Схема, ровно противоположная той, которую проповедовала индийская философия.

Понимаете, каково было мужество Отцов-авторов Символа веры, что они взяли термин, анафематствованный предыдущим авторитетным собором, реабилитировали его и вставили в Символ веры? Но то, что произошло на Соборе, оказалось непонятным для очень многих людей.

Оттого-то «церковное большинство было взволновано не осуждением арианства, а провозглашением, в противовес ему, единосущия; большинство все время сознает, что, уйдя от арианства, оно ушло от лютой ереси; но оно мучится подозрением, не попало ли оно в другую ересь»*.

Такие люди составили потом движение полуариан: их разум не принимал Символ веры Первого Вселенского Собора, но сердце у них было православным. С такими людьми и «работал» святитель Василий Великий, в следующем поколении (и за это монахи обвиняли его в «экуменизме»).

— О. Андрей, согласны ли Вы со взглядом на русский раскол как на один из моментов деградации христианского мира?

— Сегодня в нашей Церкви зреют такие же старообрядческие настроения, что вполне естественно после семидесяти лет богословской разрухи. По сути дела, не было духовной школы, не было церковного образования. В этих условиях примитивизация касается и самой церковной жизни. Смотря на то, что происходит сегодня, я лучше

* *Мелиоранский Б.* Из лекций по истории и вероучению древней христианской Церкви (I–VIII вв.). СПб., 1910. С. 173.

понимаю, что случилось в XVII веке. Вот и сегодня копятся старообрядческие рецидивы, неумение различать главное и второстепенное.

Я считаю, что раскол показал серьезнейшую болезненность православного мира, он был хирургической операцией, в результате которой гной из Церкви вытек. Церковь стала здоровее. После этого была создана новая, непохожая на предыдущие, православная цивилизация Российской империи с поразительной православно-имперской великой культурой. В XIX в. в России сложилась удивительная, не имеющая аналогов, традиция светской христианской мысли. Федор Достоевский, Николай Гоголь, Алексей Хомяков, Владимир Соловьев... Нечто подобное только во Франции произошло,— когда появились светские люди, которые защищали христианство перед лицом господствующих агрессивных светских идеологий — Антуан де Сент-Экзюпери, Габриель Марсель, Франсуа Мориак, Эммануэль Мунье...

— А правда ли, что Патриарх разрешил креститься двумя перстами в православных храмах — как и в старину?

— Такого запрета нет уже давно — как минимум, с решения Поместного Собора 1971 года... Я, например, двоеперстие считаю более точным догматическим символом, чем троеперстие. Мы крестимся тремя перстами, но ведь не Троица была распята, а «Един от Святыя Троицы» — Сын Божий. Старообрядческое соединение двух перстов символизирует единство Божественной природы Христа и человеческой, подчиненной Божеству. С этой точки зрения старое перстосложение более символично. Троеперстие же появилось, по-видимому, во времена противостояния христианства исламу. Креститься двумя перстами — это не грех. Но если вы будете в православном храме креститься двумя перстами и кто-то из прихожан это заметит и заподозрит в вас раскольника, получится, что вы

отвлекли человека от молитвы и заставили его неприязненно думать о вас. Чтобы не смущать ближнего своего, желательно придерживаться тех традиций, которые существуют в данном храме.

— Чем отличается принцип православной икономии от принципа: «Цель оправдывает средства»?

— Ничем. Просто один и тот же инструмент (например, нож) в руках хирурга будет средством помощи, а руках палача или изувера — орудием пытки. Все зависит от цели и того, кто это делает.

Вот скажите — хорошо ж человека рогатиной куда-то загонять? Плохо, правда? А знаете, Кто так делал? Иисус Христос. Помните Его слова: *трудно тебе идти против рожна* (то есть против рогатины) (см.: Деян. 9, 5)? Помните, когда и кому они были сказаны? Все время Своей земной жизни Христос прятал Свое Божество, творил чудеса только для верующих, а здесь — единственный раз Христос в Божественном виде явился неверующему человеку. И вот именно тот, кто был этим чудом загнан в христианскую веру, именно этот бывший Савл во всех своих Посланиях пишет о свободе, которую даровал нам Христос...

А помните, кто предлагает Христу превратить *камни сии* (Мф. 4, 3) в хлеб? Сатана. Христос это делает? Да! Но не по наущению сатаны. Ведь накормил Он 5 000 человек? Накормил. Вот видите: одно и то же чудесное событие может вести ко злу или к добру, в зависимости от своего источника. Исцеление само по себе не столь важно, как важно, где и как оно обретено,— у мощей Преподобного Сергия Радонежского или на сеансе у Аллана Чумака.

Икономия — это временное приостановление действия некоего церковного правила по отношению к данному человеку. Не отмена закона, не амнистия, а именно приостановление. Это отказ от законного наказания, если

духовник видит, что пользы от этого наказания человек не получит. «Предел икономии... в том, чтобы и не нарушать совершенно какое-нибудь постановление, и не вдаваться в крайность, и не причинять вреда важнейшему в том случае, когда можно сделать малое послабление по времени и обстоятельствам<...> кто приспосабливается к обстоятельствам века, тот не отступает от добра; ибо он скорее достигает желаемого, уступив немного, подобно управляющему кормилом, который немного опускает руль в случае противного ветра. А поступающий иначе отступает от цели, совершая преступление вместо приспособления к обстоятельствам<...> Невозможно ни для врача тотчас избавить больного от болезни... но только – малопомалу пользуясь как одобрениями и ласковыми словами, так и нежным обращением»[*].

Принцип православной икономии – это очень серьезное средство пастырской педагогики. У того, кто подбирает средства для достижения цели (нашего спасения), душа должна быть духовно чутка. И только это неформальное условие может удержать от извращения, то есть от мутации принципа «цель оправдывает средства» в принцип «наша цель – оправдать наши средства».

– Часто приходится слышать: «Православие – это такой консерватизм, вот если бы попроще, посовременнее». В догмах ли дело?

– Я очень рад, что Православие консервативно, что у него твердые и неизменные догмы. Без этого жизнь вообще невозможна. Все мы живы, потому что у нас есть твердые и неизменные составы нашего естества – кости. Они держат наши мышцы, все наше тело. Без них мы были бы медузами. Так вот, я не хотел бы видеть свою

---

[*] *Преподобный Феодор Студит.* Послание 24. К Феоктисту-магистру // *Преподобный Феодор Студит.* Послания. М., 2003. Кн. 1. Ч. 1. С. 73; *Он же.* Послание 49. К Навкратию-сыну // Там же. С. 166.

Церковь растекшейся медузой, без своего характера и своего взгляда на мир. Я очень рад, что Православие хранит свои догмы, не приспосабливаясь под ныне модные сквозняки.

— Разве не возникает конфликта между обрядоверием бабушек и религиозной философией интеллигенции?

— Напротив, именно человек с развитым гуманитарным вкусом в состоянии понять символику обрядов. Он привык, что в культуре, истории не бывает бессмысленных мелочей, умеет ценить детали. Поэтому в храме такие люди оказываются в естественной для себя атмосфере, в которой все полно этого смысла. И что интересно: именно церковная молодежь настаивает сегодня на том, чтобы форма жизни Церкви была максимально архаична и консервативна.

— Тем не менее, согласитесь, внутри самой Церкви сосуществуют обрядоверие и философия, обновленчество и традиционализм, славянофильство и западничество...

— Сосуществуют, и все же я убежден, что будущее — за молодыми консерваторами. Молодежь ищет защиты против духа модернизма и реформаторства. Она бунтует против психологии потребительства, против идеалов, которые недостойны человека, против тотальной «макдоналдсизации». Есть несколько видов бунта. Самый созидательный, по-моему, это бунт против современной пошлости во имя вечности и во имя традиции.

Это прекрасно выражено в стихотворении Марины Цветаевой «Отцам»:

В мире, ревущем:
— Слава грядущим!
Что́ во мне шепчет:
— Слава прошедшим!*.

---

* *Цветаева М.* Собр. соч.: В 7 т. М., 1994. Т. 2: Стихотворения и переводы. С. 330.

— Некоторые люди считают Православие реликтовой религией. Заходя в храм, человек не ощущает никакой связи между происходящим там и современной жизнью, в которой он пользуется Интернетом, слушает рок-музыку.

— Людей, с которыми я общаюсь, наоборот, радует эта реликтовость, как вы выразились, Православия, наш консерватизм. Это право быть другим, быть разным. Мне дорога и другая цветаевская строка: «Я вправе не быть своим собственным современником»*. Церковь дает возможность выбирать, чьим современником ты хочешь быть. Меня радует, что я вхожу в храм и молюсь теми же словами, которыми молились Преподобный Сергий Радонежский, преподобный Серафим Саровский.

— Не считаете ли Вы, что форма православного богослужения, использование архаичного старославянского, отталкивает от Церкви молодежь?

— А «старежь» это не отталкивает? Молодому-то легче понять старославянский язык, чем пожилому. Мышление у молодых более гибкое. Но старики в храм ходят и не жалуются на «непонятность».

Отчего это язык, который был понятен неграмотным крестьянам XVIII в., вдруг стал непонятен кандидатам наук XXI в.? В церковнославянском (старославянском) языке всего лишь десяток корней, которых нет в современном русском языке. За последние десять лет мы с вами выучились словам типа «ваучер» и «фьючерс», «сайт» и «провайдер», «хоббит» и «квиддич». Неужели трудно понять, что означают слова «живот», «присно», «выну» и так далее? Для образованного человека, я думаю, проблемы это никакой не составляет. А необразованной молодежи в храмах сейчас просто нет.

Бабушкам в храме не скучно и не непонятно. И если происходящее в храме непонятно человеку с высшим образованием (особенно с гуманитарным) — значит, чело-

* *Цветаева М.* Собр. соч.: В 7 т. Т. 7: Письма. С. 243.

век просто не желает приложить усилий к пониманию. А без воли к пониманию никакое постижение невозможно. Следовательно, дело не в трудности и неразрешимости задачи, а в нежелании приступить к ее разрешению. Как справедливо заметил архимандрит Софроний (Сахаров): «Неуместны доводы якобы непонятности для многих современных людей старого церковного языка; людей поголовно грамотных и даже образованных. Для таковых овладеть совсем небольшим количеством неупотребительных в обыденной жизни слов — дело нескольких часов. Все без исключения затрачивают огромные усилия для усвоения сложных терминологий различных областей научного или технического знания; политических, юридических и социальных наук; языка философского или поэтического... Почему бы понуждать Церковь к утере языка, необходимого для выражения свойственных высших форм богословия или духовных опытов?»*.

А потом, напрасно Вы думаете, что если в храме служить на русском языке, то там будет больше молодежи. Появятся другие отговорки: «Посты длинные, службы долгие, скамейки жесткие, пол холодный, и вообще с пивом мы вчера перебрали... Вот была бы на этом мраморном полу дискотека — вот тогда мы пришли бы...».

Есть люди, которые ищут самооправдания своей нецерковности. Они верят, но живут «мимо» Церкви. Сейчас практически нет людей, которые были бы сознательными атеистами. Их кредо — «что-то есть», и — «мы православные, потому что мы русские». И как же им объяснить самим себе и друзьям свою нелогичность, сочетание своей полуверы и своей полной нецерковности?

И тогда он находит как будто «рациональный» довод: «А у вас попы пьяные, и мне вообще непонятно, о чем вы там молитесь».

---

* *Архимандрит Софроний (Сахаров).* Видеть Бога как Он есть. Birmingham, 1985. С. 229–230.

Нет, не язык разделяет эти два мира: Церковь и молодежь. Я не поддаюсь обаянию формулы, гласящей, что если бы, мол, мы перешли на русский язык, то люди пошли бы в храм. Да не пошли бы! Человек решает, идти или не идти в храм совсем не ради того, чтобы нечто «понять», «расслышать». А хочется ли ему понимать? Да и вообще за пониманием ли он в храм зашел? Ведь молитва – это не сводка теленовостей. Тут понятность не самое главное. Будь оно иначе – православные интернет-странички стали бы конкурентами храмов...

И с нашей стороны главная трудность – не в языке богослужения, а в языке общения людей. Если бы оптинские старцы молились на китайском языке, люди все равно бы к ним шли, потому что старцы говорили на языке любви. Этого языка люди ждут, этот язык они чувствуют. И поэтому когда начинаются дискуссии о том, на каком языке вести службу, то, по-моему, это попытка уйти от главного. Почему в наших храмах мало любви? Вот главный вопрос. Остальное потом.

Вот заходит в храм человек, не прихожанин, а захожанин. Заходит в такую минуту, когда службы нет. Служба только что кончилась, и батюшка еще не успел из храма убежать. Человек заходит и видит: справа свечной ящик, там бабушка свечки продает; а слева батюшка стоит, ничем не занят. Вопрос: к кому обратится зашедший?.. Вот и вы дружно отвечаете, что к бабушке... Но тогда второй вопрос: ну почему нас, попов, так боятся? Если священники будут радоваться людям (не сбору, а людям!), то и люди будут радоваться священникам.

Но слишком часто священнику или епископу нечего сказать людям. И это видно, когда он пробует выдавить из себя проповедь или интервью. Видно, что нет у него никакого интереса к людям. В последнее время даже появился такой тип священника, у которого нет даже экономического интереса к людям. Потому что у него есть парочка богатых спонсоров, и этого ему хватает и на ремонт храма, и на стро-

ительство дачи. Так что ему даже с точки зрения экономики не интересно, чтобы у него больше прихожан было. У него и так все хорошо.

Один российский архиерей лет пять назад приказал во всех храмах своей епархии пробить выход из алтаря прямо на улицу, чтобы он мог сразу после службы сесть в «Волгу» и, избегая общения с паствой, уехать. Вот пока у нас будут такие тайные лазы, отчужденность людей от Церкви будет оставаться.

Беда наших приходов, на мой взгляд, в другом. Не в наличии церковнославянского языка, а в отсутствии языка любви. Я, повторюсь, уверен: если бы и преподобный Серафим Саровский совершал Литургию на китайском, люди бы все равно к нему шли. Они ощущали бы дух этого пастыря, они видели бы его глаза, лицо, неравнодушие к тем, кто стоит перед ним. Важно, кто священник — пастырь или наемник.

Священник из предстоятеля должен превратиться в председателя. В самом буквальном смысле этого слова. На богослужении священник именно пред-стоит. Он вместе с верующими смотрит в одной точку — на Восток, навстречу Второму приходу Христа. Поэтому, кстати, поворот престола и молящегося священника лицом к верующим (что сделали протестанты и католики) разрывает динамику богослужения, замыкает людей в их чисто человеческом и иерархическом общении. В таком случае люди смотрят друг на друга, настоятель противопоставлен молящимся...

Так вот, кроме — пред-стояния, священник должен еще и пред-седать: после службы, в собрании, чаепитии, беседе. Нужна обычная человеческая доступность священника. И вот в этом смысле у тех же протестантов лучше. Чем у нас. Нет-нет, не спешите обвинять меня в экуменизме. Я всего лишь повторяю то, о чем мечтал еще святитель Феофан Затворник: «Отчет я читал. Там нет ничего неправославного. Хвалит штундистов не как правоверующих, а что как кто станет штундистом, так начинает добре жить. Цель у него —

завесть православную штунду*. Ведь штунда, собственно, есть собрание для бесед благочестивых не в богослужебные часы. Тут поют духовные стихи, читают Евангелие, книги, беседы ведут. Я рекомендовал ему этот отчет представить владыке с той целью, чтобы возбудить его заводить везде православную штунду, внецерковные собрания и беседы»**.

Нет, я не встал в позу обличителя, тыкающего пальчиком в чужие грехи и немощи. Сказанное мною – лишь часть нашего общего серьезнейшего недуга. Имя этому недугу – неправославие. Неправославие не в смысле ереси и отступления от догм. Неправославие в смысле неверной молитвы. Это и мой личный недуг. Богослужение очень часто отбирает у меня силы, а не дает. Почему, причастившись Тела и Крови Христа, я чувствую себя уставшим? Мне прилечь хочется, вместо того чтобы, «с миром изыдя о имени Господнем», горы с места сдвигать, ибо *все могу в укрепляющем меня Господе Иисусе* (Флп. 4, 13)... Эта послелитургическая немощь есть признак духовной болезни. Знаю, что бывает иначе, что порой именно после службы летишь как на крыльях. Но почему же так редко? Почему так в прошлом?..

Наконец, говоря о «понятности», стоит помнить, что понятность – это вещь отнюдь не лингвистическая. Есть непонятность, порождаемая различием личного опыта. Есть непонятность, порождаемая расстоянием между культурами. Богослужение родом из византийской культуры, и это уже предполагает, что его язык до некоторой степени иностранен. Даже если его перевели на русский.

Вы встречали издания Канона Андрея Критского с переводом на русский язык? И что, понятно? Да ничего не понятно! Чтобы его понять, надо на отлично знать Ветхий Завет.

---

* Название – от немецкого: studieren – «изучать».

** *Святитель Феофан Затворник.* Собрание писем: Из неопубликованного. М., 2001. С. 161.

Ну, переведете вы с церковнославянского на русский язык: «Ниневитяны душе слышала еси кающияся Богу». Но что это скажет душе, которая как раз никогда и не слышала про «ниневитян» и про их покаяние? Бесполезно говорить: «Будь как Жанна д'Арк» — тому, кто никогда не слышал о ее жизни и подвигах. Бесполезно говорить: «Кайся, как ниневитяне» — тому, кто и знать не знает, что такое Ниневия, где она находилась и что там произошло...

Или — из Чина исповеди: «Боже... Иже пророком Твоим Нафаном покаявшемуся Давиду о своих согрешениих, оставление даровавый». Перевели на русский: «Боже... Который через Своего пророка Нафана даровал оставление грехов покаявшемуся Давиду». Ну и что? Для того чтобы понять эту фразу, надо знать не церковнославянский язык, а то, кто такие Давид и Нафан, что произошло между ними (см.: 2 Цар. 12) и в чем был грех Давида...

Другой же, и очень серьезный вопрос,— вопрос о мере нашего созвучия уже не Библии, а византийской литературе. Меняются вкусы. То, что казалось прекрасным византийским литераторам, кажется пошлым современному человеку. Позолоченный предмет в бытовом обиходе — что это: изысканность или дурновкусие? Раскрываю один из акафистов Божией Матери и встречаю там выражение: «О Ручка позлащенная». Может, византийцев это и приводило в благоговейный трепет. Если же это на русский перевести, то будет: «О позолоченная Ручка»! Чем лучше-то стало? Только еще больше видна дистанция, отделяющая нас от византийской культуры и ее штампов. Это уже не вполне наш язык, не во всем наша культура. И опять — нужны пояснения: Божия Матерь потому Ручка, что Ее Сын говорил: *Я есть Дверь* (ср.: Ин. 10, 7).

А если пояснять все — так и молиться не будет времени... Чукотский писатель Юрий Рытхэу рассказывает, что впервые с поэзией Пушкина он познакомился в переводе,

который его школьный учитель сделал для своих учеников. Стремясь объяснить все непонятное, учитель получил такой перевод: «У берега, очертания которого похожи на изгиб лука, стоит зеленое дерево, из которого делают копылья для нарт. На этом дереве висит цепь из денежного металла, из того самого, из чего два зуба у нашего директора школы. И днем, и ночью вокруг этого дерева ходит животное, похожее на собаку, но помельче и очень ловкое. Это животное ученое, говорящее...».

Так что вопрос не в языке, а в посещаемости церковно-приходских школ, в том, насколько мы знаем библейские события и соотносим их со своей жизнью. Я убежден, что не форму богослужения надо менять, а церковную жизнь за пределами богослужения надо разнообразить. Не надо ничего менять во внутренней церковной жизни: в том, что касается богослужения, в том, что называется словом «Православие» (умение правильно славить Господа). История России показывает, что народ очень болезненно воспринимает, когда власть или отдельный человек прикасаются к этому жизненному нерву Православия – обряду, молитве, Таинству, составу вероучения.

Но могут быть реформы в церковном дворе. Не в церковных стенах, а в церковном дворе – на территории, окружающей Церковь,– территории, пограничной с миром внешней культуры. Ступеньки, подводящие к церковной двери, могут ремонтироваться, реформироваться. Но собственно церковное пространство, обжитое, намоленное, дорогое для людей, которое уже в Церкви, я думаю, не стоит перестраивать.

Представьте себе: мы, современные люди – студенты, аспиранты и прочие, живем в современной информационной цивилизации, и вот однажды кто-то из нас, какой-то внучек приезжает в деревню к бабушке, на каникулы. А бабушка встречает его на околице и говорит: «Ты знаешь, я так тебя ждала, что к твоему приезду у себя в избе евро-

ремонт сделала». Не думаю, что внучка сильно обрадует такого рода сообщение. Так что, при всей безудержной переменчивости нашей светской жизни, просто хотя бы для того, чтобы не сойти с ума, нужны островки стабильности, островки архаичности, традиционности. Поэтому я ни в коем случае не сторонник реформ Литургии.

Но если в храме или вне его, до службы или после будет возможность для общения людей, для встреч, дискуссий, тогда и вопрос языка богослужения будет просто неинтересен. Не устраивая в храме евроремонта, нужно просто расширить дорогу, ведущую в него.

И нельзя не учитывать здесь еще одно обстоятельство, хотя оно не решающее: у разных текстов разное назначение. Одни существуют для того, чтобы донести до людей некую информацию, другие — чтобы совершить некий сдвиг в душе человека. Мы читаем утренние молитвы не с той же целью, с какой читаем утренние газеты. Поэтому критерий понятности здесь все же не главный. Очень многие религиозные традиции мира сохраняют это странное двуязычие: мусульмане всего мира молятся на арабском языке, независимо от того, какой у них родной; буддисты всего мира молятся на пали или на тибетском языке (а не на калмыцком или бурятском); индуисты молятся на санскрите, хотя он и не похож на современные языки Индии.

А знаете, как русский человек переживает церковнославянский язык, если только он разрешит себе с любовью вслушаться в его мелодику? Об этом рассказал Валентин Распутин. Персонаж его повести «Дочь Ивана, мать Ивана» так открывает мир нового для него языка (языка, а не «базара»): «Он взял с собой из дому на всякий случай книгу пословиц русского народа и церковнославянский словарь. И на всякий же случай на третий или четвертый день раскрыл словарь. Полистал, вслух повторяя осторожно и трогательно, словно пробуя на вкус и боясь вспугнуть: лепота, вельми,

верея, чресла, навет, златозарный, светосиянный... и откинулся в изнеможении: что это? Если бы отыскался человек, воспитывавшийся в глухом заточении и никогда не слышавший слов мама, люблю, дорогой, спасибо, никогда от рождения своего не ведавший ласки и не засыпавший под колыбельную, он бы их тотчас понял и узнал при встрече, потому что он и не жил без них, все ждал и ждал, когда прикоснется к нему волшебная палочка их звучания и оживит его. Иван точно клавиши перебирал, и дивная музыка узнавания звучала в нем мягкими и торжественными аккордами. Все эти слова, все понятия эти в Иване были, их надо было только разбудить... все-все знакомое, откликающееся, давно стучащееся в стенки... Это что же выходит? Сколько же в нем, выходит, немого и глухого, забитого в неведомые углы, нуждается в пробуждении! Он как бы недорожденный, недораспустившийся, живущий в полутьме и согбении».

Это не означает, что я считаю церковнославянский язык в его нынешнем виде неприкосновенным. Церковнославянский язык всегда был языком храма, то есть он никогда не был языком улицы. Это изначально искусственный язык, на нем никто никогда друг с другом не разговаривал. Это — эсперанто*. И в этом его огромное преимущество, связанное с тем, что церковнославянский язык легко поддается реформам. Поскольку это искусственный язык, то при наличии воли его легко реформировать, осовременить. Сделать то, что, собственно, и происходило на протяжении столетий. И конечно, современный церковнославянский язык — это не вполне язык Кирилла и Мефодия: между ними немало различий, появившихся в результате постепенной русификации церковнославянского языка. Каждый переписчик текстов изменял их язык отчасти вольно, отчасти невольно. А вот с появлением типографий этот процесс удалось взять под контроль. Этот

* *Эсперанто* — язык, изобретенный в конце XIX в. польским врачом Людвиком Заменгофом.

путь не закрыт и сегодня. По меньшей мере два раза за последние сто лет это происходило: в начале XX столетия был заново отредактирован круг богослужебных книг (издание вышло под руководством архиепископа, а позднее Патриарха Сергия), а в 70–80-е гг. последовал новый пересмотр, под руководством митрополита Питирима.

О такого рода пересмотрах мечтал святитель Феофан Затворник: «Ушинский пишет*, что в числе побуждений к отпадению к штунду** совратившиеся выставляют между прочим то, что у нас в Церкви ничего не поймешь, что читают и поют. И это не по дурному исполнению, а потому, что само читаемое – темно. Он пишет, что поставлен был в тупик, когда ему прочитали какой-то тропарь или стихиру и просили сказать мысль. Ничего не мог сказать: очень темно. Из Питера писали мне две барыни тоже об этом: у Пашкова*** все понятно, а у нас – ничего. *Ничего* – много; а что много непонятного – справедливо. Предержащей власти следует об этом позаботиться и уяснить богослужебные книги, оставляя, однако, язык славянский. Книги богослужебные по своему назначению должны быть изменяемы. Наши иерархи не скучают от неясности, потому что не слышат, сидя в алтаре. Заставить бы их прочитать службы хоть бы на Богоявленье!!! Богослужебные книги надо вновь перевесть, чтоб все было понятно. Архиереи и иереи не все слышат, что читается и поется, сидя в алтаре. Потому не знают, какой мрак в книгах, и это по причине отжившего век перевода... Большая часть из сих песнопений непонятны совсем»****. «И церковные молитвословия могут быть

---

* См.: *Ушинский А.* Вероучение малорусских штундистов. Казань, 1886.

** *Штунда* – секта протестантского типа; ближе всего к баптизму.

*** Один из основателей баптистского движения в России.

**** *Святитель Феофан Затворник.* Собрание писем. Репр. [М.], 1994. Вып. 7. С. 155, 158; Вып. 2. С. 143.

изменяемы; но не всяким самочинно, а церковною властию. Неизменны только словеса, Таинства совершающие. Прочие все тропари, стихиры, каноны — текучи суть в Церкви. И власть церковная может их — одна отменить, а другая вводить. В печатных церковных службах перевод уже устарел, много темного и излишнего... Начала чувствоваться потребность обновления»*.

Святитель Николай Японский, которого необходимость перевода богослужебных текстов на японский язык заставила поближе познакомиться с нашими церковнославянскими переводами, не раз оказывался в тупике: «Что за трудности в канонах!.. А без греческого текста и совсем не понять бы их! Как жаль, что не исправляют славянский текст богослужения!.. Славянский текст в иных местах — просто набор слов, которых не свяжешь, как ни думай. Хотел бросить, пока добуду греческий подлинник; впрочем, с присочинением и опущениями — пошло»**.

Так что и новые переводы, и «присочинения», и «опущения» при новых редакциях церковнославянских текстов знакомы церковной истории. И если при новом издании выражение «неумытный Судия» (из 3-й коленопреклоненной молитвы на вечерне Пятидесятницы) заменить на «неподкупный Судия» или «немздоимный Судия», то вряд ли духовный смысл и эстетика богослужения потерпят какой-либо ущерб.

И все же в разговорах о том, что «в Церкви все непонятно», есть изрядная неправда. Неправда прежде всего — в словечке «всё». Как бы ни были непонятны действия священнослужителя или обороты церковнославянского языка, са-

---

* *Святитель Феофан Затворник.* Собрание писем: Из неопубликованного. С. 210.

** *Святитель Николай Японский.* Записи в дневнике от 31.10 и 24.11 1903 г. // Дневники святого Николая Японского. Хоккайдо, 1994. С. 329, 339.

мая главная церковная молитва – «Господи, помилуй!» – прекрасно понятна, даже несмотря на то, что слово «Господи» стоит в звательном падеже, который отсутствует в современном русском языке.

Еще одна неправда формулы: «В Церкви все непонятно» – в том, что эта «непонятность» имеет очень даже понятное и благое миссионерское последствие. Люди устали жить в искусственном мире, где все создано их головами и руками (а по-настоящему «понятно» только то, что технологично, причем эта технология знакома «понимающему»). Человек ищет опоры в том, что не является артефактом, что не имеет слишком уж броской и наглой этикетки: «Made in современность». Очевидная инаковость строя церковной жизни, мысли, инаковость даже языка и календаря, имен и этикета привлекает многих людей, которые не желают превращаться в «глотателей пустот, читателей газет» (выражение Цветаевой). Как раз это и есть признак истинной Церкви – непонятность ее, несводимость ее к нашим объяснительным штампам и привычкам. Это – признак нерукотворного, признак Чуда. Чудо не может вместить себя в символы, до конца понятные и вполне адекватно переведенные на секулярный язык. И поэтому язык Церкви (речь идет не только о языке веры и богослужения, но и о языке церковной мысли) никогда не может стать до конца «родным», своим для людей, воспитанных во внецерковном, а сегодня, пожалуй, и в антицерковном мире. Может, в Церковь, где все понятно, легче прийти. Но не стоит забывать, что из Церкви, где все понятно, также значительно легче уйти.

Неправда формулы: «В Церкви все непонятно» – и в предположении, что Церковь только для того и существует, чтобы с максимальным комфортом встретить автора этого «крика души», подвести его к церковному порогу и максимально «тактично», «понятно» и «культурно» расширить его кругозор. Но ведь Церковь существует не только и не столько ради осуществления миссионерских проектов. Люди сегодня

напрочь забыли, что формы православного богослужения были созданы не для обращения вчерашних атеистов, а для помощи уже верующим людям в их духовном труде. Привести человека к порогу христианства не так уж трудно. Но человеку надо жить дальше. И Церкви есть что сказать не только неофитам. Если же все в речи Церкви понятно начинающему – значит, в дальнейшем для него закрыт путь к возрастанию. Если человеку, еще далекому от христианства, в храме «все понятно» – значит, в этом храме пусто. Если бы пятиклассник взял учебник пятого курса института и ему там вдруг все стало бы понятно – это означало бы, что дистанция в десять лет учебы между пятым классом и пятым курсом оказалась излишней, пустой. Пятикурснику не сообщается ничего такого, чего не мог бы быстренько понять и усвоить ребенок. Церковная же речь предполагает приобретение человеком такого опыта, которого у него не было прежде. В этом смысле церковная речь эзотерична. Профан же требует, чтобы ему «сделали понятно» еще до того, как он прошел инициацию. У Церкви нет никаких секретов. Просто у нее есть такой опыт, который рождается и поддерживается в душах церковных людей. Им питается обряд, и ради его сохранения обряд и сложился.

В общем, никогда в храме не может быть понятно «всё» или даже главное, если человек не будет прилагать усилия к росту. Непонятность должна быть вызовом, побуждением к росту и к изменению самого недоумевающего, а не поводом к тому, чтобы церковная жизнь стала всецело понятна секулярному мышлению. Не понимать Евангелие – стыдно. Если душа бежит от «непонятной» православной службы – значит, душа нездорова. «Непонятно» – это приговор, выносимый Евангелием современной цивилизации, а не констатация «болезни» и «отсталости» Церкви.

Требование «обновления» Церкви в большинстве случаев не более чем средство психической самозащиты. Человек пытается объяснить сам себе (и отчасти окружающим),

почему все-таки он не может расслышать евангельский зов. В глубине сердца чувствуя истинность евангельских ценностей, человек старается заглушить голос совести.

В церковной жизни и молитве «все непонятно» людям, живущим вдалеке от Церкви, но при этом почему-то желающим реформировать не свою, а чужую среду обитания.

— Непонятность Литургии усиливается еще и оттого, что значительную часть молитв священник читает про себя. Стоит ли читать евхаристические молитвы вслух?

— Я недавно был на одном приходе, там батюшка эту проблему решил очень просто. Все идет как обычно: хор поет свое, священник читает свои священнические молитвы, но читает не вперегонки с хором, а так, как священнику надо, чтобы проговорить, понять и пережить каждое слово. То есть спокойно читает, а не как на чемпионате по скорочтению. И соответственно, когда хор замолкает, батюшка только половину молитвы прочитал и ничтоже сумняшеся продолжает читать ее дальше, но вслух, громко и внятно.

Нечто подобное есть на патриарших службах. Патриарх в алтаре громко и вслух читает все молитвы, и на его службах священникам не приходится пользоваться Служебником. В храме, где я сейчас служу, настоятель тоже читает достаточно громко. Поэтому, когда я попадаю на «молчаливую» Литургию, у меня возникает ощущение собственной диаконской ненужности в алтаре в эти минуты.

Эти молитвы тайные не потому, что они секретные, а потому, что они таинствосовершительные.

— Не слишком ли много обрядов в Церкви? Не заслоняют ли они главное — чувство Бога в душе?

— Человек, который говорит о том, что в религии главное не внешние обряды, а внутреннее, духовно-сердечное делание, не всегда прав. Он прав, если тот идеал, который

он обосновывает этими словами, оказывается более требователен по отношению к нему, чем обычный устав благочестивой жизни мирянина. Но эти же слова способны прикрывать великую неправду, если их приспособляют для того, чтобы не исполнять даже те религиозные требования, которые обращает к человеку не столь уж высокая в своих идеалах, но все же религиозно действенная и реальная «средняя вера». Подвижник и мистик, жаждущий большего, чем уставная молитва, чающий всецелой перемены своей жизни и своего сердца, имеет право говорить о том, что спасение нельзя купить жертвами и обрядами. Но обыватель, который ленится потревожить тину своей страстной жизни исповедью и ежеутренней молитвой, который считает унизительным для себя молиться «со старухами» и причащаться с ними из одной ложечки, не имеет нравственного права ставить духовное выше «обряда», того обряда, до которого он еще просто не дорос. Проповедник такой лжемистики отнюдь не «сын Божий», познавший свою свободу в Духе, а лукавый раб, который хочет спастись с наименьшими усилиями и радостно хватается за духовное понимание деятельно-религиозного идеала, чтобы лицемерно оправдать свою умеренно-языческую жизнь.

Неужели не бросается в глаза несуразность ситуации, при которой к радикальному обновлению «обрядности» или и вовсе к ее отмене призывают люди, сами не практикующие никакой веры, люди, составившие свои представления о религии и «духовности» на основании пяти-шести газетных статей, в то время как на сохранении ясных и определенных устоев церковной жизни настаивают те, которые научились обращаться к Богу на «Ты», преодолев холод безлично-философского «Он»? С почти детским эгоизмом маловеры требуют, чтобы им «сделали духовно» без всякого их собственного молитвенного труда.

Боюсь, что призывы маловерующих людей приспособить богослужение к их вкусам слишком сродни известной попытке Старика Хоттабыча исправить правила игры в футбол через раздачу каждому игроку по собственному мячу.

Неприязнь нынешнего, информационно-технологического, века к обряду понятна: обряд малоинформативен. Чтобы оставаться прежним, «читатель газет» жаждет, чтобы ему забивали душу «новостями», которые не имеют к нему ровно никакого отношения. Это новости, на которые не надо реагировать и на которые нельзя реагировать (ну как, в самом деле, жителю Рязани реагировать на новость о перевороте в Латинской Америке?). Но древний текст Нового Завета открыто и требовательно взывает к моей личной реакции. Реагировать не хочется, менять свою жизнь не хочется. И поэтому то, что единственно способно принести новость в мою жизнь, объявляется «устаревшим». И то, что не нравится людям в Евангелии, не нравится им и в молитве, молитвослове, в обряде. Молитва также не есть «чтиво». Молитву вообще нельзя «прочитать», ее надо проговорить, проработать в себе. Когда я открываю вечером молитвослов – я не надеюсь в нем вычитать что-то незнакомое. Иногда нужно не потреблять (как потребляют новые впечатления и знания), а давать, производить. Молитва как работа души и есть такое производящее усилие, поворачивающее мое сердце ко Творцу.

На деле человек, осуждающий показные проявления благочестия у других, человек, рассуждающий о том, что для «истинной веры» не нужны внешние формы, скорее всего ищет лишь оправдания своего собственного безверия. Не могу я поверить, что люди, сетующие в телеинтервью на излишнюю «формальность» Православия, дома, в тиши своей кельи, часами творят молитву своими собственными словами.

Хотя бы поэтому не стоит слишком торопиться с реакцией на это нытье нецерковных людей. Душевный да не судит о духовном (см.: 1 Кор. 2, 14–15). И прежде чем принимать от внешних критику по поводу излишней «заформализованности церковного культа», стоит подумать: действительно ли критикующий примет Евангелие и Православие и станет добрым прихожанином, едва только формы обряда будут изменены в том направлении, которое кажется ему

желательным? Миссионерское приспособление призвано облегчить вступление в Церковь тем людям, которые желают в нее вступить, но теряются в недоумениях и затруднениях. А действительно ли наши критики принадлежат к этому разряду *желающих*? Ради приобретения одной овечки можно оставить девяносто девять и пойти к ней в те дебри, в которых она затерялась. Но *овечка* ли взывает о спасительных для нее церковных реформах? Или же демгазеты разносят глас совсем иного существа, которое лишь прикрыто шкурой под названием: «Забота о нуждах овечек»?

— Образованный человек может с определенными допущениями соизмерить свою жизнь с канонами Церкви, а воспитанный в советской школе испугается многочисленных запретов и не придет в храм. Церковь замечает эту проблему?

— У меня нет рецепта для ее решения. Дело в том, что у нашего поколения нет права на церковные реформы. Был такой анекдот. Армянскому радио задают вопрос: «Сколько дипломов надо иметь, чтобы считаться интеллигентным человеком?». Ответ такой: «Нужны три диплома о высшем образовании: дедушкин, папин и свой собственный». Нечто подобное есть и в церковной жизни. Чтобы стать по-настоящему церковным человеком, нужно иметь эту преемственность поколений. Каждый из нас несет в себе след этого перелома от атеизма к вере и шарахается из крайности в крайность. И наши дети за это будут еще отвечать. Я несколько раз слышал такие истории от молодых священников: «Вот перед нашим старшим ребеночком мы виноваты, мы ему детство сломали. Когда в Церковь пошли, не могли еще всерьез сориентироваться. Кто-то нам сказал, что сказки — это страшный грех, язычество. И поэтому мы ребенка воспитывали только на житиях святых. А вот когда второй родился, мы уже поумнели, воцерковились и поняли, что мир сказок и чудес ребенку нужен». Так что наши дети, дети неофитов, тоже будут расплачиваться. А

вот наши внуки будут чувствовать себя в Церкви как в отеческом доме. И у них будет право что-то менять. У нас его нет. Мы можем только думать на эти темы. Должны думать.

Детям мы должны передать нашу Церковь, не искалеченную нашими реформами, и опыт наших размышлений о том, что и как можно было бы переменить в Церкви и кто бы мог это сделать. Например, нашим детям (семинаристам) полезно было бы с карандашом в руках, с возмущением и с сокрушением прочитать книгу священника Сергия Желудкова «Литургические заметки»*.

— Как Вы относитесь к опыту о. Георгия Кочеткова по русификации службы?

— Мне кажется странным, что сторонниками перехода на русский язык в богослужении порой являются пастыри тех приходов, где преобладает гуманитарная интеллигенция. Действительно, богослужебная комиссия Поместного Собора 1917–1918 годов предложила: «В целях приближения нашего церковного богослужения к пониманию *простого народа* признаются и права общерусского языка для богослужения»**. Как видим, речь идет о «простом народе». И если бы храм в районе ЗИЛа решил перейти на русский язык и на упрощенное богослужение — это было бы понятно. Но зачем же заниматься упрощенчеством ради общины, состоящей из «доцентов с кандидатами»? Получается очевидное излишество. Русифицированность, облегченность богослужений должна быть временной, чтобы именно и лишь на первых порах облегчать людям усвоение того, что они в теории узнают на уроках. Но странно совмещать высокоинтеллектуальные игры в приходских лекториях с упрощенным богослужением. Ведь нельзя читать одновременно годичный курс по символике православной иконописи и

---

* См.: *Священник С. Желудков.* Литургические заметки. М., 2003.

** Доклад «О церковно-богослужебном языке» // Христианский вестник. 1994. № 3–4. С. 12.

при этом храм украшать комиксами. И комиксам есть свое место, и детскую Библию можно дать не только ребеночку. Но нелогично предлагать упрощенную службу прихожанам, которые только что прослушали фундаментальный курс по символике и истории богослужения.

— Предложения все же начать перемены в церковном богослужении оставляют Вас равнодушным? Это ведь уже не только внутриприходские разговоры. Об этом уже нередко говорят и на страницах прессы...

— Дня не проходит, чтобы кто-нибудь из журналистов[3] не отчитал «моду ходить в православные храмы». На деле «мода» на Православие уже давно прошла. Напротив, декларирование своих претензий к Церкви уже с 1991 г. стало «хорошим тоном» в столичной журналистской среде. Действительно, нехорошо, если человек, в душе оставаясь атеистом, из каких-то посторонних по отношению к вере соображений позирует в храме со свечкой в руках. И в самом деле — плохо, что для миллионов людей зайти в храм и поставить свечку есть некий чисто внешний ритуал, отнюдь не мешающий им уже к вечеру с головой окунуться в гороскоп и заняться магией. Но сам-то этот тип всеядного и духовно примитивного обывателя сформирован разве не самими публицистами? Не газеты ли ежедневно нам твердят, что все «духовные пути» хороши? Не телевидение ли с утра до ночи уверяет русских людей, что Православие и магия — близнецы-братья? Нынешняя журналистика лишь плодит свое собственное религиозное безвкусие,— а затем, случайно увидев себя в зеркале, громко возмущается — никакой, дескать, серьезности у людей в решении духовных вопросов!

Было бы наивно считать, что, мол, Православие подвергается регулярной критике в либеральных органах массовой информации потому, что оно слишком консервативно в своих обрядах. Есть такой тип мышления, который не

смирится ни с какой формой существования христианства, пока последнее не откажется от всех своих нравственных и духовных принципов.

Мне представляется, что надо всерьез осмыслить опыт подсоветского бытия Церкви. Поначалу казалось, что для того, чтобы более-менее мирно жить с новой властью, с властью хамов, надо их не задирать. Церковь, не обличая *товарищей*, въехавших в Кремль, должна просто говорить свое, вечное — о Евангелии, о молитве, о покаянии... Невмешательство Церкви в политику было очень подчеркнутым. Патриарх Тихон отказался дать даже тайное благословение Белому движению. Но для того, чтобы уберечь Церковь от репрессий, этого оказалось недостаточно. Тогда был сделан следующий шаг. Патриарх сказал: «Мы не отождествляем себя с монархическим прошлым России, и хоть я по воспитанию монархист, но я советской власти не враг». Но и этого оказалось мало. Советская власть не просто хотела, чтобы Патриарх сказал, что он ей не враг, она требовала большего: «Скажите, что вы наши друзья». И вот в 1925 г. появилось завещание Патриарха Тихона, в котором христиан призывали быть лояльными по отношению к советской власти. Казалось, это остановит волну репрессий. Не остановило. И тогда в 1927 г. появляется Декларация митрополита Сергия, где он говорит, что интересы советской власти оказываются тождественны интересам Церкви, и Церковь их целиком и полностью поддерживает. Казалось бы — всё. Нет, «машина репрессий» заработала с еще большими оборотами, и даже священников, подписавших Декларацию, ссылали и расстреливали без особых церемоний. И даже стопроцентно коммунистические заявления церковных иерархов 50-х гг. не остановили хрущевских репрессий. Такова логика любой тотальной идеологии. Сколько-нибудь живая Церковь ее не устраивает. Реверансов вежливости оказалось явно недостаточно при разговоре с палачом.

Очень похоже обстоит дело и в отношениях либеральной прессы и Церкви. Демпресса Москвы активно поддерживает московских священников-реформаторов. Но было бы большой ошибкой считать их единомышленниками. О. Георгий Кочетков все же желает добра Церкви. Это добро он понимает по-своему, не всегда его видение согласно с моим или с тем, какое сложилось у других священнослужителей и богословов. Но все же путем реформ он желает добиться увеличения церковного влияния на жизнь людей и страны. А светские идеологи и журналисты, поддерживающие его реформаторство, подталкивают Церковь к реформам — с совершенно противоположными целями. Не мир они хотят раскрыть для возрастающего влияния Евангелия и Церкви, но Церковь сделать подвластной мнениям мира, добиться от Церкви полной мимикрии под светскую идеологию. В конечном счете — просто ликвидации Церкви как сообщества людей, думающих иначе, чем идеологи «нового мирового порядка».

Когда светским СМИ желательно оправдать неотложность церковной реформы, они говорят: «Ну, знаете, это чтобы Церкви самой было лучше. Это же для вашего блага, чтобы больше людей приходило в Церковь, чтобы Церковь была более живой. Именно ради этого Церковь должна открыться, измениться и прийти к людям». По личному опыту я знаю, насколько можно доверять таким заявлениям. Потому что я прекрасно помню, как в годы советской власти точно так же говорили чекисты. Для того, чтобы добиться от церковных людей каких-либо уступок и компромиссов, они говорили: «Ну это же для блага Церкви. Церкви же будет лучше, если в семинарию не будут принимать людей с высшим образованием: сами знаете, от умников одни ереси происходят».

Как и былых чекистов, так и то течение в общественной мысли и в прессе, которое сегодня поддерживает идею церковной реформации, трудно заподозрить в глубинной симпатии к Церкви. Трудно представить, что именно эти СМИ

и именно эти журналисты всерьез озабочены проблемой скорейшей евангелизации России. Скорее, ровно наоборот. Все это нам уже знакомо по церковной истории Запада.

Нас призывают быть открытыми опыту западных христиан. Согласен. Но как раз этот опыт и предостерегает против слишком поспешных приспособлений церковной жизни и вообще веры к «модам» газет. Давно уже западная пресса настроена антицерковно. Она не просто выражает антицерковные настроения, но их сознательно формирует. Очень многие западные издания ищут повод к тому, чтобы «укусить» Католическую церковь*. При начале такого рода конфликтов многие церковные писатели, церковные иерархи и политики решили: «Действительно, в этих нападках есть своя правда, есть свой смысл... Ну хорошо, давайте попробуем это сделать. Тогда у нас начнется диалог со светским миром, светской культурой, и в наших храмах будет больше людей». Но после того как проходила первая волна реформ, очень быстро выяснялось, что это была не более чем прелюдия.

* «"Антикатолические настроения в США сильны как никогда",— заявил президент Нью-йоркской католической лиги за религиозные и гражданские права Уильям Донохью, выступая на ежегодном заседании Миннесотской лиги защиты католиков. По мнению Донохью, пресса проявляет нездоровый интерес к грехам чад Римско-католической церкви. При каждом удобном случае упоминается, что преступник в детстве "прислуживал у алтаря" или "был ревностным католиком". Большое число публикаций посвящено извращенным наклонностям католических священников, тогда как, по данным официальной статистики, они были замечены в случаях педофилии намного реже, чем, к примеру, протестантские пасторы. Донохью убежден, что, если бы какая-нибудь газета позволила себе публиковать материалы об "алкоголизме среди индейцев", "разврате среди негров" или "преступности среди евреев", на нее немедленно подали бы в суд — только католиков в США можно оскорблять безнаказанно» (Травля католиков в США // Церковно-общественный вестник. № 15. Приложение к газете «Русская мысль» [1997. 8 мая]).

Лишь для начала был предложен очень незначительный круг желательных миру церковных перемен: «Вот вы только начните служить не на устаревшей латыни, а на французском, так сразу же у вас будет полный храм. И вы тем самым поясните, что Церковь способна к реформам, что она не погрязла в невежестве Средневековья». Церковь пошла на эти условия. Изменили язык, изменили чин богослужения. И что же – волна критики спала? Ни в малейшей степени. Далее пресса требует изменить церковный взгляд на церковную же историю: «Давайте побольше, побольше покаяния, товарищи. Побольше самокритичности. С Галилео Галилеем разберитесь. Оправдайте всех еретиков. И вообще признайте, что вы все время грешили, грешили и грешили...». В конце концов для христианина естественно каяться, поэтому и эти требования были приняты. Все необходимые дела были пересмотрены, извинения принесены, антисемитизм осужден, иудеи названы «старшими братьями». Как верх абсурда – в то время, как газеты объявлений заполнены рекламой ведьм и приворотов, Церковь кается в том, что по невежеству она выдумала существование ведьм в XVI в., слепо и суеверно верила в них и даже боролась с ними[4].

Но все же – покаялись, исправились и гневно осудили... Невозможно идти дальше, чем католики, в покаянном выворачивании наизнанку, в заискивании перед либеральной идеологией. Но, что бы они ни делали, все равно находился повод для того, чтобы поставить их в угол: «Вот вы аборты запрещаете, а это – “нарушение прав человека”». И опять пресса наводняется обличениями «христианского мракобесия». Мир очень жестко требует от Церкви принять чисто светскую, гуманистическую, либеральную, но по сути своей атеистическую систему ценностей. И требует принять ее всю, по всем вопросам,– без всяких исключений. Любая идеология требует тотального согласия. Если с советской властью человек был согласен на 99 %, а на 1% – нет, ему приходилось непросто. Так же и с идеологией «human rights». Если ты на 99 % со-

глашаешься с либеральной идеологией, но выступаешь против того, чтобы гомосексуалисты могли усыновлять мальчиков, то всё – ты уже отпетый мракобес и отрыжка Средневековья...* Даже папе Иоанну-Павлу II в дни его похорон европейская пресса пеняла за то, что он был недостаточно чуток к правам и претензиям гомосексуалистов...

Но и самый либеральный протестантизм не защитит от голословных обвинений. Американская пресса воспитывает в своих читателях такое восприятие протестантизма. «"Многое из того, что происходит в религии, внушает нам сомнение,– говорит г-н Найхус, воспитанный в пресвитерианстве, но в настоящее время лютеранин.– Мы видим множество проявлений нетерпимости, Церковь слишком похожа на деловое предприятие". "У меня и моего мужа есть очень серьезные проблемы с некоторыми традиционными христианскими догмами,– говорит Куртни Обата, 45-летняя художница из Миссури, принадлежащая по воспитанию к Епископальной церкви,– но у нашего ребенка есть естественная потребность в молитве. Он то и дело застает нас врасплох... Ничего из того, в каком виде духовная жизнь была преподнесена мне, я не хотела бы повторить для Макса,– говорит г-жа Обата о своем 7-летнем сыне.– Мне это казалось очень неинтеллектуальным". "Рой и Кэти Херт из Техаса были из семей баптистов и посещали церковь несколько раз в неделю. Но, повзрослев, они отвергли многое из того, чему их учили, как проявление нетерпимости и решили воспитывать своих детей вне какой-либо официальной Церкви. «Я лично нахожу, что некоторые формы религии вредят интеллектуальному развитию и формированию мировоззрения»,– говорит г-н Херт"»**.

---

* Ибо: «Быть невинным среди виновных есть уже преступление: кто не подражает худым людям, тот уже оскорбляет их» (*Святитель Киприан Карфагенский.* Письмо 1. К Донату о благодати Божией // Отцы и учители Церкви III в.: Антология. М., 1996. Т. 2. С. 352).

** *Шира С.* Через детство в лоно Церкви // Нью-Йорк Таймс: Недельное обозрение. 1994. 18–31 января.

Итак, даже протестанты (причем самые либеральные из них — «епископалы») не защищены от обвинений в устарелости и нетерпимости.

Наивно было бы надеяться, что в России Православная Церковь избежит ударов «четвертой власти», если примет все литургические и богословские новшества о. Георгия Кочеткова. Самые громкие призывы к «обновлению Церкви» и к созданию «живой Церкви» исходят от тех, кто мечтал бы видеть христианство просто мертвым.

Если бы московская демпресса напала на проекты о. Георгия Кочеткова, а не поддержала его — церковная история России могла бы стать совсем иной... Тогда бы церковные люди задумались: «Смотрите, издания, озабоченные сохранением “светскости” российского общества и заинтересованные в снижении церковного влияния на жизнь страны, выступают против реформаторов. Это значит, что по их ощущению эти реформы действительно усиливают позиции Церкви. Значит, эти реформы и в самом деле на пользу нам. Вот ведь даже наши недоброжелатели признают это, опасаются этого и потому выступили с такой дружной и резкой критикой нежелательной для них активизации церковной жизни. Что ж, раз так, то давай, дорогой о. Георгий, расскажи нам, как и наши приходы сделать столь живыми, столь активными, чтобы и они стали беспокойны для нецерковных сил...».

Но все произошло ровно наоборот. Реформаторов поддержали именно те издания, о руководителях и авторах которых трудно предположить, что они ночей не спят, непрерывно терзаясь раздумьями о том, как бы это больше людей просветить светом Евангелия и сделать православные храмы более посещаемыми... И тут не уйти от вопроса: в чем же тогда их-то интерес? И может ли христианин принимать помощь от таких сил?

Поддержка московских реформаторов — лишь первая волна атаки на Церковь. И если Патриарх завтра скажет, что он полностью согласен с реформаторами и все то, что они предлагают, он с завтрашнего дня в обязательном порядке вводит во всей нашей Церкви, то не стоит ожидать, будто на следующий день критика Церкви в этих СМИ прекратится. Ни языковая, ни литургическая, ни административная реформы, как бы они ни приветствовались и ни провоцировались поначалу внецерковными влиятельными кругами, не остановят следующей волны критики.

Наши либеральные критики не успокоятся до тех пор, пока христианство официально не редуцирует себя к статусу одной из разновидностей психоаналитической терапии или ритуально-этнографического заповедника, перестав придавать какое бы то ни было значение не только «обрядам», но и «догмам» своего вероучения. Так должна ли Церковь с энтузиазмом встречать все новые и новые призывы к «обновлению», идущие от духа века сего? Призывы к ускорению, призывы к реформам — «быстрее, дальше, глыбже» — хороши, но не в том случае, если они исходят от наших могильщиков. Если человек мечтает тебя закопать и говорит тебе: «Ну, ускорьтесь, товарищи, перестройтесь, ну, давайте, быстрее идите вперед!»,— тогда, пожалуй, не стоит сразу прислушиваться к его советам.

Такие призывы *таких* идеологов христианин в лучшем случае сможет счесть «смешными». Как смешна реплика Александра Гуревича, поданная им ради ограждения мнений модернистов от богословской критики: «Взаимное противостояние в Церкви между традиционалистами и сторонниками церковного обновления отвлекает верующих от духовной жизни, объективно мешает обеим сторонам заниматься внутренним духовным деланием»*. Не так давно главный

*Сегодня. 1994. 26 ноября.

грех религии атеистическая пропаганда видела в том, что призывая к «внутреннему деланию», Церковь отвлекает людей от активной общественной жизни и классовой борьбы. Ловко перекинув этот полемический топор из одной руки в другую, сегодня его снова пускают в ход: «Не мешайте нам реформировать вашу Церковь! Не смейте вступать в дискуссию с нашими людьми! Сидите себе и занимайтесь “духовным деланием”, пока мы не перестроим вашу веру по нашей моде!».

— Значит, перемен в церковной жизни не ждать?

— Церковь должна меняться — но для того, чтобы более соответствовать себе, а не для того, чтобы больше соответствовать миру. Приступая к труду обновления церковных Преданий, вопрос надо ставить не: «Можно ли понятнее?»,— а: «Можно ли более глубоко, емко, верно?». Как могут быть даны нам эти более верные формы? Есть замены, которые лишь усложнят путь к пониманию. Например, труднопостижимое слово Бог не может быть заменено никаким интеллектуальным синонимом. Как напомнил о. Думитру Станилое, «надо различать между объективным соответствием средств и содержания — и неспособностью некоторого круга людей понять его»*. Может ли человек, не понявший Традицию через ее исторические формы, предложить ей свои? «Слова Традиции, слова Никеи и Халкидона стали странными для современного человека, который не ориентирован на темы Откровения. Но именно по этой причине современное человечество и не может создать новых, более адекватных выражений для тем Откровения»**.

И даже в том случае, если изменение форм церковной жизни происходит из искреннего желания сделать Православие «доступнее», даже если помысл реформы исходит

---

* *Staniloae D.* Le caractére statique et dynamique de la Tradition. Thessalonique, 1976. P. 268.

** Ibidem. P. 268.

из любовного отношения и к Церкви, и к людям, надо найти неразрушительную постановку вопроса. Разницу между умерщвляющим модернизмом и живым обновлением объяснил Антон Карташев: «Модернизм с некиим ехидно-греховным вожделением "подменяет" старое новым — "модным", а мы просто радуемся, что текущее новое в подлинно-лучших его сторонах "подходит" по существу к нашему традиционному старому и может его вмещать и рядить в новые одежды»*. Есть похоть обновленчества, которая под «любовью к творчеству» на деле прячет нелюбовь к реальному миру. В своей борьбе за «духовное христианство», за «христианство без форм» эта похоть всего лишь дает повод для выхода на свет далеко не христианскому чувству манихейского презрения ко всякому воплощенному бытию. Одна из форм этого утонченного гностического церковноборчества — «широкомыслящее» восхищение порядками какой-нибудь далекой и заграничной конфессии, которые противопоставляются далеко не всегда привлекательным «подробностям» и «мелочам» здешней архи-, прото- и просто иерейской жизни.

Реформаторы — это люди, некогда что-то потерявшие и потом всю жизнь ищущие не то, что они потеряли. Потеряли они любовь к молитве, дар молитвы в храме, дар радостного соучастия в молитве Церкви — и потому ищут «реформ» и «открытости». То, что они потеряли в самой Церкви, они надеются восполнить найденным на стороне, вне Церкви. Источник их реформаторского зуда не в недостатках реальной церковной жизни, а в них самих. Живя в России, они ругают Православие и идеализируют далекое католичество. Во Франции они могли бы вести себя совершенно наоборот. И Католическая церковь сталкивается с аналогичными проблемами. Поэтому к московским дискуссиям о необходимости реформ вполне приложимы слова

* *Карташев А.* Воссоздание Святой Руси. Париж, 1956. С. 230.

Ганса Бальтазара, сказанные им о своей Церкви: «Приверженцы иудейского традиционализма обступали апостола Павла<...> Ныне такие же попытки мы видим в группе принявших христианство евреев, которым христианская Церковь все-таки представляется слишком языческой»*.

Именно поэтому романтика «пересозидания» может увлекать невероятно далеко. Мы знаем, как Россия предоставила себя для проведения социально-обновленческих экспериментов. Утопии оказались опасно реализуемы. И если православная Россия допустила такую вакханалию на своем историческом теле,— то где гарантия, что она не поддастся на посулы рясофорных утопистов и не соблазнится на проведение столь же решительных операций на самой своей душе – на Церкви?

Однажды начатую революцию трудно остановить. И уже не столь просто дать ответ – пусты ли католические храмы в Европе потому, что Второй Ватиканский собор состоялся слишком поздно, или они пусты потому, что решения этого собора были реализованы слишком последовательно? Владимир Зелинский, человек, несомненно более моего симпатизирующий западному христианству, однажды заметил, что православные богословы, заинтересованные в диалоге Православия с католичеством, вряд ли хотели бы иметь дело с католичеством дособорным,— «но можно вполне поручиться, что мало кому из них доставит удовольствие зрелище католицизма "размытого", "разжиженного", "удешевленного", католицизма, затопленного столь знакомой и столь тошнотворной прогрессистской фразеологией»**.

Напоминая о соответствующих искушениях в русской церковной истории, я имею в виду даже не движение обновленцев 20-х годов. Оно само возникло как часть гораз-

---

* *Бальтазар Г.* Ты имеешь глаголы вечной жизни: Размышления над Священным Писанием. М., 1992. С. 116.

** *Зелинский В.* Приходящие в Церковь // Журнал Московской Патриархии. 1992. № 5. С. 16.

до более широкого мирочувствия. Даже от о. Павла Флоренского можно было услышать восторженно-апокалиптические пророчества о том, что в мире «ничто не должно оставаться на прежнем месте, что все должно терять свое оформление и свои закономерности, что все существующее должно быть доведено до окончательного распадения, распыления, расплавления, что, покамест все старое не превратится в чистый хаос и не будет истерто в порошок, до тех пор нельзя говорить о появлении новых и устойчивых ценностей. Я сам слушал эти жуткие доклады...»,— вспоминает Алексей Лосев*. Если судить по сверхпопулярности всевозможных суперэкуменических утопий («бахаистов», «рериховцев», мунитов и просто «неконфессионально-анонимных» христиан) — Россия еще не до конца переболела презрительно-утопическим отношением к реалиям исторической жизни.

И даже полемика с московским обновленчеством 90-х гг. нередко превращалась в столкновение двух идеологий, двух утопий. От некоторых статей, оппонирующих обновленцам, оставалось ощущение, что принадлежат они не православным публицистам или богословам, а старообрядцам — настолько явственно в них сквозила нутряная убежденность в том, что Евангелие есть всего лишь приложение к Типикону.

У обеих крайностей общая интуиция: будущего нет. В будущем ничего не произойдет. История Церкви кончилась или кончается. Реформаторы говорят: «Если сейчас, сегодня

---

* См.: *Лосев А.* Послесловие // *Хюбшер А.* Мыслители нашего времени. М., 1962. С. 317. Как ни странно, но Николай Бердяев, по крайней мере иногда, бывал трезвее о. Павла. И однажды Бердяеву удалось резюмировать именно православное и церковное отношение к государству: «Я суровый государственник, потому что я религиозный пессимист, по мотивам аскетическим, и социальная мечтательность представляется мне развратом и нравственной распущенностью» (*Бердяев Н.* Письма к М. О. Гершензону // Вопросы философии. 1992. № 5. С. 132).

не провести реформы – Православие исчезнет». Их оппоненты заявляют: «Именно если начать реформы – Православие исчезнет, и потому никаких реформ ни сейчас, ни в будущем». Реформаторы настаивают: «Все надо сделать сейчас». И слышат в ответ: «Вообще не надо творить ничего нового, ибо все уже сделано в далеком прошлом». В обоих случаях будущее лишается права на самостоятельное решение. И там и там – неумение ждать, неумение ожидать чего-то нового от будущего, а не от сегодняшнего дня. В обеих партиях нет доверия к будущему, к тому, что в Церкви еще будут силы, которые смогут додумать то, над чем начал думать наш век, что будут силы, которые умнее и подлиннее, чем мы, смогут пережить наши боли, что они смогут исцелить те стороны церковной жизни, от которых болели наши сердца.

Я полагаю, что в этой ситуации лучше последовать совету англичан, которые, когда появляется некоторый дискуссионный проект, предлагают: «На этом надо поспать». Идеи должны бродить десятилетиями. Скорость импульса, передающего решение головы рукам, должна быть ограниченной. Не все то, что теоретически позволительно, сразу же следует реализовывать. Реформаторы больны очень русской болезнью: болезнью утопизма. Утопист полагает, что раз уж в его голове созрело представление об идеальном переустройстве бытия, то в случае его прихода к власти он в двадцать четыре часа осчастливит всю вселенную. Не должно быть запрета на обсуждение в церковной мысли и прессе проектов реформ. Но не должно быть и «недержания реформ»: только до чего-то додумался – так сразу и реализовал.

Церковным реформаторам можно адресовать строки Константина Победоносцева:

Срывая с дерева засохшие листы,
Вы не разбудите заснувшую природу,
Не вызовете вы, сквозь снег и непогоду,
Весенней зелени, весенней теплоты!

Придет пора — тепло весеннее дохнет,
В застывших соках жизнь и сила разольется,
И сам собою лист засохший отпадет,
Лишь только свежий лист на ветке развернется*.

Если Церковь действительно жива — то с ее жизнью надо обращаться благоговейно, следует запастись терпением. У нее могут быть свои ритмы жизни, не совпадающие с ритмами искателей приключений. Нечто неживое и искусственное есть как раз не в консерватизме духовенства, а в обновленческом активизме. Уж слишком механическое отношение к Церкви и к ее жизни присуще модернистам, слишком «социологическое»**. И поэтому противостояние реформаторов и традиционалистов не стоит стилизовать под столкновение творческой личности с косным аппаратом. Просто «реформаторы» восприняли Церковь как материал для своих творческих экспериментов: своими «героическими» усилиями они решили оживить Церковь, которую они считают не то мертвой, не то параличной. А «материал»-то оказался не мертвым. Церковь оказалась живой. И произошла нормальная реакция нормального живого организма на слишком искусственное вмешательство в его жизнь.

* *Победоносцев К.* Сочинения. СПб., 1996. С. 384.

** Как о церковных реформаторах еще 1917 года писал Солженицын: «В этих быстрых решительных жестах — издали не угадаешь молитвы» (*Солженицын А.* Красное колесо. Узел 3: Март Семнадцатого, 4. Париж, 1988. С. 234).

ОРТОДОКСИЯ КАК ЕЖЕДНЕВНЫЙ ВЫБОР

(О Г. К. Честертоне)

Имеет ли право христианин на улыбку? Или ортодокс обречен на вечную серьезность и скорбность?

За ответом на этот вопрос можно обратиться к английскому писателю Гилберту Киту Честертону.

Честертон – католик. И это похвально.

А вот если сказать, что Петр Чаадаев – католик, то это (в моей системе ценностей) будет звучать уже огорчительно.

И никакие это не двойные стандарты. Просто нога, поставленная на одну и ту же ступеньку, в одном случае возносит главу, так сказать, опирающуюся на эту ногу, вверх, а в другом случае она же и на той же ступеньке – низводит ее вниз.

Честертон родился в 1874 г. в протестантской стране (Англии) и протестантом (англиканином). Католичество – его взрослый (в сорок восемь лет), сознательный и протестный выбор. Это шаг в поисках традиции.

Современность твердит тебе: мол, раз уж выпало тебе родиться в моем феоде, то ты, человек, есть моя собственность, а потому изволь смотреть на мир так, как я, Сиятельная Современность, смотреть изволю...

Но Ортодоксия, взыскуемая Честертоном,– это компенсация случайности рождения: «Традиция расширяет права; она дает право голоса самому угнетенному классу – нашим предкам. Традиция не сдается заносчивой олигархии, которой выпало жить сейчас. Все демократы верят, что человек

не может быть ущемлен в своих правах только из-за такой случайности, как его рождение; традиция не позволяет ущемлять права человека из-за такой случайности, как смерть. Демократ требует не пренебрегать советом слуги. Традиция заставляет прислушаться к совету отца. Я не могу разделить демократию и традицию, мне ясно, что идея — одна. Позовем мертвых на наш совет. Древние греки голосовали камнями — они будут голосовать надгробиями. Все будет вполне законно; ведь могильные камни, как и бюллетени, помечены крестом».

Да, я не могу не жить в своем, в XXI веке. Но жить я могу не тем, что этот век создал или разрушил, а тем, что было открыто прошлым векам. Солидарность с традицией дает освобождение от тоталитарных претензий современности, норовящей заменить твои глаза своими линзами.

Так что для автора «Ортодоксии» переход в традиционное католичество (не забудем, что Честертон жил в эпоху, когда Католическая церковь еще и слыхом не слыхивала, что такое «аджорнаменто»*) — это гребок против течения. Это шаг от более нового (антиклерикализма и протестантства) к более старому. Шаг в сторону Ортодоксии.

А если русский человек принимает католичество — то это шаг от Православия. Ступенька та же. Но Православие теперь не перед твоими глазами, а за твоей спиной.

Выбор бунтаря, подростка (и цивилизации, воспевающей юношеские моды) в том, чтобы убежать из дома и перевернуть землю. Выбор Честертона — остаться в доме. Даже в таком доме, в котором случаются протечки.

Легко уйти в протестанты, создать свою конфессию и объявить, что настоящих христиан в веках, пролегших между Христом и тобой, не было. Легко поддакивать антицерковным критикам: «Ай-ай, Крестовые походы, ой-ой, преследования еретиков, ах-ах, какие же все это были плохие христиане» (и про себя: «Не то что я»).

---

*Итальянское слово aggiornamento означает «обновление, модернизация».— *Ред.*

Труднее – честно войти в традицию. И сказать: «История Церкви – это моя история. Ее святость – моя святость. Но и ее исторические грехи – мои грехи, а не "их"». Встать на сторону той Церкви, даже дальние подступы к которой перекрыты шлагбаумами «инквизиция» и «Крестовые походы»,– это поступок. Поступок тем более трудный, что в ту пору сама эта Церковь еще не пробовала приподнять эти шлагбаумы своими нарочитыми покаянными декларациями.

У Честертона замечательное чувство вкуса: несмотря на его принадлежность к католической традиции, в его творчестве не отражаются специфически католические догматы. Насколько мне известно, ни одной строчки не написано им в пользу папской непогрешимости. У меня нет оснований предполагать, будто Честертон не верил в этот новый ватиканский догмат. Но, будучи апологетом здравого смысла, он понимал, что в данный тезис можно верить, только совершив жертвоприношение разумом. Нет, такая жертва бывает необходима: здравый смысл подсказывает, что иногда самое здравое решение – это именно жертва им самим: ибо весьма нездраво считать, что весь мир устроен в полном согласии с моими представлениями о нем. Но к такой жертве Честертон призывает редко. И только ради Евангелия, а не ради Ватикана.

А однажды Честертон даже критически отозвался о том суждении, которое имело место в католической традиции (правда, я не знаю, знал ли об этом сам Честертон). Есть у него эссе под названием «Хорошие сюжеты, испорченные великими писателями». А в этом эссе есть такие слова: «Библейская мысль – все скорби и грехи породила буйная гордыня, неспособная радоваться, если ей не дано право власти,– гораздо глубже и точнее, чем предположение Мильтона, что благородный человек попал в беду из рыцарственной преданности даме»*.

---

* *Честертон Г.* Писатель в газете: Художественная публицистика. М., 1984. С. 283.

У Джона Мильтона и в самом деле Адам изливает свои чувства уже согрешившей Еве: «Да, я решил с тобою умереть! Как без тебя мне жить? Как позабыть беседы наши нежные, любовь, что сладко так соединила нас?» (*Мильтон Джон.* Потерянный Рай. 9). И – по предположению поэта – «не вняв рассудку, не колеблясь, он вкусил. Не будучи обманутым, он знал, что делает, но преступил запрет, очарованьем женским покорен» (Там же).

Но это не авторская додумка Мильтона. Более чем за 1 000 лет до него такую же гипотезу предложил блаженный Августин, полагавший, что Адам покорился ради супружеской верности (а не потому, что сам прельстился). «Последовал супруг супруге не потому, что, введенный в обман, поверил ей как бы говорящей истину, а потому, что покорился ей ради супружеской связи. Апостол сказал: *и Адам не прелстися; жена же прелстися* (ср.: 1 Тим. 2, 14). Это значит, что она приняла за истину то, что говорил ей змей, а он не захотел отделиться от единственного сообщества с нею, даже и в грехе. От этого он не сделался менее виновным, напротив, он согрешил сознательно и рассудительно. Поэтому Апостол не говорит: "Не согрешил",– а говорит: "Не прелстися"... Адам пришел к мысли, что он совершит извинительное нарушение заповеди, если не оставит подруги своей жизни и в сообществе греха» (*Блаженный Августин.* О Граде Божием. 14, 11; 14, 13).

Объяснение красивое. Но все же оставшееся только маргиналией (заметочкой на полях) христианской традиции. Честертон через обаяние Мильтона и Августина смог переступить и пришел к тому толкованию грехопадения, которое ближе к взглядам восточных Отцов.

Вообще же Ортодоксия Честертона – это не катехизис, не защита какого-то догматического текста («Ортодоксию» Честертон пишет за тринадцать лет до своего обращения в католичество). Это защита системы ценностей. Иерархии ценностей.

Ценности без иерархии – это вкусовщина (то есть опять зависимость от случайных влияний современности на себя самого). Но даже добрые вещи должны быть упорядочены. По-разному должны светиться солнце и луна. Иначе человек потеряет ориентацию, закружится и упадет. Честертона печалит, что «мир полон добродетелей, сошедших с ума». Вещи, сами по себе добрые, но не главные, ослепляют собою и затмевают все остальное. Лекарство, годное для лечения одной болезни, рекомендуется при совершенно других обстоятельствах...

Честертон перехватывает оружие церковных врагов. Вы логичны – и я буду постоянно призывать вас к логике. Вы ироничны – и я буду ироничен. Вы за человека – и я за него. Только Христос за человека умер, а вы за свой показной гуманизм получаете гонорары...

Чему учит Честертон? Не торопиться с «да» и «нет». Не бояться остаться в меньшинстве и не бояться быть с большинством. Дух «гетеродоксии» ведь искушает по-разному. То он в одно ухо шепчет: «Ортодоксы в меньшинстве, и потому зачем же тебе быть с ними, зачем выделяться!»,– а то вдруг подойдет к другому уху с шепотком: «Ну как ты, такой умный и оригинальный, можешь идти в толпе с большинством. Попробуй нетрадиционный путь!».

Поскольку Честертон говорит о традиции и от имени традиции – его мысли не оригинальны (у оппонентов традиции они тоже не оригинальны, но вдобавок и пошлы). Феномен Честертона не в том – что, а в том – как он говорит. Он – реставратор, который берет затертый мутный пятак и очищает его так, что тот снова становится ярким. Казалось бы затертое за девятнадцать веков донельзя христианство он умудряется представить как самую свежую и неожиданную сенсацию.

Еще Честертон умеет опускать себя на землю. В любой полемике он не позволяет себе взлететь над оппонентом или над читателем и начать сверху поливать его елеем наставлений и вещаний.

Может быть, это потому, что свою веру он нашел на земле. Он не искал знамений на небесах. Он просто внимательно смотрел под ноги. Он любил свою землю, свою Англию,— и заметил, что ее красота прорастает через ее землю веками,— но из зернышка, занесенного с Палестины: «Я пытался минут на десять опередить правду. И я увидел, что отстал от нее на восемнадцать веков». Оттого Честертон не ощущает себя Пророком, посланником небес. Он просто говорит, что Евангелие так давно уже бродит в мире, что если смотреть внимательным взором в любом направлении, — то здесь, на земле, ты заметишь плод этого евангельского брожения*. Еще он говорит, что если Евангелие прежде помогало людям жить и очеловечиваться,— то с какой стати его вдруг стали считать антигуманным сегодня.

В этом — необычность Честертона. Он нашел то, что у большинства перед глазами. Как личную победу, нежданно-негаданно подаренную именно ему, он воспринимал то, что для людей былых столетий было само собой разумеющимся. Землю не ценишь, пока она не уходит у тебя из-под ног.

Честертон — неожиданный тип человека. Это — мужчина, ценящий домашний уют. Заядлый полемист (который, по его собственным словам, «никогда в жизни не отказывал себе в удовольствии поспорить с теософом») — и любитель домашнего очага, апологет домоседства. Когда тебя хотят выгнать из дома на митингующую улицу,— то домоседство оказывается свободным выбором в защиту свободы.

Домоседство — это очень ценное и жизненно важное качество в наше время и в нашей церковной среде. Когда листовки и сплетни подкладывают под все церковно-бытовые устои апокалиптическую «взрывчатку» и критерием православности объявляют готовность немедля сорваться

* Современный русский поэт — Константин Кинчев — этот путь обрисовал прекрасным стихом: «Я иду по своей земле к небу, которым живу».

с места и, сыпя анафемами, убежать в леса от «переписи», «паспортов», «экуменизма», «модернизма», «теплохладности» и тому подобного,— то очень полезно всмотреться в то, как же можно верить без надрыва. Верить всерьез, верить всей своей жизнью,— но без истерики, без прелестного воодушевления. Как можно вести полемику — и при этом не кипеть. Как можно говорить о боли — и при этом позволить себе улыбку.

Честертон однажды сказал, что хорошего человека узнать легко: у него печаль в сердце и улыбка на лице. Русский современник Честертона считал так же: «В грозы, в бури, в житейскую стынь, при тяжелых утратах и когда тебе грустно, казаться улыбчивым и простым — самое высшее в мире искусство». Это — Сергей Есенин.

При всей своей полемичности Честертон воспринимает мир христианства как дом, а не как осажденную крепость. В нем надо просто жить, а не отбивать атаки врагов. А раз это жилой дом, то в нем может быть то, что не имеет отношения к военному делу. Например — детская колыбелька. И рядом с ней — томик сказок.

В буре нынешних дискуссий вокруг «Гарри Поттера» мне было весьма утешительно найти несколько эссе («Драконова бабушка» и «Радостный Ангел») Честертона в защиту сказки. «И все же, как это ни странно, многие уверены, что сказочных чудес не бывает. Но тот, о ком я говорю, не признавал сказок в другом, еще более странном и противоестественном, смысле. Он был убежден, что сказки не нужно рассказывать детям. Такой взгляд... относится к тем неверным мнениям, которые граничат с обыкновенной подлостью. Есть вещи, отказывать в которых страшно. Даже если это делается, как теперь говорят, сознательно, само действие не только ожесточает, но и разлагает душу... Так отказывают детям в сказках<...> Серьезная женщина написала мне, что детям нельзя давать сказки... потому, что жестоко — пугать детей. Точно так же

можно сказать, что барышням вредны чувствительные повести, потому что барышни над ними плачут. Видимо, мы совсем забыли, что такое ребенок... Если вы отнимете у ребенка гномов и людоедов, он создаст их сам. Он выдумает в темноте больше ужасов, чем <Эмануэль> Сведенборг; он сотворит огромных черных чудищ и даст им страшные имена, которых не услышишь и в бреду безумца. Дети вообще любят ужасы и упиваются ими, даже если их не любят. Понять, когда именно им и впрямь становится плохо, так же трудно, как понять, когда становится плохо нам, если мы по своей воле вошли в застенок высокой трагедии. Страх – не от сказок. Страх – из самой души<...> Сказки не повинны в детских страхах; не они внушили ребенку мысль о зле или уродстве – эта мысль живет в нем, ибо зло и уродство есть на свете. Сказка учит ребенка лишь тому, что чудище можно победить. Дракона мы знаем с рождения. Сказка дает нам святого Георгия<...> Возьмите самую страшную сказку братьев Гримм – о молодце, который не ведал страха, и вы поймете, что я хочу сказать. Там есть жуткие вещи. Особенно запомнилось мне, как из камина выпали ноги и пошли по полу, а потом уж к ним присоединились тело и голова. Что ж, это так; но суть сказки и суть читательских чувств не в этом,– они в том, что герой не испугался. Самое дикое из всех чудес – его бесстрашие... и много раз в юности, страдая от какого-нибудь нынешнего ужаса, я просил у Бога его отваги»*.

Может быть, современным молодым людям будет легче понять Честертона, если они посмотрят фильм «Последний самурай». Это фильм о том, какая красота есть в сопротивлении новому. О том, какое мужество нужно для того, чтобы защищать «сад, посаженный моими предками». Когда я смотрел этот фильм, то при словах самурая о том,

* Неожиданный Честертон: Рассказы. Эссе. Сказки. М., 2002. С. 134, 138–140.

что он черпает радость от прикосновения к саду, который 900 лет назад был насажден его семьей, ком подступил к моему горлу. У меня нет такого сада. Я не знаю, где могилы моих прадедушек. В квартире, где прошло мое детство, живут сейчас совсем чужие люди... Но у меня есть православные храмы. И я рад и горд, что сейчас я удостоен чести пройти по тем плитам, по которым ходили поколения моих предков, подойти к той же иконе и — главное — вознести те же молитвы и на том же языке, что и князь Ярослав Мудрый и Преподобный Сергий Радонежский.

Мы, православные,— это староверы Европы. Мы храним ту веру, которую во всех подробностях разделяла вся Европа в течение первого тысячелетия христианской истории. Мы храним ту систему ценностей, которая дышала в классической европейской культуре, в романах Виктора Гюго и Чарлза Диккенса, в музыке Иоганна Баха и Людвига ван Бетховена. Наш раскол с Европой проходит не столько в пространстве, сколько во времени. Мы сроднены с той Европой, от которой отреклась культура постмодернизма.

Но не вся Европа отреклась от своих христианских корней. Есть в ней культурное меньшинство, христианское и думающее меньшинство. Вот его-то надо уметь видеть и ценить. В ночной битве легко перепутать друзей и врагов. Чтобы этого не было, не надо думать, будто все, рожденное на Западе и с Запада приходящее к нам, заведомо враждебно и плохо. Надо находить союзников. Надо ценить те произведения современной западной культуры, которые плывут против течения «голливудчины». Когда-то Хомяков мечтал: «Мы же возбудим течение встречное — против течения!». Путь Честертона — именно таков.

...Почти сто лет прошло со времени написания честертоновской «Ортодоксии». И лишь одна особенность его публицистики кажется устаревшей. Он разделял милый

предрассудок писателей XIX в., веривших в разумность своих читателей и оппонентов: «Если мой читатель вменяем и честен — он же не может не согласиться с силой моей логики и ясностью моего языка!».

Мы же сегодня слишком часто видим публицистов и политиков, которые не считают нужным быть честными или логичными. Ненависть к христианству во времена Честертона носила рационалистическую личину. Сейчас она гораздо чаще бывает неприкрыто иррациональна — цинична или «одержима».

В обоих случаях аргументы не помогают. От корыстной циничности антицерковников в былые века лечила христианская государственная длань (ибо ставила кощунников в такие финансово-житейские условия, что тем было невыгодно изгаляться). А от одержимости Церковь во все века знала одно некнижное лекарство: молитву. В отличие от первого рецепта, этот применим и сегодня (Честертон об этом знал и посвятил этим темам главу «Сумасшествие» в «Ортодоксии»).

Но есть еще и просто люди. Обычные люди, не купленные и не одержимые. Просто им что-то непонятно в Ортодоксии. С ними можно говорить на языке людей.

КАК ОТНОСИТЬСЯ К КАТОЛИКАМ?

— Как относиться к католикам?

— Православная Церковь признает Таинства католиков, даже Священство. Если католический ксендз переходит в Православие, то он прямо становится православным священником. Здесь есть некое противоречие в церковной жизни, противоречие между богословием и церковными канонами. С точки зрения догм — очевидно: одна Церковь, одно Таинство, одно Крещение. Потому что Церковь — Тело Христа, оно может быть только одно, едино и единственно. Единство тела определяется единством кровообращения. Отсюда проблема — где граница моего тела? Волосы — мое тело или нет? Трудно сказать, потому что, по большому счету — это отходы моей жизнедеятельности. Кровь здесь не течет, и, если я теряю волосы, мне от этого никакого убытка. То есть там, где нет крови,— это все-таки не совсем часть моего организма. А зубы, особенно так называемые мертвые зубы, с удаленными нервами, но все еще работающие в моем рту? Мертвый-то он мертвый, а попробуй его вырвать без заморозки — мало не покажется! Итак, даже биологически не совсем понятно, где граница моего живого организма. И все же мой палец — несомненно часть моего тела. А отрезанный ноготь — мусор, и не более того.

Палец отрезали. И по большому счету, не важно, мой отрезанный палец находится на расстоянии 1 мм от моего тела или на расстоянии 10 км от него. Кровь туда не поступает и не возвращается назад. Значит, отрезанный палец уже не мой.

Вот так и человек: если он отпал от единства литургической жизни, от единой Чаши с Кровью и Телом Христа (неважно, по каким мотивам: в грехе, в расколе или в ереси), он не член Церкви, он не омывается Кровью Христа. Таков голос догматического богословия.

А голос церковной истории и церковных канонов говорит, что «расстояние» имеет значение. И поэтому, в зависимости от меры «расцерковленности» отпавших, принимаются они разными «чинами». Кого-то перекрещивают, а кого-то приемлют просто через покаяние, «в сущем сане». Русская Церковь за всю свою 1000-летнюю историю католиков не перекрещивала (кроме 20-летнего периода в XVII в.). Униатские и католические священники при переходе к нам принимались «в сущем сане». Значит, Таинства (Крещения, Рукоположения, а следовательно, и Евхаристии) у католиков все же совершаются. Так говорят церковная история и каноника — вопреки догматике.

Как эти два голоса соединить в едином хоре? Пока не знаю. Знаю лишь одно: надо уметь слышать оба этих голоса*. Иначе получится дурь и ересь.

— Как складываются сейчас отношения с Ватиканом?

— Католичество очень активно в своей внешней деятельности. И Православие в этом смысле, кажется, проигрывает, но при этом оно сохраняет некую глубину.

---

*Подробнее см. главу «Мнимый модернизм. Еще раз к вопросу о границах Церкви» в моей книге «Вызов экуменизма» (М., 2003).

Разделение Православия и католичества в чем-то похоже на распад Советского Союза. Обе истории ставят один и тот же вопрос: как и на каких условиях могли сосуществовать в едином государстве (или единой Церкви) народы со столь изначально разными культурами — прибалтийские, азиатские, кавказские. Скорее, чудом было то, что мы в СССР какое-то время были вместе. Этому надо удивляться, а не тому, что мы в конце концов разошлись. Вот и в Римской империи жили очень разные народы, которые наконец свои различия стали ценить больше, чем плюсы тогдашней глобализации.

В послевоенные годы — с Иоанна XXIII и до конца 80-х гг. католики проводили достаточно дружелюбную политику — пока между нами был «железный занавес». Их не пускали,— а они говорили: «Ну и не надо, мы вас и так любим!». Но как только у католиков появилась политическая возможность действовать в России — былые клятвы в дружбе забылись. Так что при разговорах о том, как же могут мирно сосуществовать разные религии, я все чаще вспоминаю немецкую поговорку «Чем выше забор — тем крепче дружба».

В России Православие спокойно сосуществовало и сосуществует и с исламом, и с буддизмом. Русский народ терпим. У нас только одно условие: нас не трогайте. Храните ваши национальные традиции, но и нашу веру не разрушайте. В русских сказках наше сосуществование выразилось в таких словах: «В одном городе жили два купца: один русский, а другой татарин. Русский купец пошел к своему приятелю-татарину и просит у него взаймы. Татарин говорит: "Давай поручителя".— "Вот тебе порука — на церкви крест животворящий!".— "Хорошо, друг,— говорит татарин.— Я кресту вашему поверю; для меня все равно, что ваша вера, что наша"»*.

Но католический взгляд на Россию не таков. Я все же надеюсь, что нынешний конфликт недолговечен.

---

* Народные русские сказки А. Н. Афанасьева. М., 1985. Т. 3. С. 182.

— Как личность Иоанн-Павел II чем-то отличался от своих предшественников?

— В его политике были черты, симпатичные православным. Так, несмотря на мишуру либерально-реформаторских слов, которыми он облекал свои действия, заметно, что по главной цели своей политики он все же консерватор. Он старался затормозить процесс саморазвала католичества, который начался после реформационного Второго Ватиканского собора в 60-е гг. XX века... Его главная отрицательная черта была подмечена парижской газетой «Монд» еще в начале 80-х гг.: «Войтыла прежде всего поляк, а папа по совместительству».

Один итальянский кардинал лет десять назад мне, в частной беседе, говорил: «Поверьте, о. Андрей, если бы папа Римский был итальянцем, а не поляком, проблем с Русской Церковью у нас бы не было. Войтыла просто хочет взять реванш за поражение Польши в XVII в.».

Сегодняшние трения православного мира и Ватикана порождены Ватиканом. И в конце концов, это проблема католиков, а не православных. Это католики хотят прийти в Россию, и это их проблема, как их активизм будет воспринят православными и Русским государством.

— Как соотносятся в христианском мире папа Римский и Патриарх?

— Никак... дело в том, что, по церковным правилам (канонам), епископ города Рима является первенствующим иерархом всей Православной Церкви. Но это правило уже тысячу лет не действует. Ведь оно относится только к православно верующему епископу города Рима. А поскольку таковых уже тысячу лет как нет, то, соответственно, этот канон оказывается бездействующим. Поэтому соотносить Патриарха и папу — все равно что поставить на одну доску Патриарха и главу компании «Кока-кола». Они никак не соотносятся, ибо

живут в «параллельных мирах»... Впрочем, здесь есть одна тонкость. Когда произошел раскол, Католическая церковь решила: раз, мол, между нами раскол, значит, православные раскольники (схизматики) находятся вне Церкви (как ее понимали католики). Поэтому Римские папы XII–XV вв. назначали своих ставленников на патриаршие и епископские кафедры Восточного Средиземноморья, нимало не смущаясь тем, что в этих же городах есть православные Патриархи и епископы. Но наши Патриархи ответных шагов при этом никогда не делали. Мы никогда не посылали наших епископов на Запад с провокационными титулами, не нарекали их именами типа: «Епископ Римский, Патриарх всего Запада». Что стоит за этой «робостью»? Может быть, надежда на то, что наш раскол не окончателен.

— Приезд папы в любую страну — обычно грандиозное шоу. Например, однажды собралось около 500 000 молодоженов. Что это: влияние католичества или результат пиар-кампании?

— Мера влияния католичества весьма во многом определяется именно тем, какие пиар-кампании ведутся за него или против него. Что касается приезда папы на Украину, то моя позиция полушутлива-полусерьезна. Я был бы рад, если бы в Москву приехал Иоанн-Павел II. Потому что рано или поздно папа все равно здесь появится. Но дело вот в чем. Если бы к нам приехал Иоанн-Павел II — мы бы увидели 80-летнего старца с болезнью Паркинсона. Теперь же мы можем увидеть более молодого и энергичного понтифика, хорошо вписывающегося в тот самый пиар, который будет сопровождать его приезд.

— В день кончины папы Иоанна-Павла II его чаще называли человеком мира, который смог вдохновить на диалог страны и религии. Как видно, Русскую Православную

Церковь папа вдохновить так и не смог. Кто, по-Вашему, в этом виноват? Неудобно как-то получается: папа был и на Украине, в Казахстане, в Азербайджане и Грузии, а к нам почему-то не заехал...

— Да, добрых слов о папе было сказано много (и верно), но уже на следующий день тон комментариев стал более умерен, появились критические нотки: папа — консерватор, он отстал от XXI в., он не смог сделать шаг навстречу гомосексуалистам и феминисткам... Ну а раз и в Европе разрешают себе в эти дни говорить об Иоанне-Павле II не только в безусловно одобрительных интонациях, то и мы не будем строить из себя бóльших католиков, чем... тот, кого уже в Риме нет. В памяти Русской Православной Церкви образ ушедшего папы тоже сложен.

Да, от нас зависело, приедет папа в Россию или нет. Но «от нас» не значит — «от наших нашептываний властям».

Папа не приехал в Россию вовсе не потому, что руководство Русской Православной Церкви интриговало в Кремле, боясь какой-то там интеллектуальной конкуренции. Нет — Иоанн-Павел II в последние годы был немощным, больным человеком, а русское Православие имеет сегодня сильных мыслителей. Не было и конфликта вер: Патриарх Алексий II имеет большой опыт в экуменическом диалоге.

В некотором смысле папа пал жертвой своей собственной вежливости и корректности. Дело в том, что с 70-х гг. XX в. дипломаты Ватикана сами себе сформулировали условия папских визитов. Они исходили из того, что слова «Римско-католическая церковь» у многих народов и людей ассоциируются с воспоминаниями о былой агрессивности, об интригах и Крестовых походах. Католики тяготятся тем, что слишком часто в истории их имя было синонимом агрессии и насилия. Для того, чтобы изжить это из своего имиджа, Ватикан решил, что каждый визит папы должен

становиться визитом мира, который не обострял бы уже существующие религиозные разногласия, а служил бы примирению.

И это значит, что папа может приехать только туда, где его желают видеть. Причем желают видеть все — не только католики, но и светское общество, и, главное,— община религиозного большинства данной страны.

Значит, для визита папы нужно тройное приглашение: от правительства страны, в которую совершается визит; от местной католической общины и от религиозной общины большинства. То есть если эта страна не католическая, то папа откликается не на приглашение местной католической епархии, а на приглашение общины большинства (даже мусульманского большинства,— как было, например, в Ираке или Иране). Значит, для приезда папы в православную страну требуется приглашение и от Православной Церкви. Это не наши условия, это ограничения, которые авторы ватиканской политики сами наложили на себя.

— А если наш Патриарх едет за рубеж, он тоже выполняет массу условностей?

— Мы таких условий не формулировали. Для визита Патриарха в любую страну достаточно желания местной православной епархии. Ведь Патриарх не является главой государства: ему государственных приглашений не нужно.

— Так что же происходило в отношениях нашей страны и Ватикана?

— Приглашения от нашей страны в Ватикане лежат с конца 80-х гг.: первым пригласил папу Михаил Горбачев, потом — Борис Ельцин и Владимир Путин. Неоднократно, в промежутках между их приглашениями, наши премьер-министры, встречаясь с понтификом, подтверждали приглашение первых лиц государства. Естественно, что и католики России желали видеть папу.

— А наша Церковь?

— Мы считаем, что у папы есть законное право видеть свою паству.

—Так в чем же проблема? Почему РПЦ не прислала папе приглашения?

— Отсутствие такого приглашения объясняется боязнью лицемерия. Дело в том, что, по современному экуменическому протоколу, встреча лидеров Церквей предполагает объятия, поцелуи, добрые слова друг о друге. Но в случае именно с этим папой эти слова могли быть не совсем искренними. И то, что на Украину папа все же приехал без приглашения со стороны Церкви большинства, это подтверждает.

Пиком нашего диалога были 60–70-е гг. прошлого века. Пока между нами был «железный занавес», Западная церковь понимала, что сюда ей дороги нет, и говорила, что в общем-то и не очень хочется. Пока советская власть стояла между нами, мы общались поверх барьеров и радовались этому. Но едва «железный занавес» исчез, как старые проблемы и амбиции проснулись. Под «старыми амбициями» я, в частности, имею в виду историю с созданием в Риме учебного центра под названием «Руссикум». Это семинария для постсоветской России, созданная в 20-е годы. Расчет был на то, что атеистический пресс уничтожит Православную Церковь, а когда падет сам большевизм, то Рим сможет бросить в Россию «десант» священников, верных папе, но владеющих и русским языком, и стилем православного богослужения, знающих русскую культуру. История с «Руссикумом» напоминает о главном нерве наших взаимоотношений, имя которого — униатство.

Вот и при Иоанне-Павле II главную сложность создало возрождение Униатской украинской церкви — точнее, не столько сам факт ее возрождения, сколько некоторые пути этого ренессанса.

На Западной Украине рубежа 80–90-х гг. при поддержке местных властей началась волна не просто возрождения униатства, а настоящего разгрома Православия. Боевики на автобусах приезжали в православные села и вышвыривали православных священников, захватывали храмы. Доходило до того, что детей наших священников избивали на улицах и требовали передать их отцам незамысловатое послание: «Чемодан – вокзал – Россия!».

Тогда была создана комиссия из представителей Московского Патриархата, Киевской митрополии, униатов и представителей Ватикана. Дипломаты Москвы и Ватикана в 1989 г. нашли выход из кризиса: в каждом приходе надо провести референдум, и пусть люди свободно решат – переходит ли их община в унию или остается в Православной Церкви. Если большинство прихожан желает, чтобы храм остался православным, он остается таковым. Если большинство желает перейти в унию – храм становится униатским. Но при условии: победившее большинство в обоих случаях помогает меньшинству построить второй храм. Но все осталось на бумаге.

Тогда мы обратились в Ватикан, а нам ответили: «К сожалению, они нас не слушают». Это удивительно, потому что вся суть унии состоит в том, что униаты слушают папу, сохраняя православные обряды. А тут вдруг такое непослушание! Но главное не это.

Поскольку насилия творились во имя единства с папой (униаты, как я сказал, соблюдают православные обряды, но подчиняются Ватикану), мы ждали, что папа даст нравственную оценку этих событий. И за пятнадцать лет так и не дождались...

Понятно, что Западная Украина – очень проблемная зона, и все мы люди, и, возможно, в аналогичной ситуации православные повели бы себя не лучше: толпа есть толпа. Но Римский папа есть Римский папа. Мы пятнадцать лет

ждем от него одного: нравственной оценки погромов на Западной Украине. Он этого не сделал, не сказал простых слов: «Это грех, так нельзя».

Не надо слишком пышной и слишком обобщающей формулы: «Простите за все». Такое тотальное покаяние может впечатлить журналистов, но не священников. Увы, когда папа приехал в Киев в 2002 г., он прибег именно к этой формуле: ну, мол, простите нас за все, в чем мы согрешили за 1 000 лет разрыва. Журналисты в восторге! Но подумайте, если на исповедь придет женщина и скажет: «Батюшка, во всем согрешила!». Что, мол, в мелочах копаться, оптом отпущение подавай... Это — псевдоисповедь. Один мой знакомый священник в таких случаях спрашивает: «Во всем грешна? А мотоциклы по ночам угоняла?».

Вот так и Римский папа — якобы «во всем грешен». Это не покаяние, а пиар. Нельзя просить прощения за все, по той простой причине, что никому еще не удалось собрать все возможные грехи. А значит, нужно просить прощения за конкретные деяния. От папы же мы даже этого не ждем: нам не нужно его личное или корпоративное (от имени Церкви) покаяние, мы хотим просто услышать нравственную оценку действий не его самого, а вот тех погромщиков. И всё.

Почему слова папы, которых мы никак не дождемся, нам так важны? Понимаете, православное и католическое мышление очень близки. История Церкви для нас больше, чем просто история: это место встречи Бога и человека, а потому в прошлом можно найти следы вечности. И потому мы мыслим прецедентами: история есть собрание парадигм. И Православная Церковь, и Католическая церковь — это институты с традиционалистским мышлением, прецедентным правом. Если церковно-историческое событие не получает из уст Церкви (папы) отрицательной оценки, то оно становится образцом для воспроизведения. Поступок

такого-то Патриарха в такой-то ситуации может стать примером для подражания, даже когда Патриарх не святой, но если его преемники гласно не осудили этот его поступок.

Представляете, проходит 100 лет, и «национально свидомым» гражданам Украины в конце XXI в. снова кто-то не понравится, и им снова захочется еще кому-нибудь намылить шею. В поисках решения они обратятся к своей истории (что естественно для каждого христианина) и вспомнят: «А наши-то святые предки, мученики, которые выжили в советские годы, москалям-то шеи еще как мылили, и Римский папа их за это не осудил». Так, значит, это путь ко спасению, а следовательно, можно в том же духе продолжать и сегодня. И кого они пойдут «зачищать» в следующий раз — *ляхов, жидов, «хачиков»*?

Во избежание такого будущего мы уже пятнадцать лет просим папу дать оценку именно этой странице прошлого. Чтобы этого не было, Ватикану необходимо сейчас, на памяти этого поколения, дать нравственную оценку погромам.

— А папа-то знал, какие слова хотело услышать от него наше духовенство?

— Может быть, папа осуществлял визитацию Украины, уже не приходя в сознание. Но одно дело — 83-летний человек, которым он был тогда, и другое — потрясающе работоспособный и компетентный аппарат, который прекрасно работает и сейчас.

Думаю, те люди, которые готовили его визит на Украину, в полной мере владели ситуацией и знали обо всем. Дайджестом православной прессы, где об этом шла речь, они, несомненно, располагали.

Что ж, еще раз поясню нравственное измерение нашей позиции: если папа официально приедет в Москву — это значит, что с ним надо будет целоваться. Но это будет жест лжи, это будет предательством реальных людей, которые еще живы, которые были вынуждены бежать с Западной Украи-

ны. Через их боль целоваться перед телекамерами? Это лицемерие. Так что ключи от Москвы в Ватикане. Папе нужно сказать только одну фразу, и его с радостью здесь примут.

Мы не против приезда папы Римского и готовы с ним беседовать хоть в Москве, хоть в Риме. Но мы не хотим, чтобы эти беседы были лицемерными. Мы хотим убедиться в том, что папа Римский едет сюда не как триумфатор или крестоносец, а как человек, который действительно видит в нас христиан, братьев во Христе.

Если это так, то мы ждем от него, чтобы он проявил свою папскую власть и обратился к своей пастве на Западной Украине с тем, чтобы она исполнила договоренности еще конца 80-х годов. Наш Патриарх просит, чтобы прежде папского визита хотя бы в трех-четырех городах католики реализовали те свои обязательства.

— Почему Иоанн-Павел так желал приехать в Москву?

— Ему хотелось оказаться первым папой, который приехал в Москву... Все понимают, что именно Москва – центр Православия, а не Константинополь, и даже не Киев. Для папы Римского это было бы самым большим политическим успехом за всю его жизнь. Это был бы символ: папа времен Роналда Рейгана, времен холодной войны, папа, пришедший к власти и осуществлявший свое правление на антисоветской, зачастую антироссийской, риторике... и вот именно он вдруг вступит в Москву: что-то в духе киномифа о Сталине, якобы вступающем в поверженный Берлин.

— Как, по-Вашему: почему папу не пускали с поста? Не давали спокойно умереть, если он... плохо себя контролировал?

— Старенький папа – удачная пиар-акция Ватикана. Для того, чтобы разорвать имиджевое тождество католичества и конкистадорства, немощный старичок годился более всего.

Ватикан как бы говорил: «Посмотрите, какие мы беззащитные, ну какая в нас угроза и сила, мы умеем лишь кивать да дремать».

— И все же для многих папа останется прогрессивным человеком, который встречался с футболистами, перед которым брейк танцевали. У нас такого не увидишь...

— Эти замечательные кадры я тоже видел по «Euronews». Мальчишки танцевали брейк замечательно. И Рональдо — великий футболист. Но когда папа спрашивает его, где он играет (и Рональдо отвечает, что он уже давно в Италии), становится понятно, что их просто поставили рядом для фотосессии. Футбольным фанатом папа явно не был: речь шла о взаимном обмене «паствой» и популярностью... В итоге, смотрел я на него и вспоминал старый анекдот про Леонида Брежнева: «Вчера Леонид Ильич Брежнев принял в Кремле английского посла за венгерского и имел с ним долгую, продолжительную беседу...». Глядя на этого старца, нельзя было не вспомнить вопрос Пабло Неруды: «Скажите, долгая старость — награда или расплата?»[5].

— Даже если папа — удачный пиаровский ход, то создан он очень умело. Иначе Италия бы не ожидала миллионов паломников и не стояла бы сутками на площади Ватикана. У нас такого не будет.

— Пиар, конечно, есть. Интересно, например, оденут ли ведущие НТВ черные блузки и галстуки в день кончины русского Патриарха (как они надели их в день кончины папы). Но главное все же не в пиаре, а в разности человеческих связей внутри католических и православных общин. Православный человек любит: а) Православие как таковое; б) конкретного своего приходского батюшку. Епископ или Патриарх в мире его чувств не столь значимы. Трудно представить себе православного человека, впадающего в экстаз оттого, что где-то в окне он увидел Патриарха. При всем

уважении к патриаршему сану даже день личной встречи с Патриархом православный все же вряд ли будет считать самым счастливым днем своей жизни. А католикам внушается, что они должны испытывать именно такие чувства.

— Почему же на фоне католиков православные выглядят консерваторами?

— Странно, что в России принято считать католичество чем-то более либеральным, нежели Православие. А ведь это самая дисциплинированная и жесткая из всех христианских конфессий. При знакомстве с документами Второго Ватиканского собора 1963 года я не уставал удивляться: если *это* католики сочли великими свободами, то в какой же тюрьме они жили прежде?

— В день смерти папы на нашем ТВ веселились по-прежнему. Как будто ничего не произошло. Я, конечно, понимаю, что мы — не католическая страна, но все же...

— В этом нет ничего нового. Вспомните наше (?) телевидение в дни цунами, унесшего сотни тысяч жизней... И все же хорошо, что хотя бы европейские каналы давали подробный рассказ о смерти папы. Ведь прежде всего это была Смерть Человека. Болезнь, агония и смерть — это то, что предстоит каждому из нас. Не нужно спрашивать, по ком звонит колокол. Он звонит по тебе.

— Диалог с католичеством вообще возможен?

— Диалог столь огромных организмов, как Православие и католичество, конечно, идет не только на уровне глав Церквей. Так что и при отсутствии высших протокольных встреч все равно были и диалог, и взаимное узнавание, и взаимное влияние. При новом папе диалог будет интереснее. Во-первых, новым понтификом стал человек более молодой и более здоровый, нежели Иоанн-Павел II последних восьми лет. Это человек, который может самостоятельно

и живо реагировать на проблемы, которые возникают в ходе живой встречи. Во-вторых, это человек, который не рос в условиях жесткого противостояния систем и стран. В-третьих, он точно не поляк, а значит, в общении с ним не будет тех сложностей, которые отягощают российско-польские отношения – комплекса взаимных обид и претензий. А следовательно, диалог с ним будет носить более рациональный характер.

Но есть и люфт неожиданности. Будет ли Римский папа подобно Иоанну-Павлу II сознательным консерватором или он сделает ставку на обновление Католической церкви? Первый вариант откроет дорогу для сближения католиков с православными, второй закроет. Мы это помним по нашему диалогу с Англиканской церковью. Мы были очень близки до 1917 года. Но затем Англиканская церковь легла в либеральный дрейф, в результате чего там появилось и женское, и даже гомосексуальное священство. И стало понятно, что дальнейшее сближение с ними чревато заражением, а не духовным обогащением. Англиканская церковь предпочла сближаться со светским миром, а не с миром древнего христианства. Не уйдет ли в подобный дрейф и католическая община? Понятно, что сегодня для католиков гораздо важней диалог с лютеранами Европы, нежели с православными. Если же новый папа будет консерватором подобно Каролю Войтыле, у нас сохранится общая платформа, и тогда те частности, которые нас разделяют, могут стать предметом серьезного обсуждения. В противном же случае эти частности просто будут забыты, потому что появятся гораздо более крупные поводы для нашего дальнейшего расхождения.

— Итак, мы уже знаем имя нового понтифика. Чего вы ждете от нового папы?

— Папа Бенедикт XVI – это умный, самокритичный и действительно великий инквизитор. Вот как он (вслед за Сереном Кьеркегором) видит проблему Церкви в современ-

ном мире: за час до начала представления в цирке начался пожар. Все артисты, спасаясь, выбежали на улицу прямо в своих костюмах. Среди них был клоун. И вот он бежит по улице и кричит о том, что в городе начался пожар. А люди веселятся: ах, как хорошо, мол, играет этот шут! Люди аплодируют. Но это на самом деле правда, а не шутка. И только когда огонь перекинулся на дома граждан, они поняли, что это не было шуткой клоуна.

Это и есть образ Церкви в современном мире. Люди так вот и реагируют на наши одежды, которые кажутся им либо слишком «шутовскими», либо слишком старыми, либо слишком экстравагантными. Порой многие полагают, что мы твердим какие-то странные речи или как будто «шутим». Когда мы говорим о серьезной угрозе, которая висит над человеком, нас не воспринимают серьезно. Поэтому любой современный священник должен учитывать тот факт, что все, что было очевидным раньше, сегодня требует аргументации и доказательств.

Кардинала Йозефа Ратцингера в немецкой прессе называли «панцер-кардинал», то есть «кардинал-танк». Да, он представитель структуры, ранее называвшейся инквизицией, но в инквизицию всегда набирали самых умных и образованных священников, к тому же сегодня эта структура уже не трибунал, а научно-богословская комиссия по вопросам веры.

Думаю, с ним интересно вести диалог. Даже несогласие с ним может оказаться интересным и полезным. Именно в качестве сознательного консерватора он является той фигурой, с которой нам будет легче общаться. Гораздо труднее беседовать с какой-нибудь амебой, которая старается под всех подлаживаться, нежели с человеком, у которого есть ясные убеждения.

Католичество – это огромный мир, где есть свои центры мысли и власти, причем одни из них ищут понимания и сближения с миром Реформации и с миром современных

светских идеологических мод, а есть центры, которые ищут ответы у истоков древнего христианства. Они ближе к Церкви святых Иоанна Златоуста и Сергия Радонежского.

Как будет в дальнейшем развиваться диалог между католичеством и Православием, во многом зависит от того, какую внешнюю политику поведет новый понтифик, с какой из европейских конфессий пойдет на более тесное сближение,— с протестантством или с Православием. Для нас в покойном папе было наиболее дорого, как ни странно, не то, что он фотографировался с Рональдо и принимал в своих покоях брейк-дансеров, а то, что Иоанн-Павел II был консерватором в вопросах веры, в вопросах незыблемости главных догматических постулатов. Если новый понтифик пойдет тем же курсом, диалог между католичеством и Православием будет продолжен.

Нового папу называют консерватором и ортодоксом. Но ведь и Православная Церковь на иностранных языках именуется ортодоксальной. Вот если бы папой оказался, например, парижский кардинал Жан-Мари Люстиже или кто-то из более модернистски настроенных кардиналов, в этом случае Католическая церковь начала бы искать общий язык с миром светских современных идеологий, с миром реформированного христианства. И тогда это был бы дрейф в сторону от православных традиций.

— Какие его отличия от Иоанна-Павла II?

— Выбрав папой Иоанна-Павла II, католики поставили эксперимент с папой не итальянцем, а славянином, с человеком не из «старой Европы». Отношение к предыдущему папе было разное. Среди немцев он был непопулярен, итальянцы тоже хотели бы видеть папой итальянца. Если бы второй раз подряд был избран человек не из «старой Европы», то это стало бы знаком капитуляции: это означало бы,

что Римско-католическая церковь готовит себе запасной вариант где-нибудь в «третьем мире» и что Европа для Ватикана окончательно потеряна.

Политика папы Иоанна-Павла II была не лишена личных, иррациональных факторов. Да, национальный фактор важен. Для Польши Россия — многовековая угроза. В сознании современных немцев (особенно переживших войну) скорее — жертва, перед которой они искренне сознают свою вину.

Кароль Войтыла — поляк, и молодость его прошла в Польше в те времена, когда там происходили погромы и разорения православных церквей и храмов,— великолепнейших по своей красоте. Ведь они строились в конце позапрошлого века, когда Польша была самым западным рубежом Российской Империи и своеобразным форпостом православного мира. Туда специально приглашали самых лучших мастеров, художников и архитекторов, которые только были в те времена.

А современная Польша гордится той, предвоенной, страницей своей истории.

Ратцингер родом из Германии, тоже еще предвоенной и тоже антирусской. Но с той поры и поныне те нацистские предрассудки осуждаются высокой германской политикой и массовым сознанием. У германских католиков и лютеран после Второй мировой войны появилось очень трепетное отношение к России, и они хотят загладить то горе, которое принесли нам немецкие танки, увы, с крестами на башнях. Немецкие католики и лютеране действительно помогают конкретным церковным православным проектам в России.

Кроме того, папа Бенедикт, как бывший солдат вермахта, всегда будет озабочен тем, чтобы не дать повода считать, будто его поступки являются эхом той жизни. Я не собираюсь корить Ратцингера его службой в вермахте. Этим с удовольствием занимается западная (и российская

прозападная) пресса. Просто для самого папы это тыканье в его прошлое не является новостью. Потому я и предполагаю, что он сам будет более чем осторожен в своей российской политике, чтобы не давать повода ищущим повода для легковесных параллелей.

Кем бы ни был понтифик — немцем, итальянцем или «афроватиканцем»,— то, что он не поляк,— уже важно. Для неполяка Россия — это просто один из многих регионов мира — без каких-либо симпатий или антипатий. Ведь для Ватикана Россия — по сути — глубокая провинция. У них и без нас забот хватает. Есть огромные проблемные католические регионы — Западная Европа, Юго-Восточная Азия, вечно революционная Латинская Америка, и совсем уж свои проблемы у растущих Африканских церквей. Есть проблемы католической диаспоры в США. В этих условиях папа-прагматик просто не будет создавать себе дополнительные и необязательные проблемы и раздражать далекую и непредсказуемую Русскую Церковь.

— Что изменилось во взаимоотношениях России с папами за последнюю тысячу лет?

— Мне кажется, у католиков изменилась всего лишь тактика. Цель прежняя — подчинить Россию папскому престолу. Стала использоваться более деликатная тактика — тактика объятий, по сути, затыкающая мягкими подушками рот и мысль, запрещающая сравнивать и подмечать различия. Новыми средствами Католическая церковь стремится все к той же исконной цели — чтобы мы в конце концов вошли в сферу влияния Рима.

Но кроме этого, есть и серьезные и добрые перемены в наших отношениях. Из лексикона официальных папских газет и богословов исчезло слово «раскольники» по отношению к нам. Еще в 30-е гг. XX в. слово «православные» в официозе Ватикана могло появиться только в кавычках. Сегодня этого

уже нет. В XX в. мы были свидетелями того, как впервые за многие столетия православная мысль оказала влияние на католиков (по признанию самих католиков). Речь идет о великом русском богословии эмиграции — о. Сергий Булгаков, Николай Афанасьев, Владимир Лосский...

И все же я не вполне понимаю, что такое Католическая церковь сегодня. Еще 100 или даже 50 лет назад это было понятно. Католичество — это жесткая иерархия и строгое подчинение голосу папы. А сегодня реформированная Католическая церковь очень разнолика и разнообразна. Однажды я слушал выступление католического архиепископа, который в Москве говорил о том, как он надеется, что скоро «вместе с нашими православными братьями мы соединимся в общей молитве, общем Причастии». Сначала я порадовался его словам... Но вдруг подумал, что наверняка в ту же самую минуту его коллега где-нибудь во Вьетнаме произносит проповедь, обращаясь к местной пастве, и говорит то же самое о местных буддистах. А его коллега в Германии говорит точно такие же замечательные и добрые слова, относя их к протестантам.

Да, действительно, в католичестве есть очень интересная группа людей, которые искренне тянутся к Православию, желая понять и восстановить многие древние церковные традиции, общие для нас в первом тысячелетии христианского бытия. Но мне кажется, гораздо более влиятельна та группа, которая стремится адаптировать Церковь к современным стандартам массмедиа, к духу современности, к духу века сего. Это, наверное, больше всего отпугивает сейчас православных от католичества. Не те или иные догматические разногласия и тонкости, а то, что мы видим у католиков ту же болезнь, что и у нас...

Осуждать можно только то, что хотя бы отчасти, но все же знаешь по себе... Если 3-летний малыш случайно найдет эротический журнал, то он ничего дурного в нем не

увидит. У него возникнет единственный вопрос: «Мама, а почему эта тетя голенькая?». «У нее отняли платье? Ей так не холодно?» — спросит малыш. Для того, чтобы увидеть грех в другом человеке, надо самому быть причастным к нему. Так вот, то, что нас пугает в католиках, есть и в нас. Это дух обмирщения — когда мы руководствуемся в своих поступках не столько духом Евангелия, сколько тем, что «принято» в этом сообществе, в этой стране и в эту эпоху. Но мы видим, что у католиков эта болезнь обмирщения и политизации гораздо более запущенна. Поэтому я опасаюсь, что в случае сближения мы скорее заразимся от них, нежели позаимствуем что-то доброе и хорошее.

Вообще, меня поражает миф о том, что в случае слияния двух разных традиций они друг друга обогатят. А может, произойдет взаимное заражение? Вы знаете, например, что для среднего русского обывателя более всего симпатично в католичестве? То, что на службе можно сидеть. А что симпатично в Православии для среднего европейского обывателя? То, что православные разрешают разводиться и вступать во второй брак. Это сегодня самая массовая причина обращения в Православие на Западе. Так что в случае нашего соединения, боюсь, мы позаимствовали бы друг у друга наши слабости, а не нашу силу.

— Помогала ли Католическая церковь изгнанным после революции священникам или отнеслась к ним холодно?

— По-разному бывало. Были кардиналы и епископы, произносившие проповеди, смысл которых сводился к тому, что это, мол, Божий Промысл выметает поганой метлой православную Россию за то, что она не слушается папу... Но были и те, которые отнеслись по-человечески, помогали обустраиваться русским беженцам, предоставляли им помещения для служб, для жилья. Была и третья линия — иезуитов, которые приглашали и обеспечивали бесплатное об-

учение русским детям в иезуитских учебных заведениях. И там потихоньку этих детей перевоспитывали в католическом духе... То есть, по сути, крали их у России и у родителей. Официальный же Ватикан, несомненно, хотел воспользоваться нашей бедой. Так, как я уже говорил, в 1927 г. была даже создана специальная коллегия для подготовки католических священников для России.

— Это все уже в прошлом?

— Нет. Самый проблемный регион для Ватикана — Западная Европа. Она проблемна для Ватикана потому, что почти потеряна им. Нотки европессимизма не раз звучали из уст самого Иоанна-Павла II... У папы есть замечательная традиция. Куда бы он ни приезжал, он целует землю страны, пригласившей его. И произносит фразу на языке той страны, в которую прилетел. Причем эта фраза становится девизом всего визита. Так вот, где-то в 92-м г. свой визит во Францию папа начал с пронзительной и честной фразы: «Франция! Что ты сделала со своим крещением!». Представляете: Францию, которая в Средние века именовалась «старшей дочерью Церкви», папа признал нехристианским, языческим регионом, а значит, зоной открытого миссионерства.

Помню, в одном немецком городе я зашел в местную католическую семинарию, и меня удивила и порадовала карта, которая висела в коридоре. Это была карта той федеральной земли, в которой находился город. На карте было несколько флажков. Оказалось, так отмечены приходы, воспитанники которых учатся в семинарии. Такая память о каждом ученике меня, конечно, порадовала. А рядом я увидел другую карту-график, отражающую число учащихся этой семинарии и число людей, принявших сан после семинарии за весь XX век. По карте видно постепенное падение обоих показателей до середины 30-х годов. Затем абсолютный ноль — с конца 30-х и 40-е гг. (нацистские гонения

на Католическую церковь). Послевоенные годы — резкий всплеск, затем идет плавный спад в конце 50-х гг. и резкий обвал, начиная с конца 60-х гг.: после Второго Ватиканского собора и реформ.

Как ни странно, хотя Католическая церковь стала на путь реформ, они не очень-то ей помогли. Это надо помнить. А то сегодня очень часто говорят: «Реформы, реформы — это панацея от всего». Скорее, наоборот.

Католичество становится религией «третьего мира», оставляя Западную Европу потребительству и вульгарнейшему неоязычеству. Одно из проявлений этого кризиса — все меньше молодых людей принимают священство (в основном, конечно, юноши сторонятся принципа обязательного безбрачия).

У католиков в Европе катастрофически не хватает священников. Они пробовали этот дефицит восполнить в 70–80-е гг.— за счет эмигрантов из стран «третьего мира». Это было очень политкорректно, телегенично и симпатично: вьетнамец или негр, исповедующий немцев. Вот преодоление нацизма. Но все равно культурно-расовая граница остается. Соответственно, уже в 80-е и 90-е гг. эту нишу заполнили поляками. Но поляки довольно быстро успели Европе надоесть.

И вот падение «железного занавеса» открыло доступ к тому удивительному ресурсу, который Достоевский называл «русскими мальчиками». Это не запись в пятой графе. Это тип человека. «Русские мальчики» Достоевского — это те молодые люди, которые отказывают себе в праве на жизнь до той поры, пока они не нашли повод к жизни. Для них смысл жизни и смысл смерти — одно и то же: жить можно только ради того, за что не страшно умереть. Эти «русские мальчики» шли в монастыри и в революцию, в космос, в секты и снова в монастыри. Они — служители, а не бизнесмены. И вот из нескольких католических уст я слы-

шал: «Простите, но мы должны принести в жертву наши добрые отношения с Русской Церковью и войти на Украину и в Россию, а иначе сама наша Церковь к концу XXI в. станет чернокожей». Поэтому на Западной Украине и в Белоруссии сегодня открывается избыточное количество католических семинарий. Их не нужно столько для того, чтобы обеспечить потребности католиков Украины, Белоруссии и даже России. Ребят собирают, учат европейским языкам, дают бытовую и интеллектуальную европейскую культуру, после вводного семинарского курса посылают в европейские университеты – и все ради того, чтобы в конце концов командировать их в европейские же приходы. Так что речь идет о попытке приватизировать наш самый удивительный – человеческий – ресурс. И для Ватикана это вопрос сохранения себя в качестве центра европейской (а не латиноамериканской) жизни. Восточная Европа нужна Ватикану не как очередная провинция. А как шанс.

Похоже, что в Белоруссии, Украине и России католики занимаются прозелитизмом от отчаяния. Не от избытка сил, а из последних сил.

— Расскажите, пожалуйста, о чуде в португальской деревушке Фатима, где Богородица явилась маленьким детям и сделала четыре предсказания. И почему так долго скрывалось четвертое пророчество?

— Скажу сразу, что у православных людей доверия к Фатимским видениям нет. И все равно непонятно, что тут было скрывать. Последняя из тайн Фатимы, по заявлению Иоанна-Павла II, касается его самого, она заключает в себе пророчество о том, что когда-то кровью понтифика окрасятся ступени собора Святого Петра в Ватикане... Но ведь для того, чтобы такое предсказать, не нужно никаких откровений. Достаточно хоть немножко знать историю Ватикана. Еще в середине XIX в. при папе состоял специальный

кардинал, обязанностью которого было причащаться из Чаши раньше папы, чтобы проверять, не отравлено ли Причастие. Такую должность ввели после того, как таким образом отравили одного из пап его же собственные сослужители... История Ватикана настолько пропитана кровью и интригами, что предсказать, что нечто подобное произойдет с папой Римским, можно просто не выходя из исторической библиотеки.

— А о чем были другие предсказания?

— Одно из них касалось России. Речь шла о том, что Россия должна быть посвящена Божией Матери. Но сам по себе этот текст, если считать его подлинным, можно понять по-разному. В сознании некоторых католиков это пророчество означает благословение Божией Матери на католическую экспансию в России. А Мария Стахович,— живущая в Париже умная православная женщина,— в своей книжке о Фатиме утверждает, что католики совершенно исказили смысл пророчества. На языке Библии посвятить нечто кому-то означает отказаться от своих прав. Если я что-то посвящаю Богу, значит, это уже не мое. Если Божия Матерь хочет посвятить Россию Богу, значит, Ватикан должен отказаться от своих притязаний на эту страну.

— Были ли у наших православных контакты с католиками в советское время?

— Да, конечно. Особенно интенсивными они стали с 60-х годов. Митрополит Ленинградский Никодим, например, в официальных выступлениях обличал Ватикан как пособника американского империализма, но при частных встречах с католиками предупреждал, чтобы они не относились серьезно к тому, что он завтра скажет на конференции. Было общение личное, было книжное, было даже какое-то взаимодействие. Тот же митрополит Никодим до-

бился от католиков того, чтобы Второй Ватиканский собор не обсуждал политику государственного атеизма в Восточной Европе.

Но помимо этого возникла другая проблема, я о ней уже говорил. Это проблема отношений униатов и православных на Западной Украине.

— Православные и католики живут по разным календарям. На Украине получаются два Рождества, две Пасхи. Это подрывает если не веру, то обрядность. Человек говорит: «Христос же не два раза воскрес. Значит, эти священники в чем-то нечестны. И я к ним не пойду».

— Такое «бухтение» не впечатляет. Совсем не это удерживает этих людей вдалеке от Церкви, а корысть: сладость греха, с которой не хочется расставаться. По секрету скажу, что христиане празднуют Пасху вообще каждое воскресенье, то есть не два, а пятьдесят два раза в году!

— А о соединении календарей, соединении Церквей Вам не мечтается?

— Нет, не мечтается. Я не понимаю, чем можно обогатиться при таком соединении. Я не понимаю, почему я не могу просто дружить с соседским римско-католическим священником, не переходя при этом в подчинение к папе. Кроме того, современное католичество слишком разнообразно; есть там люди, которые тянутся к Православию, к древним истокам христианства, а есть монахи, берущие уроки медитации у буддистов...

Ни один католик не скажет, что в жизни его Церкви нет болячек. Так откуда же иллюзия того, что при нашем единении произойдет обмен лишь добрым? А может, мы «болячками» обменяемся? Как я уже говорил, российскому обывателю в католичестве больше всего нравится то, что у католиков на службе можно сидеть. А западному обывателю нравится в Православии то, что у нас можно второй раз жениться...

Есть и одна общая болезнь у православных и католиков. Это — секуляризация, чрезмерная уступчивость идеологическим «модам века сего». Именно потому, что в нас самих есть эта немощь,— мы должны быть особенно внимательны к тому, чтобы она не разрасталась далее. А католичество традиционно политизировано и обмирщено в гораздо большей степени... И значит, наше уподобление католичеству, наше соединение с ним подстегнет аналогичный процесс и у нас. Чтобы этого не было — лучше все-таки быть на расстоянии.

— По-Вашему, папа приедет прежде в Беларусь или Россию?

— Это непредсказуемо. Если папа не найдет в себе сил для того нравственного поступка, которого мы от него ожидаем и о котором мы уже говорили, то его визит будет лишь показателем степени несвободы Православной Церкви в том или ином государстве. Ведь именно государство принуждает Православную Церковь согласиться на визит папы. Так это было, например, в Болгарии, где правительство шантажировало Православную Церковь отказом признать ее юридическим лицом, тем принуждая ее согласиться на визит. Если не будет давления, то позиция Белорусской Православной Церкви будет совпадать с позицией Московского Патриархата.

— В одном российском журнале я читал нарекания на «польско-белорусский национализм» католических священников в России. Какие претензии имеют православные к российским католикам?

— Я бывал во многих регионах, задавал этот вопрос, и в ответ всегда подчеркивалась национальная принадлежность священников. Там, где епископ немец, проблем нет. Когда же священник или епископ поляк, конфликты раз-

горяются. Именно польские католические священники в России пробуют вывести католичество за рамки национальных общин и обратиться к русским детям.

Странно, что Римская церковь представлена в России почти исключительно *польскими* священниками и монахинями. Русского интеллигента скорее очаровал бы католик-француз (или итальянец). В конце концов, и культура там поразительно глубокая, и традиция философско-богословской мысли, да и просто эти страны вызывают давние и искренние симпатии у русского человека... Но — Польша?! Она-то какой вклад внесла в мировую религиозно-философскую мысль? И чего же доброго приняла Россия из Польши? И есть ли какой народ в мире, который более ненавидел бы русских (отдельный вопрос — о вине самих русских в таком отношении к нам), чем этот, избранный Ватиканом в качестве посредника между ним и Москвой? Еще в прошлом веке Василий Болотов писал о том, что польский крестьянин «без всяких сомнений приемлет слух, что... папежь... каждый день переписывается с Богом и получает ответы на польском языке: igitur <следовательно.— *А. К.*> *a ojczyzne* против *moskalow.* И большинство римско-католических епископов — чуть ли не родной брат тому темному поляку»*.

Слишком сложно складывалась история отношений Польши и России, слишком много было взаимной агрессии. И потому Польша — самый неудачный из возможных посредников в диалоге западного мира и России.

В общем, у российских католиков было бы меньше проблем, если бы они следовали указу императора Петра I: «1723 года, декабря 2-го дня в Святейшем Правительствующем Синоде синодальный вице-президент Феодосий, архиепископ

* *Болотов В.* Письмо от января 1888 г. // Сосуд избранный: История российских духовных школ в ранее не публиковавшихся трудах, письмах деятелей Русской Православной Церкви, а также в секретных документах руководителей Советского государства, 1888–1932 / Сост. М. Склярова. СПб., 1994. [Кн. 1]. С. 29.

Новгородский, объявил словесно именной Его Императорского Величества указ, их Преосвященству в летнем Его Величества доме июня 29-го дня сего года сказанной, чтобы обретающиеся в Санкт-Петербурге римского исповедания жители для исправления церковных нужд пасторов требовали токмо из французжан, а не иной нации людей»*.

— Они говорят, что проповедуют неверующим, а не православным...

— Критерии православности, как и критерии принадлежности к католичеству, могут быть весьма различными. В литургическом, мистическом плане для Православной Церкви любой человек, крещеный в ней, ей сопричастен. Мы об этом человеке молимся, хотя он об этом может не знать и даже не просить. Особенно это заметно в подростках. Подросток может жить совершенно мимо-церковной жизнью. Но если в его город приезжает рок-группа «Алиса» и на концерте Кинчев поет: «Мы — православные!»,— то «генная» память пробуждается в этом подростке, и он отвечает: «Да!». Если же его религиозное подсознание будет разбужено проповедью протестанта или католика, то его самопознание в качестве православного станет гораздо более отдаленным и затрудненным.

— Борются ли с сектами католики?

— Не борются. Всякий раз, когда я бываю в Западной Европе, я ищу католические книги антисектантской направленности. Их нет. Там другая концепция — теория кругов. В самом центре — Католическая церковь, более широкий круг — Православная, еще более широкий (а потому и более удаленный от центра истины) круг — это все христиане, затем монотеисты, затем — язычники и, наконец, неверующие «люди доброй воли». Бороться ни с кем уже не надо, надо искать общее.

---

* Полное собрание постановлений и распоряжений по Ведомству православного исповедания Российской Империи. СПб., 1875. Т. 3. С. 230.

Однажды во Львове со мной была такая история. Меня пригласили в униатскую академию. Я вел себя с ними вежливо, сектантами и еретиками не обзывал, просто рассказывал им о Православии... По окончании моего монолога студенты и преподаватели стали говорить о том, что они совершенно со мной согласны и верят именно так, как я рассказал, а потому, мол, нам давно пора соединяться. Я отвечаю, что соединяться все же рано, ибо между нами есть серьезные разногласия. Униаты удивляются: «Какие разногласия?».— «Ну, например, проблема "филиокве"».— «Да что Вы, это чисто филологическая проблема, ничего серьезного за ней не стоит!». Тогда я в течение получаса рассказываю униатам о том, какие философские и богословские проблемы порождает принятие этого католического догмата*. На этот раз они не спорят. Но начинают зудеть, что «искать надо то, что нас объединяет, а не то, что разделяет». Просто подушками душат. И так «достали», что я им говорю: «Вы хотите, чтобы наша встреча какой-то плод принесла?».— «Да, конечно, именно этого мы и хотим, поэтому давайте искать то, что нас объединяет!».— «Дорогие мои,— отвечаю я,— как вы думаете, если муж и жена будут все время искать только то, что у них общего, у них плод будет или нет?».

В логике есть закон обратного соотношения объема и содержания понятия. Объем понятия — это те предметы, на которые можно повесить соответствующую бирочку, а содержание понятия — это его смысл. Так вот: чем богаче содержание, тем меньше объем. Я произношу слово «мебель». Это понятие объемлет собой парты, стулья, столы, рамы, двери, даже некоторых студентов, сидящих в аудитории. Теперь я уточняю: «Деревянная мебель». Значит, пластиковые стулья сюда уже не входят. Смысл стал богаче, объем сузился. Говорю: «Деревянная мебель, предназначенная для

---

* См. главу «Филиокве: лишний догмат» в моей книге «Вызов экуменизма» (М., 2003).

сидения». Значит, деревянные столы сюда уже не входят. Говорю: «Деревянная мебель румынского производства». Уже финские стулья сюда не входят. «Деревянная мебель румынского производства, предназначенная для сидения, обитая зеленой кожей, с надписью, выцарапанной на левом валике: “Здесь сидел Вася”». Я дал предельно богатое смысловое описание, но такой предмет один во вселенной. И обратно: если же мы ищем такое смысловое содержание, которое объяло бы собою как можно больше реальных предметов, то мы должны искать понятие как можно менее конкретное, как можно более пустое, абстрактное. Так же и в мире религии: если мы ищем общее, то это путь к пустоте. Это не творческий путь, не интересный.

В 1991 г. лидеры религиозных конфессий СССР решили выступить с обращением к своим прихожанам с призывом сохранить СССР. В Патриархии была заготовлена «рыба». Лидеры разных конфессий приехали, прочитали заготовку, согласились. И когда уже все приготовили ручки, чтобы подписать этот текст, встает лидер баптистов и говорит: «Братья и сестры, вы знаете, я не могу подписать этот документ, потому что здесь нет ни одной цитаты из Евангелия. Мы, евангельские христиане-баптисты, когда обращаемся к нашей пастве, должны привести ссылку на Священное Писание. Давайте мы вставим слова: *блаженны миротворцы*». Патриарх говорит: «Ну, давайте». Католический архиепископ согласен, старообрядческий митрополит согласен, пятидесятники и адвентисты согласны. И тут встает главный раввин и говорит: «Ну, братья, как я могу процитировать Евангелие, обращаясь к своей пастве?! Меня не поймут. Давайте в Ветхом Завете найдем соответствующий призыв. Например: *перекуем мечи на орала*. И для вас авторитетен Ветхий Завет, и для нас». Патриарх говорит: «Прекрасная идея». Баптисты согласны, католики согласны. Тут встает муфтий и говорит: «Простите, но у нас в Коране нет этой фразы. Однако это не проблема, пото-

му что в Коране есть такие аяты, которые имеют аналоги в стихах Ветхого Завета. Давайте напишем: "Творец создал нас для жизни"». Патриарх: «Очень хорошо». Раввин согласен, католики согласны. И тут главный буддист встает: «Братья, но в буддизме нет понятия Бога Творца!». В итоге, пришлось оставить без всякой конкретики, без цитат.

Поэтому важно помнить, что путь экуменизма, поиска чего-то общего — это на самом деле путь к обеднению.

— А в чем главное отличие православных от католиков?

— Вкус целого источника можно почувствовать по нескольким каплям. Возьмем «на пробу» священнейшие формулы Православной Церкви и Католической церкви — те слова, через которые они совершают свои Таинства.

Католический священник совершает Крещение со словами: «Я крещаю тебя во имя Отца и Сына и Святого Духа». Православный священник при совершении Крещения говорит: «Крещается раб Божий... во имя Отца и Сына и Святаго Духа».

При Венчании ксендз произносит: «Я, властию мне данной, объявляю вас мужем и женой». В православном храме в аналогичную минуту звучит иная молитва: «Венчается раб Божий... рабе Божией...».

Формулы Миропомазания: в Православии: «Печать дара Духа Святаго»; в католичестве: «Знаменую тебя крестным знамением и утверждаю тебя миром спасения во имя Отца и Сына и Святого Духа».

Латинская формула Исповеди: «Я, властию мне данной, отпускаю тебе грехи твои» — через Польшу и Украину пришла в XVII в. и в Русскую Церковь. В Древней же Руси формула Исповеди звучала: «Грехи твои на вые (шее) моей, чадо». И поныне в остальных Православных Церквах исповедальная формула звучит отлично от латинской: «Отпускаются тебе грехи твои».

Это различие замечено уже давно. Старообрядческие тетрадки приводят слова святого Симеона Солунского о

различии православной и католической формул Крещения: «Я крещаю» – или: «Крещается». «Крещаю бо аз, не объявляет, еже волею крестится крещающагося», то есть символизирует свободу крещаемого*. «Подобне и другий панагиот, святый Никифор к латином глаголет: но вы же глаголете, крещаю тя аз... и творятся попы ваши богомь»**.

В латинских формулах проявил себя имперский инстинкт власти. В римском восприятии Церковь есть институт власти: от Бога власть делегируется папе и им распределяется епископам и священникам. И эту власть надо обожать и впадать в умиление при виде ее высшего носителя...

Полный текст ватиканского догмата «о папской непогрешимости», провозглашенного в 1870 г., звучит так***:

«1. Если кто скажет, что блаженный апостол Петр не поставлен Господом Иисусом Христом князем всех Апостолов и видимым главой всей воинствующей Церкви или же что он получил прямо и непосредственно от Того же Господа нашего Иисуса Христа только первенство чести, а не истинного и подлинного первенства власти, да будет анафема****.

* См.: Поморские ответы (50, 35). М., [Б. г.]. С. 385.

** Там же.

*** Текст «догматической конституции» см. в книге: Православие и католичество: От конфронтации к диалогу: Хрестоматия / Сост. А. Юдин. М., 2001. (С. 131–138). Я пользуюсь и этим переводом, и переводом Л. Зандера (см.: *Зандер Л.* Папство // Вестник РСХД. 1967. № 84. С. 30).

**** В тексте самой «догматической конституции» Ватиканского собора поясняется, каким именно представлениям противопоставляется это католическое верование: «Эта доктрина открыто противостоит ложному мнению тех, кто, искажая форму управления, учрежденную Иисусом Христом Господом нашим, отрицает, что одному только Петру даровано Христом истинное и собственное первенство юрисдикции, скорее, чем другим Апостолам, взятым отдельно друг от друга или всем вместе; или мнению тех, кто утверждает, что это первенство не было прямо и непосредственно передано блаженному Петру, но всей Церкви и тем самым Петру, как ее служителю».

2. Если кто скажет, будто не является на основании установления Самого Господа нашего Иисуса Христа, то есть по Божественному праву, что блаженный Петр имеет в своем первенстве над всей Церковью непрерывных преемников или что Римский первосвященник не есть преемник блаженного Петра в этом первенстве, да будет анафема*.

3. Если кто скажет, что Римский первосвященник имеет только полномочия надзора или направления, а не полную или высшую власть юрисдикции во Вселенской Церкви не только в делах, которые относятся к вере и нравам, но даже и в тех, которые относятся к дисциплине и управлению в Церкви, распространенной во всем мире; или что он имеет только важнейшие части, но не всю полноту этой высшей власти; или что эта его власть не есть ординарная и непосредственная, как на все и на каждую Церковь, так и для всех и для каждого пастырей и верных, да будет анафема**.

---

* Перед этим каноном в тексте «догматической конституции» идет пояснение: «С тех пор, кто бы ни наследовал Петру на этом престоле, получает через установление Самого Иисуса Христа первенство надо всей Церковью».

** Пояснение «догматической конституции», предшествующее этому канону: «Мы учим и объявляем, что Римская церковь обладает по распоряжению Господа первенством обычной власти и что эта власть юрисдикции Римского папы, являясь епископальной, – непосредственна. Пастыри всех чинов и всех обрядов и верные, каждый в отдельности и все вместе, должны быть в иерархической подчиненности и истинном послушании не только в вопросах, касающихся веры и нравственности, но также касающихся порядка и управления Церковью. Также сохраняя единство общения и исповедания веры с папой Римским, Церковь является одним стадом с одним пастырем. Таково учение католической истины, от которого никто не может отойти, не подвергнув опасности свою веру и свое спасение... Суд апостольского престола, выше которого нет никакой власти, не должен никем ставиться под сомнение и никто не имеет права осуждать его решения. Поэтому уклоняются с пути истинной веры те, кто утверждают, что дозволено апеллировать власти над папой Римским на Вселенском соборе».

4. Верно следуя Преданию, принятому от начала христианской веры, мы учим и определяем, что нижеследующий догмат принадлежит к истинам Божественного откровения. Папа Римский, когда он говорит с кафедры (ex cathedra), то есть когда, исполняя свои обязанности учителя и пастыря всех христиан, определяет, в силу своей верховной апостольской власти, что некое учение по вопросам веры и нравственности должно быть принято Церковью, пользуется Божественной помощью, обещанной ему в лице святого Петра, той безошибочностью, которой Божественный Искупитель благоволил наделить Свою Церковь, когда она определяет учение по вопросам веры и нравственности. Следовательно, эти определения папы Римского непреложны сами по себе, а не из согласия Церкви*.

---

* Противоположная, православная, точка зрения выражена Константинопольским Патриархом Димитрием. Вскоре после своего избрания он заявил: «В качестве Вселенского Патриарха мы хотим подчеркнуть, что в будущем все всеправославные и всекатолические встречи, все диалоги и все консультации будут вестись на следующих основах: 1) Высшая власть в Единой, Святой, Соборной и Апостольской Церкви принадлежит Вселенскому Собору всей Церкви в целом; 2) никто из нас, епископов Соборной Церкви, не получил власти, привилегии или права, канонически ему данного, на какую-либо церковную юрисдикцию, помимо воли и канонического согласия другой» (Irenikon. 1974. № 47. P. 70). О том, что папский голос значит больше, чем голос епископата, свидетельствует история принятия самого догмата 1870 года. На Первый Ватиканский собор с правом голоса было приглашено 1 037 представителей католической иерархии. Тринадцатого июля 1870 г. при голосовании по вопросу о догмате непогрешимости в Риме находилось 692 епископа, но на самое голосование явились только 601. Девяносто один иерарх не принял участия в заседании, из них семь – в кардинальском сане. При голосовании 451 голос был подан за новый догмат, 62 голоса – за его условное одобрение и 88 – против. Члены оппозиции в аудиенции 15 июля просили папу отказаться от введения догмата или хотя бы смягчить его формулировку. После отказа папы Пия IX несогласные с догматом отцы собора покинули Рим. Наконец, 18 июля догмат был принят на соборе 553 голосами против двух (см.: *Митрополит Никодим (Ротов).* Иоанн XXIII, папа Римский. Вена, 1984. С. 378). Как видим, к началу собора вера в непогрешимость папы была достоянием меньшинства даже католических епископов.

Если кто-либо имел бы, что не угодно Богу, самомнение осудить это, он должен быть предан анафеме»*.

Как видим, католики – это не просто люди, которые со странным воодушевлением относятся к римскому епископу. Католическое вероучение анафематствует всех тех, кто не разделяет этих чувств. И эти анафемы, касающиеся всех православных и носящие вероучительный характер, отнюдь не отменены Ватиканом – в отличие от анафемы 1054 года, касавшейся лично Константинопольского Патриарха Михаила и всех, находящихся с ним в общении. «Униональная» пропаганда любит говорить о том, что анафема 1054 года снята, но, к сожалению, умалчивает об анафемах 1870 года. А отменить последние, перетолковав догмат о папской непогрешимости лишь в частный теологумен,– значит как раз признать догматическую ошибку тех пап, которые и ввели, и поддерживали сей догмат.

Суть этого догмата лучше всего передать словами сподвижников Винни-Пуха: «"Поверишь ли,– прошептал Тигер Крошке Ру,– но Тигеры не могут заблудиться".– "Почему не могут, Тигер?".– "Не могут, и все,– объяснил Тигер.– Такие уж мы, Тигеры"»**.

---

*Предшествующее канону заявление «догматической конституции»: «Этот непреходящий харизмат истины и веры был дан Богом Петру и его преемникам на престоле, чтобы они исполняли свою высокую обязанность ради спасения всех, чтобы вселенская паства Христа, отказавшись от отравленной пищи ошибок, была бы накормлена пищей небесного учения и, подавив все случаи схизмы, Церковь была бы сохранена полностью в единстве и, покоящаяся на своем фундаменте, противостояла бы твердо вратам ада».

** *Милн А.* Винни-Пух. М., 2001. С. 387.

О КОЛДУНАХ, КОТОРЫЕ ХОТЯТ БЫТЬ В ЗАКОНЕ

Почему вера в экстрасенсорику живет и побеждает? – Как может отразиться экстрасенсорная практика на самих целителях? – Нужен ли Закон «Об информационно-психологической безопасности»?

— Почему вера в экстрасенсорику по-прежнему живет и побеждает?

— За бумом экстрасенсорики стоит исконно-народное понимание религии: религия есть отрасль народного хозяйства. Как в хорошем хозяйстве должна быть эффективно работающая посудомоечная машина, корова или жена, точно так же должна быть эффективно работающая религия. Конфликт между таким народным ожиданием и тем, что принес Христос, мы видим уже в Евангелии. Господь говорит собравшейся вокруг Него толпе: *вы ищете Меня, потому что насытились* (ср.: Ин. 6, 26). Действительно, мы чаще всего относимся к Богу как к генератору гуманитарной помощи: «Ты, Господи, явись, сделай мне то-то и то-то, а без этого я не вижу никакого смысла и нужды в этой религии и в этом почитании». Слишком часто люди ищут в религии все что угодно — кроме Самого Бога.

Но Бога, оказывается, нужно любить ради Бога, а не ради тех благ, которые эта любовь может принести. В суфийской мусульманской традиции повествуется о юродивой женщине по имени Рабийа. Она ходила по городу, держа в одной руке

факел, а в другой – ведро воды. Когда ее спрашивали, что она делает, Рабийа отвечала: «Факел я несу для того, чтобы поджечь рай, а воду – для того, чтобы залить адское пламя... Я хочу, чтобы люди любили Бога ради Него Самого, а не ради ожидания рая или страха перед адом».

В христианстве такая проповедь звучит постоянно.. Но как только скрепы высокой духовной культуры распадаются, низовые магические чувства и потребности человека выходят из тени, инстинкт начинает править бал, и люди превращают религию в магию. Вся история Израиля была чередой бунтов против Моисея и последующих Пророков. Стоило только Моисею отойти для получения Завета с Господом на Синай, как народ тут же бросился изготовлять идола – золотого тельца.

Так было всегда. Однако в конце XX в. появилась особая черточка. Дело в том, что мы живем в обществе стандартов и технологий. А магия и экстрасенсорика тем и привлекают: кажется, что здесь есть какая-то внятная технология.

Граница магии и религии проходит по отношению, в какое человек ставит себя перед лицом духовного мира. Это – различие между молитвой и заговором*. Молящийся человек обращается к тому, что ставит выше себя, что почитает неподчиненным себе и своей воле. Он – просит. Произноситель же заговора (колдун) – приказывает. «Если в молитве положительный результат считается возможным от содействия высшего существа, то в заговоре он усвояется исключительно желанию, воле и требованию самого совершителя заговора»**.

У Православия технологии нет, и эта нетехнологичность и отсутствие гарантий разочаровывают многих, но зато и привлекают тех немногих, кто умеет ценить неочевидность и свободу.

---

* См.: *Фрэзер Дж.* Золотая ветвь: Исследование магии и религии. М., 1980; *Малиновский Б.* Магия, наука, религия. М., 1998.

** *Алмазов А.* Апокрифические молитвы, заклинания и заговоры: К истории византийской отреченной письменности. Одесса, 1901. С. 20.

— Что может служить подтверждением тому, что советчик экстрасенса всегда находится за левым плечом, то есть имеет демоническую природу?

— В моей жизни был только один случай, когда мне пришлось близко столкнуться с экстрасенсом, которого мне представили как костоправа. Обнаженный и беззащитный, я распростерся перед ним, ожидая, что этот человек сейчас начнет выламывать мне суставы и бросать через бедро, но, вместо этого, он лишь принялся водить ладонями по моему телу, и из его уст стал извергаться поток слов («мыслеформа», «астрал», «карма» и так далее). Тогда я понял, в чьи руки попал.

В такой ситуации порядочный христианин, наверняка, просто дернул бы ножкой, стараясь попасть экстрасенсу в зубы, и убежал. Но у меня все-таки есть религиоведческий интерес, поэтому, поставив с помощью Иисусовой молитвы внутреннюю защиту, я остался в неподвижности. Эффект превзошел все ожидания. После того как моя диагностика закончилась, сей экстрасенс-костоправ изрек: «Знаете, о. Андрей, все Ваши беды и болезни происходят от того, что в возрасте двадцати пяти лет Вы пережили острый принцип страха на семейной почве. С тех пор этот страх живет в Вас, порождая все Ваши болячки».

Проведя в уме несложную арифметическую операцию, я пришел к изумительному выводу. Дело в том, что мое 25-летие пришлось на 1988 г.— самый счастливый год в моей жизни. Во-первых, это был год 1000-летия Крещения Руси и радикальных перемен в церковно-общественных отношениях; у меня появилась какая-то перспектива в жизни, я понял, что смогу передать полученные знания людям. Во-вторых, я закончил семинарию и поступил в академию. Кроме того, в этот год у меня не было и быть не могло никаких семейных проблем: семинария находится в монастыре, где я и жил в период учебы. Поэтому я пришел к «изумительному выводу»: у этого экстрасенса явно был советчик, потому что из всех моих

тридцати пяти тогдашних лет он нашел один, самый счастливый, для того, чтобы ткнуть в него пальцем и сказать, что именно этот год во всем виноват. Думаю, без подсказки из-за левого плеча это было бы невозможно.

А вот рассказ митрополита Неврокопского Нафанаила о Ванге. Ванга проживала на территории Неврокопской епархии, предстоятелем которой является владыка Нафанаил. Однажды, незадолго до смерти Ванги, к митрополиту Нафанаилу прибыли посланцы от нее, с великой просьбой. Ванга сообщала владыке, что очень нуждается в его совете и нижайше просит его снизойти к ее старости и болезни и приехать к ней. Владыка, надеясь, что, может, она желает покаяться, обещался быть. Когда владыка вошел в комнату старухи, он держал в руках крест-мощевик с частицей Честного Креста Господня. В комнате было полно народа, Ванга сидела в глубине, что-то вещала и не могла слышать, что еще один человек тихо вошел в комнату. Вдруг она прервалась и изменившимся низким, хриплым голосом с усилием проговорила: «Сюда кто-то зашел. Пусть он немедленно бросит на пол *это*!».– «Что “это”?» – спросили у Ванги окружающие. И тут она завизжала и сорвалась на бешеный крик: «*Это*! Он держит *это* в руках! *Это* мешает мне говорить!». «Из-за *этого* я ничего не вижу!» – вопила старуха, топая ногами и раскачиваясь как безумная. Владыка развернулся, вышел из комнаты, сел в машину и уехал.

– Как может отразиться экстрасенсорная практика на самих целителях?

– Однажды ко мне подошла женщина и говорит: «Почему вы, священники, выступаете против нас, экстрасенсов, ведь мы делаем одно дело: вы лечите душу, мы – тело».

Я пробую что-то объяснить, но она не слушает: «Я Ваши аргументы знаю, дальше все понятно... Впрочем, я не поэтому Вас остановила. Может быть, Вы сможете объяснить,

что со мной происходит? Да, я лечу людей, у меня большие успехи, все прекрасно, но я почему-то по вечерам не могу одна находиться в квартире. Как только стемнеет, появляется ощущение, что какая-то сила заталкивает меня в ванну и требует вскрыть себе вены». Мне пришлось пояснить, что этот феномен нам очень хорошо известен.

Например, в XIX в. святитель Игнатий Брянчанинов описывал такой случай. Как-то зашел в нему монах с Афона. Для любого верующего человека расспросить афонского монаха — большая радость. И вот святитель начинает расспрашивать про Афон, а монах отвечает: «Да, у нас все замечательно, чудеса, видения, Ангелы являются, помогают...». Святителя это насторожило, и дальше выяснилось, что в ту пору афонские монахи читали мистическую, *но* не православную литературу. Что делать? Святитель Игнатий тогда еще был монах, и монах светской столицы, а это — монах с самого Афона. Как его учить? Невозможно. Тогда святитель резко меняет тему разговора: «Кстати, батюшка, вы в Петербурге где-нибудь остановились?».— «Нет, я прямо с вокзала сюда».— «Тогда у меня к вам просьба: когда вы будете снимать комнатку или квартирку, умоляю вас, не выше второго этажа. А то явятся ваши “ангелы” и предложат перенести на Афон — так ведь больно расшибетесь». И что же? Оказывается, у монаха уже были такие мысли, что за его высокую жизнь Ангелы его, вместо поезда, до Афона доставят!*. Поэтому нужно помнить слова Владимира Высоцкого: «Не все то, что сверху, от Бога»...

— О. Андрей, что Вы можете сказать о проектах Закона «Об информационно-психологической безопасности»?

— Этот Закон был бы мечтой любого инквизитора. Если бы в эпоху Возрождения и в Новое время, с XIV по XVI в.,

---

* См.: *Святитель Игнатий Брянчанинов.* Аскетические опыты. М., 1993. Т. 1. С. 239.

в руках соответствующих специалистов были подобного рода законодательные акты, то так легко было бы оправдывать сожжение ведьм борьбой за соблюдение прав тех, кто заболел якобы в результате их вредоносной деятельности. Достаточно лишь определить колдовство как форму «энергоинформационного воздействия» на человека. Если терминологию авторов законопроекта перевести на более понятный язык, то излюбленное ими «воздействие на человека» посредством «физически не фиксируемых полей» есть то, что в народе всегда называлось магией. Так что этот законопроект легализует, то есть признает, такого рода — магическое — воздействие. Подобная ситуация не первый раз встречается в постсоветской истории: некое явление, по сути, легализуется под видом борьбы с ним. Скажем, принимается закон о борьбе с проституцией или о борьбе с нелегальным оборотом наркотиков и тем самым в правовом пространстве получает прописку неизвестный ранее феномен. Вершиной всего этого является данный закон, который говорит, что, если колдовать по-хорошему, с добрыми намерениями, то, в принципе, это не плохо. Но конечно, если вы будете порчу на Президента насылать, то тогда, пожалуй, мы создадим спецотдел Госбезопасности, который будет вас с вашими экстрасенсорными возможностями и энергетическими полями отлавливать.

Более всего поражает в этой ситуации, что авторы словно играют в какую-то странную игру. Например, вместо того, чтобы сказать: «экстрасенсорные способности»,— они эти слова, набившие оскомину, заменяют на иные — «внесенситивные» или «внесенсорные способности». Конечно, при желании, если на секунду задуматься над смыслом этих слов, становится понятно, что они имеют в виду. Перед нами кружок экстрасенсов, которые очень хотят, чтобы им дали ученые степени и звания. Об этом в законопроекте профильного Комитета прямо говорится,— что должны

быть государственно признанные ученые степени и звания. Перед нами удивительная попытка легализовать колдовскую деятельность.

— То есть, фактически, это закон о защите оккультных наук?

— Это закон о защите паранаук. Законопроект создавался с целью легализации паранауки. Все остальное не более чем прикрытие. К примеру, мы с вами можем сейчас созвать конференцию, продумать и потребовать принять законопроект «О защите людей от вредных астрологических влияний». И наши с вами эксперты докажут, что прохождение Юпитера через созвездие Овна создает глобальную угрозу, спасти от которой сможет лишь особая и дорогостоящая защита. Открыв эту страшную угрозу, мы далее успокоим: «Мы знаем особую методику и, если вы нам дадите еще пару миллионов долларов, то мы доведем эту методику до конца и наша методика сможет вас от этого защитить».

— Принципиальное различие есть между этими тремя проектами?

— Есть, конечно. Законопроект Виктора Илюхина как раз лишен этих странностей. В других же законопроектах имеет место игра словами. Например, нынешние неоязыческие секты совершенно сознательно обыгрывают двузначность слова «космос». Они заявляют: «Мы живем в эпоху космоса и космических полетов, и поэтому все, что связано с космосом, должно исследоваться — в том числе и наша космическая философия». И человек, который не знает внутренней терминологии этих сект, думает, будто повстречался с кружком любителей астрономии. На деле же под словом «космос» сектанты имеют в виду совсем не тот космос, который исследуется телескопами или космонавтами, а «космос духов», живущих, по их мнению, на Ве-

нере или в созвездии Орион и общающихся с землянами через какую-нибудь «Шамбалу» (как, например, в рериховских кружках). Столь же двусмысленно и упоминание оккультистами «космических энергий». Кто будет спорить, что всевозможные токи и энергии пронизают нас и влияют на нас! Конечно же, ряд из них может оказывать отрицательное воздействие. Понятно, что жить под линией высокого напряжения неполезно. Но в законопроектах речь идет совершенно о других вещах. Здесь предполагается энергия мысли, чувств, парапсихология и «порча». И только законопроект, который предлагает депутат Илюхин, остается в рамках нормальной науки. Он говорит о том, о чем говорить действительно надо: существует информационное воздействие на человека, то есть воздействие рекламы, воздействие пропаганды и идеологии. Но если есть человек и есть попытка вторжения в его жизнь, то должны быть и ясные критерии того, насколько допустимо это вторжение. Нужно ли защищать человека от промывки мозгов? Да, нужно. Законопроект Илюхина это пробует делать. Остальные же лишь продолжают затянувшийся сеанс «оккультирования» населения.

— Вопрос по поводу законопроекта Федерального закона «Об информационно-психологической безопасности», авторами которого являются депутаты Госдумы Владимир Лопатин и Александр Гуров. Я попытался прочитать его глазами светского человека, и я не понял, что авторы имеют в виду под словами «информационно-психологическая безопасность»?

— По тем критериям, которые имеются в законопроекте, Русская Православная Церковь может быть поставлена вне закона. Например, предлагается преследовать людей, виновных в «блокировании на неосознаваемом уровне свободы волеизъявления человека, искусственном привитии ему синдрома зависимости» (ст. 5. 1). Но ведь в любом (даже

в школьно-светском) воспитании есть элемент суггестии. Мы знаем, что и в православном монастыре проповедь и воспитание направлены на то, чтобы человек ощутил себя именно послушником у своего духовного руководителя.

— Но ведь имеется в виду совсем другое?

— Мы же говорим о том, как этот законопроект будет воспринят светскими людьми — если он станет Законом. Потому что дальше в нем предполагается создать соответствующую полицию. И с точки зрения этой полиции, имеющей в руках такой Закон с такими критериями, вне закона со временем окажется и Русская Православная Церковь, и вообще любая серьезная религия, в которой есть иерархия и отношения «учитель — ученик».

Вот еще одна двусмысленность этого законопроекта — вводимая им спецполиция будет бороться с теми, кто, по их мнению, несет «утрату способности к политической, культурной, нравственной самоидентификации человека». Я уже сейчас представляю, что скажут русские неофашисты. Они скажут: «Поскольку православные принесли нам не то греческую, не то еврейскую религию, именно они препятствуют культурной самоидентификации человека»... А что значит «манипуляция общественным сознанием»? Про любого проповедника и телеведущего можно при желании сказать, что раз он публично говорит проповедь, то он манипулирует общественным сознанием. Еще один перл: «Разрушение единого информационно-духовного пространства Российской Федерации». Что это означает? Это — если в Татарстане отключают передачи из Москвы? Или если какая-нибудь региональная почта берет очень большие деньги за доставку федеральных газет? Или протест против любой государственной мифологемы? Между прочим, российские новомученики тоже разрешали «единое информационно-духовное пространство» СССР — когда это «пространство» представляло собой ледяной каток атеизма...

— Значит, если читать закон глазами светского человека, то информационно-психологическое воздействие следует понимать как воздействие средств массовой информации, а вовсе не оккультное?

— Да, если говорить о первичном прочтении. Может быть, на это и рассчитано. Но я вновь и вновь повторяю, что даже в этом законопроекте есть такие выражения, которые показывают, что на самом деле его авторы говорят вовсе не о мире прессы, но речь идет именно о гипнотически-колдовском воздействии на сознание человека. Еще в этом законопроекте есть очень страшная вещь: это — статья 15 («Исключительные случаи применения специальных средств и методов информационно-психологического воздействия»). Этой статьей предполагается проведение экспериментов над людьми. Можно зомбировать людей «в чрезвычайных ситуациях, возникающих во время катастроф природного, техногенного и антропогенного происхождения с целью локализации и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций» (ст. 15. 1). И тут у власти может появиться искушение объявить: «Правление прошлого Президента — это была катастрофа антропогенного происхождения, и для того, чтобы преодолеть ее страшные последствия, давайте мы всем сейчас промоем мозги».

— Во всех трех законопроектах ни слова не сказано об участии Православной Церкви в контроле над подобными вещами. Что Вы можете об этом сказать?

— Ну и слава Богу, что ничего не сказано. Потому что если бы еще и на нас возложили функции такого рода, функции инквизиторов XXI в., в этом бы было мало чести.

— Ведь необходимо же каким-то образом охранять наш народ, наше население от воздействий так называемых целителей?

— Должны быть соответствующие законы, в которых бы все эти вещи были бы названы своими именами.

— Что это значит?

— Шарлатанство, например. На самом деле, я убежден, что в законодательстве такие нормы уже есть. Другое дело, что их не спешат применять. Это такие атрофировавшиеся статьи: статьи, которые не имеют судебных последствий. А вопрос о том, принимают или нет суды какие-то дела к рассмотрению, в значительнейшей степени вопрос политический.

— В одном из выпусков телепередачи «Тема» Вы сказали экстрасенсам, присутствовавшим в зале: «Если бы вы были шарлатанами, я бы поклонился вам в ноги». Вы говорили, что они обладают реальной способностью причинять вред, и я знаю, из разговоров с бывшими оккультистами, которые раскаялись и находятся сейчас в лоне Православной Церкви, что вред может быть страшный: когда человек вверяет себя такому целителю, он даже может покончить с собой, например. То есть, очевидно, речь идет не только о шарлатанстве?

— Нет, не в ноги... Моя фраза была: «Если вы шарлатаны, то я ничего против вас не имею: от фокусов еще никто не умирал. Но вот если вы действительно творите чудеса,— вот тогда мы с вами по разные стороны баррикад». А если говорить о законе, то ведь такой антимагический закон должен бы был начинаться со слов: «Во имя Бога Единого, Всемогущего, во имя Господа нашего Иисуса Христа мы постановляем: этого, этого и этого в нашей державе быть не должно». Тут же должна быть цитата из Второзакония: *не должен находиться у тебя... прорицатель, гадатель, ворожея, чародей, обаятель, вызывающий духов, волшебник и вопрошающий мертвых; ибо мерзок пред Господом всякий, делающий это* (Втор. 18, 10–12). Такой закон должен был бы базироваться на признании фундаментальных основ православного христианского вероучения: есть Единый Благой Бог, есть сатана, между землей и небом война, на этой войне бывают шпионы, предатели, и бывают подранки. Но в светском

государстве до сей поры колдовство считалось «мнимым преступлением».

— То есть Вы считаете, что светский чиновник не может создать такого закона при всем своем доброжелательстве?

— Я думаю, что нет. Максимум, чего бы мы могли просить у государства,— это поддержки и развития традиционных средств защиты.

— Что это значит?

— Речь не идет о выработке новых приборов. Речь идет о Церкви. Она и существует для того, чтобы защищать от «негативного энергоинформационного воздействия». Поэтому странно было бы эту фундаментальную функцию Церкви — защиту и спасение именно от этого зла — передоверять государству. Защита — это наши церковные Таинства, это благодать Христова. Государственная спецполиция не может этого дать. Единственное, что могло бы здесь сделать государство,— оно могло бы предоставить свою помощь в возрождении храмов и свои возможности в информационной сфере в привычном понимании этих слов. Речь идет о телеэфире, о системе образования, о средствах массовой информации.

— То есть дать возможность Церкви больше говорить в средствах массовой информации?

— Совершенно верно. Потому что строительство храма в любом новом микрорайоне защитило бы гораздо лучше, чем эти думские страшилки. А вообще, при чтении Евангелия нельзя не заметить, что Христос неоднократно предстерегает Своих учеников: *вы будете гонимы во имя Мое* (ср.: Мф. 24, 9; Ин. 15, 20). Но Он нигде не говорит, что вы, мол, станете гонителями во имя Мое. Он говорит: *Я посылаю вас, как овец посреди волков* (Мф. 10, 16), но не говорит, что овцы должны обзавестись вставными волчьими челюстями.

О ЧУДЕСАХ И СУЕВЕРИЯХ, О ГРЕХАХ И ПРАЗДНИКАХ

Что такое чудо? – Говорение на языках. – Экзорцизм. – Всем ли чудесам верит Церковь? – «Предсказамус настрадал». – Всем ли подавать милостыню? – Кого можно назвать религиозным человеком? – Зачем нужно креститься? – Что страшнее убийства? – Вредна ли кремация? – Правда ли, что собаку в дом пускать нельзя? – Можно ли христианину заниматься боевыми искусствами? – А танцевать? – Имеет ли курение какой-то мистический смысл? – Что вы думаете об инопланетянах? – Как поститься на Новый год? – Почему на Пасху нельзя ездить на кладбища.

— Что, по-Вашему, есть чудо? И вообще — играют ли чудеса какую-то роль в жизни верующего человека?

— Я думаю, каждый человек обречен на то, чтобы воспроизводить ситуацию своего собственного духовного рождения. У меня получилось так, что к Богу, к Церкви я пришел не через чудеса. Передо мной стоял философский вопрос: поиск правды, смысла жизни. Я стал верующим через усилие воли и мысли; меня не потрясали те или иные чудеса. А потому и по сю пору я не склонен ставить чудеса во главе духовной жизни.

Чудо само по себе доказывает только, что мир не сводится к бессмысленным актам природы, к материальному строению, что есть сверхчеловеческая, сверхобыденная реальность. Но что это за реальность, каково имя ее, ка-

кой у нее замысел о нас? Разные религиозные традиции отвечают на этот вопрос по-своему. И поэтому чудо не может доказать истинность православного христианства.

Помню, году в 88-м шел по Арбату. Тогда Арбат был открытой зоной, там бродили первые уличные проповедники, в основном — кришнаиты. У меня завязалась беседа с одним из них. И он говорит: «Да ваш Христос всего лишь йог-неудачник. Я вот тоже могу по воздуху летать». Пришлось ответить, что я и не сомневаюсь в его способностях и даже не прошу их демонстрировать, так как я не атеист, а христианин. Для меня нет проблемы в том, что есть чудеса, у меня вопрос — какого вы духа, каков источник ваших чудес.

Еще, помню, разговорился с одной девочкой-кришнаиткой. Она была в обычном светском платье, а значит, в секту попала недавно. И вот я ее спрашиваю: «Скажи, пожалуйста, за время твоего общения с этими ребятами в тебе что-то изменилось?».— «Да, конечно, я научилась испытывать трансцендентальное наслаждение. Махамантра! Она так много дает!».— «Скажи, а что, кроме этого, изменилось в твоей жизни?». Девушка удивилась и поинтересовалась, что именно могло бы измениться. Я пояснил: «Ну, может быть, отношение к людям, к друзьям, к родителям. Может, больше стало любви к ним».— «Нет,— говорит,— пожалуй, нет. Все осталось прежним».

Для меня это показательно. Ведь главное чудо, которое может произойти в мире,— перемена в человеческой душе. Потому что потеснить гору привычек и грехов — чудо большее, чем сдвинуть с места Монблан. Христос не говорит, что блаженны творящие чудеса, но: *блаженны милующие* (ср.: Мф. 5, 7). В Православии главное — это изменение твоего внутреннего мира. Впрочем, не только в Православии, даже в Индии многие говорили, что неумный человек старается изменить то, что вне него, а мудрец старается изменить то, что внутри него.

Так что истинность Православия доказывается не столько чудесами или пророчествами, сколько тем, что люди, от которых вроде бы нельзя было ожидать каких-нибудь покаянных перемен, меняются.

Чтобы не говорить о политиках, когда-то проповедовавших одно, а сейчас говорящих другое, давайте вспомним людей, которых вряд ли можно заподозрить в утилитарности мышления, в неискренности.

Скажем, актриса Екатерина Васильева. Человек жил в театральном мире, мире «тусовки», где каждый ловит лишь свое отражение... Все у нее было, и прежде всего — добротный имидж в тех кругах, взгляды которых были для нее авторитетными. И вдруг она бросает вызов своей среде (своей, а не официальной, что гораздо сложнее, так как легче идти против государственной власти, нежели против «дворовых» авторитетов). Оставляет театр, становится церковной старостихой (сейчас, слава Богу, неофитский карантин кончился, и она снова начала сниматься). Разве не чудо?

Или — рокеры. С точки зрения Церкви, более отдаленных от нее людей нет. В массовом церковном сознании существует мнение, что рок — это сатанизм, дебилизм, разврат, наркомания... И вдруг люди, которые этой музыкой живут — Юрий Шевчук или Константин Кинчев,— сегодня позиционируют себя как православные. Когда даже из этого мира идут какие-то религиозные токи, это, на мой взгляд, тоже чудо.

— Может быть, их религиозность — всего-навсего прикрытие растраченного таланта?

— Не думаю. Разве исчез талант у Шевчука?

— Возникает вопрос, зачем в Евангелии рассказывается о чудесах, которые творил Христос, когда можно было бы ограничиться проповедью христианства?

— Чудеса — это свидетельство того, что небо становится ближе. Чудеса есть знак соприсутствия, встреченности,

неодиночества. Путь к встрече пролегает не через чудеса, но чудо — знамение того, что эта встреча состоялась. Пытаясь понять Церковь, необходимо совместить в сознании две вещи, казалось бы противоположные.

С одной стороны, Церковь не придает большого значения чудесам — нельзя искать чудес, требовать чудес, желать чего-нибудь неожиданного.

С другой стороны, каждая наша молитва — это молитва о чуде. Совершенно справедливо писал Иван Тургенев, что каждое прошение, каждая молитва сводится к тому, что, Господи, ну сделай так, чтобы дважды два было пять*.

Но при этом православный человек,— начиная с «хлеб наш насущный дай нам днесь» и кончая молитвой об исцелении своей доченьки,— он, в конце концов, завершает свою молитву неким смягчающим обращением: «Впрочем, да будет воля Твоя, Господи».

В этом — существенное различие между заговором и молитвой. Заговор предполагает, что у колдуна есть власть над духовным миром и эту власть он проявляет, навязывая свою волю духовным реалиям. А молящийся человек знает, что Тот, к Кому он обращается, бесконечно выше его, и поэтому человек просит, а не диктует Богу свою волю.

---

* «О чем бы ни молился человек — он молится о чуде. Всякая молитва сводится на следующую: "Великий Боже, сделай, чтобы дважды два — не было четыре!". Только такая молитва и есть настоящая молитва — от лица к лицу. Молиться всемирному духу, высшему существу, кантовскому, гегелевскому, очищенному, безо́бразному богу — невозможно и немыслимо. Но может ли даже личный, живой, о́бразный Бог сделать, чтобы дважды два — не было четыре? Всякий верующий обязан ответить: *может* – и обязан убедить самого себя в этом. Но если разум его восстанет против такой бессмыслицы? Тут Шекспир придет ему на помощь: "Есть многое на свете, друг Горацио..." и так далее. А если ему станут возражать во имя истины,— ему стоит повторить знаменитый вопрос: "Что есть истина?". И потому: станем пить и веселиться — и молиться» (*Тургенев И.* Молитва // Полн. собр. соч.: В 30 т. М., 1982. Т. 10. С. 172).

Итак, с одной стороны, Церковь говорит: «Чудес не ищи»,– а с другой – каждая молитва это прошение о чуде. Но есть еще и третья сторона этого странного треугольника. Это то, что чудо естественно в жизни христианина. Понимаете, в церковной среде даже не принято рассказывать о чудесах. Странны не чудеса, а их отсутствие. Христианин прописан в мире чудес, и, соответственно, чудеса совершенно естественно входят в жизнь христианина.

И потом, чудо далеко не всегда глас с небес или купина неопалимая. Чудо может войти в твою жизнь через обычного человека. Я – книжник, и чудеса в моей жизни по большей части книжные. В нужную минуту находится нужная книга, раскрывается на нужной странице...

В ноябре 2002 г. читал я лекцию в Бухарестском университете. Между делом, буквально одним словом, упомянул масонов. В зале начались смешки, ухмылки, шутки. Я про себя это запомнил, но комментировать никак не стал. А вечером того же дня в супермаркете натыкаюсь на французский журнал «Le Point»* – на обложке огромными буквами тема номера: «Ширак и франкмасоны». Внутри – фотографии: пять министров-масонов в правительстве Жака Ширака, масонские лидеры на приеме в Елисейском дворце (19 ноября 2001 г.)... На следующий день показываю этот журнал студентам: «Ну, кто вчера ухмылялся? Просто не надо в крайности впадать. Не надо считать, что Господь Бог ушел в отпуск, передав власть над миром масонам. Но и не надо считать, что слово "масон" употребляют только неумные люди, а на самом деле их не было и нет».

А первое такое чудо со мной произошло в 1995 году. Моя книга «Традиция, догмат, обряд» уже уходила в типографию. В ней была глава, посвященная католической мистике. Мне же досаждало беспокойством чувство какой-то научной не-

* См.: Le Point. 2002. 8 ноября.

корректности: ведь опорные для этой главы тексты (видения католической святой Анджелы из Фолиньо) я цитировал из вторых рук: по книге Алексея Лосева. Да, Лосев указывал источник своих цитат. Но из самого этого указания следовало, что шансы добраться до него минимальны: русский перевод дневников Анджелы, сделанный Львом Карсавиным, был издан в 1918 году. Понятно, что тираж был минимальным. Понятно, что государственные библиотеки эту книгу уже не заказывали и не хранили. И в разрухе последующих лет погибла большая часть тиража... И вот забредаю я в букинистический магазин в Столешниковом переулке. Ничего интересного на полках не нахожу и, когда уже протискиваюсь от прилавка на выход, смотрю — под стеклом внутри этого самого прилавка лежит эта самая книжица... Цена, конечно, запредельная. И что же? Продавщица предлагает мне взять эту книгу на ночь домой... Тут я понял, что все-таки Бог что-то имеет против католической мистики.

— А что для Вас является главным чудом в жизни, что Вы часто вспоминаете, что поддерживает Вас на Вашем миссионерском пути?

— Для меня самое значимое чудо — это то, что было со мной в день моего крещения. Господь дал пережить благодать Таинства Крещения, полноту радости. Для меня это гораздо важнее, чем другие свидетельства, о которых я читаю в книжках. Когда я крестился, мне было уже девятнадцать лет. Это был шаг от Бердяева к Церкви, от идеи о Боге к Живому Христу. То есть я вошел в Церковь и не вышел... и, надеюсь,— не выйду. Для меня это первое и самое большое чудо.

— А какие чудеса были в Вашей жизни за последние годы?

— Двадцать четвертого марта 2004 г. на лекции, которую я читал в Ухте (город в Республике Коми), разгорелась дискуссия, точку в которой поставил, однако, отнюдь не я.

Не вполне трезвый мужчина начал настаивать на том, что «сатана — это неудача Бога». Вышло, мол, нечто отнюдь не предучтенное Творцом... Громко и самоуверенно, держа руки в карманах, он обличал Бога. Умолкнет минут на десять — и снова настаивает на своем любимом тезисе. И вдруг, когда центр разговора вновь переместился в другую точку зала, раздался хрип и стук: мужчина упал, тяжело дыша. Через несколько минут он скончался. Бог ли прекратил нарастание богохульств, или сатана взял свою добычу — в любом случае кончина 61-летнего Виктора оказалась печальной. Осталось добавить, что лекция была по булгаковскому роману «Мастер и Маргарита». Булгаков сам писал, что этот роман — о диаволе. О нем преимущественно и шла речь на лекции. Два обморока и одна смерть обнажили духовное состояние светской аудитории, преимущественно состоявшей из учителей городских школ. Врачи же, производившие вскрытие, потом сказали, что «показаний к смерти не обнаружено»...

Это — чудо печальное. А вот чудо на границе добра и зла.

Двадцать четвертое марта 2003 года. Фонд апостола Андрея Первозванного в этот день в Храме Христа Спасителя проводил заседание организационного комитета по программе Всеправославной молитвы «Просите мира Иерусалиму». По окончании официальной части президент Фонда Александр Мельник пригласил меня в свой офис на Ордынку. Мы решили, что наше знакомство и беседа заслуживают того, чтобы обрести посредника в «коммуникационном процессе» — в виде бутылки виски. И вот после тоста ставлю я рюмку на стол,— а она начинает двигаться. Едет так сантиметров пятнадцать по прямой к краю стола и медленно и неравномерно вращается вокруг своей оси. Все семеро присутствующих изумленно следят за ее медленным путешествием. МИДовец, сидящий между мною и Мельником, пробует подставить руку к краю стола, чтобы успеть поймать рюмку, когда она таки свалится.

Я успеваю сказать: «Да тут у вас прямо полтергейст какой-то!». Честно говоря, начал я эту фразу с намерением пошутить, но по ходу произнесения понял, что это и в самом деле оно самое. И тогда, вместо того, чтобы прикасаться к этой рюмке рукой, издалека крещу ее. Она тут же стала – за пару сантиметров до краешка стола.

Спрашиваю хозяина: освящен ли офис? Он говорит: «Нет, мы только что сюда переехали, еще месяца нет. А освящение планировали после Пасхи»... Очевидно, от старых хозяев осталось дурное духовное наследие.

О таких событиях я много слышал от священников, но сам увидел впервые.

И наконец, чудо просто радостное и обыденное: сплошным чудом была для меня зимняя пора 2003–2004 годов. С октября по март мне пришлось прочитать лекции в девяноста городах мира на пространстве от Сахалина до Парижа (при этом еще не прерывая курса своих лекций в МГУ)...

– А с чем была связана такая интенсивность работы и передвижений?

– Тут сошлось и множество приглашений, и избирательная кампания. На парламентских и на президентских выборах я сотрудничал с Сергеем Глазьевым. Поскольку за это время политика мне изрядно надоела, сразу скажу: для меня такое сотрудничество было интересным как возможность сделать церковное дело на нецерковные средства. Можно было позвонить в заведомо бедную епархию, приход и сказать: «Сможете ли вы организовать мою работу, если ни за нее, ни за дорогу платить будет не нужно». Кстати, меня порадовало, что отказов не было. Не знаю, достиг ли Сергей Юрьевич в этих кампаниях тех целей, которые он сам перед собой ставил. Но могу сказать одно: десяткам тысяч людей он подарил возможность таких встреч и разговоров, которые для них были интересны.

— А Церковь ведет какой-то реестр чудес? Исследует их?

— Иногда. Но Православие по своей сути чуждо пиаровским технологиям. У нас не в чести публичность.

— Уже давно ходят слухи о том, что при Московской Патриархии есть некий секретный научный отдел, собирающий и систематизирующий сведения обо всем сверхъестественном, чтобы попытаться определить, что от Бога, а что от дьявола...

— В исповедальном порядке расскажу вам об одном из самых крупных своих церковных разочарований. Когда я лет двадцать назад учился в МГУ на кафедре, носившей громкое имя «истории и теории научного атеизма», в спецкурсе по современному состоянию Русской Церкви нам неизменно подчеркивали, что Церковь активизирует работу с молодежью, церковники разрабатывают программу возрождения веры и так далее. А потому, дескать, мы, атеисты, тоже должны активизироваться, чтобы противостоять их проискам. В общем, все по логике: «Баран нарочно рога отрастил, чтоб на волков охотиться». Я искренне этому верил и радовался: хорошо, что Церковь крепнет и далеко планирует свою работу. А затем, когда переступил порог церковной жизни и поработал во всех интеллектуальных центрах Русской Церкви: в Московской духовной академии, в Московской Патриархии, в синодальных отделах, то с удивлением и некоторым разочарованием убедился: ничего подобного нет. Нет центра, который занимался бы глубинными научными разработками, прогнозами, составлял долгосрочные программы и при этом контролировал бы их реализацию. Наша церковная жизнь строится по принципу «раздражение — реакция»: появилась сиюминутная проблема, стала очевидно-неотвязной — и лишь тогда начинается поиск выхода (чаще — ухода) от нее.

— Но разве чудесные проявления — это не то, что должно интересовать Церковь в первую очередь?

— Чудо для религиозного человека в порядке вещей, поэтому и научного центра по «чудоведению» у нас нет. Помните фильм «Тот самый Мюнхгаузен»? Барон составляет распорядок дня: объявить войну Англии, слетать на Луну... Чудеса включены в его повседневный график. Ну вот, таков и распорядок дня религиозного человека: иду в храм на водосвятный молебен, чтобы получить святую воду, которая будет меня исцелять и защищать,— следовательно, на это чудо у меня предусмотрено полчаса... Так что странным, пугающим и печалящим было бы отсутствие чудес.

— Если Вам будет рассказывать о приходе в Церковь человек, которого поразило произошедшее с ним чудо... Вы поверите?

— Конечно, это возможно. Только теперь я буду просить человека выстроить свою веру на более твердом основании, на слове Божием, на знании церковного учения, с тем чтобы новое чудесное потрясение, которое может с ним произойти, не вытолкнуло бы его из Церкви.

— Существуют чудеса, которые, казалось бы, признаются и наукой: так называемая Туринская Плащаница, сошествие Благодатного Огня. Но есть мнение, что чудо является чудом только тогда, когда не признается наукой.

— Величайшее чудо — это существование мира, существование жизни человека. И существование жизни признается наукой. Но меня всегда смущают регулярно повторяющиеся чудеса.

Когда мне говорят, что всегда вот в этом месте, в это время происходит чудо, я настораживаюсь. Когда мне говорят, что на Пасху всегда солнышко светит или на Благовещение птички гнезда не вьют...

Это меня несколько раз понуждало приглядываться. Пасху 2000 г. я встречал в Праге, так там просто снегопад был, там солнышка совершенно не было видно.

Видите ли, Бог христиан – это Бог тактичный: Он не насилует свободу человека. И Господь в Евангелии не чудесами вытягивал веру, но в ответ на веру творил чудеса.

Вы упомянули Туринскую Плащаницу. Это чудо настолько тактичное, что тот, кто желает, видит в нем чудо, тот, кто желает, видит подделку. Есть научные доводы и в пользу аутентичности (то есть я могу признавать Плащаницу отпечатком Иисуса из Назарета, и в этом не будет ничего погрешающего против научной добросовестности), и в пользу того, что это творение более позднего времени, неизвестно как сделанное.

И у той и у другой точки зрения есть достаточно веские аргументы, доказывающие правоту. В своей несовместимости они оставляют «зазор» для твоего сердца, твоего желания. Что ты желаешь увидеть,– тем для тебя это и будет. Если ты хочешь видеть здесь подделку – для тебя это будет не более чем кусочек древней ткани, и тогда твоя душа останется просто в мире вещей. Но если ты желаешь чуда – для тебя это будет чудом, святыней, пятым Евангелием. Тогда ты окажешься в мире, где все осмысленно, в мире знамений.

С Благодатным Огнем то же самое. Кто-то видит в этом «естественное явление», говорит, что «это все фотовспышки, блики телекамер». А для кого-то это – чудо. Кого-то этот Огонь обжигает, кого-то нет. Это еще зависит от настроя человека. А значит, и это чудо не навязано человеку. Ему дается право выбирать – принять его или нет.

Кроме того, стоит помнить, что православный при виде чуда скорее смутится. У нас говорят – если тебе показано чудо, то, надо думать, за твое неверие. Может быть, вы замечали, что священник на службе держит в руках маленькую «шпаргалку». Это Служебник – книга с теми молитвами, которые должен священник читать вслух или про себя

во время богослужения. Но, кроме молитв, в эту книгу входит еще и «Известие учительное» – своего рода инструкция для служебного пользования. В этом «Известии» разбираются, в частности, случаи, когда на Литургии происходит что-то непредвиденное. И вот, как раз между описанием действий священника в случае попадания в Чашу мухи и замерзания Чаши в нетопленом храме, говорится, что может быть и другое ЧП: содержимое Чаши примет вид Младенца, у вина появится привкус крови... Что делать? Бить в колокола, созывать народ и демонстрировать чудо?

«Известие» говорит нечто иное: священник должен отойти от Чаши, приостановить службу и ждать, пока все не примет обычный вид. А затем еще «Известие» и укоряет такого священника: мол, это чудо было дано тебе ради твоего маловерия!

В общем – не надо спешить навстречу чудесам. Как-то раз в Киеве мне предложили съездить в один дом, где, говорят, все иконы, которые туда приносят, начинают мироточить. Я подумал и отказался: ну замироточит там моя иконка, а потом я привезу ее домой, и она будет висеть в моей квартире. А зачем? Чтобы дать повод говорить: в моем доме есть необычная икона, значит, я сам чем-то необычен? В итоге это приведет к такой серенькой пошлой гордыньке. А мне чего-то этого не хочется.

– Можно ли считать изображение Христа на Туринской Плащанице иконой?

– Думаю, что нет. Потому что икона – это не фотография и не картина. Икона не столько воспоминание о прошлом, сколько напоминание о грядущей славе, о преображенном космосе. Икона являет нам Христа и Его святых как уже причастных Царствию Божию.

Поэтому у церковно мыслящих людей есть определенное недовольство официальной иконой блаженной Матроны Московской: она там изображена слепой, с закрытыми

глазами. В жизни она и в самом деле была слепой, но икона-то являет нам человека в спасенном состоянии, в том Царстве, где всякая слеза стерта с лица человека.

Я помню, как был смущен, когда в конце 80-х гг. Грузинская Церковь канонизировала Илью Чавчавадзе – и он был изображен на иконе в очках. Я понимаю, что в жизни он носил очки. Но вижу здесь противоречие двух канонов: с одной стороны, в Царстве Божием ни костыли, ни вставные челюсти, ни очки неуместны. С другой – лик святого на иконе должен быть узнаваем, и если очки входят в часть узнаваемого образа, то как обойтись без них?

Впрочем, противоречие это не ново. Считается ли лысина физическим недостатком? Да. Будут ли физические недостатки в Царстве будущего века? Нет.... Но святитель Иоанн Златоуст на иконе представлен с характерной залысиной...

И все же Туринская Плащаница ставит еще более сложную проблему. Ведь она являет нам Христа невоскресшего, и в этом богословская невозможность почитания такого изображения. Заметьте, в православной иконографии даже Христос распятый – Победитель смерти. На католическом распятии тело Христа тяжко провисает, а на православном – Он летит. Поэтому как исторический документ Плащаницу можно принимать, хранить и с почтением к ней относиться (тем более что Туринская Плащаница – это наша православная святыня, украденная крестоносцами). Но вот в иконостас – даже домашний – я бы ее не ставил.

— Может ли человек сам создать чудо, породить его своими психологическими усилиями?

– Да, конечно. Человек может убедить себя в том, что он пережил чудесное преображение. Именно это зачастую происходило с некоторыми католическими монахинями, о чем я уже упоминал. Кроме того, человек может зазвать к себе в гости «инстанции», творящие чудо. А они опять же очень различны. Что и происходит во всевозможных сектах.

— Среди верующих иногда можно услышать споры, что вот, дескать, существуют православные чудеса, а есть католические. Католики не принимают православные чудеса, православные — католические. Но разве есть какое-то отличие чудес от чудес?

— Есть Промысл Божий над всем человечеством. Я думаю, даже в жизни атеиста есть чудеса, которые он, правда, быстро забывает. Господь посылает дождь и на грешников, и на праведников (см.: Мф. 5, 45), и забота Божия существует о всех его чадах, даже о тех, кто о Нем не знает.

Но есть чудеса, связанные с видениями. И здесь православный человек должен быть осторожен. У католиков, по-моему, тут меньше осмотрительности. Например, у одной шведской католической святой начала XX в. были видения и голоса, которые утверждали, что придет на землю цивилизация любви. И якобы Христос сказал ей: «Ты знаешь, Я не самореализовался в любви на земле, Меня слишком рано распяли, и Я хочу, чтобы до конца мира настало полное царствие любви. И поэтому Я сделаю так, что все в мире объединятся — и христиане, и иудеи, и мусульмане и так далее. Будет единая вера, все будут дружить, и только потом придет антихрист...».

Идеология этой святой лежала в основе идеологии папы Иоанна-Павла II* . Но что это были за голоса — никто даже не задумался.

Конечно, и православный может довериться чему не надо. Вопрос в реакции Церкви на эту ошибку. Такие мистические состояния, которые в Православии рассматриваются как неудача, в другой конфессии могут оцениваться как духовная норма, как проявление святости, чуда.

— А что такое говорение на языках?

— У меня до сих пор нет ясного ответа на этот вопрос. Это внесловесная, аномальная, экстатическая религиозность.

* Подробнее см. в первой главе моей книги «Христианство на пределе истории: О нашем поражении» ([Ростов-на-Дону]; М., 2003).

У нас сегодня все «чинно-типиконно». Но память о молитве без слов, сверхсловесной молитве, осталась в 5-й песни Пасхального канона: Пасху празднуем «веселыми ногами».

При серьезном разговоре на эту тему надо учитывать различие темпераментов. У белорусов и русских один темперамент, достаточно спокойный. У молдован или грузин — другой. Это тоже православные народы, но национальный характер у них другой. Русских паломников всегда шокирует в Иерусалиме поведение православных арабов, особенно в Великую Субботу. Они скачут, шумят, орут. Меня же их поведение радует. Я рад, что они умеют радоваться в такой полноте, когда не только сокровенные тайники сердца, но и тело участвует в радости о Христе воскресшем. У христиан до IV в. были ритуальные танцы. В Эфиопской Церкви они сохраняются до сих пор. Да и в Евангелии слово Христа: в минуту гонения за Меня *возрадуйтесь* (Лк. 6, 23) — по-русски переведено смягченно. Буквальный смысл греческого глагола σκιρτάω — «прыгать, скакать»*. Возможно, в этом ряду могла существовать глоссолалия как экстатическая форма выражения своей радости и благоговения перед лицом Бога.

Но надо заметить, что апостол Павел не делает акцента на говорении языками. Перечисляя дары Духа Святого, он не упоминает такого дара. Дары Духа Святого: любовь, радость, мир, долготерпение, а не глоссолалии. Поэтому именно эти дары, а не глоссолалию надо в себе возгревать. И Христос не говорит, что по тому узнают все, что вот, Его ученики, если они будут вопить, кричать и лаять на непонятном языке. Признаком ученичества Он выставляет любовь.

То, что сегодня творится на собраниях неопятидесятников-харизматов, напоминает не об Апостольской Церкви, а о шаманских камланиях. Нам всем известны бабки-целительницы, которые сидят под православными иконами, читают православные молитвы, но при этом, по сути,

---

* Ср. тот же глагол: *взыграл (ἐσκίρτησεν) младенец* (Лк. 1, 41).

колдуют. Христианский антураж и лексикон не гарантируют христианского внутреннего настроя. Вот так и у харизматов. Проповеди и гимны у них христианские, а вот мистический опыт родственен скорее нью-эйджеровским технологиям транса, нежели православной молитве.

В 1998 г. я был в Ханты-Мансийске, и работники местного Дома культуры были очень обрадованы тем, что в их стенах наконец-то зазвучала православная проповедь. А то все «харизматы» да баптисты, американцы да корейцы... На радостях они поведали мне такую историю.

Истекло время аренды зала «харизматами». Пора расходиться,— а у них самый экстаз. Глоссолалия уже позади, теперь они уже покруче «изменяют» состояние своих сознаний. «Техничка» тем не менее начала уборку. И вот проходит она со своей шваброй под сценой (то есть между сценой и залом), а пастор в это время делает пассы в зал: «Примите Духа Святого! Примите мир в Духе Святом!». Сектанты один за другим валятся без сознания (такое состояние называется у них «покой в Духе»). Уборщица, оказавшись как раз между пастором и залом, смотрит, не оглядываясь по сторонам, лишь на подметаемый ею пол. И тут вдруг после очередного пасса — она и сама падает без сознания. Зал в восторге: «Вот оно, свидетельство истины нашей веры! Напрасно неверы говорят, будто у нас тут самовнушение! Вы же видите — человек не слышал наших проповедей, не молился с нами, а тем не менее оказался доступен действию Духа!». Восторг длился минут пять. Ибо затем уборщица пришла в себя и молвила: «А что, разве у нас сегодня снова Кашпировский?». Просто в прошлый раз в такое же трансовое состояние вводил ее именно сей персонаж...

— Много ли сейчас чудес?

— Меня это даже пугает — так их много. Обилие чудес и в Православной Церкви, и за ее пределами... мне кажется, в этом есть что-то тревожное. В народе говорят, что

во множестве чудеса являются накануне войны или других серьезных испытаний, чтобы таким путем укрепить веру в людях.

— А что касается более осязаемых церковных чудес: мироточения икон, их самообновления — у Вас нет подозрения, что часть их инспирирована отнюдь не Божественной силой?

— Таких подозрений у меня совершенно нет. Разве что имеет место инспирация не человеком, а некой духовно противоположной силой — то есть имеет место то, что на языке Православия называется «прелестью», таким магическим очарованием. В ряде случаев такое можно подозревать. Но в любом случае бесовские проделки — это не человеческие подделки.

— Экзорцизм — это вынужденная духовная мера или бизнес?

— Я не думаю, что это бизнес. Экзорцизм — это радостная реальность: Бог и вера могут исцелять. Нужда в экзорцизме — это и горькая реальность. Но мода на экзорцизм — это духовная болезнь. Я человек традиции. Я читаю в житиях святых, что святым древности огромного труда стоило одного человека исцелить от одержимости. А когда я вижу, что на отчитку привозят целыми автобусами, то недоверчиво говорю про себя: или наши монахи превзошли Преподобного Сергия Радонежского, или бесы нынче сговорчивее стали.

— Эта демоническая сила может проявлять себя в стенах храма?

— Даже в стенах храма.

— Значит, чудо изгнания бесов всамделишное?

— Сейчас много чудес, связанных с негативом. Отрицательная духовная сила проявляет себя очень ярко, и толь-

ко у Церкви оказывается средство, чтобы ей противостоять. Скажем, в Магадане религиозное пробуждение началось с того, что в одной квартире обнаружился мощный полтергейст. Вещи буквально летали по комнатам, причем по кривым траекториям, самовозгорались. Ни милиция, ни экстрасенсы ничего поделать не могли, и только когда приходили православные священники, вся эта катавасия* прекращалась. Борьба за квартиру шла около полугода, все это широко освещалось в местной прессе, и в итоге эта история произвела на город большое впечатление.

Впрочем, я, кажется, уже опоздал рассказать один профессиональный анекдот. Представьте: православный миссионер выступает перед университетской аудиторией. И в процессе своего повествования он доходит до той минуты, когда он должен употребить «неприличное» слово. Он должен беса упомянуть. Поскольку этот миссионер не впервые общается с образованной публикой, он прекрасно понимает, какова будет реакция зала. Ведь наша постсоветская интеллигенция еще слова «Бог» правильно выговорить не может. Ей чего-нибудь попроще надо: «космическая энергия», «биоэнергоинформационное поле вселенной» и тому подобное**.

---

*Это слово я, конечно, употребляю здесь как синоним «путаницы». Изначальный и буквальный смысл этого греческого термина καταβασία – «схождение». Технически же этот церковно-музыкальный термин обозначает схождение на середине храма двух хоров (левого и правого), в определенный момент службы, и их совместное пение. В этом случае певцы одного хора попадали под руководство непривычного для них регента, смешивались с непривычными же партнерами, и в итоге нередко это приводило к путанице. Так греческое слово обрело в русском языке неожиданный смысл.

** По определению некоего оккультного «академика» Г. Дворкина: «Всеобщим Вселенским Богом Творцом, создающим по своему образу, подобию и сути, является энергополевая информационно-распорядительная система (ИРС) вселенной» (цит. по: *Валькова Л.* Николай Рерих: для русского народа мои труды // Наша газета. Кемерово, 2002. 6 декабря).

А если им еще про беса что-то ввернуть, то тут такой хай поднимется! «Мы-то думали, вы интеллигентный человек! А Вы на самом деле обычный мракобес, реакционер! Про бесов всерьез говорите! Да это же средневековье, инквизиция, охота на ведьм!». И т.д и т.п.! Предвидя это, миссионер решает высказать свою мысль на жаргоне интеллигентной аудитории. И говорит: «В эту минуту к человеку обращается мировое трансцендентально-ноуменальное тоталитарно-персонализированное космическое зло...». Тут бес высовывается из-под кафедры и спрашивает: «Как, как ты меня назвал?».

Так вот, в Церкви бес – не только персонаж анекдотов или фольклора. Наша практика очного противостояния силам зла прошла через века. По-латыни это экзорцизм, по-русски – отчитка бесноватых. Есть поразительный пример из XIX века. Врач, который не склонен верить в религиозные феномены, был вынужден засвидетельствовать: «Кликуша безошибочно различала святую воду от простой, как скрыто мы ее ни давали. Каждый раз, когда ей подносили стакан со святой водой, она впадала в припадок, часто прежде, чем попробует ее на вкус. Вода была свежая, крещенская (исследование было произведено в средине января). Наливались обе пробы в одинаковые стаканы в другой комнате, и я подносил ей уже готовые пробы. После того, как много раз повторенные опыты дали тот же положительный результат, я смешал обе пробы воды вместе, простую и святую, и налил их поровну в оба стакана. Тогда кликуша стала реагировать на обе пробы припадками. Ни одного раза она не ошиблась в этом распознавании святой воды»*.

– А сами Вы были свидетелем изгнания бесовских сил?

– Слава Богу, личной нужды ходить на такие службы у меня не было, а ради любопытства идти туда неполезно.

---

* *Краинский Н.* Порча, кликуши и бесноватые как явления русской народной жизни. Новгород, 1900. С. 186.

— А проводятся ли беседы с духами, вселившимися в одержимых?

— Некоторыми священниками. Но мне, сказать честно, это не нравится. В Новом Завете мы читаем, что Христос и Апостолы избегали принимать любые свидетельства бесовской силы. А сегодня в моде брошюрки о том, как иеромонахи берут интервью у несчастных одержимых людей и у тех сил, которые в них вселились. И даже строят на этом целые богословские концепции. Но это уже не богословие, а «бесословие».

— Для Вас это — обыкновенное чудо, для светского человека — мистика. А чудес или мистики в нашей жизни многовато.

— Интересно, что многие люди, которые занимались экстрасенсорикой, телекинезом и прочими непознанными явлениями, быстро эволюционировали и приходили к религиозному мировоззрению, начиная осмыслять эти явления с точки зрения религии. Но, отчасти в силу своей необразованности, давали феноменам хоть и религиозные, но антихристианские истолкования. Церкви ничего не оставалось, как сказать: «Осторожно, это псевдорелигия!». Но можно ли отделить сами феномены от их оккультных, магических интерпретаций? Для такого рода дискуссий и размышлений, на мой взгляд, необходимо было бы создать центр, о котором вы говорите. Пока есть только Центр святителя Иринея Лионского, который собирает информацию о сектах, а заодно и о деятельности оккультных кружков, любящих маскироваться под центры исследования необычных явлений.

— Ну а на бытовом уровне? Скажем, человек столкнулся с полтергейстом у себя в квартире или его одолевает некий призрак? В милицию по понятным причинам обращаться неудобно. Идти в церковь?

— К сожалению, очень многие идут от одного беса к другому: к различным магам, специалистам по снятию «порчи»

и прочим. В этой связи уместно вспомнить слова выдающегося российского демонолога Владимира Ленина о том, что «синий черт» ничуть не лучше «желтого черта»*. Надо, конечно, идти в храм. Долг священника — воспроизвести над одолеваемым странными явлениями человеком молитвы, которые вообще-то уже читались над ним при его крещении. Это Таинство начинается с молитв экзорцизма — изгнания бесов. Церковь в своих молитвах обычно обращается к Богу, к людям, но есть уникальная ситуация, когда она обращается к сатане. Священник поворачивается лицом не на восток, а на запад и велит сатане оставить сие создание Божие. Заклинательные молитвы, впрочем, не обязательно читать в храме — священник может прийти на квартиру.

— Вам доводилось проводить такой обряд?

— Я ведь не священник, поэтому такого рода опыта у меня нет. Но мне приходилось от некоторых священников в разных городах слышать поразительные рассказы о том, что случается в домах. В частности, в тех, где хозяева слишком увлекались оккультными опытами. Например, летают утюги, причем не со стола на пол, а со сложными углами атаки, с резкими поворотами. За ними — ножи, вилки...

— Просто «Федорино горе» какое-то. Вы доверяете этим рассказам?

— Я доверяю не каждому священнику, потому что много лет живу в Церкви и знаю, что здесь тоже разные люди встречаются. Но не верить именно этим отцам у меня оснований нет. Рассказывают и сами «пострадавшие». На Украине, под Кривым Рогом, есть городок Зеленодольск. Когда город работал над советскими оборонными заказами, власти построили замечательный детский сад — с бас-

---

*См.: *Ленин В.* Письмо А. М. Горькому от 13.11 1913 г. // Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1964. Т. 48. С. 226.

сейном, мозаикой и фресками. Но наступили трудные времена, садик закрыли и отдали под офисы. Потом стало чуть лучше, и в конце 90-х гг. здание вернули детям. Правда, теперь под школу, потому что в условиях «незалежности» отчего-то стало мало появляться малышей. Начался учебный год, а спустя несколько месяцев туда приехал я. Прежде чем представить меня ученикам, директриса завела меня к себе в кабинет, заперла дверь и спросила: «О. Андрей, что у нас происходит?». Оказывается, когда школу открыли, пригласили батюшку освятить помещение. «Решили сделать это вечером, чтобы не смущать неверующих. Священник окропил святой водой классы и мой кабинет. Я последней уходила из школы, проверила сигнализацию. К тому же у нас есть охрана. Утром открываю кабинет – полный погром! Не то чтобы ящики столов вынуты и бумаги перемешаны – вообще все вверх дном, и даже люстра сорвана и завязана узлом. При этом окна закрыты и замки целы. Вызванный электрик просто остолбенел: какую же нечеловеческую силу надо приложить, чтобы завязать в узел стальную люстру?!».

Я в ответ мог предположить только одно: очевидно, люди, которые прежде занимали это помещение, баловались какими-нибудь гороскопами, гаданиями или даже вызыванием духов. Когда священник именем Христовым нечисть изгонял, она, уходя, решила напоследок напакостить.

Это вообще характерно для нашего времени: люди сначала приобретают негативный религиозный опыт и лишь затем, искалеченные духовно, приползают в храм и просят защиты.

— Раньше такого не было?

— Сегодня отдельные страницы Евангелия читаются совершенно иначе, чем, скажем, 100 лет назад. С тогдашними русскими интеллигентами можно было обсуждать евангельскую этику, но как только речь заходила о религиозном

подвиге Христа, в частности, о его сражении с бесами и исцелении бесноватых, в ответ морщились: дескать, Апостолы просто не поняли, что это была обычная эпилепсия. И вообще, мол, бесовщину следует понимать как символический образ. Ситуация изменилась только сравнительно недавно – когда вчерашние атеисты оказались один на один с антихристианскими проявлениями.

— Почему это произошло?

— История Церкви схожа с историей нашей армии. Та, победив в войне, пятьдесят лет существовала в условиях мира. Нас приучили к миру. Бездействующая армия стала презираема и даже унижаема. А в итоге армия столь ослабла, что к 1994 г. в ней не нашлось ни одной дивизии, способной воевать в Чечне. Так же и Русская Церковь выиграла битву с язычеством и создала христианскую цивилизацию, при которой человек чувствовал себя духовно защищенным и не думал о разного рода бесовщине. Раньше защита эта воспринималась как сама собой разумеющаяся, как горячая вода в квартире, но на самом деле за ней стоял огромный труд многих священников и монахов. А когда люди перестали задумываться об этом аспекте, они взбунтовались: «Отстаньте от нас с вашими догмами! Куда хочу, туда и лезу». И после разрушения храмов – взрыва той религиозной защитной стены – все эти духи снова в гости к нам. Зато стало более понятно, что и зачем существует в Церкви.

— Хорошо, теперь о связях с загробным миром. Свидетельств общения с усопшими множество. Умершие люди являются родственникам во сне и даже наяву. Это тоже бесовщина?

— Однозначно ответить невозможно. Когда к нам обращаются с подобным вопросом, ответ священника обычно такой: «Чтобы вы не забывали об ушедших людях, они про-

сят вас о молитвах за них». Ведь нить до конца не разрывается. И еще это некое вразумление родственникам, дабы они, помня о предстоящем исходе из этого мира, восприняли религиозную систему ценностей. Правда, такие явления могут быть и следствием истерического самовнушения, злым розыгрышем, газетной дезинформацией.

— Как быть, если человек пугается происходящих с ним необъяснимых явлений?

— Во-первых, христианская вера освобождает от таких страхов. Я верю в Христа — значит, не верю в «сглаз», в «порчу», тринадцатую пятницу и черную кошку. Как говорит апостол Павел, если Бог с нами, то кто против нас? (см.: Рим. 8, 31). В XIX в. святитель Феофан Затворник посоветовал одной девочке, как бороться с греховными мыслями. Представь, что на тебя напал громила. Собери силы в кулак, ткни ему в грудь, а когда злодей чуть ослабнет, кричи что есть силы: «Караул, грабят!»*. Так и с духовными наваждениями. Оттолкнуть их от себя — и к Господу: «Защити!». Только «кричать» надо на самый верх, «по вертикали». Тогда мы поймем, почему Христа называют Спасителем. Приемами карате, как это делает Арнольд Шварценеггер в фильме «Армагеддон», антихристианскую нечисть не победишь.

Ну и, во-вторых, в доме должна быть святыня. Церковные свечи, ладан (который можно класть просто на разогретую настольную лампу), святая вода — лучше крещенская. Вообще, надо осознать, что граница духовного мира и материального отнюдь не жесткая: материальные предметы могут

---

* «Что делает подвергшийся нападению злого человека? Подавши его в грудь, кричит: караул. На зов его прибегает стража и избавляет его от беды. Тоже надо делать и в мысленной брани со страстями,— рассерчавши на страстное, надо взывать о помощи: *Господи, помоги! Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, спаси меня! Боже, в помощь мою вонми, Господи, помощи ми потщися!*» (*Святитель Феофан Затворник.* Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться? М., 1914. С. 209).

быть насыщены энергией Духа. Освященные предметы следует содержать так, чтобы они не были поругаемы. То есть на отдельной полке, в отдельном ящике. Ну и надо стараться, чтобы поблизости от святыни не было нечистых предметов. Не надо тащить в дом сатанинскую, оккультную, астрологическую литературу, а уж тем более ею пользоваться.

— Основной источник чудес — Господь Бог. Как Церковь различает, что от Бога, а что от нечистого?

— Нам, конечно, недостаточно только зафиксировать, как в Академии наук, чудесное явление. Мы пытаемся понять, что за силы стоят за ним и какое влияние оно оказало на свидетелей. Слушая тех, кто уверяет, что они установили связь с загробным миром, обрели дар пророчества или исцеления, мы прежде всего заглядываем им в глаза. Нечистая душа обязательно будет «фонить».

И потому наш первый вопрос будет: какой была ваша работа над самим собой, что вы изменили в своей совестной глубине, чтобы обрести новые чудесные свойства? Второй вопрос — последствия. Есть некие духовные болезни, одна из них — гордыня. Если у «контактера» появляются нотки самопревозношения: «Я такой-сякой, избранный человек шестой расы» — это тоже явный сигнал тревоги. Ну и, конечно, учитываем его отношение к Церкви.

Здесь некое вкусовое ощущение. По интонации речи, по глазам можно что-то такое отличить, даже по тому, с каким пафосом человек будет рассказывать о чуде. Там, где появляется нотка энтузиазма, есть повод для дистанцирования.

— Странно, Восточная Церковь считается самой мистичной из всех христианских Церквей, но в тоже время настороженнее всех относится к чудесам.

— Я думаю, в глубине своей одно с другим связано. Тот, кто отказывается пить из придорожной лужи, в конце концов выкапывает колодец с чистой водой.

— Осторожность, рассудительность, трезвость... Неужели для разума есть место в системе церковной веры?

— А для Православия вообще никогда не стояла проблема противоречия разума и веры, в отличие от западной философии. Соотношение веры и разума очень точно показал праведный Алексий Московский (Мечев), замечательный старец начала века и духовный отец Бердяева. По его слову, ум — это только рабочая лошадка у сердца*. А куда она привезет — от сердца зависит. Разум приводит тебя в ту точку, в которой назначаешь ему свидание. Разум ищет и обосновывает то, что ты прикажешь ему искать. Захочешь ты, к примеру, подбирать аргументы в пользу того, что твоя жена тебе изменяет, очень скоро ты найдешь детальки, подтверждения, и тебе будет казаться, что это так.

Какие к нам приходят информационные потоки и фантазии — не совсем зависит от нас. От нас зависит, что фиксировать из этого потока, что оставить в себе и чему позволить повлиять на свою жизнь. И поэтому я бы сказал так: вера — это волевое знание. Вера — это моя личная реакция на то знание, которое пришло ко мне.

Одно дело знать, что Бог есть. О том, что «что-то там есть», все знают. А как на это реагируют? Никак. Верующий — это тот, кто своей судьбой среагировал на знание о Боге. Мудрый епископ в романе Саймака говорит, что «вера — весьма разумное основание для поступка»**.

— Расскажите о том, что следует считать болезнью духа.

— Духовная болезнь — это когда исчезает покаяние: сначала — радость покаяния (в смысле — радостное переживание плодов покаяния), а затем и горечь покаянного труда. Уходит радость молитвы. Появляются ложные псевдодуховные переживания... Одна из причин таких заболеваний —

* См.: *Отец Алексий Мечев.* Воспоминания. Париж. 1989. С. 18.

** *Саймак К.* Паломничество в волшебство. С. 89.

посещение знахарей, экстрасенсов, сект. Об этой опасности мы говорим не потому, что так требуют говорить наши книжки. Мы не начетчики. К сожалению, каждый священник, исходя из опыта своих прихожан, может рассказать десятки и десятки историй о людях, которые пошли такими путями и поломали себе душу.

Одна из болезней духа — это отсутствие у человека трезвости. Я имею в виду трезвую оценку самого себя, мотивов своих действий, окружающих обстоятельств. Это может быть слишком уничиженное сознание («я — скорпион») или, напротив — слишком самопревознесенное («я — бог»). Следующая духовная болезнь — неумение контролировать себя. Иногда человек живет слишком «вывернуто», экстравертивно: все, что ему на ум и на сердце пришло, он сразу выплескивает, не утруждая себя контролем. Следующая духовная болезнь — излишняя медитативность: это жизнь в жанре «приди и завладей моей душой». Любые гости, духи, космические энергии, протекайте через меня. Эта болезнь часто бывает у людей творческих. В последние века считается, что муза должна тебя посетить, а ты должен открыться ей, и тогда что-то через тебя скажется. Но под видом музы в тебя может попасть все что угодно. Мы знаем слишком много случаев, когда талантливые люди кончали очень страшно. Самоубийства, наркотики... Бывало и так, что тем, кто окружал «избранников музы», жилось очень плохо. Кошмаром была жизнь для семей Льва Толстого и Осипа Мандельштама... «Вдохновение» не всегда несет с собой добро. Суть христианского принципа трезвости и целомудрия в том, чтобы ты не был игрушкой в руках посетившего тебя духа.

Что такое целомудрие? Это цельность человека, цельность мудрости. В этом фундаментальное отличие христианской психологии от йоговской, восточной. Восточное сознание предлагает: «Раскрой свою душу, убери свою

личность, излишнюю рефлексию, самоконтроль, слейся с космосом, слейся с миром. Энергии космоса пусть пронзают тебя, а ты не мешай». Эта распахнутость может быть принята только в одном случае. Если стать пантеистом, то есть уверить себя, что в мире есть только одна энергия, которая находится по ту сторону от добра и зла. И с чем бы ты ни встретился,— это все равно будет Оно. И в добре и в зле — Оно. И в жизни и в смерти, и в боге и в демоне — Оно, Единое...

Христианский мир гораздо более сложен — есть добро и есть зло, и между ними пропасть. Поэтому если ты снимаешь «стражу» со своего сознания, то совсем необязательно, что первым тебя посетит Ангел. Скорее будет наоборот. Поэтому христианин должен жить, руководствуясь заветом Владимира Ильича Ленина — надо почаще спрашивать себя: cui prodest («кому это выгодно?»)?

Когда некий помысл посещает твое сознание, твое сердце, ты его спроси: «Ты откуда?». Знаете, как в народе говорят: «Справа от меня стоит Ангел Хранитель, а слева — бес-искуситель». И тогда подумай: откуда эта мысль явилась — справа или слева? Перед лицом Христа можно сделать то, что мне пришло в голову сейчас? Христианин подобен оператору за пультом ПВО. Он сидит перед своим монитором, озирает вверенное ему воздушное пространство, и вдруг появилась какая-то неопознанная цель. Он ей посылает кодированный вопрос — свой или чужой? Если ответа нет, значит, чужой, надо заставить его удалиться. Прилетела к тебе в голову какая-то мысль (например, пойти старушку-процентщицу зарезать), ты спроси ее: «Откуда ты, такая умная, пришла ко мне? Если я это сделаю, Христа это обрадует? Или, может быть, обрадует другого персонажа?». Дурную мысль нужно гнать без всякого почета. Для этого человеку дано орудие гнева. Гневная эмоция — это богоданный дар, позволяющий защищать душу

подобно тому, как система иммунной защиты защищает тело от инфекции. Надо правильно ею пользоваться, чтобы выметать недолжные искушения*.

Вскоре после моего поступления в семинарию туда приехал один священник, который очень много значил для меня. Приехал, находит меня, гуляем мы с ним по Лавре, и он сразу берет бычка за рога – говорит: «Знаешь, Андрей, здесь, в семинарии, есть свои искушения, свои проблемы. Прежде всего, никого не осуждай – своих собратьев, священников, монахов... Это самый разрушительный грех будет. Ты теперь – человек богословски грамотный, ты знаешь, откуда нашептываются эти помыслы осуждения. Как говорится – из-за левого плеча. Так вот, если появилась мысль: “Ой, смотри, что там Ванька делает!” – ты посмотри за левое плечо и спроси: “А твое какое дело?”».

– А чем плоха астрология?

– Сразу скажу, я отнюдь не много размышлял над этой темой. Вообще считаю ее недостойной серьезного размышления. Это же совершенно виртуальная реальность. Никаких объективных наблюдений в астрологии не существует, а есть субъективная – с точки зрения местонахождения наблюдателя – компоновка тех или иных звезд в созвездия.

Реально же звезды, которые числятся в одном созвездии, между собой могут находиться на более дальнем расстоянии, чем те, что значатся в разных.

Понятен интерес к астрологии со стороны людей, исповедующих язычество. С их точки зрения, как сказал Аристотель, космос – это город, населенный богами и людьми.

---

* «Как выгонять? Неприязненным к ним движением гнева, или рассерчанием на них <...> У всех святых Отцов нахожу, что гнев на то и дан, чтобы им вооружаться на страстные и грешные движения сердца и прогонять их им... проводите его <помысл> не с честью... именно – гневным отвержением» (*Святитель Феофан Затворник.* Что есть духовная жизнь... С. 199–200, 203).

Планеты и звезды – это боги. У каждого бога свой характер, свой нрав. Отсюда – представление, что душа, рожденная под определенной звездой, от соответствующего бога наделена какими-то талантами или изъянами. Мировоззрение древних язычников было целостным: они звезды наделяли душами и потому допускали обратное влияние звезд на души людей. Но нынешние обыватели телетрущоб дар логического мышления, увы, давно зарыли на «поле чудес». Спроси их – существует ли бог Марс, и они ответят, – что нет! Спроси их – обладает ли разумом и чувствами планета по имени Марс – и тут они тоже возмутятся. Но при этом они верят во влияние Марса на характер и судьбу землян!

Христианство против астрологии по той причине, что астрология прокламирует слишком малое достоинство человека. Увлечение гороскопами было естественно для языческого мира, в котором закон судьбы (фатума, рока, кармы) возносился над всем сущим, подчиняя себе даже богов. Но христианство принесло в мир весть о свободе человека. На небесах – не слепые законы кармы или астрологии, но Любящий Отец, в воле Которого вся вселенная и человеческий волос. Человек в любой момент («во едином часе», как поет одно церковное песнопение) может изменить свою жизнь. Не от звезд зависело покаяние разбойника на кресте, а от подвига его веры. Не гороскоп привел к покаянию Петра или Марию Магдалину, но их любовь ко Христу. И поэтому первая языческая идея, в полемику с которой немедленно вступило молодое христианство,– это идея «судьбы». Вера в гороскопы может вновь парализовывать человеческую волю, сковывать свободу человека и чувство собственной ответственности.

Языческие боги – это олицетворение различных стихий. Человек в таком космосе – не более чем песчинка, микрокосмос – маленький мир, помещенный в мир большой.

Но христианство возвестило совершенно иной взгляд на людей. По слову святителя Григория Богослова, человек — это макрокосмос, помещенный в микрокосмос. Большой мир — в мире маленьком*.

— По сути, все наоборот?

— Дело в том, что Бог, Которого исповедует христианство,— надкосмический. Он дал миру законы, создал их. И потому Сам никакими законами не связан.

И из своего внекосмичного господства Бог дает Свой образ человеку. Поэтому человек хотя и живет в этом мире, но не является пленником мира. И у христианина нет никакой нужды верить в то, что его судьба, а тем более какие-то нравственные поступки зависят от влияния космических стихий.

При разговоре с экономистами, физиологами, психологами, социологами мы говорим: да, человек может участвовать во взаимосвязях, которые изучают эти специалисты. Но всецело он ими не определяется. И только когда оскотинивается, забывает о своем высшем призвании, в нем начинают действовать законы греха. В том числе и те, которые прописаны в экономике, физиологии, психологии, социологии и прочем. Но у человека, как его мыслит христианство, всегда есть возможность возвыситься над этими законами и жить по велению Бога, а не по велению падшего естества.

Но астрология — все-таки не то же самое, что социология или физиология. Это мифология. Поэтому у нас есть причина, чтобы ни пяди земли не отдавать такого рода верованиям. То есть мы не согласимся не только с формулой: «Звезды правят миром»,— но и с более мягкими формулировками («звезды подсказывают, звезды влияют...»).

---

* См.: *Святитель Григорий Богослов.* О смиренномудрии, целомудрии и воздержании // Собр. творений. Репр. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1994. Т. 2. С. 179.

Не будем забывать: мир, культура достаточно органичны. Астрология всегда существовала в теснейшем союзе с различными оккультными воззрениями. И если человек слегка увлекается ею, то потом начинает серьезно «загружать» свою душу оккультно-языческими мифами. А это уже духовно опасно.

Вообще-то поражает, что люди сами не слышат, что говорят о себе. Христианство не согласно с астрологией, потому что астрология несет ересь о человеке, ибо слишком низко думает о нем. Встречаются двое. Знакомятся. «Ты кто?».— «Я Телец. А ты?».— «Я — Скорпион». Помню, в журнале «Наука и религия» несколько лет назад была опубликована статья под названием «Какое ты дерево?». Честно говоря, я сразу догадался, какое дерево автор.

Удивительно, как глухи бывают люди, вроде бы уже привыкшие бороться за права и достоинство человека! Когда речь идет не о политике, а о мифологической стороне жизни, они вдруг становятся смиренны (недопустимо смиренны!) и уничижают себя до уровня марионеток, которыми управляют какие-то невидимые космические потоки, и раскрыв рты слушают, что им там «предсказамус настрадал»*!

Астрология нам неинтересна не только по религиозным мотивам, но и по миссионерским. Ведь астрология находится вне науки. А наука для нас — и дитя, и традиционный критик и помощник.

Дитя — потому что именно христианство создало культуру, в которой могла родиться наука. Научная революция — это дитя христианской Европы, а не Саудовской Аравии, Китая или Индии.

Критик — потому что антицерковная пропаганда обвиняет Церковь в антинаучности. Нам уже несколько столетий приходится жить в агрессивной среде, которая ищет

* Выражение барда Тимура Шаова из «Астрологической песни».

любой повод для того, чтобы напасть на Церковь. И одно из любимых копыт, которым нас лягают, это как раз обвинение в антинаучности.

В этих условиях церковные люди научились оценивать те или иные свои утверждения в соответствии со стандартами научного мышления. Поэтому мы предпочтем быть в союзе с наукой, а не с астрологией.

— Но ведь в Евангелии именно астрологи, волхвы, пришли первыми поклониться Христу!

— Церковь помнит о волхвах, пришедших поклониться ко Христу. Но она помнит о том совете, который дал волхвам Господь: *и, получив во сне откровение не возвращаться к Ироду, иным путем* <разрядка моя.— *А. К.*> *отошли в страну свою* (ср.: Мф. 2, 12). *Иной путь* был открыт для них после встречи со Спасителем. Иной, отличный от прежнего: указывая волхвам другую дорогу для возвращения домой, Бог тем самым повелевал им оставить дурное ремесло (см.: *Тертуллиан.* Об идолах. 9).

Господь приводит астрологов к принятию Евангелия через их же собственную лжемудрость. Вы доверяете только знакам небес? вы считаете, что через исследование планетных путей проще понять Бога, чем через голос совести и души? вы считаете, что не в человеке, а в звездном небе Богу подобает проявлять Себя? Что ж, звезда и приведет вас к Богу, Который стал человеком (человеком, а не звездой).

В Рождественском тропаре (церковном песнопении) об этом сказано, что в Рождество Христово «служившие звездам были звездой научены поклоняться Тебе, Солнцу правды». Сама же вифлеемская звезда в церковной традиции обычно понимается как Ангел, принявший вид более понятный для языческих мудрецов.

Пожалуй, в последний раз в священной истории человечества Бог обращается к людям через знамение в небесах, открывая таким образом Свою волю. Затем Христос

будет говорить тем, кто в поисках последней истины засматривается на небеса, но не вглядывается в свою душу: *лицемеры! различать лице неба вы умеете, а знамений времен не можете. Род лукавый и прелюбодейный знамения ищет, и знамение не дастся ему, кроме знамения Ионы пророка. И, оставив их, отошел* (Мф. 16, 3-4).

Отныне лишь один религиозный смысл можно вычитать в небе: тот, что небо не самочинно, что у него есть Творец. «А что же такое этот Бог? Я спросил землю, и она сказала: "Это не я"; и все, живущее на ней, исповедало то же. Я спросил море, бездны и пресмыкающихся... и они ответили: "Мы не бог твой; ищи над нами". Я спросил у веющих ветров, и все воздушное пространство с обитателями своими заговорило: "Ошибается Анаксимен: я не бог". Я спрашивал небо, солнце, луну и звезды. "Мы не бог, которого ты ищешь",– говорили они. И я сказал всему, что обступает двери плоти моей: "Скажите мне о Боге моем – вы ведь не бог,– скажите мне что-нибудь о Нем". И они вскричали громким голосом: "Творец наш, вот кто Он". Мое созерцание было моим вопросом; их ответом – их красота» (*Блаженный Августин.* Исповедь. 10, 6, 9).

Итак, книга природы может пытливому уму поведать, что у нее есть Творец. А для распознания воли Творца нужно обращаться к другой Книге. Об этом будут века спустя говорить преемники евангельских волхвов – Галилео Галилей и Николай Коперник, Иоганн Кеплер*, Исаак Ньютон, Михаил Ломоносов...

---

* «Я хотел быть служителем Бога и много трудился для того, чтобы стать им; и вот в конце концов я стал славить Бога моими работами по астрономии... Я показал людям, которые будут читать эту книгу, славу Твоих дел; во всяком случае, в той мере, в какой мой ограниченный разум смог постичь нечто от Твоего безграничного величия» (*Иоганн Кеплер* [цит. по: Философия эпохи ранних буржуазных революций. М., 1983. С. 85]).

— Социологи отмечают доверие населения к Церкви как институту, но не стремление ориентироваться на ее ценности в личной и общественной жизни. Это так?

— Пожалуй что так. Вполне обычная потребительская установка. Человек готов потреблять позитивные для него переживания, связанные с Церковью, то есть отметить Рождество, Пасху или при случае потешить самолюбие («я тоже православный»), но не готов на поступки во имя той веры, которую, как ему кажется, он исповедует. Брать что-то из экзотического мира веры, но при условии, что этот мир останется экзотическим, этаким туристическим пирожным. И конечно, только брать, но ничего не отдавать, ничем своим не поступаться...

Всем понятно, что в Церкви много императивов. А очень не хочется впускать императивы в свою жизнь. Но там, где нет повода к росту, нет усилий, там ничего и не растет. Потревожить такое болотце — значит причинить ему некое неудобство.

И следовательно, задача сегодняшнего проповедника и священника — разочаровывать людей. И я разочаровываю, когда говорю некоторым фактическим атеистам или язычникам: не обольщайтесь, у вас нет оснований считать себя христианами. Христианство предполагает то-то и то-то, а в вашей жизни, и даже в вашем сознании, этого нет. Я не спрашиваю, поститесь ли вы, часто ли ходите в храм... — в эти вопросы я не вмешиваюсь.

Но быть христианином — значит соглашаться с хорошо известными и вполне определенными мировоззренческими тезисами (Символ веры). Если вы их не знаете, или не соглашаетесь с ними, или противоречите им — вы не христианин.

Сегодня, повторю, одна из задач священника — отталкивать людей от Церкви, готовя возвращение «оттолкнутого» с большей степенью осознанности.

В советские годы был прав Высоцкий, когда кричал в «Балладе о бане»:

Загоняй поколенья в парную
И крещенье принять убеди,–
Лей на нас свою воду святую –
И от варварства освободи!*.

Полезно осаживать человека на самом пороге церковной жизни**. Не столько подталкивать к крещению, сколько удерживать от него: ты всерьез понимаешь, куда ты пришел и зачем? Ты понимаешь, что в твоей жизни должен произойти перелом? Что это нельзя делать между делом? Ты знаешь, как твоя жизнь изменится, если ты станешь христианином? Ты готов вынести эти изменения? Не столько веры надо сегодня требовать от человека, сколько осознанности его веры.

Масса людей приходит: «Мы креститься хотим».– «Почему?».– «А нам госпожа Люба сказала, что она нашу карму поправит, если мы окрестимся». Что делать с таким человеком? Крестить? Нет, иди к своей Любе. Или – или. Надо думать. Не просто слепо доверять любым рекламным заверениям любых проповедников, а знать, что в поисках Бога человек может сломать себе душу. Надо помнить технику религиозной безопасности.

Культура сомнения, культура мысли сегодня редка, поскольку современный стиль жизни строится на клиповом восприятии. Новостные и рекламные сюжеты, никак не связанные друг с другом, эстрадные номера, не имеющие общей идеи, телепередачи, аннигилирующие друг друга... Человеку

---

* *Высоцкий В.* Сочинения. Екатеринбург, 1998. Т. 1. С. 280.

** «Один брат, приняв иноческий образ, тотчас заключился в келлии, говоря: "Я отшельник". Старцы, услышав о том, пришли, вывели его и заставили обходить келлии монахов, приносить раскаяние и говорить: "Простите меня! я не отшельник, но монах новоначальный". И сказали старцы: "Если увидишь юношу, по своей воле восходящего на небо, удержи его за ногу и сбрось его оттуда: ибо ему это полезно"» (Древний Патерик. 8, 159).

не дают возможности вдуматься. Пестрая телелента несется и несется, «зачищая» голову и ничего в ней не оставляя... Что ж — тем более надо копить «подкожный жир»: личный опыт и книжные классические знания.

— А в Вашем доме есть оккультная литература?

— Навалом. Как говорится, врага надо знать в лицо.

— Где держите?

— Да весь туалет ею забит.

— Скажите, всем ли надо подавать милостыню?

— При подаче милостыни естественно возникает вопрос: пойдет ли это подаяние не пользу просящему или во вред. Ведь просят и пьяница, копящий на бутылку, и профессиональный попрошайка, и ряженый мошенник, переодевшийся странствующим монахом....

В Евангелии сказано: *просящему у тебя дай* (Мф. 5, 42). Всякому ли просящему и обо всем ли? Если убийца просит одолжить ему яду, стоит ли ему давать? Но даже и не в столь крайнем случае возникает потребность в рассудительности.

Уже во II в. в христианских преданиях возникают разномыслия по этому поводу. «Учение двенадцати Апостолов» (Дидахе) — текст, быстро утраченный, а вновь обретенный только в XIX в.,— говорит: «Всякому просящему у тебя давай. Блажен дающий по заповеди, ибо он неповинен. Горе тому, кто берет! Ибо если берет, имея в том нужду, то он неповинен, а не имеющий нужды даст отчет, зачем и на что взял» (Дидахе. 1). Тем не менее Дидахе призывает все же к некоторой осмотрительности: «Впрочем, об этом сказано еще так: пусть запотеет милостыня твоя в руках твоих, прежде чем ты узнаешь, кому даешь» (Там же).

У многих позднейших Отцов встречается совет давать без рассуждения: ты дай, а Бог управит.

Логика этой позиции такова: пусть даже я отдал деньги в дурные руки и облагодетельствованный мною человек дурно употребит мою милостыню. Например, напьется и пойдет «для добавки» грабить ларек. Но это его грех, а не мой. Если же я ему не дам денег, он может именно поэтому пойти на грабеж. В таком случае моя неотзывчивость может стать побудительной причиной к преступлению. И тогда это уже мой грех...

И все же святитель Василий Великий настаивает на рассудительности: «Нужна опытность, чтобы различить истинно нуждающегося и просящего по любостяжательности. И кто дает угнетенному бедностию, тот дает Господу... а кто ссужает всякого мимоходящего, тот бросает псу, который докучает своею безотвязностию, но не возбуждает жалости своею нищетою»*. Аналогично и мнение ветхозаветного мудреца: *давай благочестивому, и не помогай грешнику* (Сир. 12, 4).

Поскольку у святых разные советы — то пусть уж каждый христианин выбирает сам, как ему вести себя.

Я же могу облегчить или затруднить выбор постановкой еще двух ориентировочных вешек.

Первая: можно осмотреться вокруг себя и заметить человека или семью, которым заведомо хуже, тяжелее, чем тебе. И помогать этой семье, причем не разово, а постоянно. Стоит также понять, что нужда бывает не только в еде или платье. Детям и студентам нужны книги, нужна информация, которая отключала бы их от телепопсы и учила бы думать. Так что умный фильм и хорошая книга тоже могут быть милостыней.

Вторая вешка: милостыня должна быть настолько большой, чтобы потом тебя «жаба душила». Если твоя милостыня — это всего лишь копеечка, то ты не человека пожалел, а просто свои карманы освободил от лишнего груза и бренчания. Тут нет жертвы, а значит, и любви к просящему. Серьезная милостыня — та, которую ты мог бы истратить на себя.

---

* *Святитель Василий Великий.* Творения. Ч. 6. С. 293.

В таком случае при ее отдаче «ветхий человек»* в тебе начинает ворчать: «Зачем так много! Хватило бы и половины! А мы на эти деньги вот это вот себе бы купили!».

— Что для Вас значит быть православным диаконом, чувствуете ли Вы связь с Богом? Если да, опишите свои ощущения.

— На такие вопросы в православной этике не рекомендуется отвечать. Личный опыт не стоит выносить на публичное созерцание. В сектах — да, у них там любят рассказывать: «Я был неверующим, я был грешником, даже курил, но, когда я принял “Харе Кришна” как своего личного спасителя, с тех пор я больше не грешу, я — святой и даже курить бросил». Такого рода исповеди вызывают у меня нечто среднее между сочувствием и улыбкой.

— Что для Вас Бог, создавший все,— некая персона, энергия или еще что-то? Разъясните то же самое и про диавола.

— Это реальности, причем личностные. Как не может быть любви без любящего, так и не может быть ненависти без ненавидящего. После опыта зла, который был в XX в., особенно в нашей стране,— я могу понять человека, который сомневается, есть ли Бог на свете, но понять того, кто сомневается в существовании диавола, мне гораздо сложней.

— Кого можно назвать религиозным человеком?

— Религиозным может считаться человек, который в своей жизни сделал хотя бы один поступок по религиозным со-

* В христианстве инерция греха называется «ветхий человек», а добрая, покаянно-евангельская новинка в человеке называется «новый человек во Христе». Их конфликт между собою хорошо показан Толкиеном в виде борьбы между Смеаголом и Горлумом (правда, тут сохраняющий в себе остатки человечности Смеагол по времени предшествует своему перерождению в тварь по имени Горлум).

ображениям. Не по моральным мотивам, а именно ради Бога. Скажем, стоял на пороге совершения какой-то подлости и остановился только потому, что вспомнил, что Бог этого не велит. Если хотя бы однажды такой поступок был в жизни человека, значит, религиозная тематика вошла в его жизнь.

Православный же человек — это тот, кто судит себя по заповедям Евангелия и Церкви. Он, может быть, не всегда их исполняет — наверное, на свете нет ни одного человека, который бы эти заповеди во всех подробностях исполнял бы в каждой жизненной ситуации. Но если человек, согрешив, понимает, что он согрешил, а не оправдывает себя (это, мол, все делают, это нормально, это современно),— вот в этом случае это — православный человек. Он смотрит на себя глазами Православия.

— Чем отличается жизнь верующего человека от жизни того, кто по каким-то причинам не нашел пути к Богу?

— Мир, в котором живет верующий человек, отличается от мира человека неверующего так, как мир человека, у которого есть цветное видение, от мира человека, видящего все в черно-белых тонах. Все дело в том, что для верующего человека любое событие, происходящее с ним, не равно себе самому. Все, что происходит в его жизни и вокруг него, это некая книга откровений — с осознанным, осмысленным сюжетом. Мир перестает быть случайным нагромождением событий, случайной игрой социальных или иных атомов. Сквозь него начинает проглядывать замысел. Замысел, который надо стремиться осознать, понять.

К этому осознанию и стремится верующий человек. Не случайно одна из первых заповедей, которые получил Адам, гласила: «Назови имена животных» (см.: Быт. 2, 19–20). Такова вообще задача религии — назвать, наименовать, то есть — очеловечить мир, который встречает человека. Человек

очеловечивает мир тем, что видит в нем свои, человеческие, смыслы, узнает в нем себя самого, видит свои интересы, дает всему свои имена. Мир перестает быть безымянным, равнодушным, когда в него внесены человеческие ориентиры. И тогда поток жизни, который проносится мимо нас, соотносится с нами. Религия – это дерзкая попытка считать всю вселенную значимой для человека.

У религиозного человека душа нередко вздрагивает от того, что видит всецелую пронизанность нашей жизни Промыслом – хранящим и предостерегающим. Вот я сейчас читаю книгу Патрика Бьюкенена – соперника Билла Клинтона на президентских выборах 1996 года. Книга честная и трудная – «Смерть Запада». Цифры и факты о вымирании западных стран, о заселении их носителями совсем других цивилизаций... У истоков нынешней демографической катастрофы западных стран (в том числе и России) – разрешение абортов и антидетские пилюли (про революцию в системе ценностей разговор отдельный). Так вот, тот судья, который в 1973 г. своим решением легализовал аборты в США, носил фамилию Блэкман («Черный человек»). А тот врач, что придумал противозачаточные пилюли, носил фамилию Рок*.

– Зачем нужно креститься?

– Чтобы умереть. Я считаю, что креститься взрослый человек может только тогда, когда он смертельно надоел самому себе. Крещение – это вопль к Богу: «Господи, ну можно я стану другим, я устал от себя самого. Дай мне возможность быть другим».

В 70-е советские годы одна девушка так объясняла свое обращение к вере.

Она была на чьей-то «деньрожденной» вечеринке. За столом оказалась неизвестная ей сверстница. Все было обычно. Но когда кто-то мимоходом упомянул о религии

* См.: *Бьюкенен П.* Смерть Запада. СПб., 2004. С. 45, 47.

(что-то такое пошутил на религиозную тему), то реакция незнакомки оказалась очевидно и разительно отличной от реакции остальных участников застолья. Всем стало понятно, что это религиозный человек. Девушке задали прямой вопрос, и она просто и прямо ответила да. Секунда неловкого молчанья, и быстрая смена темы разговора. Для приличия на прощанье обменялись телефонами... Но ночь для неверующей комсомолки оказалась бессонной. Ее мучала мысль: «Если ты не позвонишь сейчас этой своей новой знакомой, то в твоей жизни уже больше ничего никогда не произойдет!».

Сегодняшнему молодому человеку такая мысль может показаться более чем странной. Но для эпохи «застоя» она была очень точна. Тогда советский человек жил строго по расписанию. Жизнь просматривалась вся, вплоть до могилы: когда ты окончишь университет – куда тебя распределят – какая у тебя будет зарплата через пять лет – какая у тебя будет квартира через пятнадцать лет – какой медалью тебя наградят в пятьдесят пять лет – какой будет твоя пенсия – на каком кладбище тебя похоронят... Все было ясно в плановой экономике... И от этой распланированной ясности девчонке стало тошно, она захотела впустить в свою жизнь что-то новое. И среди ночи она позвонила своей странной знакомой. И через полгода крестилась сама...

Крещение – это смерть во Христе и воскресение в Нем. У язычников есть идея переселения душ, когда душа переселяется в разные тела. В Православии наоборот – в одном и том же теле может жить много душ. У Николая Гумилева есть замечательные слова: «Только змеи сбрасывают кожи, мы меняем души, не тела».

Крещение – это покаянное обновление, покаянный кризис, когда человек износил свою прежнюю душу и мечтает о том, чтобы Господь даровал ему обновленную совесть. В церковнославянском переводе Послания апостола Петра

говорится, что крещение есть испрошение у Бога *совести благи* (1 Пет. 3, 21). Заметьте, не обещание Богу доброй совести, а испрошение у Бога *совести благи.* С точки зрения протестантов – это я Богу обещаю: «Я перед лицом своих товарищей обещаю и клянусь жить, учиться и бороться, как завещал нам великий...» («Клятва юного христианина»). А в церковнославянском переводе и в греческом оригинале смысл другой – это я прошу у Бога, чтобы Он дал мне новую совесть. Но человек, который еще не начал тяготиться самим собой, которому и со своей старой совестью хорошо, никогда не поймет, от чего спасает Евангелие.

– Если младенец был крещен в православной вере, а в юношеском возрасте его перекрестили в протестанты,– какое крещение будет действительным?

– Православное крещение не смывается. Если этот человек разберется в себе и когда-нибудь придет в Православие, перекрещивать его не будут.

– Спасение предначертано или у человека есть право выбора?

– Есть, есть у человека право выбора. А вот чего у нас нет – так это теоретической схемы, позволяющей совместить Божественное всезнание с нашей свободой. Мы не сможем такую теорию создать. Ты никогда не составишь истинное представление о своем доме, если однажды не выйдешь из него и не посмотришь на него со стороны. Вот и мы поймем наш дом, только когда выйдем из нашего космоса, в котором настоящее и будущее существуют порознь.

Так что мы знаем, что наше мировоззрение противоречиво, но оно нам нравится именно таким. Все в нашей жизни – даже падение волоса с головы – зависит от Бога, и все зависит от нас, так что именно я несу ответственность за свою жизнь. Оба этих христианских догмата нашли свое

отражение в песнях Вячеслава Бутусова. Догмат о Боге как Вседержителе у него звучит так: «С неба падает снег — значит, небу так надо». Догмат о нашей свободе в бутусовской формулировке гласит: «Твоя голова всегда в ответе за то, куда сядет твой зад».

Но на уровне практики ответ есть. Его сформулировал Фома Аквинский: «Мы должны молиться так, как если бы все зависело только от Бога, а работать мы должны так, как если бы все зависело только от нас». Христианин должен уметь работать с противоречиями.

Надо заметить, что это не признак идиотизма. Замеченное и осознанное противоречие — это признак высокой культуры мышления. Я знаю, что верно это; знаю же, что верно другое; и знаю, что первое и второе противоречат друг другу. Но еще я знаю, что другой модели, которая помогла бы сохранить все многообразие известных фактов и непротиворечиво их все (все — без цензуры!) объяснить, пока еще нет. Что в такой ситуации делать? Хотелось бы жить в трехэтажном особняке, но раз это невозможно, то надо поддерживать в порядке и свою обычную блочно-панельную малометражку.

В современной физике тоже есть нескрываемые противоречия, о которых знает каждый физик. Например, теория корпускулярно-волнового дуализма. Верно и то, что свет есть волна, и то, что свет состоит из частиц. Как это совместить? Надо признать и то и другое. Христианство давно научилось работать с этой логической моделью. Оно состоит из противоречий, которые соединены благодатью. Надо уметь принять их во всей полноте. Нельзя сказать, что я на 80 % свободен, а на 20 % зависим от Бога. Ничего подобного: я на 100 % свободен и я на 100 % завишу от Бога. И Христос на 100 % Бог и на 100 % человек, а не так — частичка того, частичка другого.

— Вы знаете, конечно, о двух взаимоисключающих подходах к вере: можно соблюдать все обряды (и на этом основании,

мне кажется, высокомерно презирать всех, кто их игнорирует),— а можно попросту верить, не утруждая себя постами. Вам какой путь ближе?

— А знаете, на обоих можно с равной легкостью потерпеть сокрушительное поражение. Можно поститься, молиться и не приблизиться к Богу. А можно всю жизнь игнорировать обряды — и точно так же к Нему не подойти.

Если же говорить о постах — то опасен не пост. Опасно — когда кроме поста в жизни религиозного человека ничего нет. Любви к людям, например.

В общем — прежде чем обожиться, надо очеловечиться. А мы и от этого очень далеки. Слишком часто неофит жаждет немедленно взойти на высоты исихазма, проявляя сплошь и рядом поразительную душевную глухоту в быту...

— Объясните мне, Бога ради, что такое исихазм. Я слышал столько разных объяснений, что голова пухнет. Просто скажите, как на лекции.

— Исихазм (по-гречески ἡσυχία — «молчание») — высшая форма молитвенного сосредоточения. Когда молитву творишь не устами, а сердцем, и она творится в тебе непрерывно. Специально этим словом называют монашеское движение XIV–XV веков. Одна из интереснейших черт этого движения в том, что исихастская партия не чуждалась и политики — именно исихасты настояли на том, чтобы Константинополь увидел центр общерусской церковно-национальной жизни в Москве, а не в Вильнюсе... Так что Москва стала столицей России не без участия исихастов. Тем, кто склонен путать Церковь с этнографическим центром, будет небезынтересно также узнать, что Константинопольский Патриарх Филофей, который и «продавил» это решение об официальном признании Москвы преемницей Киева как общерусской столицы, был этническим евреем...*

* См.: *Протоиерей Иоанн Мейендорф.* История Церкви и восточнохристианская мистика. М., 2000. С. 459.

— Зачем священники носят бороды?

— Меня удивляет этот вопрос. Если бы мы с вами сидели где-нибудь в Египте, там его можно было бы обсуждать. Но в нашем северном климате отказываться от лишнего шарфа? Зачем?

Но я не буду защищать бороды. По той причине, что эта традиция не церковная, а национальная. Посмотрите на древние античные скульптуры и портреты: греки — язычники-философы — всегда с бородой, римские патриции всегда «босолицые». Так что эта традиция не религиозная, культурная. И соответственно, христианство не стало ее менять, ни в одном случае, ни в другом, оставив и греков, и римлян с их эстетическими привычками.

Потом, правда, на Руси появилось более искусное объяснение: мы, мол, не бреем бород подобно библейским назореям. Однако, по назорейским обетам, не только бритва не должна была касаться их головы, но и вино не должно было касаться их уст. У нас же очень странное назорейство: брад мы не бреем, но от вина не отказываемся. Поэтому я не отношусь всерьез к такому объяснению нашего «длиннобрадия».

— Священники говорят, что надо чаще бывать в храме. А если я не имею такой возможности? Достаточно ли домашней веры?

— В храм мы идем, чтобы стать христианами. Ведь христианином человек становится не тогда, когда читает книгу о Христе, и даже не тогда, когда молится. А тогда, когда он воспринимает то, что Бог передает ему. Потому что христианство — единственная религия в мире, которая говорит не о том, какие жертвы люди должны приносить богам, но о том, какую жертву Бог приносит людям. Поэтому я иду в храм, чтобы принять Его Жертву мне, Его Плоть и Кровь, которые Он дает мне. Если человек живет вне литургической жизни, его душа потихоньку начинает дичать. Точнее, дух — потому что душу еще можно кормить книгами, Интернетом,

еще чем-то. Но дух без Духа – дичает. Как если бы человек, живя вдали от булочной, читал бы книги по хлебопекарному делу, но сам к хлебу не прикасался бы.

— А если душа не лежит к храму? Священник не устраивает?

— Для москвича этот вопрос решается легко: в столице больше 800 священников. Достаточно легко можно выбрать священника по душе, по созвучию ваших душ. Но кстати, чем меньше по-человечески приятен священник, тем на самом деле больше духовное содержание моей исповеди. Это исповедь Всевышнему, а не священнику. Кроме того, следует помнить то, что священник говорит о себе на исповеди: он только свидетель, а человек приходит к Богу.

В покаянии я, как занозу, вытаскиваю из себя свое прошлое. Ведь об одном и том же эпизоде можно рассказывать по-разному. Можно хвастаться: «Мужики, я вчера с такой бабой вечер провел!». Да, как и на исповеди, это будет рассказ о реальном событии, но оценка-то его будет скорее пошло-восторженная, чем покаянная. Это не исповедь. А если человек о том же событии рассказывает в покаянии, то, значит, он хочет, чтобы этот вечер греха был стерт из его жизни. Он уже стыдится этого поступка, считает, что в ту минуту он не был собой настоящим. Так вот, когда происходит такое расслоение личности – «я тогдашний» и «я настоящий»,– тогда человеку предлагается: расскажи об этом поступке в присутствии другого. Наличие другого человека на исповеди перед Богом – критерий, который показывает, насколько серьезно отчуждение человека от отторгаемого им его прошлого.

— Иногда, когда приходишь в церковь, то чувствуешь, что здесь свято. А иногда такого чувства нет. От чего это зависит? От личного фактора, от священника?

— Этого я не знаю. Обычно в таких случаях говорю: «А в каком кармане у вас лежит “харизмометр”?».

— Может ли священник нарушить ауру?

— Это уже из области оккультизма.

— Чушь собачья?

— Лучше сказать: «Шамбалическая».

— Что такое Божия кара?

— Бог не мстит — Бог наказует. А наказание — это от славянского слова «наказ», то есть урок. Некая педагогическая мера. И то, что мы называем карой, может быть следствием ошибок, которые мы сами допустили. Ведь когда мать говорит малышу: «Не тронь утюг!»,— а малыш прикасается и получает ожог, травма возникает не потому, что мать мстит ребенку, а вследствие того, что он нарушил некую заповедь. Но главное — очень часто боли и радости приходят к нам не из нашего прошлого, а из будущего. Потому что Бог — Он педагог и иногда предостерегает нас от будущего, к которому мы несемся на всех парах. Промысл Божий как бы ставит нам подножку, чтобы мы упали раньше, чем свалимся в ту волчью яму, которой мы еще не видим, но которая ждет нас в конце пути. Пусть будет разбита коленка, зато сохраним целой голову.

Впрочем, порой боль приходит, чтобы очеловечить нас, чтобы в ее горниле мы подросли.

— У меня сгорел монитор. Наказание?

— Спросите не меня, а себя самого. Наказание это свыше или нет, можете знать только вы сами, зная свои предшествующие событию поступки.

— А Вы знаете наказанного Богом человека?

— Мне кажется, классический случай такого наказания — судьба Никиты Хрущева. Знаменитый пленум ЦК КПСС, снявший его с должности, состоялся в день празднования Покрова Божией Матери. Это типично, исключительно русский

праздник, незнакомый другим Православным Церквам. Хрущев, самый рьяный гонитель Русской Церкви, был снят по Промыслу Божиему именно в такой день*.

— В последнее время очень часто приходится сталкиваться с одинаковой, почти стандартной реакцией современного человека на несчастье. Когда случается большое горе, человек спрашивает: «Ну и где же Ты был, Господи?». И приходит к выводу, что Бога вообще нет. Можно ли чем-то объяснить такой общий поворот мысли? Можно ли донести до человека, что одно из другого не следует?

— Христианину легче отвечать на этот вопрос. Если человек из глубины горя спрашивает: «Где же Ты был, Господи?» — для христианина ответ очевиден: в бездне страдания Он был прежде тебя. Тебя еще не было, а Он уже был на Голгофском кресте.

Сложнее отвечать человеку другой религиозной традиции, если она не признает за Богом права испытывать человеческую боль и сострадание.

В целом такого рода разборки — это свидетельство слабости характера человека. Это желание переложить с себя на кого-то ответственность за свою судьбу. В этом смысле замечательна этика «Властелина колец» Джона Толкиена. Не столько фильма, сколько книги. Прочитав ее, я понял, что я хоббит до глубины души. У Толкиена Бог явно не проявляется, Он остается неназванным. Его Промысл действует, но при этом не вешает на себя ярлык: «Внимание, тут на сцену

---

*Поразительный пример Промысла Божия — освобождение заложников (зрителей мюзикла «Норд-Ост») в московском Доме культуры. Их вызволение произошло 26 октября. По церковному календарю это день Иверской иконы Божией Матери. Иверская икона считается покровительницей Москвы (эта икона хранится в Иверской часовне, расположенной в Иверских воротах, ведущих с Манежа на Красную площадь). Иверия — это Грузия. То есть это икона, связанная с Кавказом, пришедшая с Кавказа в Москву. И именно в день ее чествования кавказские террористы были уничтожены...

выхожу я, Промысл Божий». Герои сказки не опускают руки в потерях и неудачах, и именно поэтому в конце концов оказывается, что даже неудачи оборачиваются к пользе.

— А что Вы думаете о фильме «Властелин колец»? Христианский он, антихристианский, стоит его смотреть, не стоит?

— В фильме меньше христианских следов, чем в книге. Например, в книге Толкиен точно называет дату уничтожения Кольца всевластия и падения власти Саурона: 25 марта. Это день Благовещения. А в той традиции раннего английского Средневековья, к которой обращен Толкиен, это еще и день Пасхи. Благовещение — день доброй вести, начала Нового Завета. Пасха — это само событие Избавления. В книге 25 марта начинается новая эпоха, «эпоха людей». В фильме ничего подобного найти нельзя.

В фильме не найти размышлений Толкиена о различных вариантах посмертия: гномы перевоплощаются, эльфы бессмертны. А что касается людей, то о их посмертной судьбе эльфы ничего не знают: Илуватар (Бог Творец у Толкиена) уготовал им нечто радостно-непонятное. Тот, кто знает историю христианства, догадается, что речь идет о надежде на телесное воскресение: та черта апостольской проповеди, что более всего шокировала язычников... Вообще же наиболее дивное и полное описание Толкиеном человеческого посмертия можно найти в его рассказе «Лист Ниггла».

— А разве нет в тексте такого, что смерть была дана в наказание за поклонение Морготу — сатане?

— Да, в «Сильмариллионе» это есть, «Сильмариллион» религиозен с самого начала. Я бы вообще рекомендовал читать эту книгу параллельно с первыми главами книги Бытия: сотворение мира, создание человека, грехопадение. Если вы ищете перевод библейского сказания на язык современной

поэзии, то лучше Толкиена это не сделал никто. Ближайший аналог — это песнь Аслана, творящего мир, в «Хрониках Нарнии» толкиеновского друга Клайва Льюиса.

Но во «Властелине колец» герои подчеркнуто нерелигиозны. Толкиен в своих письмах и беседах с друзьями это оговаривал: в его мире никто не молится и не приносит жертвы не потому, что его герои атеисты, а в силу некоей религиозной целомудренности. «Властелин колец» — это мир до «эпохи людей», до библейского откровения. А следовательно, без истинного богопознания. Где нет Библии — нет Божиего откровения о Самом Себе, а без этого человек будет впадать в ошибки и становиться язычником. Толкиен и говорит: «Я слишком люблю своих хоббитов, чтобы делать их язычниками».

Поэтому у него Богу никто не молится и храмы не строит, за одним исключением (в «Сильмариллионе»),— когда Саурон, захватив духовную власть над островом Нуменор, пробует ввести культ себя самого и строит храм своего имени. Гнев Илуватара уничтожает этот остров.

Меня поразило, что некоторые из православных читателей «Властелина колец» не смогли этих вещей заметить и понять. В альманахе Одесской семинарии был напечатан достаточно неадекватный текст, где сказано, что раз у Толкиена ничего про Бога не говорится, то, значит, он создал «безбожный мир, который живет сам по себе». Мне кажется, это откровенное издевательство над книгой. Именно незримый Илуватар направляет события к неожиданному исходу: предатель предает то зло, которому служит, и в итоге именно слабый хоббит с помощью недодушенного им Горлума уничтожает могущество тьмы.

— А почему общество толкиенистов настолько антихристианское?

— Это моя вина. Моя вина в том, что я знал, что Толкиен христианский писатель, а потому и не обращал внимания на эту книгу. Я был уверен, что с этой стороны про-

блем не возникнет, и все откладывал личное знакомство с ней. Кроме того, я полагал, что кто-то другой из церковных публицистов обратится к этой благодатной и благодарной теме и даст богословские пояснения к «Властелину колец». Но молчание затянулось. А ведь любое поле без обработки дичает. Это и случилось с русским Толкиеном. К тому же нашлись и странные типы вроде Ника Перумова, которые уже совершенно сознательно стали сатанизировать мир Толкиена. «Паганизация» («объязычивание») книги была почти неизбежна и по той причине, что наши советские подростки были не в состоянии увидеть в текстах Толкиена библейские намеки. Ведь у них не было Закона Божиего в школе. И то, что было понятно Гарри Поттеру, стало совершенно непонятно Тане Гроттер.

— А в тексте самого Толкиена есть ли какие-то основания для подобного прочтения? Ведь в самой толкиенистской тусовке, среди людей, кто занимается этим всерьез, процветают язычество, магизм, практикуются «походы в астрал», вера в иные миры и путешествия по ним...

— Во всех движениях, относящихся к нью-эйдж, есть некая общая логика. Современный человек очень ценит свою независимость и свою свободу. При этом он понимает, что жизнь нельзя сводить к тусовке, что в ней должна быть некая религиозная составляющая. Но если он входит в какую-то религиозную традицию, то он входит в мир, сформировавшийся без него и до него, а значит, он должен будет себя подгонять под те формы жизни и мысли, которые есть в этой традиции. Далеко не всем это нравится. Чтобы этого избежать — можно создать собственную религию для самого себя. Но в этом случае появится другая проблема: религия, созданная для себя, не дает тебе власти над другими. Ты становишься властелином необитаемой планеты, и некому восхвалять твою мудрость и величие. Итак, в живой традиционной религии есть много людей, но нет места для

твоих амбиций, а в религии «имени себя» не к кому свои амбиции прилагать, поскольку в наличии только ты, во всей неущемленности своих «хотелок», а больше нет никого.

Но выход есть: подобрать громкий, но мертвый бренд. Для обретения власти идеально подходит религия фиктивная или бесписьменная. И поэтому возрождают и всюду реанимируют якобы древнерусские культы или древнескандинавские: все, что не оставило после себя цельных текстов. И еще это должна быть мертвая религия, та, у которой сейчас нет центров и нет живых носителей, которые могут ограничивать свободу самозванцев.

Фиктивная же религия – это обращение к чисто литературным памятникам с тем, чтобы заявить: «Это больше, чем сказка, это эзотерическое мистическое послание, и именно у меня есть ключ, чтобы эту сказку, этот роман, который вам так нравится, прочитать в духовном смысле». Уже есть секта, для которой священным писанием являются сказы Павла Бажова. Встречались мне и эзотерические толкования «Колобка». Ну а Толкиен и сам не скрывает своей религиозности.

– А реально ли найти общий христианский язык с толкиенистами? С людьми, привыкшими отвергать христианство, «шастать по астралам» и верить в свои прошлые жизни в мире Толкиена?

– Конечно. На одной молодежной конференции я знал, что в зал приглашены толкиенисты. Поэтому я начал с вопросов к ним: «Орки тут есть? Нет? А тролли? И назгулов нет?.. Ну, тогда нам, хоббитам, ничего не угрожает!». И разговор пошел хорошо. Но и помимо прямых наших контактов – рано или поздно человек начнет понимать, что в затянувшейся игре роли радикально меняются и играют на самом деле им. Как только он поймет, что его сознание может однажды навсегда остаться в этих мирах, по которым он привык путешествовать, он будет искать способ защитить себя. Не потерять то, что полюбил в своих иг-

рах, но и не порвать с миром людей. Это значит, что пора брать уроки по обратному переводу со средиземноморского на христианский: Илуватар — это значит Бог.

— В декабре выходит на экраны первый фильм из цикла «Хроники Нарнии» Клайва Льюиса, есть ли у Вас какие-то прогнозы?

— Подозреваю, что линия будет все та же: откровенно христианские моменты будут затушевываться. Уж сколько вышло голливудских поделок о Чаше Грааля, где умудрились даже не упомянуть имя Христа.

— И все же — что лучше: показать детям фильм «Властелин колец» или «Гарри Поттер», дать почитать соответствующую книжку или почитать наши русские народные сказки?

— А что общего у русских сказок и детей? Народные сказки в их оригинальном виде слушались всей семьей. Отдельной детской комнаты в русской избе не было, как не было и отдельной детской литературы. Взрослые рассказывали сказки про себя и для себя. Когда Александр Афанасьев в середине XIX в. стал эти сказки записывать, то оказалось, что это довольно неприличное чтение. Их стали перелагать для детей уже в советские годы. Цензура превратила их в сказки для очень определенной возрастной группы, для дошкольников. «Гарри Поттер» — это сказка, обращенная к подросткам, а «Властелин колец» — это сказка для юношества. Так что сравнивать их — все равно что видеть в детской педальной машине конкурента компьютеру.

— А есть ли в наших сказках христианское «ядро»?

— Адаптировали сказки советские издательства, поэтому про христианское «ядро» говорить не приходится. Если же брать неадаптированные сказки, афанасьевские, то надо сказать, что это энциклопедия жизни народа, поэтому там

есть все. Там есть сюжеты вполне христианские, но есть и вопиюще антихристианские, есть и такие, какие просто по ту сторону добра и зла. В одной из сказок Иванушка-дурачок начинает торговать трупом своей матери — чего уж тут христианского!

Если же провести анализ и поглядеть, какие качества пользуются наибольшим одобрением в русских сказках (впрочем, и не только в русских), то получится, что в этих сказках больше всего воспевается лукавство. Воровство, мелкое мошенничество... Удачливых победителей в них не судят.

Однако если взять неотцензурованную версию «Курочки Рябы», то, на мой взгляд, это вполне христианская сказка. Все мы знаем начало: яичко разбилось, дед плачет, баба плачет. А вот концовка: на шум прибегает жена церковного пономаря, ей рассказали, что случилось, она в слезы. Прибежала домой, рассказала мужу, муж зарыдал и в ярости порвал все церковные книги. На шум прибежала жена дьякона, ей рассказали, она зарыдала и побежала домой, рассказала мужу, муж в ярости и отчаянии сжег все иконы в храме. На шум прибегает попадья, спрашивает, что случилось, ей рассказывают, она в слезы, бежит домой, рассказывает мужу, муж бежит в храм и все колокола перебил.

Почему я говорю, что эта сказка христианская? Потому что она комическая, а комичность достигается за счет абсолютной неадекватности поведения персонажей. Русское духовенство в сознании русского народа воспринимается как эталон здравомыслия, и поэтому именно его неадекватное поведение воспринимается как повод для смеха.

— А про простое яичко в оригинале есть?

— В афанасьевском варианте нет. Но в разных селах рассказывается по-разному...

— А есть ли сказки с ясно выраженной христианской идеей?

Да. Например, «Сказка о попе и о работнике его Балде». Это чистое обличение фарисейства и гордыни. Обращение работника к чертям, конечно, не есть хорошо, но обличение лицемерия и гордыни работодателя — важнее.

— А есть ли антихристианский момент в «Гарри Поттере»?

— Нет, я такого не вижу. Главная идея книги — идея жертвы. Подставь под удар себя ради спасения другого. Особенно ярко вы увидете это в шестой книге... Надо не просто ослепнуть, а выскоблить себе глазные ямы, чтобы не увидеть здесь евангельской темы.

— За что же «Гарри Поттеру» так достается от православной критики?

— За то, что дети в этой сказке учатся на волшебников. Но когда взрослый человек перестает воспринимать детскую сказку как сказку, это само по себе катастрофа. Православные критики не умеют читать сказки. Перегибы бывают и с другой стороны: когда серьезно «рерихнутые» дяди и тети приходят и начинают говорить: «Вот, малыш, а теперь попробуй изучить магию и астрологию по-настоящему». Джоан Роулинг высмеивает «мабам ваблатски», но, в нарушение авторской воли, ее собственную сказку наследники Блаватской пробуют превратить в мостик, ведущий к не-сказочной магии..

— Так подводя итог, что безопаснее, что полезнее читать ребенку-подростку? Толкиена, Роулинг или наши сказки — из тех, которые можно читать?

— Джека Лондона пусть читает! Вообще, читать «Властелина колец» раньше шестнадцати лет вредно. А еще лучше перед этим получить два высших образования — богословское и религиоведческое...

— Достаточно ли сегодня иметь те древние десять заповедей?

— Вполне достаточно. Все нынешние грехи укладываются в них.

— А если человек соблюдает, образно говоря, 90 % заповедей, нарушая только одну — спит с чужой женой? Он грешник или больше праведник?

— Это все равно что человек с больной печенью говорит: «В целом я здоров». Хорошая у него жизнь? «Больная печень» ему все равно воздаст...

— Но ведь, по неофициальной статистике, чуть ли не у каждого второго есть любовник или любовница. Получается, что эти люди потеряны для Церкви?

— Здесь важно раскаяние: осознает, что живет в грехе,— уже хорошо. Значит, не безнадежен. Покаянная самооценка человека важнее греха.

— Но далекие от Церкви люди полагают, что если они не убивают, не прелюбодействуют, не крадут — то и не грешат. Что же такое грех, с Вашей точки зрения?

— В церковном понимании грех — это рана, которую человек наносит своей душе. Сразу признаюсь, всех моих научных и богословских знаний не хватит, чтобы определить, что такое душа, поэтому позволю себе сказать о ней по-детски: душа, это то, что болит у человека, когда все тело здорово.

Человек понимает, что у него есть сердце, печень, желудок, когда они начинают болеть. Я, когда начинаю разговор с детьми на эту тему, порой спрашиваю у них: «Встань, пожалуйста, и покажи — где у тебя находится печень». Ребенок, конечно, показывает на живот... А я ему говорю: «Ответ неправильный. Садись, пять. Да, пять. Это же ведь очень здорово, что ты не знаешь, где у тебя печень! Значит, ты здоров! Дай Бог, чтобы как можно дольше ты оставался в таком

счастливом неведении!». Пока боли нет — нет и ощущения локализации органа. В детстве и юности для всей требухи есть одно название: «живот». А к пятидесяти годам начинаешь отличать почки от надпочечников... А уж раз болит — значит, существует!

Вот так же — если, просыпаясь ночью от боли, ты осознаешь, что болит у тебя не сердце, не желудок, не суставы, а... душа,— то начинаешь понимать, что есть у тебя и такой орган. И пока человек не обретет опыт душевной боли, он и не знает, что у него есть душа. Есть печальное наблюдение медиков: у каждого человеческого органа обязательно должна быть своя болезнь. Если же у нас есть душа, у нее тоже должны быть свои болячки.

Поэтому так же, как мы заботимся о здоровье и чистоте своего тела — соблюдаем правила личной гигиены, санитарии, не едим что попало, не подбираем то, что валяется на обочинах, не пьем из дорожных луж,— надо следить и за чистотой своей души: не пускать в сознание мусор, несущийся из эфира или с экрана телевизора. Не покупать каждую газетенку или журнальчик, пусть даже самые цветастые и привлекательные, не верить сплетням...

Если человек эти простые правила не соблюдает, то в его душе начинается процесс, подобный раковому. Раковые клетки — это слишком здоровые клетки, не умеющие умирать: они бесконечно пухнут, делятся, порождая себе подобные, не умея уступать право на существование клеткам другого типа — соседним. А ведь только в слаженности всех систем сохраняется целостность организма. Так в оркестре каждый музыкант на своем месте: кто-то играет на скрипке, кто-то — на гобое, а есть человек, который бьет в тарелки. Но если «тарелочник» начнет делать это слишком часто, заглушая остальные инструменты, что получится? Какофония. Так и в теле человека. Когда какие-то клетки начинают слишком поддерживать свою «партию», возникает

рак. Так же и в душе человека: когда какая-то, сама по себе нормальная, человеческая потребность, желание начинает распухать, вытесняя, заслоняя все остальное, собственно человеческое, тогда рождается грех.

В сознании неверующих, не церковных людей, слово «грех» слишком прямолинейно ассоциируется сегодня с блудом, сексуальной областью жизни человека. Был даже такой случай. Накануне Великого поста в Прощеное воскресенье батюшка обратился к пастве: «Давайте простим друг друга, и меня простите: я тоже человек и тоже грешен». Через несколько дней батюшка заметил, что прихожане на него косо смотрят. Удивился: во время поста люди становятся друг другу ближе, а здесь наоборот. Через верных прихожан он выяснил, в чем дело. Оказалось, пошел слух, что у него есть любовница. Священник удивился — откуда взялась такая сплетня. А ему говорят: «Да Вы сами вышли в Прощеное воскресенье и честно признались в том, что согрешили...».

Грех — это все, что вредит человеческому, духовному росту. Это зависть и самовлюбленность, отчаяние, осуждение других людей, пристрастие к деньгам и леность...

— Я слышал, что убийство человека — не самый страшный грех. Почему?

— Есть разные виды грехов: против себя самого, против Бога и против ближнего. Вообще-то любой грех содержит в себе все три яда, но в разных пропорциях. Человек, убивая другого человека, несомненно грешит против ближнего своего. Этот грех сугубо страшен потому, что его последствия необратимы. Здесь и грех против Бога: человек, убивая другого человека, забывает о Боге, даже если он верующий. Есть тут и грех против себя самого.

В двух последних компонентах человек в будущем может кое-что изменить. Конечно, убийца не воскресит убитого, но может сам стать другим. Каким бы страшным ни было убийство, для убийцы всегда остается возможность перемениться.

Был в советские времена такой светлый человек, ныне покойный, Глеб Каледа. Доктор геолого-минералогических наук в миру – и тайный священник, на квартире у которого был храм. Уже в 90-е гг. он первым начал ходить в тюрьмы исповедовать приговоренных к смерти. О. Глеб однажды сказал, что, когда впервые шел к «смертникам», думал, что, да, конечно, за преступлением должна последовать расплата, смертная казнь. Но когда он начал слушать исповеди этих людей, понял, что, убивая их, мы делаем нечто страшное. Мы убиваем невинных. И дело тут не в возможной судебной ошибке, а в том, что на казнь приводится уже совершенно другой человек, изменившийся за годы, проведенные им в ежедневном ожидании исполнения приговора. По сути, у него только паспортное тождество с убийцей, когда-то совершившим преступление.

Грех же более тяжкий, чем убийство,– это отчаяние. Потому что отчаявшийся человек уже не может быть творцом своего будущего. Отчаяние – как фиксатор, удерживающий руки и ноги и мешающий выбраться из пропасти, в которую человек попал. Это – самый страшный грех, который совмещает убийство и самоубийство.

– А зависть, равнодушие, гордыня?

– Это тоже очень неприятные вещи, очень больно ранят, но их, как занозы, можно вынуть из своей души. А вот отчаяние тем и страшно, что, если человек ему отдался, он уже не может оперировать свою душу.

Нужно понять, что грех и преступление не одно и то же. Грех не сводится только к сфере наших межличностных отношений. Это не только некое негативное социальное действие в отношениях с другими людьми. Грех – это то, что в первую очередь происходит во мне самом.

В этом – отличие церковной этики от гражданского права. Очень верно это передал Фридрих Ницше: «И если

друг причинит тебе зло, скажи так: "Я прощаю тебе то, что сделал ты мне; но как простить зло, которое этим поступком ты причинил себе?"»*.

— Что страшнее: грешить против себя или против Бога?

— Это тесно взаимосвязано. Святой Исаак Сирин в VII в. сказал: «Грешник подобен псу, который лижет пилу и не замечает причиняемого себе вреда, потому что пьянеет от вкуса собственной крови». Так что прежде всего человек вредит себе самому.

Например, недавно я был в Якутии, видел алмазные шахты («трубки»). У людей крайне тяжелые условия работы — нехватка кислорода, холод, мало солнца и так далее. Огромные котлованы на сотни метров уходят в глубь Земли. В морозы они совершенно не проветриваются. Выхлопные газы от работающей там техники остаются внизу, и рабочим приходится ими дышать. Это вредно. И люди это знают. Тем не менее ради заработка они это делают. Это — грех против самих себя.

Грех ли это против Бога — не могу сказать.

Но религиозно-этический аспект появляется, когда речь заходит о детях. Детям приходится расти вдали от солнца. Получается, человек жертвует здоровьем, уже не только своим, но и других людей, ради денег, ради того, чтобы иметь возможность и квартиру побольше купить, и на курорте пошиковать.

Вот здесь и появляется возможность понять — зачем же религия нужна людям. Задача религии — освободить человека. Главное рабство — не в повиновении тому, что снаружи, а в подчинении тому, что изнутри. Разве на опасные производства людей сейчас доставляют под конвоем? Их там насильно кто-то удерживает? Нет и нет. Так почему они здесь? Они знают, что и им, и их детям здесь плохо. Зачем же они здесь? Их здесь

* *Ницше Ф.* Так говорил Заратустра. М., 1990. С. 77.

держит господин доллар. Нет, не бумажка. А отношение к этой бумажке — вожделеющее отношение, жертвенное отношение, служащее. Человек оказался рабом у этой своей похоти. Это и есть тот вопрос, который религия ставит перед человеком: то, чему он служит, то, чему позволяет себя контролировать,— достойно его человеческого призвания или недостойно? Или я служу тому, что ниже меня, или же тому, что выше меня. Соответственно, я — раб вещей, или же я — раб Божий. Если раб Божий, то больше ничей не раб, в том числе не раб своего социального имиджа, не раб своих «хотелок».

— Считается, что богатые, жертвуя большие деньги, могут откупиться от своих грехов. Так ли это?

— Можно, я отвечу анекдотом? Новый русский приходит к батюшке и спрашивает: «Батюшка, если я пожертвую 100 000 на строительство твоего храма, ты можешь гарантировать, что моя душа попадет в рай?». Батюшка по раздумье отвечает: «Знаешь, гарантировать, пожалуй, не могу, но попробовать стоит».

Этот же принцип провозглашала замечательная русская пословица «Глаза боятся, а руки делают». Иногда кажется, что работа невыполнима: ну нельзя прополоть все это поле до горизонта. Но ничего: ты начни работать, потом остановись, передохни и снова продолжай работать. А там, глядишь, и сделаешь все, что надо было сделать. Казалось, что невозможно — такой храм построить, детей столько воспитать... А ты — начни. А там и люди, и Бог помогут.

Так и здесь. Церковь не может никому выдать индульгенцию. Но если это пожертвование — хотя бы первый шажок на пути к покаянию и переменам в душе, значит, человек уже понимает, что ему недостаточно иномарок, костюмов, вилл и так далее. Он начинает чувствовать жизнь своей души. Это — начало самопознания, которое в конце концов может привести и к познанию Бога.

— Достаточно замолить грех — можно с чистой совестью жить дальше?

— Да нет в церковном богословии такого термина — «замолить грех». Нет тут математики — сколько молитв надо прочитать для отпущения вот такого-то греха. Но если человек начал такую молитву — это уже хорошо. Значит, он уже осознал нечто как свой грех и уже наметил движение своей воли в сторону, уводящую от этого греха. Это первый шаг. Но это еще не искоренение греха и не заживление его последствий. Болезненное воспоминание о том грехе должно оставаться навсегда. Чистая совесть только у людей с короткой памятью.

— А вредит ли душе кремация тела?

— Для посмертной судьбы человека образ погребения не имеет значения (не путать погребение с отпеванием). Многие христиане были растерзаны зверьми, растворены в серной кислоте или сожжены. Для Бога это не является препятствием в воссоздании нового человека. Как еще во II в. сказал Минуций Феликс: «Мы не боимся, как вы думаете, никакого ущерба при любом способе погребения, но придерживаемся старого и лучшего обычая предавать тело земле» (*Минуций Феликс.* Октавий. 34, 10).

Самой кремацией нельзя оказать влияния на человеческую душу.

Более важно знать мотив, по которому кремация была совершена. Если человек сознательно избрал такой путь своему телу после смерти — это значит, что он заранее не желал погребения по христианской традиции. Но если кремация была навязана после кончины, в ней не будет вины умершего.

И все же, хотя сожжение не грех, это не значит, что Церковь приветствует данный ритуал. Дело в том, что при сожжении исчезает столь значимая для христианства символика зерна: тело опускают в землю подобно зерну, которое может воскреснуть в новой космической весне.

Кроме того, заключение пепла в колумбарий оставляет человека в каком-то вечном коммунизме. К родственнику нельзя потом прийти один на один, подобно тому как это можно сделать за обычной кладбищенской оградкой.

Неодобрение Церковью кремации мотивировано не боязнью того, что сожжение повредит погребаемым; просто пастырское сердце видит, что для тех, кто сжигает своих близких, это действие неназидательно: оно всевает в душу скорее отчаяние, нежели надежду

— Правда ли, что собаку в дом пускать нельзя?

— Это одна из самых распространенных сегодня приходских сплетен: «Если дом освящен — поселяется Господь, а если пустили собаку в дом,— благодать Святого Духа уходит! У кого собаки живут в одном помещении с иконами, тот не должен допускаться к Причастию!»*. Но богословских оснований для столь категоричного мнения нет.

Библия не учит о несовместимости собаки и благодати. Когда Ангел Рафаил сопутствовал Товии, шла *и собака юноши с ними* (Тов. 5, 17). И Ангела это не отгоняло и не смущало.

Есть в Писании место, где собака оказывается символом блага: *какое общение у волка с ягненком? Так и у грешника — с благочестивым. Какой мир у гиены с собакою? И какой мир у богатого с бедным?* (Сир. 13, 21–22).

И нигде в Библии собака не именуется нечистым животным (равно как и кошка нигде не относится к животным чистым). Точнее, и собака, и кошка одинаково нечисты: *из всех зверей четвероногих те, которые ходят на лапах, нечисты для вас: всякий, кто прикоснется к трупу их, нечист будет до вечера* (Лев. 11, 27). В этом отношении собака приравнивается к человеку: прикосновение к трупу человека также считалось ритуально нечистым. Но еврейский закон, понимая неизбежность

*Угодница Божия Пелагея Рязанская. Воспоминания раба Божия Петра записал и составил К. В. П. // Жизнь Вечная. М., 1996. № 18.

такого рода контактов, предписывал и средства очищения. Новозаветная религиозность не видит в прикосновении к трупу человека скверны и греха (вспомним прощальный поцелуй в конце отпевания). Тем более не стоит видеть греха в прикосновении к живой собаке.

Святитель Фотий, Патриарх Константинопольский, пишет об именовании животных «нечистыми»: «Многое по природе очень хорошо, но для пользующихся становится большим злом, не из-за собственной природы, но из-за порочности пользующихся... Чистое стало отделяться от нечистого не с начала мироздания, но получило это различие из-за некоторых обстоятельств. Ибо поскольку египтяне, у которых израильское племя было в услужении, многим животным воздавали божеские почести и дурно пользовались ими, которые были весьма хороши, Моисей, чтобы и народ израильский не был увлечен к этому скверному употреблению и не приписал бессловесным божеское почитание, в законодательстве справедливо назвал их нечистыми — не потому, что нечистота была присуща им от создания, ни в коем случае, или нечистое было в их природе, но поскольку египетское племя пользовалось ими не чисто, но весьма скверно и нечестиво. А если что-то из обожествляемого египтянами Моисей отнес к чину чистых, как быка и козла, то этим он не сделал ничего несогласного с настоящим рассуждением или с собственными целями. Назвав что-то из боготворимого ими мерзостью, а другое предав закланию, и кровопролитию, и убийству, он равным образом оградил израильтян от служения им и возникающего отсюда вреда — ведь ни мерзкое, ни забиваемое и подлежащее закланию не могло считаться богом у тех, кто так к нему относился. Итак, миротворение Божие произвело все создания весьма хорошими и природа всего — самая наилучшая. Неразумное же и беззаконное людское употребление, осквернив многое из созданного, заставило что-то считаться и называться нечистым, а что-то, хотя и избежало наименования нечистого, дало повод боговидцу предусмотреть другой способ пресечь их оскверне-

ние, чтобы тем и другим образом изъять из мыслей израильтян многобожие и добиться безупречности. Ведь и наименование нечистого, и использование, отдающее жертвенное [мясо] чреву, не позволяет мыслить и даже просто вообразить в них нечто Божественное или почтенное»*.

Церковная история также позволяет молвить словечко в защиту собак: в 1439 г. во Флоренции проходил собор, заключивший унию католиков с православными. В последний день собора, когда и зачитывался сам акт об унии, у ног византийского (православного) императора лежала собака. И вот, когда начали читать этот документ, который с точки зрения Православия был предательским, пес залаял так, что никто не смог его остановить. Дело, кстати, происходило в храме. И пес был единственным в тот день и в том месте, кто возвысил свой голос в защиту Православия...**

А вот добрый взгляд церковного иерарха (будущего Патриарха) на собак: «По городу масса собак, все самой подлинной камчатской породы, мохнатые и здоровые. На них наши сибиряки ездят зимой. Питаются эти достойные животные по-монашески рыбой и обнаруживают полнейшее равнодушие к переменам погоды. Я долго любовался на одного пса, который преспокойно почивал под проливным дождем, хотя всего два шага было до сарая. Пожалуй, и Диоген позавидовал бы этому собачьему стоицизму, хотя и носил почетное звание киника (кион, собака)»*** .

Так что не традиция, а невежественный модернизм стоит за противоположными наставлениями: «“Если в частном доме живет во дворе собака, можно ли с ней общаться, гладить и

---

* *Святитель Фотий, Патриарх Константинопольский.* Амфилохии // Альфа и Омега. 1997. № 3 (14). С. 81–82.

** См.: *Гиббон Э.* Закат и падение Римской империи. М., 1997. Т. 7. С. 299; со ссылкой на греческого свидетеля тех событий, историка Сиропула.

*** *Архимандрит Сергий (Страгородский).* По Японии: Записки миссионера. М., 1998. С. 49.

кормить накануне своего Причастия?".– "Накануне в день Причастия к собаке подходить не надо. Также гладить нельзя, а если погладили случайно, вне Причащения, сразу надо мыть руки с мылом и сполоснуть святой водой".– "А что если за день до Причастия дотронулся до собаки, то, помыв руки святой водой, можно ли причащаться?".– "Нет, причащаться нельзя"»*.

Неприязнь к собаке имеет не церковное, а языческое происхождение. «Собака по неясной причине обычна в семантическом ряду смерть – преисподняя – земля»**.

Мистические причины негативного отношения некоторых язычников к собакам неясны, а вот бытовые причины вполне понятны. От собаки несет «собачиной». Собаки спокойно ложатся в грязь. Суки во время течки в отличие от кошек не вылизывают себя и оставляют следы. Собаки могут сходить с ума (и тогда пожирать своих щенков). Но в конце концов, все это не неизбежно.

Да, в традиционном хозяйстве места животных были распределены разумно и ясно: пес охраняет дом снаружи, кот – изнутри. Но у наших квартир нет «приусадебных участков». Так что собаку приходится пускать внутрь.

И польза от пребывания собаки в современном доме бывает вполне очевидной. Сегодня домашний пес стал средством ко вполне христианскому воспитанию детей. «Ты просил щенка? Так и заботься о нем и иди с ним гулять!».

Столь же очевиден и вред от изгнания собаки «во имя веры». Если бабушка, настроенная на борьбу с собакой каким-либо «духовным наставником», приезжает домой и, пользуясь отсутствием дома детей и внуков, изгонит вон их любимого щенка, то что потом будут думать ее дети и внуки о вере самой бабушки, о том «наставнике», что внушил ей эту «премудрость», и вообще о Православии?

---

* Ответы архимандрита Георгия на вопросы мирян // Исцелись верой: Светско-православная семейная всероссийская газета. Тимашевск. 2001. Октябрь.

** *Дьяконов И.* Архаичные мифы Востока и Запада. М., 1990. С. 163.

Ну да что тем ревнителям до слез детей и до судьбы их душ: они ходят гордые тем, что отстояли «церковное Предание»! Причем — мнимо церковное.

Церковь просто не стала спорить с этим языческим суеверием. Но по прошествии веков то, что Церковь просто терпела, вдруг стало выдаваться за то, к чему сама Церковь призывает!

И еще один интересный рассказ, связанный с собакой, находим в раввинистическом предании. Текст книги Исход: *мяса, растерзанного зверем в поле, не ешьте, псам бросайте его* (Исх. 22, 31) — здесь поясняется так: это награда от Бога псам за то, что те не лаяли во время ухода евреев из Египта...*

— Есть ли в церковном учении ответы на вопросы: для чего Господь создал животных, какое место занимают они в Его Промысле?

— Никакого специального учения Церкви об этом нет. Но Господь делает все для пользы человека и для его радости. Согласно «Шестодневу», животные созданы, чтобы служить человеку — первые главы книги Бытия основаны на радикально антропоцентрической позиции: человеку дается Божие повеление наполнять землю и владеть ею. Но в Псалтири или в Книге Иова появляется другая нотка. Там мы видим бегемота, который оказывается совершенно не антропоцентрическим существом, а напротив, несет угрозу для человека, но Господь ему тоже радуется. Здесь оказывается, что, по слову Книги Иова, *длиннее земли мера Его* (Иов. 11, 9). Оказывается, у Господа есть Свое эстетическое чувство, Свои масштабы, а Его мысли уже не мысли человека. Так что, я думаю, по окончании мировой истории, если мы сможем стяжать ум Христов, мы узнаем нечто новое о животном мире, чем то, что мы о нем думаем сейчас.

---

* См.: Собака // Еврейская энциклопедия. М., 1991. Т. 14. Стб. 419.

— А что становится с душами животных после смерти?

— Дело в том, что Церковь вполне унаследовала учение Аристотеля о разных типах душ. Есть души растительные, у животных — животная душа, у человека есть и растительная, и животная душа, и, кроме того, есть душа человеческая и Дух Божий. Поскольку Господь не предназначал животных для бессмертия, душа животного, то есть тот принцип, который оживотворяет его тело, исчезает вместе с телом. В нашей реальной жизни животные нужны нам как помощники, но если в Царстве Божием наш помощник — Господь, то там будут не нужны ни лошади, ни «мерседесы»; животные нужны нам как школа любви и заботы, но, если ты попал в Царство Божие, там уже не нужно возвращаться на эти первые ступеньки.

— Кроме того, что животные помогают людям, они же служат нам пищей. Каково отношение Церкви к употреблению мяса? Можно ли сравнивать благочестивое воздержание от мяса с вегетарианством?

— Что касается отношения Церкви к мясу, то оно вполне терпимое. Христос вкушал мясо, хотя бы потому, что Он соблюдал иудейские установления, а по иудейским установлениям, во дни пасхальных трапез обязательно нужно было жертвенного агнца снедать, причем целиком, так что к утру оставались только косточки. Мы видим, что Христос ловит рыбу, и Апостолы ловят и вкушают ее. После потопа Господь говорит Ною и его сыновьям, что теперь всякая плоть на земле вам в пищу, вкушайте ее (см.: Быт. 9, 3). Так что у Церкви никогда не было проблем в отношении к мясу. Православные посты и монашеские уставы, которые призывают воздерживаться от мясной пищи, не имеют ни малейшего отношения ни к какой философии. Здесь чисто физиологическое обоснование. Просто плотная, энергетически насыщенная белковая пища создает определенные затруднения в борьбе с движениями своей собственной плоти.

— Широко известно ветхозаветное разделение животных на чистых и нечистых. Чем оно мотивировано и сохраняется ли оно доныне?

— Если бы такой вопрос мне задал семинарист, то я сразу поставил бы ему два балла. Во-первых, дело в том, что само деление на чистых и нечистых совершенно четко снимается в Деяниях апостольских, в видении сотнику Корнилию и апостолу Петру, во-вторых, деление животных на чистых и нечистых в Ветхом Завете имело исключительно кулинарный характер. Когда я сегодня слышу от некоторых прихожан, что собака нечистое животное, а кошка чистое, я хочу спросить: «А как вы кошек готовите?». Вопрос о том, к кому из животных можно прикасаться, а к кому нельзя, в Ветхом Завете нигде не ставится.

— Нынешний городской человек не нуждается в услугах лошади и не может содержать во дворе теленка. Обыкновенно в городских квартирах живут кошки, собаки, волнистые попугайчики да черепахи. Что полезного, на Ваш взгляд, может извлечь христианин из общения с этими «меньшими братьями»?

— Для современного горожанина общение с животным — это, прежде всего, школа любви и заботы. Естественно, что если в доме детей куча-мала, то они сами проходят опыт сосуществования и заботы друг о друге, хотя временами и дерутся. К сожалению, в современных семьях детей очень мало, и очень часто животные выступают как суррогаты детей. Наверное, это плохо. Плохо, когда взрослые заводят животное, вместо ребенка, но если сам ребенок просит: «Мама, роди мне братика или щеночка»,— и мама дарит ему щеночка, то для него это хорошо. Было бы лучше, если бы был братик, но щенок лучше, чем ничего. В таком случае надо ему объяснить: «Смотри, рядом с тобой есть живое существо, за которое ты отвечаешь. Нравится тебе или не нравится, ты идешь с ним гулять, ухаживаешь за ним, думаешь о нем, болеешь вместе с

ним». Тогда это будет первая школа привязанности и первая школа любящей заботы. Сначала это животное, потом это будут друзья. Потихонечку человек пройдет такую школу любви и, может быть, научится любить Бога.

— А можно ли христианину заниматься боевыми искусствами?

— Пока это физкультура — занимайся, но как только запахло философией — оставь. Если тебя учат бить правой пяткой по левому уху — это нормально, а вот как только начинают говорить, что перед началом тренировки надо поклониться духу этого зала, здесь надо уметь уйти. Если начались уроки медитации, концентрации энергии, стоит подумать о самообороне души. На таких основах святителем Николаем Японским была создана секция дзюдо в Токийской семинарии, причем занимались в ней не только японские, но и русские мальчики.

А двадцать лет назад один монах из Троице-Сергиевой Лавры рассказывал мне, как именно через спорт он пришел к Богу. Во время учебы в университете он серьезно занимался карате. После очередной победы на турнире тренер сказал ему: «Ты знаешь, Саша, тебе настала пора принимать решение. Если хочешь идти в нашем спорте дальше, то учти, что на следующем уровне скорость боя будет такова, что думать будет просто некогда. Твоя реакция должна стать автоматической. А для этого тебе нужно учиться не думать. Надо будет уметь отключать свое сознание. Тебе теперь необходимо овладеть такой техникой медитации, которая привела бы к твоему самоустранению, позволила бы стереть твое самосознание, твою личность». Теорию йоги и буддизма тогдашний Саша уже знал. Теперь его призвали к практике. И он подумал: «А не слишком ли это большая цена за успех в спорте?». К этому времени он уже понимал, что мир религии — что-то достаточно серьезное. И занялся поисками такой религии,

которая бы не стирала, а напротив, сохраняла личность человека для вечности. В итоге пришел в христианство. А поскольку и университетская математика, и спорт приучали его к последовательности, он пошел и дальше — в монашество.

— А каково Ваше отношение к спорту и физкультуре?
— К физкультуре хорошее. К спорту — плохое*.

— Может ли православный делать зарядку, бегать или заниматься аэробикой?
— Все эти зарядки и аэробики — это все наша плата за очки, высшее образование и так далее. Если б мы жили в деревне, если б надо было с утра натаскать бочку воды, пропахать грядочку, наколоть дрова — то никакие зарядки не понадобились бы. Но если уж нам так не повезло, что мы живем в доме с лифтом, с водопроводом и так далее и работа у нас сидячая... Важно: взамен чего? Если ты делаешь физзарядку вместо молитвы — это плохо; а если физзарядка у тебя вместо утренней «телепросмотрушки» — то это хорошо.

— Можно ли православным ходить на дискотеки, можно ли танцевать?
— Я уже достаточно стар: мне хочется при слышании такого вопроса гневно осудить и заклеймить... Но все же в Библии сказано: *веселись, юноша, в юности твоей, и да вкушает сердце твое радости во дни юности твоей, и ходи по путям*

* «Для поддержания здоровья личности и народа весьма важны профилактические мероприятия, создание реальных условий для занятия физической культурой и спортом. В спорте естественна соревновательность. Однако не могут быть одобрены крайние степени его коммерциализации, возникновение связанного с ним культа гордыни, разрушительные для здоровья допинговые манипуляции, а тем более такие состязания, во время которых происходит намеренное нанесение тяжких увечий» (Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. 11, 3).

сердца твоего и по видению очей твоих (Еккл. 11, 9; с продолжением: *только знай, что за все это Бог приведет тебя на суд* [Там же]). И под этим юношеским весельем вряд ли подразумевается радость от чтения акафистов...

Разговор о дискотеках повергает меня в некоторое затруднение — потому, что слово «дискотека» имеет разные смыслы. Дискотека моей молодости — это одно. Дискотека современной молодежи, боюсь, это нечто совсем другое. Потому что самое страшное, что было на дискотеке моей поры, это бутылка пива. Сегодня, говорят, там бывает «травка» и еще что-то наркотическое.

Что же касается танца... Если просто магнитофон ставится на пенек, и на волейбольной площадке начинается топтание по кругу, то назвать это танцами нельзя. Ребята, вы же танцевать не умеете! Переминание с ноги на ногу — это не танец. Это сексуальные контакты первого рода, не танцы, а «прижиманцы». Идеальный же православный танец — брейк-данс. Во-первых, никаких тебе партнеров, строго монашеское поведение, во-вторых, огромные затраты энергии, и после этого хороший сон у подростков. То есть нормальная физзарядка.

— Скажите, Вы ведь, наверняка, как служитель Церкви, против употребления так называемых матерных слов.

— Человек должен идти к свободе. Свобода есть некое самовластье, на греческом это ἐξουσία («экс-усия»), что означает существование из себя самого. Человек обязан защищать свою свободу в том числе и от самого себя. Очень наивно считать, что свобода — это только свобода политическая. Свобода — это свобода и от своих реакций, точнее — защита от их навязчивости, предсказуемости, неуклонности. Знаете, в диккенсовских «Посмертных записках пиквикского клуба» есть такой персонаж — мистер Пиквик,— человек, я бы сказал, православной комплекции. Так вот, он куда-то торопился и остановил кэб на улице. Когда он в него уселся, то заметил, что кэбмен тоже человек не слабого телосложения, а лошадь — такая

дохлая претощая кляча. И мистер Пиквик спрашивает кэбмена: «Простите, милейший, а эта кляча нас довезет или нет?». На что кэбмен отвечает: «Не извольте беспокоиться, сэр. Главное — заставить сделать ее первый шаг, после этого кэб набирает скорость и кляча убегает от него, чтобы он ее не задавил»[6]. Вот это и есть принцип наших отношений с нашей собственной эмоциональной жизнью, когда внешние обстоятельства или наши стереотипные реакции подгоняют нас и сами за нас решают, что мы скажем и что мы сделаем. И нужно научиться держать дистанцию по отношению к своим привычкам и стереотипам. Так что о речевой культуре я скажу просто: «За базар ответишь». Человек — это существо, которое должно научиться контролировать все аспекты своей жизни. Если ты хочешь быть по-настоящему свободным, бери под свой контроль все, с чем ты связан, в том числе — свои эмоции и речь.

— В нашем городе есть лечебный центр «Аюрведа», где помогают избавиться от ряда болезней препаратами фирмы «Дабур» (Индия). В основе этих препаратов травы и специи. Надо сказать, результат положительный (мы судим по улучшению здоровья близких, знакомых, которым традиционное лечение не помогло). Скажите, возможно ли православным принимать такие препараты? Находит ли Православие точки соприкосновения с восточной философией?

— Если те, кто дает вам такое лекарство, не сопровождает его продажу оккультными терминами и лекцией по индийской философии, а вы сами видите в этом снадобье лишь его химическое действие (а не «энергетическое» или «духовное») — то, наверно, можно. Если прямо при продаже ничего «магического» вам не объявлено — то следует держаться совета апостола Павла: *ешь все без исследования* (ср.: 1 Кор. 10, 25). Но поскольку получили вы этот продукт из рук язычников — такие вещи надо сугубо освящать кроплением святой водой и крестным знамением. И лучше покупать такие лекарства через обычные аптеки,

чтобы ваши деньги не шли на финансирование деятельности языческой секты. Пусть будет дороже, но все же вы будете передавать свои деньги не языческому проповеднику, а обычному светскому соотечественнику.

— Имеет ли курение какой-то мистический смысл?

— Я имел возможность наблюдать в действии рекламный слоган: «Курить — бесам кадить». Дело было в Китае. Меня завели в один даосский монастырь. И там была часовня с некоей «черной бабушкой». Никто толком не смог сказать мне, что за миф с ней связан. Просто женская фигура, вырезанная из черного дерева. Возле нее столик-жертвенник, на который кладут пожертвования: бутылки водки, апельсины, яблоки и так далее. Как у нас панихидный столик (только у нас водку не кладут).

...Я вот иногда думаю — какая хорошая у меня была бы жизнь и карьера в Китае! Там сейчас модно перед каждым супермаркетом, гостиницей и тому подобным ставить статую божка богатства, а перед ним вот такой жертвенник. Бог богатства, конечно, должен обладать заметным животиком. И вот я думаю, что если бы я (с точки зрения китайцев — образцовый русский: если тот иероглиф, которым китайцы обозначают нас, разложить по смысловым компонентам, то получится — «большие северные волосатики») там остался, я мог бы подрабатывать таким вот сидением в позе лотоса с выкаченным вперед животом. За одно лишь сидение перед входом в магазин мне бы подавали немало...

Ну да что мечтать попусту! А вот в том даосском монастыре, в Шэньяне, перед идолом была коробка с песком. Это обычно на Востоке: в этот песок втыкают палочки, называемые благовонными (кстати, эти ароматные палочки делаются из коровьего навоза). Но в данном случае роль этих «вонючек» выполняли зажженные си-

гареты. Их закуривали и втыкали в песок фильтром вниз — и так они догорали. Это было буквально: курить — бесам кадить.

Но из того, что кто-то использует табак или сигарету в черном культе, не следует, что любой курящий человек участвует в этом культе. И язычники возжигали ладан перед своими статуями, но это не мешает нам приносить ладан своему Господу. Или то же золото, деньги. Сатанисты их жертвуют на свои черные дела, а мы те же самые купюры и монеты приносим на нужды нашего храма. Так что я не думаю, что в курении есть какая-то мистика. Ясно, что ничего хорошего в этом нет. Но и «демонизировать» все сразу не стоит. За пределами Церкви не сразу начинается сатанизм. Есть какое-то просто человеческое пространство: человеческих заблуждений, поиска, ошибок, немощей или, напротив, добродетелей чисто человеческих.

Были святые, которые курили. Например — святитель Николай Японский. В его дневниках есть замечательная запись: «Вечером скучно было и хотелось курить, а между тем бросил с воскресенья — более чем 20-летнюю привычку не легко бросить»*. Значит, большую часть своей жизни святитель курил. Что не мешало ему быть истинным Христовым Апостолом. Ну а уж отношение последнего русского императора к курению всем известно.

Со своей стороны могу заметить, что предметом моей острой профессиональной зависти является статус профессоров Московской духовной академии XIX века. В день получки они расписывались в нескольких ведомостях: кроме зарплаты, они получали деньги на оплату квартиры, на приобретение книг, и отдельная графа была — на табак (завидую я не последнему, а предыдущим пунктам).

---

* *Святитель Николай Японский.* Запись в дневнике от 01.04 1880 г. // Праведное житие и апостольские труды святителя Николая, архиепископа Японского, по его своеручным записям. СПб., 1996. Ч. 1. С. 241.

Действительно, русское духовенство XIX в. не чуждалось табака*, и это приводило к определенному курьезу. Знаменитый психолог Владимир Бехтерев отмечал, что в ту пору некоторые кликуши боялись запаха табака (кликушество — это когда баба начинает кричать, что она испорченная, и выкликает имена тех, кто якобы на нее «порчу» навел). Кликуши боятся всякой святыни. И соответственно, у них бывает «кричащая» реакция, реакция сопротивления на появление православного батюшки, на запах ладана, на мощи, на святую воду. И вот в этом же ряду такую же реакцию вызывал у кликуш запах табака**.

Кто может объяснить, почему кликуши в России XIX в. боялись не только запаха ладана, но и запаха табака? Для ответа нужно поставить другой вопрос: а от кого *не* пахло табаком в ту пору? Атеистов в стране не было. А вот религиозные люди делились на православных и неправославных. Не курили как раз сектанты — староверы и штундис-

---

* «В середине 50-х гг. <XIX в.— *А. К.*> Московскую духовную академию посетила одна высокая особа, очевидно царского дома, и осталась недовольна тем, что в помещении студентов было накурено табаком. Митрополит... написал обращение к студентам, где старался выяснить вредные стороны табакокурения... Он пожелал знать, что думают и как относятся к его словам ректор академии, наместник Лавры и даже студенты... Академия, очевидно, осталась недовольна замечаниями и некоторое время ничего не отвечала митрополиту. Это обеспокоило его, и он чрез письмо начал выведывать у архимандрита Антония <наместника>, как принято его обращение в академии...

Митрополит старался внушить академии, что на его письмо о табакокурении не нужно смотреть как на начальственный приказ, а как на вызов обсудить дело... “Предписания... нет, а писано рассуждение... И не запрещение и надзор имел я в виду, а... чтобы студентам сообщены были рассуждения, которые побудили бы их самих вывести заключения”» (*Лебедев А.* Великий и в малом Московский митрополит Филарет. М., 1999. С. 34–35).

** См.: *Бехтерев В.* Предисловие // *Краинский Н.* Порча, кликуши и бесноватые... С. III.

ты (баптисты). «Господа, не нюхающие табаку»,— как называл их Василий Розанов. Соответственно, запах табака в России XIX в.— это был запах человека, принадлежащего к православной вере, и бесы на это реагировали.

Естественно, я не в защиту табака это говорю. Просто не люблю примитивно-листовочных решений. Вроде того, что оттуда, где лежит сигарета, благодать точно уходит.

Скорее всего, по мысли святителя Феофана Затворника, курение — это не грех, это греховное пристрастие*. Некое издевательство над самим собой. И свидетельство несвободы. Ведь самый главный тиран — во мне самом. И самая страшная несвобода — от себя самого. Курение в каком-то смысле полезно — как обнажение марионеточности курящего. Ведь самое важное для христианина — узнать правду о себе самом. «Господи, даруй мне зрети моя прегрешения». Мы себе кажемся замечательными, свободными, «белыми и пушистыми». Но попробуй бросить курить, и посмотрим, как тебя будет корежить, надолго ли твоей хваленой свободы хватит. Для вдумчивого человека борьба с курением может показать правду о себе самом. Знание правды — это всегда хорошо. В отличие от курения.

А вот чего не стоит делать — не надо сводить свою христианскую веру к борьбе с подобными мелочами. Это как некая старая кожа, она сама собою отпадает. Если идет нормальное духовное взросление, это становится неинтересно, невкусно.

---

* «Курить или не курить есть дело безразличное, по крайней мере наша и общая совесть считает это таким. Но когда некурение связывается обещанием, тогда оно вступает в нравственный порядок и становится делом совести, неисполнение которого не может не мутить ее <...> На что вязать ее обетом? Говорить надо: "Постой, дай-ка попробую бросить, Бог даст, слажу". Встречали ли вы у святых старцев совет: не вязать себя обетом? Вот таких именно дел это касается» (*Святитель Феофан Затворник.* Собрание писем. Вып. 2. С. 240).

— Если на других планетах будет обнаружена разумная жизнь, это как-то повлияет на Православие?

— Во времена Апостолов понятия не имели об антиподах — обитателях Австралии, Америки. «Тому же, кто рассказывает, будто существуют антиподы, то есть будто на противоположной стороне земли, где солнце восходит в ту пору, как у нас заходит, люди ходят в противоположном нашим ногам направлении, нет никакого основания верить» — наставлял блаженный Августин (*Блаженный Августин.* О Граде Божием. 16, 9).

Оказалось, что имели место целые культуры, о существовании которых никто из людей Библии не предполагал. И что? Христианство их совершенно спокойно приняло, и нельзя даже сказать, что оно адаптировалось к этим культурам. Христианство — оно и в Австралии осталось христианством.

Если инопланетяне окажутся существами, наделенными разумом, свободой воли, плотью,— значит, все, что христианство говорит о людях, оно скажет и о них. Этот вопрос обсуждал еще Ломоносов. Когда в XVIII в. была открыта атмосфера на Венере, Ломоносов предположил, что там могут быть люди. Если же они там есть, то одно из двух: или они, подобно нам, впали в грех или не впали. Если они не грешники, то Голгофская жертва Христа им не нужна, они и так с Богом живут. А если они грешники, тогда искупительная жертва Христа принесена и за них тоже,— как и за народ эрзя, о котором Апостолы знали не больше, чем о жителях Венеры.

В 1845 г. поэт Виктор Аскоченский те же думы изложил в стихах:

Небо голубое
Убралось звездами:
Хочется узнать мне,
Что это за звезды.
<...>

Кто в них обитает –
Ангелы ль Господни,
Души ли отшедших,
Аль иные твари?
<...>

Знают ли жильцы те
Бедствия паденья?
Было ли для них там
Дело искупленья?

Темен, непонятен
Хитрая наука
Шлет ответ мне смелый,
Разум изумляя.

Но вопрос не тронут,–
И сомненье в сердце
Голосом тревожным
Думу порождает*.

Не могу отказать себе в удовольствии привести слова из писем святителя Феофана Затворника. В 1863 г. он написал:

«С удовольствием готов сказать Вам слово-другое в устранение Ваших недоразумений.

Вы уверены, что все небесные тела населены разумными существами, что эти разумные существа подобно нам, по склонности ко злу (уж почему бы не сказать, как падшие), имеют нужду в средствах ко спасению, что средство это и для них одно: изумительное строительство смерти и воскресения Христа Бога. Из этих мыслей вытекает у Вас неразрешимое недоумение: как мог Господь Иисус Христос быть для них Спасителем? Неужели мог Он в каждом из этих миров воплощаться, страдать и умирать? Неумение решить этот вопрос беспокоит и колеблет веру Вашу в Божественность Домостроительства нашего спасения.

Что такие мысли колеблют и беспокоят Вас – это по собственной Вашей вине, а не по свойству мыслей. Эти

* *Аскоченский В.* Стихотворения. К., 1846. С. 74–76.

мысли – цепь мечтаний, не представляющих ничего несомненно верного, а Домостроительство спасения есть дело несомненно верное, доказавшее и постоянно доказывающее свою Божественность. Можно ли позволять, чтоб эту твердыню колебали мечтательные предположения?

Хоть Вы издавна содержите мысль о бытии разумных существ на других мирах и хотя она имеет много за себя,– но все же она не выходит из области вероятных предположений. Очень вероятно, что там есть жители,– но все только вероятно. Сказать "есть" не имеете права, пока не удостоверитесь делом, что есть. Правильнее выражаясь об этом, я говорю так: вероятно, есть; а может быть, и нету. Мореплаватель подъезжает к острову: все признаки показывают, что там есть жители,– но всходит на него и ничего не видит. Да что о мореплавателях! Перенеситесь мыслию к первому времени, когда люди еще не размножились: на каждом почти шагу Вы встретили бы местность с признаками несомненной обитаемости, а между тем жителей не было нигде. Так и относительно тел небесных много имеется намеков, будто они обитаемы. Что удивительного, если они еще ждут своих обитателей или их совсем там не будет: кто знает, чего хочет Господь относительно них! Надо бы побывать там, посмотреть и удостовериться делом,– тогда, пожалуй, смело можно говорить, что "есть", а без того нельзя больше сказать, как – "может быть". Но то, что "может быть", нельзя ставить в возражение против того, что фактически, верно "есть".

Защищать истину против придумываемых вероятностей есть то же, что бороться с призраками. Вот почему Вы ни в одной богословской солидной книге не найдете опровержения своему возражению. Богословы не считали разумным делом опровергать мечты. Вот теперь у нас польское восстание. Вы командуете отрядом, подходите к лесу, слышите шум, видите дым кое-где и людей с топорами. По всему видно, что тут мятежники. Однако ж, если бы

ни с того, ни с сего Вы начали правильную атаку,— Вас не похвалили бы. Вы могли атаковать мирных жителей, рубящих лес. Вам надо наперед удостовериться, что там мятежники, разведать их число и положение – и тогда уже действовать против них. Зачем вступать в борьбу, когда нет нападений действительных, а только кажущиеся?

Так и здесь: доведите до очевидности, что есть жители на телах небесных, тогда и начнем опровергать все возникающие из того возражения против святой веры нашей.

Так как существование жителей на планетах есть только вероятность, а область вероятности неизмерима, то относительно них открывается охотникам мечтать широкий простор. Вот и Вы сам, может быть не замечая того, пустились в мечты, лишь только дали силу предположению. Предположив, что есть разумные твари на других мирах, Вы начинаете рисовать их быт, не имея к тому никаких данных. Вам следовало остановиться на предположении о существовании, на которое есть намеки, и сказать, что далее идти нельзя по недостатку данных; а Вы пошли далее. Дух пытливый покою Вам не давал и увлек Вас. Но пусть и так – беды еще нет большой – помечтать, но поддаваться влиянию мечты – опасно. Следовало бы, по крайней мере, правильно вести свои мечты. Сказали бы себе, примером, так: существование разумных тварей на планетах очень вероятно, но что бы такое они были и каково им там?.. Решая это, Вам следовало придумывать разные предположения, не останавливаясь ни на одном, а считая вероятным и то, и другое, и третье, потому что нет никакого основания останавливаться на одном каком-либо. А Вы взяли одно предположение, заимствовав его от нас, да и стали на нем. У нас было падение – ну и там, мы склонны ко греху – ну и те; у нас нужно Домостроительство спасения – нужно и там; у нас Единородный Сын Божий благоволил воплотиться – и там уместен только этот способ спасения.

А Вам следовало бы идти в своих предположениях так: положим, что есть разумные жители на других мирах; что ж они — соблюли ли заповеди, пребыли ли покорными воле Божией или преступили заповеди и оказались непокорными? Вы не можете сказать ни того, ни другого; а я думаю, что или согрешили, или не согрешили, ибо и наших прародителей грех не был необходимостью, а зависел от их свободы. Они пали, но могли и не пасть. Так и жители других планет: могли сохранить заповедь, могли и не сохранить. Если они сохранили, то все дальнейшие мечты о способах их спасения прекращаются сами собою: они пребывают в первобытном общении с Богом и святыми Ангелами и блаженствуют, находясь в том состоянии, какого чаем и мы по воскресении. Но Вы признали их падение несомненным и пошли далее по этой дороге. Хорошо, положим, что и там было падение; но, не зная меры их греха, можем ли мы сказать что-нибудь и о способах восстановления их и спасения? Может быть, их грех так мал, что обошелся легкою мерою исправления; а может быть, так велик, что исключает всякую возможность поправить дело. Пример мы видим на нечистых духах. Все такие случаи надлежало иметь вам в виду и все-таки не останавливаться ни на одном, так как они все лишь вероятны.

Наконец, способ восстановления у вас один: воплощение Бога, Его крестная смерть и Воскресение. Мы веруем, что и у нас Домостроительство спасения было свободным делом Божественной благости, а не делом какой-либо вынужденной необходимости. Чрезвычайный образ восстановления у нас приспособлен к обстоятельствам нашим: но все же мы не можем сказать, чтоб он был актом необходимым. У Бога бездна премудрости. Церковь поет: "Пришел еси от Девы, не ходатай, ни Ангел, но Сам, Господи, воплощься". Стало быть, возможно было и ходатаю, и Ангелу быть спасителем. У нас угодно было Самому Господу прий-

ти воплотиться; а там, может быть, совершил дело спасения ходатай, или Ангел, или еще кто. Если Вы потрудитесь пройти всю эту цепь мечтаний, то, конечно, не придете к вопросу: как же и там возможно спасение чрез Господа Иисуса Христа? Ужели и там Он воплощался? Если трудно решить этот вопрос, то признайте там уместность другого способа восстановления падших; ведь нет никакой необходимости стоять на одном. В нашей воле остановиться мысленно на том или другом предположении. Но и при этом держитесь той мысли, что все эти предположения, мечты, в которых нет ничего несомненно верного. Следовательно, и возражение, идущее от таких мыслей против святой веры, основанной на действительных фактах, состояться никак не может. Дойдите прежде сами и затем доведите нас до верного познания о бытии и состоянии жителей других миров, тогда мы займемся с Вами и решением вопроса о их спасении; тогда, если Вы построите возражение против нас,– оно будет возражение дельное, стоящее опровержения; а до тех пор – что себя беспокоить?

Вы приняли и остановились на одном течении мыслей; а их возможно множество. Допустив населенность разумными существами других миров, Вы полагаете, что они там тоже сотворены; а может быть, не сотворены, но переводятся туда именно с земли? Земля определена быть рассадником жизни для всех планет. Как на земле первоначально из одного места расселились люди по всем обитаемым странам земли, так с земли наполняются жителями все тела небесные. *В дому Отца Моего,*– сказал Господь,– *обители многи суть* (Ин. 14, 2). Почему не признать этими обителями небесные тела? Почему не допустить, что люди, по смерти, живут на той или другой планете, на том или на другом солнце и, по страшном суде, водворятся там вечно со своими телами? Скажете: отчего же такая честь маленькой земле? Для Бога в тварях нет ничего ни большого, ни маленького.

Он всех тварей Своих любит и о всех них равно печется. Если Он положил, чтобы на одной какой-либо планете был рассадник жителей, то для Него все равно какую бы ни избрать для этого. И какое тело Вы ни возьмите, все останется вопрос: почему оно избрано? Ибо всякое из них, в сравнении с целым мирозданием, будет ничто. Против такого предположения, как предположения, сказать нечего.

Далее, предположив бытие жителей на других мирах, ничто не мешает предположить, что они пребыли в воле Божией, сохранили себя в святости и чистоте, не нарушали заповеди Божией и не взбунтовались против Бога, как это случилось на нашей планете. Взбунтовалась одна земля, а прочие миры остались совершенно спокойны. Но Бог, Которому дорога всякая тварь, не бросил нас, а устроил способ нашего восстановления, который приемля благоговейною верою мы спасаемся. В притче пастырь оставляет девяносто девять овец и идет искать одну... Но нельзя допускать и ту мысль, что когда о Земле такое попечение, то другие миры забыты, и что, после сделанного у нас, там и делать ничего для них не остается. Цель творения есть слава Божия, или явление беспредельных совершенств Божества. У нас они явлены наипаче в Домостроительстве спасения, а на других мирах они являются другими способами. Если предположить другой образ бытия разумных тварей и облаженствование их, то уж прямее предположить устояние их в своем чине, светлое состояние блаженных.

Но пусть и пали. Нет основания думать, чтобы им неизбежно нужно было воплощение, чтоб оно совершилось на каждой планете. Сила воплощения и искупительная жертва спасают нас чрез усвоение их верою. Почему не предположить, что искупительная жертва, совершенная на земле, подействовала благотворно и на другие миры? Почему не предположить, что и тамошние разумные твари приняли ее верою и таким образом спасаются? В способах сообщения и произведения веры у Господа не может быть недо-

статка: есть даже Ангелы, в служение посылаемые за хотящих наследовать спасение. Все планеты состоят между собою в связи и взаимовлиянии, для нас неведомом. Чтобы какая-нибудь из них была исключена из этого союза, этого предположить нельзя. Если физически существует такой союз – то почему же не предположить нравственного? Если в физическом отношении одно тело влияет на все прочие, с какими оно состоит в связи, то отчего же не допустить того же и в отношении нравственном?

Вот все, что пришло мне в голову сказать Вам в успокоение Ваше; и, однако ж, не забывайте, что все это лишь предположительные мысли, без которых не только можно, но и должно обходиться. *Видим убо ныне якоже зерцалом в гадании; а узрим лицем к лицу тогда!* (ср.: 1 Кор. 13, 12). *Вышших себе не ищи,*– говорит Премудрый,– *а яже ти поведанная, сия разумевай: несть бо ти потреба тайных. Многи бо прельсти мнение их, и мнение лукавно погуби мысль их* (ср.: Сир. 3, 21–22, 24)»*.

Но я с недоверием отнесся бы к сообщениям о контактах с разумными существами. Любая религия считает, что человек – не единственная разумная форма жизни во вселенной. Мы считаем, что духи могут обретать контуры физической плоти и вступать в контакт. Если «инопланетянин» начнет заявлять: «Христос был членом экспедиции с нашей планеты, побывал с разведывательной миссией на Земле. Вы его распяли, но мы вас прощаем. Вы плохо поступили с эмиссаром, но мы решили еще раз послать к вам посольство»,– чего еще обсуждать?

Поклонники «летающих тарелочек» желают того же, что и оккультисты: превратить Христа из учителя в ученика. Для этого оккультисты посылают Христа на выучку к индийским «махатмам» (мол, там Христос провел свою юность до тридцати лет). А уфологи организуют Христу прописку на другой планете. Если же вы согласитесь с тем, что

---

* *Святитель Феофан Затворник.* Собрание писем: Из неопубликованного. С. 452–457.

Христос не Бог, а просто транслятор чьих-то «тайных знаний», то вскоре вам предложат напрямую обратиться к тем, кто когда-то «учил» Христа. И неважно, где эти «учителя» обитают: в гималайской «Шамбале» или на другой планете. Подобные мифы могут быть различны. Но жало у них общее – антихристианское. Дух, унижающий Христа, дающий ему «поцелуй Иуды»,– это бес. Так что мы подождем аплодировать на пресс-конференциях с «инопланетянами».

— Отмечаю католическое Рождество, а потом православное. Бог ведь един?

— Это означает, что вы занимаетесь самоудовлетворением своих религиозных потребностей. Легко теоретически создать идеальный образ женщины: глаза, как у Тани, брови, как у Веры, носик, как у Любы... Но если молодой человек будет заниматься исканиями такого сконструированного им идеала, то он рискует остаться холостяком. Так же останавливается и духовный рост человека, который сам себе создает ту религию, в которую он хотел бы верить, и под свои нужды подгоняет религиозные каноны, что-то выбирая у католиков, что-то у православных, что-то у буддистов... Ведь человек растет духовно только тогда, когда ему трудно. Мысль развивается тогда, когда даешь ей работу. Точно так же и душа. Поэтому лучше не становиться на легкий путь «надкусывания» духовных плодов с деревьев разных религиозных культур. Тут питание должно быть «раздельным». И истина здесь дается «на вырост».

— Что для Вас Рождество?

— Праздник непослушания.

— Почему?!

— А оно у нас не совпадает с «общеевропейским». Пустячок, а приятно. Это наша маленькая домашняя радость. Слушайте, ну если бы мы знали, что у румын есть свой, су-

губо румынский национальный радостный праздник, посвященной не победе в очередной резне, а любви и семье,— ну разве мы пеняли бы им за то, что такой праздник у них есть? А кстати, и действительно есть: румыны в начале весны дарят и носят красно-белые ниточки — «мэрцишоаре»; у болгар они называются «мартеници». Станет ли их Европа укорять за то, что они встречают весну и любовь не в «день святого Валентина»? Я, когда узнал об этом, так просто обзавидовался: женский весенний праздник у них есть, и при этом никакой Клары Цеткин с ее Коминтерном!

А у нас есть русское Рождество. Кому от этого плохо? А мне — так и просто радостно. Меня удивляет, почему мы приветствуем своеобразие любых других народов, кроме своего, русского.

А вообще слияние праздников католических и православных невозможно даже технически. Православному человеку очень важно ощущать себя в единстве с Иерусалимом, с Иерусалимской Церковью — матерью всех церквей, а католику — в единстве с Римом, где живет Римский папа. Иерусалимская Церковь никогда не примет новый стиль по прагматической причине: очень многие святыни и храмы в Святой Земле находятся в совместном пользовании православных и католиков. Если праздник отмечать в один и тот же день, католических паломников приедет так много, что православным будет негде молиться. По этой простой причине Иерусалим держится старого стиля, а русский народ всегда будет с Иерусалимом.

Идеальное же Рождество для меня — это Рождественская ночь в Троице-Сергиевой Лавре в те годы, когда я там был семинаристом. Понимаете: вокруг спят или пьют советские люди. Им скучно. У них завтра «будень». А ты скрипишь снегом после службы, идешь по городу (дивному одноэтажному избяному городку: только москвич, вырвавшийся из плена блочно-панельных гигантов, может этому радоваться)

разговляться к знакомым и чувствуешь себя волхвом в древней Палестине: хочется стучаться в окошки и говорить: «Люди, Он родился для вас!». Но пока это маленькая тайна, твоя и луны. И просто нельзя не петь рождественские стихиры. Причем и небо, и земля тебе подпевают и — в отличие от семинарского регента — прощают тебе фальшивые ноты... «И между небом и землею — знак примиренья — Божий храм».

— Из-за разнобоя светского и церковного календарей Новый год приходится на время поста. Как вообще быть, если постом надо идти в гости или звать гостей к себе?

— Новый год и в самом деле стал особым праздником в советское время. Это был единственный неидеологический праздник в году, и поэтому он вышел из тени Рождества и стал восприниматься как главный праздник и семейный праздник. Семьи же и дружеские кружки сегодня в религиозном отношении пестрые. Поэтому часто в этот день нас зовут к себе в гости наши нецерковные родные и друзья. Не пойти — значит обидеть. Не пойти — значит упустить повод затронуть в разговоре религиозные темы. Ну а если мы оказались за общим столом, то тут вступает в силу церковное правило: долг гостеприимства и братского общения выше индивидуального аскетического усилия. Не стоит на столе городить баррикаду, отделяющую верующего от неверующего. Не стоит демонстрировать свою церковную «продвинутость». Пост, отставленный в этот день, можно компенсировать сугубым постом в следующие дни. А вот пропущенный разговор, бывает, никогда не вернешь... «Когда приходят братия, будем принимать их с радушием; когда же останемся одни, то имеем нужду в сетовании, чтобы оно пребывало с нами» (Древний Патерик. 13, 1).

Единственная серьезная сложность здесь — это реакция наших светских сотрапезников-собеседников. Они ведь могут знать о том, что сейчас пост, но не знать о церковном правиле, разрешающем откладывать пост ради обще-

ния. И тогда, видя, что церковный человек нарушает церковное правило, они могут счесть, что он вообще лишь на словах исповедует церковную веру. И тогда к такому лицемеру у них уже не будет доверия. Мотив невоздержания может быть понят неверно: там, где было действие любви, они увидят всего лишь чревоугодие.

Так что лучше всего объясниться с самого начала. Тогда, скорее всего, и сама компания разрешит вам постную трапезу (лишь бы при этом не было «постного» выражения лица).

— Религиозные праздники все более светские. Пасха — повод выпить. Церковь это осуждает?

— Конечно. Пасха для православного настолько радостный день, что у него в голове не укладывается: как можно такую радость заливать водкой? Пьянство само по себе грех, а когда это скотство сквернит святой день, когда за пьяным столом поминаются святые имена, грех усугубляется.

К сожалению, к этой пьянке подталкивает сегодня и государственная власть. Уж который год власти на Пасху оказывают Церкви медвежью услугу — снимают городские автобусы с рейсов и переправляют массы горожан на кладбища. Ну а покойников надо «помянуть»? Как их поминать, если нет ни молитв, ни священников? Водкой...

— А почему на Пасху на кладбищах вдруг нет священников?

— Потому что Пасха — это праздник жизни. В этот день надо радоваться о Боге и о весне и с этой радостью идти к живым, к друзьям, к родным. Радость настолько наполняет в эти дни церковную жизнь, что ничто даже не читается в храме, но все — поется. И поется на такой мотив, что хочется буквально исполнить упомянутые уже мной слова: Пасху празднуем «веселыми ногами». Ни одной заупокойной молитвы в храмах в эти дни не возносится. Лишь на девятый день праздника — во вторник второй седмицы (недели) после Пасхи, на Радоницу, возобновляются молитвы об усопших.

Привычка же на Пасху ездить на кладбища стала массовой именно в советское время. Люди хотели на Пасху сделать что-то религиозно-значимое, но в храм идти боялись. И тогда шли на территорию, пограничную между властью советской и Царством Божиим,– на кладбище. А для парткома была «отмазка»: весна, мол, съездили могилку подправить, ничего религиозного, просто семейный субботник...

Но сегодня все эти вереницы автобусов едут уж не от советской идеологии, а мимо Православия, мимо молитвы, мимо пасхальной радости... Грех не в том, чтобы появиться на кладбище в день Пасхи. Грех – это когда человек ради такой поездки экономит силы на ночной Пасхальной службе.

— А что значит Пасха для христиан?

— Пасха в Православии – это больше, чем праздник. Это и есть то мгновение, когда человек может по-настоящему быть человеком. Основное отличие между разными философскими системами и мировоззрениями в том, что они в разных мгновениях узнают «момент истины» – тот момент, когда в человеке проступает самое человеческое, самое подлинное. Кому-то кажется, что самое главное проявляется, когда человек совершает героический, мужественный поступок, кому-то – при общении с высоким искусством. Для кого-то самое важное – опыт сексуальных переживаний, для кого-то – его социальный и коммерческий опыт. А для христианства «момент истины» – это то мгновенье, когда наши маски отбрасываются и то, что у нас в глубине, в сердце, просыпается и требовательно заявляет о своем существовании и о том, чему оно радуется и об утрате чего скорбит,– вот это и есть Пасхальная ночь. Все, что существует в Церкви, существует ради Пасхи. И все то, от чего предостерегает Церковь людей, это всего-навсего правила дорожной безопасности по дороге к Пасхе. Церковь рассказывает, как надо жить, чтобы не потерять радость Пасхи, которая обретается в эту ночь.

— Есть ли какое-нибудь различие в православном и западнохристианском понимании Пасхи, кроме различия в обрядах и датах празднования?

— Разница есть. И не только в датах, а в восприятии Пасхи. Православие — религия Пасхи. В представлении католиков Пасха действительно большой и прекрасный праздник, но один из многих. Бытовая и церковная культура западных стран выше Пасхи ставит Рождество. Разумеется, Рождество — момент, когда Бог стал человеком,— дивный праздник. Но в православном понимании нам важней осознать, ради чего Бог стал человеком: ради того, чтобы мы стали другими, перестали быть только людьми. Чтобы Богонасыщенность, которая была во Христе и так ярко проявилась именно в Пасхе, была наша. Это различие связано с другими различиями православной и католической культур. Вспомните, католическая живопись даже святых людей и Христа изображает как людей вполне обычных. Это натуралистическая живопись. Православные же иконы всегда подчеркивали светоносность, преображенность Христа и тех людей, которые пошли по Его пути.

В православном понимании важен не только вектор от Бога к человеку, но и обратный — от человека к Богу. По слову одного святого Отца: «Бог стал человеком, чтобы человек стал Богом». И Пасха показывает нам ту высоту, к которой мы призываемся.

— Пасхе предшествует Великий пост. Но, как мне кажется, в нашей стране вряд ли резко сокращается объем продажи мясо-молочных продуктов.

— Я специально расспрашивал людей, работающих в ресторанном бизнесе. Потребление мяса сокращается даже в дорогих ресторанах. Правда, на сегодняшний день в нашей стране сложилась парадоксальная ситуация — рыба стоит дороже мяса. Ведь изначальный смысл поста так пояснялся святителем Иоанном Златоустом в IV в.: «Подсчитай, сколько денег

у тебя уходит на скоромный стол. Подсчитай, во сколько тебе будет обходиться постная трапеза без мяса и молока. И разницу отдавай нищим». Если же с началом поста начинаются кулинарные изыски, и в итоге еда становится более дорогой и вкусной,— то это извращение самой сути поста.

Но в любом случае, независимо от того, постился человек или нет, на Пасху приглашаются все, и в эту ночь Церковь не делает различия между теми, кто постился, а кто нет. Более того, в каждом храме будет читаться проповедь Иоанна Златоуста, где говорится: «Постившиеся и не постившиеся, приидите. Для всех день радости».

— А в чем вообще суть поста? Разве для Бога важно, что у меня в тарелке?

— «Для Бога важен и дорог только ты сам. Соединение с Ним составляет благо для нас, а не для Него... Бог не нуждается в человеческой праведности. Все, в чем выражается истинное почитание Бога, полезно человеку, а не Богу» (*Блаженный Августин.* О Граде Божием. 10, 17; 10, 5). В чем польза поста для человека?

Во-первых, пост — это упражнение. Если ты в малом не можешь переступить через свои «хотелки», то сможешь ли ты в минуту испытания поступить по формуле персонажа из «Гарри Поттера», Альбуса Дамблдора: «Если ему предстояло выбрать между легким и верным, он всегда выбирал верный путь»? Историю Церкви постоянно пересекают полосы гонений. Пост, если он серьезен, напоминает о том, что крест порой становится чем-то большим, чем метафора.

Во-вторых, пост — это борьба за человеческое в самом себе. Это попытка более высокое в себе поставить выше чем просто физиологическое. Если это удалось, то тогда это «более высокое» (то есть душа) будет благодарно тебе за свое вызволение от липучек. Так что правильный пост — это радость. Как и правильно переживаемое Православие.

ВРЕДЯТ ЛИ ХРИСТИАНИНУ «ПОДБРОШЕННЫЕ» НЕЧИСТОТЫ?

Столетиями христиане жили в мире, который на символическом уровне был христианским. Привыкли. И когда стали возвращаться языческие символы — появились страхи: «А не повредит ли нам соседство или хотя бы даже зрительное прикосновение к языческим изображениям?».

Первый испуг был связан с тем, что Петр I стал украшать дворы, залы и площади аллегорическими статуями. Пережили. Потом пришла советская символика (вот уж безвкусная и навязчивая дама была!). Теперь уже всякая, крайне разнообразная.

Так может ли христианин употреблять предметы и документы, нагруженные нехристианской, языческой символикой. Возникает ли для христианина опасность в этом случае? Не всегда.

Вспомним, что древние христиане по заповеди Спасителя платили налоги языческому государству, а на монетах того времени были языческие надписи и знаки. Христос не запретил пользоваться языческими деньгами: *отдавайте кесарево кесарю* (Мф. 22, 21). Значит, не всякое прикосновение к символу, имеющему нехристианское и (или) антихристианское религиозное значение, сквернит христианина. *Для чистых все чисто* (Тит. 1, 15).

Дело не в том, чего касается человек, а в том, как и зачем он это делает. *Не то́, что́ входит в уста, оскверняет человека, но*

то́, что́ выходит из уст (Мф. 15, 11). Не предмет и не место оскверняют христианина, но его внутреннее отношение к тому, к чему он прикасается. Если для уплаты налога надо взять в руки монету с изображением человекобожеского кесаря — не нужно быть более религиозным, нежели сами языческие мытари. Уж если для них эта монета не идол и не религиозная святыня, а просто денежный знак,— тем более христианину не стоит видеть в этой монете что-то большее.

Определенный значимый оттенок той ситуации придавало еще и то, что в древности язычество было государственной религией. Из средств «госказны» выделялись пособия языческим жрецам; на «бюджетные» деньги строились языческие храмы. Таким образом, часть денег, передаваемых христианами сборщикам государственных налогов, затем шла в языческие храмы. И однако, древняя Церковь не считала, что деньги, отданные языческому государству, есть форма языческой жертвы.

На страницах Евангелий чаще всего из уст Спасителя и Божиих вестников мы слышим призыв: *не бойтесь!* С этими словами Ангел явился Захарии, будущему отцу святого Иоанна Предтечи (см.: Лк. 1, 13). С этими словами Архангел предстал Деве Марии в Благовещении (см.: Лк. 1, 30). С этими словами воскресший Спаситель явил Себя Апостолам (см.: Мф. 28, 10). «Придавать смелость боящемуся не иному кому свойственно, как единому Богу, Который говорит боящемуся: *не бойся, с тобою есмь* (ср.: Ис. 41, 10); нимало не приходи в робость, как говорит Пророк о себе: *аще бо пойду посреде сени смертныя, не убоюся зла, яко Ты со мною еси* (ср.: Пс. 22, 4). Да и Сам Владыка говорит боящимся: *да не смущается сердце ваше, ни устрашается* (ср.: Ин. 14, 27), и: *что страшливи есте, маловери* (ср.: Мф. 8, 26), и: *дерзайте, Аз есмь, не бойтеся* (ср.: Мк. 6, 50), и еще: *дерзайте, яко Аз победих мир* (ср.: Ин. 16, 33)»*.

---

* *Святитель Григорий Нисский.* Против Евномия (2, 6) // Творения. М., 1863. Ч. 5. С. 379.

Столь часто этот призыв звучит потому, что человека, который слишком всерьез отнесется к окружающим его угрозам, постигнет то, чего он боится. Ведь ум такого человека будет помышлять не о Боге, а о тех угрозах, которые исходят из внебожественного мира. Такая душа будет обращать внимание на умыслы и коварства своих земных недругов, а не на ту благодатную защиту, которую дает нам любящий Промысл Творца. Но если человек отвернулся от Бога и мыслит только о земном, пусть даже и боясь его,– то он и в самом деле остается один на один с тем, чего он боится. Своим недолжным страхом он закрывает свою душу от хранящей помощи Божией.

Нам же *дал Бог духа не боязни, но силы* (ср.: 2 Тим. 1, 7). Поэтому апостол Павел утешает: *если Бог за нас, кто против нас?* (Рим. 8, 31).

Бог – с нами?.. Тогда зачем же мы боимся чего бы то ни было?

Я по себе знаю, как разрушает душу неуместный страх. Когда я только начинал свою церковную жизнь, то носил в себе немалый страх: боялся, узнают, что я, тогда студент кафедры научного атеизма, крестился и хожу в храм. Боялся семейного скандала, боялся изгнания из университета. И в первые месяцы после крещения каждый раз, когда хлопала дверь в храме, я озирался: вдруг вошел какой-нибудь знакомый, который заметит меня, узнает, «настучит». Я даже для крещения специально выбрал такой храм, который был бы как можно дальше и от моего дома, и от университета... И по сю пору в этот храм я и езжу, потому что служу именно в нем. И нередко по дороге к нему (полтора часа в один конец) думаю: «Эх, ну зачем же я тогда таким трусом был?!»... В том страхе я жил несколько месяцев, пока однажды я не внял сердцем (не ушами, а сердцем!) тому прокимену, который поется на водосвятном молебне: *Господь – просвещение мое и Спаситель мой, кого убоюся? Господь – Защититель живота моего, от кого устрашуся?* (ср.: Пс. 26, 1). И я подумал: «Господи, кого же я боюсь?». И после этого страх как рукой сняло. Ах, как прав Александр Галич: «Неисповедимы дороги зла, но не надо, люди, бояться!»...

Вот замечательное свидетельство о той силе, которая хранит христианина: «Случилось некогда святому старцу послать ученика своего принести воды из колодца. Когда он пошел, то увидел внизу аспида, и, не почерпнув воды, возвратился, и сказал ему: “Умрем мы, авва, ибо я видел аспида в колодце”. Он же внушал ему не бояться и, качая головою, сказал: “Если захочется сатане, чтобы в колодце был змей или аспид и попал в источники вод, неужели ты никогда не будешь пить?”. И пошел старец и, сам зачерпнув полный сосуд, первый попробовал, говоря: “Где возложен крест, там не имеет силы никакое зло”» (Древний Патерик. 20, 23).

Другой древний старец — Иоанн — спросил демонов: «Чего у христиан вы больше всего страшитесь?».— «Воистину вы имеете три великие вещи,— отвечали они.— Одну вы носите на шее; другая — это то омовение, что вы получаете в храме; и третья — это то, что вы едите на Литургии». Иоанн снова спросил: «Но чего из этих трех вещей вы страшитесь больше всего?».— «Если бы вы бережно сохраняли то, от чего вы вкушаете в Причастии,— отвечали они,— ни один из нас не был бы властен причинить какой бы то ни было вред христианину»*. Итак, не мы должны бояться демонов, а они нас,— ибо у нас есть то, что страшит их**.

Первый христианский монах в истории — преподобный Антоний Великий — имел такой же опыт: «Где знамение крестное, там изнемогает чародейство, бездейственно волшебство»***. «Демоны все делают, говорят, шумят, притворствуют,

* См.: *Епископ Каллист Диоклийский.* Руководство по исихастской молитве XIV в.: «Сотница» святого Каллиста и святого Игнатия Ксанфопулов // Страницы. М., 1998. 3:1. С. 31.

** «Знает несчастный <сатана>, что напечатленный крест Господень разрушает всю силу его; и потому кладет свою печать на правую руку человека, потому что она запечатлевает крестом все члены наши» (*Преподобный Ефрем Сирин.* Слово на Пришествие Господне, на скончание мира и на пришествие антихристово // Творения. Репр. М., 1993. Ч. 2. С. 254).

*** *Святитель Афанасий Великий.* Житие... Антония // Творения. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1903. Т. 3. С. 238.

производят мятежи и смятения к обольщению неопытных, стучат, безумно смеются, свистят; а если кто не обращает на них внимания, плачут и проливают уже слезы, как побежденные... не должно нам и бояться демонов... потому что они бессильны и не могут ничего более сделать, как только угрожать»*. «Демоны же, не имея никакой силы, как бы забавляются на зрелище, меняя личины и стращая детей множеством привидений и призраков. Посему-то наипаче и должно их презирать, как бессильных»**. «Даже над свиниями не имеет власти диавол. Ибо, как написано в Евангелии, демоны просили Господа, говоря: *повели нам ити* (Мф. 8, 31) в свиней. Если же не имеют власти над свиниями, тем паче не имеют над человеком, созданным по образу Божию»***. «Посему <нам> должно бояться только Бога, а демонов презирать и нимало не страшиться их»****.

Не надо засматриваться на темноту. Темной силе мы должны уделять не больше внимания, чем при нашем рождении в Церковь. Наше отношение к диаволу должно быть в буквальном смысле этого слова наплевательским. «Дуни и плюни на него!» – говорит христианин при своем крещении. Вот и все: объявил войну – и тут же поворачиваешься ко тьме спиной, лицом на Восток и объявляешь: «Сочетаюсь Тебе, Христе!».

Это жизнь по законам коммунальной квартиры. По своему детству я помню, что родители воспитывали меня в духе уважения к старшим, а наипаче – к соседям. Но все же бывали праздники и на моей улице. Бывали дни непослушания. Бывали дни, когда я мог сказать соседке все, что я о ней думал. Это были те дни, когда моя мама скандалила с соседками. Вот тогда 4-летний малыш имел право занять исходную

* *Святитель Афанасий Великий.* Житие... Антония. С. 202.

** Там же. С. 203.

*** Там же. С. 204.

**** Там же.

позицию за юбкой мамы и, высунувшись из укрытия, громко сказать: «Теть Зой, ты дура!». А что после этого делает малыш? Тут же снова прячется за мамину юбку.

Вот так же дерзит христианин сатане. Плюет на него — и тут же прячется за юбку Церкви-матери: «Сочетаюсь Тебе, Христе!». С сатаной после этого у христианина отношения простые и понятные: надежды на прощение от «той стороны» у нас нет. Поэтому не стоит искать поводов задобрить демона, обойти его и разгадать его планы. План его и так ясен — *он человекоубийца искони* (Ин. 8, 44). Просто наше противостояние не один на один. С нами — Бог. Вот от Него отрекаться не надо. Его забывать опасно. Не потому, что «обиженный» нашим невниманием Бог будет нам мстить. А потому что Бог вежлив. Если ты не хочешь Его присутствия в твоей жизни — Он отойдет. Но тогда ты и останешься наедине с тем, кого Достоевский назвал «духом сверхчеловечески умным и злобным».

В общем — только пять секунд есть в жизни христианина для разговора с сатаной. Все остальное время он должен искать Бога и говорить к Богу.

Так и в последующие дни: заметил что-то недоброе — «плюнул» и тут же, оборотясь, кричи ко Спасителю: «Я Твой, Господи! Не забуди мене!».

Не случайно заклинательные молитвы, читаемые священником при крещении, повелевают сатане: «Отступи, познай твою суетную силу, ниже на свиниях власть имущую». И в гадаринских свиней бесы не могли войти без соизволения Христа. Тем более не властны они над нами, христианами. «Православным должно быть стыдно бояться немощных дерзостей лукавого, забывая, что есть всесильный Бог... Сети диавола подобны паутине; их разрывают церковные Таинства, пост и молитва, а также решимость бороться с диаволом и готовность служить Богу»*.

---

* *Митрополит Мелетий.* Печать антихриста в православном Предании. М., 2001. С. 62, 66–67.

Если встретилось тебе нечто смущающее, но при этом все же необходимое для твоей жизни — устремись в молитве к Богу, призови его всесильную благодать, перекрести с молитвой то, что предстоит тебе, и с упованием на Божий Промысл приими. Не напрасно же мы поем каждый вечер: «Иже крестом ограждаеми, врагу противляемся, не боящеся того коварства, ни ловительства»! Церковь всегда проповедовала бесстрашие перед лицом язычества. Боязливость — грех. Не стоит уподобляться тем, о ком сказано в Псалтири: *тамо устрашишася страха, идеже не бе страх* (Пс. 52, 6).

Правила аскетики требуют: обрати ум свой к Богу и кроме Бога не принимай в душу ничего. Ибо если твой ум будет вбирать в себя мирские впечатления, все подробности и раздельности мирской суеты,— то и душа утратит целостность, потеряет целомудренность и будет перекроена из образа Божия в образ и подобие падшего мира. Поэтому и говорит апостол Павел: *я рассудил быть... незнающим ничего, кроме Иисуса Христа* (1 Кор. 2, 2). Не антихриста надо искать, а Христа. Не от антихриста мы должны защищаться, а к Христу прибегать*.

---

* «Дух Божий хранить надо, а это — радость, мир, любовь, воздержание и прочее — в Боге и по Богу. Только это не сгорит в последнем огне, и только это будет свидетельствовать о нашем сердечном выборе, а карточки, паспорта, номера, печати — все сгорит без следа... Церковь не может уйти в подполье, ведь тогда она перестанет быть для народа, чем быть должна. А потому ждать нам с Вами решительного определения Святейшего и только так ориентировать народ. Ведь иначе мы можем впасть в грех, страшный против Церкви: сами того не желая, организуем раскол... Наше крестоношение, борьба с грехом, несение болезней, сопереживание, соболезнование другим и многое другое — житие по Богу — свидетельство, что мы несем печать Божию на себе. А что такое техника, компьютеры, чье-то человеческое и даже вражье желание подчинить нас своему влиянию, своей печати? Да ничто — по сравнению с той великой печатью, которую дал нам во спасение Спаситель. Где вера наша печати нашей спасительной? Тайно от нас нам можно сделать что угодно, но это не будет иметь никакой силы и цены — врагу нужна наша душа в добровольном служении ему» (Письма архимандрита Иоанна (Крестьянкина). Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь, 2000. С. 293, 290–292).

Искать Христа и жить Им*. От болезни ведь лечатся не тем, что мнительно высматривают ее признаки, а тем, что принимают лекарство и держат себя в тепле**. И если Христос будет в нас, то что нам тогда до всего остального?

Первоначальные христиане оттого и умели жить так радостно посреди гонений, что искали Христа, а не выискивали происки врагов. Так и свидетельствовал Климент Александрийский: «Для нас вся жизнь есть праздник. Мы признаем Бога существующим повсюду... Радость составляет главную характеристическую черту Церкви» (*Климент Александрийский.* Строматы. 7, 7; 7, 16). А про нас разве можно сегодня сказать нечто подобное? Так православны ли мы? Почему страх, угрюмость, озабоченность сегодня свойственны выражению наших лиц, а отнюдь не радость?

---

* «Мы должны жить не в паническом страхе перед пришествием антихриста, но в служении Христу через исполнение Его заповедей. За два тысячелетия христианства немало антихристов пришло и ушло, но Господь *вчера и сегодня и во веки Тот же* (Евр. 13, 8). И именно во всепобеждающей любви Христовой, в Его постоянном присутствии в Церкви – основа нашей веры в конечное торжество добра над злом, жизни над смертью, Христа над антихристом» (Послание Юбилейного Архиерейского Собора Русской Православной Церкви боголюбивым пастырям, честному иночеству и всем верным чадам Русской Православной Церкви // Журнал Московской Патриархии. М., 2000. № 10. С. 7).

** Протоиерей Димитрий Дудко (напомню – это человек, прошедший советские лагеря) так отвечал недоумевающим: «"Как Вы думаете насчет ИНН, насчет этого числа 666?".– "А что думать, пока это просто число, которое существует в природе. Вот когда скажут и потребуют его принять во имя антихриста, отказаться от Христа, тогда это будет иметь силу... Число существует в природе. Но что оно значит для нас без условий – ничего. Даже если насильно, или создадут такие условия, что надо принять, или положат печать-знак, но не скажут во имя кого, нам это ничего не будет значить. Значит только то, что мы должны быть тверды в вере. А то умно рассуждаем, а жить продолжаем по-язычески, и блудим, и пьянствуем... Воспротивиться антихристу надо не тем, что будем панически смотреть на число зверя 666, оно ничто, просто цифры, а тем, чтоб хранить верность Христу, Его заповедям"» (*Протоиерей Димитрий Дудко.* Чей это знак? // Русь державная. 2001. № 2).

Не оттого ли, что мы разучились радоваться Христу (Боже, как скучно встречала православная Россия 2000-летие Рождества Христова!), мы стали бояться Его врага?

Мученики не боялись дерзновенно входить в языческие храмы и прикасаться к идолам — чтобы ниспровергнуть их. Они не боялись, что эти боги несут какую-то «черную энергетику» и что, если к ним прикоснуться,— от них будет перенята какая-то «черная печать». И то, что кончина этих мучеников от рук разъяренной толпы происходила в языческом капище, нисколько не мешало их душам восходить в небесные обители. Святитель Николай Японский, будучи в Сингапуре, заходил в языческий индуистский храм*. И он, христианин, нисколько не был осквернен этим. Первым учеником святителя Николая Японского был буддистский жрец Савабе. Чтобы никто не заметил, что он изучает Евангелие, жрец читал «иностранную ересь» в языческой кумирне во время службы и постукивал одновременно в барабан**. Как видим, языческо-идольское окружение не помешало Духу Святому просветить сердце Савабе.

Если мы будем убегать от всех черных символов и знаков,— то вскоре не останется для нас места на земле. Если передо мною бежит пес и метит все столбики — из этого совсем не следует, что я должен, забыв свои дела, бегать за псом и оттирать его метки. Вот также и с «метами» кощунников. Если они на заборах или на документах, на денежных знаках или рекламных щитах ставят языческие метки — это их грех, а не наш, и наш Господь будет вразумлять их за это.

А пока от нас не требуют поклонения идолу — не стоит слишком уж засматриваться на него (даже пытаясь обойти).

---

* См.: *Святитель Николай Японский.* Запись в дневнике от 20.10 1880 г. // Праведное житие и апостольские труды святителя Николая... Ч. 1. С. 349.

** См.: *Архимандрит Сергий (Страгородский).* По Японии: Записки миссионера. С. 196.

Так уж устроен человек: то, на что он смотрит, то и входит в него. Если мы выискиваем всюду «порчу», то мы ее в конце концов найдем, — но в своей собственной душе (точнее — создадим ее там)*.

Как относиться к «подброшенным» и «заговоренным» предметам, к предметам, которые были без нашего согласия и ведома вовлечены в магический языческий ритуал?

Здесь надо помнить слова апостола Павла: *идол в мире <есть> ничто* (1 Кор. 8, 4). Это *ничто* никак не должно влиять на наше поведение. Если я иду в храм и вдруг вижу, что на перекрестке какие-то сектанты установили свой идол, появление этой диковинки не должно никак повлиять на мое поведение. Я не должен подбегать к идолу и целовать ему ноги. Но я и не должен переходить на другую сторону улицы или же обходить его за квартал. Я не должен показывать язычникам, что я разделяю их религиозно-благоговейные чувства по отношению к идолу. Но я и не должен выражать страха перед ним. *Не бойтесь их, ибо они не могут причинить зла, но и добра делать не в силах* (Иер. 10, 5). И проявленное мною почтение, и выказанный мною страх лишь укрепят язычников в их вере, будто их идол столь силен, что может привлечь к себе или даже победить христианина.

Не надо целовать языческие лики и знаки и ожидать от них помощи, не надо относиться к ним религиозно, не надо придавать им того значения, что видят в них

---

* На встрече с сотрудниками Издательства Московской Патриархии 31 января 2001 г. Патриарх Алексий сказал: «Мы все время твердим: антихрист, антихрист... И тем самым ведь просто призываем его!». Это — давняя боль Патриарха. В свое время он сетовал: «К сожалению, некоторые пытаются отвечать от ветра головы своея — манипулируют с графическим изображением числа 666. Сейчас, например, стало модно умножать 666 на 3 (получается 1998). Однако надо помнить, что Сам Господь сказал: *не ваше дело знать времена и сроки* (ср.: Деян. 1, 7)» (Интервью Патриарха Московского и всея Руси Алексия II журналу «Профиль» [цит. по: Воронеж Православный. Воронеж, 1998. № 7 (15)]).

язычники, но не надо их и бояться – «идолы, то есть дерева, камни, демоны, не могут ни вредить, ни приносить пользу»*.

Вспомним советы апостола Павла – как поступать с идоложертвенной пищей. Я, например, пришел в гости к знакомому язычнику. Святитель Феофан Затворник поясняет, почему не стоит отклонять приглашение в гости к заведомому язычнику: «Потому что невозможно было бы уловлять неверных, прекратив сообщение»**. Итак, пользуясь случаем, я иду к нему в надежде рассказать ему о Христе. А он по ходу беседы угощает меня каким-то мясом. Вполне возможно, что плов, поставленный передо мной, изготовлен из того ягненка, который был принесен в жертву перед статуей Аполлона, то есть является «идоложертвенным». Как я должен вести себя? *Если кто из неверных позовет вас... то все, предлагаемое вам, ешьте без всякого исследования* (1 Кор. 10, 27).

Мы можем даже догадываться, что предлагаемая нам пища была как-то по язычески «освящена». Но пока нам прямо об этом не сказано – мы должны обращаться с ней как с самой обычной пищей. Мы просто должны помнить, что *Господня земля, и что́ наполняет ее* (1 Кор. 10, 26). «Господня, а не бесов. Если же земля Господня, то Господни и деревья, и животные, а если все Господне, то по природе нет ничего нечистого, но все зависит от мысли каждого»***.

Что нам до того, что сделал какой-то язычник, исходя из ложных принципов своей веры. Его мысли – не мои.

Поэтому уже в V в. блаженный Августин при разборе вопроса о том, крещен ли человек, который желал креститься в православной вере, но священник, крестивший

---

* *Святитель Иоанн Златоуст.* Беседы на Первое Послание к Коринфянам (20, 1) // Творения. Т. 10. Кн. 1. С. 187.

** *Святитель Феофан Затворник.* Толкование Посланий святого апостола Павла. Первое Послание к Коринфянам. Репр. М., 1998. С. 378.

*** *Блаженный Феофилакт, архиепископ Болгарский.* Толкования на Новый Завет. СПб., 1911. Кн. 3. С. 460.

его, оказался невером или еретиком, отвечает: «Я не пятнаюсь злой совестью другого тогда, когда она мне неизвестна... Я не знаю совести человека, но я знаю милосердие Христа» (*Блаженный Августин.* Против книги Петилиана. 1, 1–3; 6, 8).

Мы должны помнить о наших правилах благочестия: *едите ли, пьете ли, или иное что делаете, все делайте в славу Божию* (1 Кор. 10, 31). Все я должен делать с мыслью о своем Боге, а не о чужих лжебогах.

Но представим себе, что наш собеседник прямо сказал нам, что этот ягненок так вкусен именно потому, что вчера он был заколот у алтаря Аполлона. Тогда надо отказаться. Но почему? Совсем не потому, что в этом случае пища станет сквернее, чем она была до этого «объявления». Апостол Павел поясняет: *но если кто скажет вам: это идоложертвенное,– то не ешьте ради того, кто объявил вам* (1 Кор. 10, 28). Если христианин станет есть идоложертвенное в присутствии язычника – тем самым христианин даст повод язычнику считать, будто этот христианин нетверд в своей вере. Ведь язычник может знать, что церковные правила запрещают вкушать идоложертвенное (см.: Деян. 15, 29), а тут он увидит, что его знакомый нарушает церковное правило. Видя такое пренебрежение христианина к его же собственным правилам, язычник перестанет уважать его и уже не будет слушать христианскую проповедь из уст этого своего знакомого. Как об этой опасности предупреждал христианский апологет II в. Минуций Феликс: «Всякое произведение природы, как ненарушимый дар Божий, не оскверняется никаким употреблением; но мы воздерживаемся от ваших жертв, чтобы кто не подумал, будто мы уступаем демонам, которым они принесены, или стыдимся нашей религии» (*Минуций Феликс.* Октавий. 38).

Кроме того, языческий угощатель может счесть, будто христианство одобряет языческую религию. И можно совмещать участие в языческих мистериях и в христианских

Таинствах. Уверившись в том, что и христиане прибегают к языческим ритуалам, он еще прочнее будут держаться за них*.

Так одна бытовая ошибка, один жест могут столкнуть человека в болото религиозной всеядности.

Наконец, вкушение христианином идоложертвенной пищи может иметь еще два дурных последствия. Одно из них – если об этом случае могут узнать иудеи. Для них идоложертвенное – это безусловно «трефное», недопустимая пища. И если они узнают, что христиане вкушают такие продукты, они, иудеи, станут закрыты для евангельской проповеди. Другое дурное эхо может зазвучать внутри самой церковной общины. Ибо среди христиан есть такие, что не очень твердо понимают правила христианского поведения. Вот как об этом писал святитель Феофан Затворник: «Более совершенные христиане считали идолов за ничто и идоложертвенное считали чистою пищей. Другие, менее совершенные, не могли еще отрешиться от прежнего, языческого своего взгляда на идолов как богов и на жертвы им как действительным скверным богам. При таких мыслях вкушение идоложертвенного считали противным своей христианской совести, которая еще была немощна-бессильна, чтобы считать идолов за ничто. Но, увлекаемые примером более совершенных, принимают участие в идольских трапезах, едят идоложертвенное как идоложертвенное и тем сквернят свою немощную совесть. Причиной же соблазна немощных служит то, что само по себе не имеет никакой цены пред Богом: едим ли идоложертвенное – мы ничего

---

* «Бог создал меня свободным и поставил выше всякого вреда; но язычник не умеет ни судить о моей философии, ни понимать щедродательности моего Владыки, а станет осуждать меня и скажет сам себе: "Учения христиан – басня; они удаляются идолов, избегают демонов, а от приносимого им не отказываются; велико их чревоугодие"» (*Святитель Иоанн Златоуст.* Беседы на Первое Послание к Коринфянам (25, 1). С. 245).

не приобретаем, не едим ли его – ничего не теряем перед Богом»*. Этими словами святой Феофан пересказывает размышления блаженного Феофилакта Болгарского.

Тот, кто позволяет себе вкусить идоложертвенное при убеждении, что это обычная еда,– оказывается, совершенный христианин. Так пишет Апостол. Так это понимают святые Отцы. «Сильные рассуждением смотрят на идоложертвенное как на всякую другую пищу, вкушают то со спокойной совестью»**. Тот же, кто боится идоложертвенного и приписывает еде причастность тем несуществующим лжебогам, с призыванием мифических имен которых были закланы идоложертвенные животные, еще остается несовершенным христианином.

По еврейскому закону два основных источника осквернения, нечистоты – это все, что связано с язычеством, и все, что связано со смертью. Прикосновение к мертвому телу считалось скверной. Но так ли сегодня у христиан? Для христианского сознания *ни смерть... не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем* (Рим. 8, 38–39)***. Тело было храмом духа при жизни, становится мощами по смерти. Мы прикасаемся к останкам даже с благоговением... Этот перелом в отношении к останкам тоже давался Церкви не без труда. Но он все же произошел очевидно и до конца. А вот в отношении к идоложертвенному и по сю пору приходится различать поневоле «эзотерическое» учение Церкви и педагогические соображения.

---

* Жизнь и труды святого апостола Павла: Последовательный комментарий апостольских Посланий, составленный по трудам епископа Феофана Затворника. СПб., 1912. С. 128–129.

** *Святитель Феофан Затворник*. Толкование Посланий святого апостола Павла. Первое Послание к Коринфянам. С. 305.

*** Толкование преподобного Ефрема Сирина: «*Ибо уверен я* и содержу твердо, *что ни смерть, ни жизнь, ни другая тварь* (то есть порождение) или страданий или Антихриста, *не возможет нас отлучить от любви Христовой*» (*Преподобный Ефрем Сирин*. Толкование на Послания Божественного Павла. Послание к Римлянам // Творения. Репр. Ч. 7. С. 38).

Есть люди, сохранившие «идольскую совесть» (см.: 1 Кор. 8, 7)*. Они «имеют об идолах такое же мнение, какое имели до обращения, почитая их за нечто и боясь их, как могущих нанести вред»**. Такие люди, если им доводится вкушать идоложертвенное, «испытывают подобное тому, как если бы кто-нибудь, по обычаю иудейскому, почитал прикосновение к мертвецу осквернением, но, видя, что другие прикасаются к нему с чистой совестью, из стыда пред ними прикоснулся бы и сам, но осквернился бы и сам в совести, будучи осуждаем ею»***.

Параллель вполне ясна: христианину, в любой ситуации призванному помышлять о Едином Боге и стяжавшему такую привычку, не скверно прикоснуться к мертвым останкам, равно как нет для него никакой убыли и при вкушении идоложертвенной пищи.

Так что надо различать онтологию (или богословие) и педагогику.

С точки зрения бытийной, реально-сущей, идол есть ничто и идоложертвенное не вредит человеку. «Нет в них

---

* «Иэнэнистские» издания слишком торопливо утверждают, что жить надо по своей совести (а не по послушанию церковным канонам и властям): «По учению святых Отцов совесть есть “глас Божий” в человеке» (Введение // За Русь Святую: Информационный бюллетень по антиглобализационным проблемам. СПб., 2001. № 2. С. 8). Авва Дорофей, правда, предостерегает от такой поспешности: «Я не знаю другого падения монаху, кроме того, когда он верит своему сердцу» (*Авва Дорофей.* Поучение 5 // Душеполезные поучения и послания. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1900. С. 75); «мы должны всею силою направлять себя к воле Божией и не верить своему сердцу» (Там же. С. 78); «будучи страстными, мы отнюдь не должны веровать своему сердцу, ибо кривое правило и прямое кривит» (*Он же.* Поучение 19 // Там же. С. 188).

** *Блаженный Феофилакт, архиепископ Болгарский.* Толкования на Новый Завет. Кн. 3. С. 445.

*** Там же. С. 446. То же см. у святителя Иоанна Златоуста: *Святитель Иоанн Златоуст.* Беседы на Первое Послание к Коринфянам (20, 4). С. 194.

никакой тайной силы»,— пишет об идоложертвенных трапезах Климент Александрийский*.

Поэтому, приобретая пищу для самого себя на рынке, можно не интересоваться — идоложертвенная она или нет. «Дабы опять не сделались они разборчивыми сверх должного, не стали бы отказываться от продаваемого на торгу из опасения, что это может быть идоложертвенное, <Апостол> говорит: *все, что продается, ешьте без исследования* о продающих, без расспроса, не идоложертвенное ли продается, как будто зазирает вам совесть и вы хотите очистить ее. Или так: дабы не зазирала тебе совесть, ты не исследуй; ибо при разбирательстве можешь узнать, что предполагаемое тобою в покупке — идоложертвенное, и совесть твоя будет беспокоиться»**. *Все, что продается на торгу, ешьте без всякого исследования, для спокойствия совести* (1 Кор. 10, 25).

С точки же зрения педагогической — прежде чем самому пользоваться этим своим знанием, надо подумать: не повредит ли это тому человеку, у которого такого знания еще

---

* «*Но я не хочу*,— говорит Апостол,— *чтобы вы были в общении с бесами* (1 Кор. 10, 20): не может быть одной и той же и спасаемых пища, и гибнущих. Должно, следовательно, от участия в этих похоронных бражничаньях устраняться — не из страха, потому что нет в них никакой тайной силы; но для охранения чистоты нашей совести, которая свята; из-за отвращения к демонам, которым те бражничанья посвящены, мы должны их гнушаться. И, кроме того, не должны мы принимать в них участия ради тех людей, которые по своему легкомыслию многое в дурную сторону перетолковывают, *и совесть их, будучи немощна, оскверняется* (1 Кор. 8, 7). *Пища не приближает нас к Богу* (1 Кор. 8, 8). *Не то, что входит в уста*,— говорит Спаситель,— *оскверняет человека, но то, что выходит из уст, оскверняет человека* (Мф. 15, 11). Таким образом, употребление в пищу разного рода кушаний безразлично. *Едим ли мы*,— говорит Апостол,— *ничего не приобретаем, не едим ли, ничего не теряем* (ср.: 1 Кор, 8, 8). Но непристойно в трапезе, демонам посвященной, принимать участие тем, которые удостаиваются питания Божественного» (*Климент Александрийский*. Педагог. М., 1996. С. 119).

** *Климент Александрийский*. Педагог. С. 450.

нет, не понудит ли это и его прикоснуться к пище, которую он же сам еще считает нечистой, и не смутит ли это тем самым его совесть. *Совесть же разумею не свою, а другого: ибо для чего моей свободе быть судимой чужою совестью ?* (1 Кор. 10, 29). Оттого Апостольский Собор, созванный для разрешения споров между христианами из иудеев и из язычников, по сути, призвал обе стороны к уступкам: евреев он призвал не смущать неевреев требованием обрезания, а неевреев он призвал не смущать евреев вкушением идоложертвенного.

Теперь понятно, «в каком он (Апостол) находился затруднении. Он хочет доказать два предмета – и то, что надо воздерживаться от такой трапезы, и то, что она не может вредить вкушающим от нее. Эти предметы не совсем согласуются между собою. Слыша, что идольские жертвы не причиняют вреда, коринфяне могли пользоваться ими как безразличными. А слыша запрещение прикасаться к ним, они могли подозревать, что эти вещи запрещены потому, что могут вредить. Потому, отвергнув понятие об идолах, первой причиной воздержания он поставляет соблазн братий»*.

Апостол Павел, сказавши: *идол в мире ничто* (1 Кор. 8, 4), тут же с сокрушением добавляет: *но не у всех такое знание* (1 Кор. 8, 7). И если такой, немощный в вере, христианин станет подражать поступку христианина более совершенного,– то он поступит против веления своей собственной совести. «Поступая так, он оскорбит свою совесть и согрешит перед Богом; ибо против совести ни в каком случае не должно поступать»**.

Итак – «не потому учу я воздерживаться от идоложертвенного, будто оно нечисто»***, а ради снисхождения к слабостям других... По сути же – «не из чего спорить»****.

---

* *Святитель Иоанн Златоуст.* Беседы на Первое Послание к Коринфянам (20, 2). С. 190–191.

** Там же. С. 129.

*** *Блаженный Феофилакт, архиепископ Болгарский.* Толкования на Новый Завет. Кн. 3. С. 460.

**** *Святитель Феофан Затворник.* Толкование Посланий святого апостола Павла. Первое Послание к Коринфянам. С. 307.

Вот резюме этих апостольских мыслей, сделанное преподобным Ефремом Сирином: «А об идольских жертвах знаем, поелику все мы знание имеем. И хотя это знание надмевает тех, кои ходят туда (к идольским капищам) для еды, но любовь, которая щадит ближних своих, туда не позволяет ходить. Если же кто возмнит, что он что-либо знает, тот еще не познал, как подобало бы ему знать. Но кто любит помогать (ближним), тот познал. О ядении же идольских жертв знаем, что ничто есть идол в мире. Ибо хотя и есть предметы, коим воздается богопочтение, на небе или на земле, так как на небе солнце и луна называются богами, и другие также предметы на земле: но для нас один Бог Отец... Есть некоторые простецы между верующими, которые ходят для ядения в дом идола; поелику верующие видят, что священники и учители ходят туда, и по нетвердости своего ума считают себя нечистыми, как скоро думают, что то, что мы вкушаем здесь, есть как бы идольская жертва. Смотрите же, говорит, и берегитесь, чтобы эта власть, которую вы имеете, или ядением всего, или невоздержанием себя от вхождения в те места, как-либо не послужила соблазном для немощных. Но если кто из братьев нетверд умом своим и увидит тебя, имеющего знание, там возлежащим: то он, при ложном взгляде на жертву, увлеченный желанием к ядению идоложертвенного,— вот, погиб невинный, ради кого Христос умер. Итак, не вводите в грех братьев своих и не соблазняйте их, то есть не заставляйте их колебаться ради совести их немощной. Не считайте же это за нечто легкое, так как против Христа согрешаете, если не будете оберегать братьев своих. Подлинно, если из-за пищи, которая извергается в отхожие места, соблазняется брат мой, то не только воздерживаться буду от мяса, которое в несколько дней съедается в доме идола, но совсем не стану есть мяса вовеки, дабы брата моего не соблазнить... Не то говорим, что идол есть что-либо; ибо я знаю, что то, что приносят в жертву язычники, они бесам приносят. Ради сего увещеваю вас избегать их, так как общение наше с бесами устраняет вас от общения с Гос-

подом нашим: ибо не можете Чашу Господню пить и чашу бесовскую; и сесть за столом Господним и за столом бесовским. Или ревность хотите вызвать у Него этим? И хотя все можно ради свободы, но не все, что можно, бывает полезно ближним нашим. Не своей только пользы должны искать мы, но и ближних. Все, что продается на торгу, ешьте, только к жертвеннику бесовскому не приступайте. Ради совести не расспрашивайте о том, что находите на рынке,— совесть разумею не расспрашиваемых, а расспрашивающих. Если кто из неверующих зовет вас на обед и вы желаете пойти,— то все, предлагаемое вам, ешьте по причине голода, ничего не расспрашивая ради совести, дабы не ослабеть ей. Если же кто скажет: "Это священная жертва",— то не ешьте ради того, кто объявил. Ибо Господня земля с полнотою ее (см.: 1 Кор. 10, 26). И хотя здесь вам не даст есть, но в другом месте не воспрещает вам. Ради совести, будет ли слаб или окажется твердым. О совести же говорю не моей, но другого. Для чего свободе моей подвергаться суду чужой совести? То есть: если они соблазняются, то стану ли и я подобен им?»*.

Святой Григорий Чудотворец в 1-м правиле говорит: «Не тяготит нас пища... хотя и ели пленники предложенное им от обладающих ими... Апостол же глаголет: *брашна чреву, и чрево брашном: Бог же и сие и сия упразднит* (1 Кор. 6, 13). И Спаситель, всякое брашно очищающий, рек: "Не входящее во уста вскверняет человека, но исходящее" (см.: Мф. 15, 11)»**.

Не идол вредит человеку, а человек сам вредит себе, если придает какое-то значение идоложертвенной пище. В конце концов — если даже *в мире* идол есть ничто, то зачем же приписывать ему какую-то значимость *в Церкви*, в жизни церковного человека?

---

* *Преподобный Ефрем Сирин.* Толкование на Послания Божественного Павла. Первое Послание к Коринфянам // Творения. Репр. Ч. 7. С. 77–79, 84–86.

** Правила святого Григория, архиепископа Неокесарийского, чудотворца// Правила Православной Церкви с толкованиями Никодима, епископа Далматинско-Истрийского. СПб., 1912. Т. 2. С. 330.

Святой равноапостольный император Константин Великий использовал языческую символику на своих монетах. Но изображения языческих богов лишаются собственно религиозного значения, становясь просто аллегориями,— какими они были, например, в европейских дворцах XVII–XIX веков. Было и обратное: есть монеты, на которых «к туловищу Марса присоединяется голова императора»*. Кроме того, Константин учитывал, что «святилище, коль скоро оно не имело при себе персонала жрецов и не имело никакого культа, не считалось, по античным представлениям, за храм в религиозном смысле»**. Поэтому император Константин оставил в Константинополе неразрушенными святилище и статуи Диоскоров.

Но и император, к сожалению, в жертву невежеству христиан, плохо знающих свою собственную веру, принес многие произведения искусства. «Узнав, что многие, подобно неразумным детям, малодушно боятся этих, вылитых из золота и серебра страшилищ заблуждения, он признал нужным уничтожить их как камни преткновения, брошенные под ноги людей, ходящих во тьме» (*Евсевий Кесарийский.* Жизнь Константина. 3, 54). Заметим, что оценка веры этих малодушных христиан выходит из-под пера епископа (Евсевия). Но придворный епископ не мог не оправдать действия императора.

---

* *Лебедев А.* Разбор попыток некоторых ученых доказать, что Константин Великий не был христианином // *Лебедев А.* Споры об Апостольском символе. История догматов: Исследования по истории древней Церкви. СПб., 2004. С. 273.

Впрочем, должен сказать, что я с осторожностью цитирую Алексея Лебедева. В этой же его статье я проверил приводимые им цитаты,— но в некоторых, указанных им, текстах не обнаружил в первоисточниках ничего похожего на то, что приписывает им Лебедев. Например: у Евсевия в «Жизни Константина» (*Евсевий Кесарийский.* Жизнь Константина. 3, 54) Лебедев читает: «Константин привел богов отжившего язычества, как пленников, и разукрасил ими улицы».

** *Лебедев А.* Голос протестантского ученого в защиту Константина Великого // *Лебедев А.* Споры об Апостольском символе... С. 289.

Так, вместо усилия проповеди, вместо усилия по подтягиванию приходских масс до уровня понимания апостольского учения, был сделан очередной шаг на пути бесконечных компромиссов с «немощными в вере».

В итоге и спустя 2 000 лет после апостола Павла эти «немощные» и «несовершенные» (блаженный Иероним называет их «иудействующими»*) составляют запуганное и пугающее большинство даже в Церкви... Нельзя же ограничиваться тем, что все время лишь снисходить к слабостям «немощных». Надо же все-таки и проповедовать им истину! Блаженный Феодорит сказал о таких «немощных», что их «не вкушение сквернит, но сквернится совесть, не приняв совершенного ведения, а будучи еще одержима идольской прелестью»**. Так сколько же будет длиться это «еще»?!..

Те церковные люди, кто всерьез опасаются «негативной энергетики» идолов, для обоснования своих страхов приводят один эпизод из святоотеческой литературы. В III в. святитель Киприан Карфагенский повествует в книге «О павших»: «А вот послушайте, что случилось при мне, чему я сам был свидетель. Какие-то родители, убегая, в тревоге и суматохе оставили маленькую дочь свою на попечении кормилицы. Та отнесла ее к правителям; а они – так как малютка не могла, по малолетству, есть мяса – дали ей съесть пред идолом, куда

* «Апостол повелевает покупать и вкушать все, что продается на рынке (см.: 1 Кор. 10, 25)... Если он говорит римлянам: *ядущий да не осуждает неядущаго и не ядущий да не осуждает ядущего* (ср.: Рим. 14, 3), то не утверждает равного значения поста и пресыщения, но говорит против тех, кои, уверовав во Христа, еще иудействовали, и уверовавших из язычников увещевает, чтобы своей пищей они не соблазнили их, бывших еще слишком слабыми в вере... Ибо бывшим еще нетвердыми в вере и считавшим одни мяса чистыми, а другие нечистыми повелевается есть овощи; более же твердые в вере признавали все мяса одинаковыми» (*Блаженный Иероним Стридонский.* Две книги против Иовиниана // Творения. К., 1880. Ч. 4. С. 255–256).

** Цит. по: *Святитель Феофан Затворник.* Толкование Посланий святого апостола Павла. Первое Послание к Коринфянам. С. 305.

стекался народ, хлеба, смешанного с вином, оставшимся от идоложертвенных приношений. Впоследствии дочь была передана матери. Но девочка не могла ни обнаружить, ни высказать совершившегося злодеяния так же, как она не могла и прежде ни понимать его, ни воспротивиться ему. Итак, по неведению случилось, что мать принесла ее с собою, когда мы совершали Божественную службу. Малютка, очутившись среди святых и не в состоянии будучи выдержать наших молитв и молений, стала всхлипывать и как умоиступленная метаться во все стороны: юная душа в столь нежном возрасте, как будто под пыткою палача, выказывала всевозможными знаками сознание своего преступления. Когда же по окончании Божественной службы диакон стал подносить Чашу присутствующим и, по принятии прочими, дошла до нее очередь,— малютка... отворотила свое лицо, стиснувши губы, зажала рот, отказывалась от Чаши. Однако диакон настоял и, несмотря на сопротивление, влил ей в рот немного Таинства. Тогда последовала икота и рвота: Евхаристия не могла оставаться в теле и устах поврежденных внутренностей. Таково могущество, таково величие Господа! Пред светом Его явны самые темные тайны, и сокрытые преступления не обманули священника Божия. Рассказанный случай относится к дитяти, которое, по малолетству, не могло объявить о чужом в отношении себя злодеянии»*.

В данном случае речь идет о младенце, который не мог сознательно противиться Причастию. И оттого так легко сделать вывод — вот, мол, видите, и неосознаваемое прикосновение к демонической тьме делает человека (даже младенца) врагом Божиим... Но такой вывод будет логичен лишь при одном условии: если при пересказе или цитировании пропустить три слова. Вот они: «Малютка, по вдохновению свыше, отворотила свое лицо». Оказывается, не демон действовал через малышку, а Господь вложил в нее такое действие, чтобы через проявленное ею противление обна-

* *Святитель Киприан Карфагенский.* Творения. М., 1999. С. 223–224.

ружить для других невозможность совмещать поклонение идолам и служение Христу. Так что самой девочке неосознаваемое ею вкушение идоложертвенного не повредило.

Издатели альманаха «Православие или смерть!», иллюстрируя свой тезис о том, что даже неосознанное прикосновение к скверне марает христианина, приводят рассказ о чуде святого Феодора Тирона*. Когда в IV в. язычествующий император Юлиан Отступник пожелал надсмеяться над христианами, он повелел тайно окропить идоложертвенной кровью продукты на всех рынках города. И тогда Константинопольскому епископу с предупреждением о задуманном явился святой Феодор...

Да, есть такое церковное предание. Но вот вывод из него я бы сделал другой. Если в ту пору Господь послал видение предстоятелю Церкви Второго Рима, то почему же сегодня Бог не дает аналогичного знамения и вразумления Патриарху Третьего Рима? Почему о кощунственной шутке** императора Господь предупредил чудом, а о гораздо более серьезном событии — о начале нешуточного «печатания» антихристовым знаком — Господь не подал весть нынешнему Патриарху? Господь перестал заботиться о Своих людях? Или же молчание Божие в этом случае означает, что и мера угрозы не столь чрезвычайна, чтобы требовать чрезвычайных (чудесных) мер?

---

* См.: Вступительное слово // «Православие или смерть!»: Публицистический альманах. М., 2000. Вып. 15: Предпоследний выбор. С. 3.

** Если бы христиане, не ведая о происшедшем, приняли бы идоложертвенные яства, в этом не было бы для них греха и не было бы ничего их сквернящего. Но император (знающий христианские правила) на следующий день предал бы затеянное им огласке и использовал бы этот казус для пропаганды язычества: мол, вы все равно уже сделали нечто несовместимое с вашей христианской верой, так что, раз вы все равно потеряли Христа, то давайте уж без церемоний! продолжайте сотрапезничать с нами... И люди, неискушенные в богословии, сочли бы это императорское передергивание правдой, подумали бы, что они и в самом деле совершили нечто ужасное, и, отчаявшись, сами себя отлучили бы от Церкви и вступили в общение с язычниками... Вот ради таких «немощных» и было даровано знамение от Бога.

Да, понимаю, что «иэнэнисты» (люди, для которых вся их церковность свелась к борьбе против штрихкодов и ИНН) возразят, что, мол, нынешний Патриарх недостоин Божиих явлений. Не дерзну судить о личных качествах Патриарха Алексия. Но одно несомненно: он исповедует Православие, а отнюдь не арианскую ересь... А вот тот самый архиепископ Евдоксий, которому явился святой Феодор, был... арианином. Болотов так характеризует его: «Человек крайне непривлекательный, в своих проповедях доходивший до пошлости и балаганства, менявший свои убеждения как не всякий другой»[*]. Так, может, если сегодня Господь не дает нам предупреждения о самой страшной угрозе — этой угрозы сегодня и нет?..[**]

Итак, если христианин не знает о секретах предлагаемой ему трапезы — она ему не повредит. По мысли Златоуста, апостол Павел обращается к коринфянам, «чтобы этим страхом

---

[*] *Болотов В.* Лекции по истории древней Церкви. М., 1994. Т. 4. С. 74; см. также: Там же. Т. 3. С. 310–311. Отчего-то в нынешних версиях житий святых еретик Евдоксий фигурирует как святитель, причем издательский комментарий к житию святого Феодора поражает своей абсурдностью: «Юлиан вступил на царство в 361 г. и царствовал до 363 года... Святитель Евдоксий занимал Константинопольскую кафедру с 340-го по 341 год» (Страдание святого великомученика Феодора Тирона // Жития святых, на русском языке изложенные по руководству Четиих Миней святителя Димитрия Ростовского. М., 1905. Кн. 6. С. 313–314). Ясно, что если бы Евдоксий управлял Церковью в 340–341 гг., то он никак не мог бы быть участником событий, развернувшихся при императоре Юлиане двадцать лет спустя...

[**] «Если бы от принявших ИНН отходила благодать Святого Духа, и они уже в дальнейшем поклонятся антихристу, то в настоящее время (лучше сказать, уже лет двадцать назад) мы видели бы проповедующими и запрещающими принимать штрихкоды не некоторых благочестивых отцов и братий, а сошедших с неба пророков Еноха и Илию. Именно проповедь сошедших с неба Пророков сделает, по слову преподобного Ефрема Сирина, безответными на <страшном> суде всех уверовавших в антихриста»,— говорит старообрядческое издание (см.: Памятка для православного христианина о последнем времени (к вопросу об ИНН). Новосибирск, 2001. С. 6).

<перед сознательным участием в языческих мистериях.—*А. К.*> не ввести их в другую крайность, чтобы они по чрезмерной осторожности не стали опасаться подобного осквернения каким-либо образом без их ведома... Если будешь есть, не зная и не слыша, что это — идоложертвенное, то не подлежишь наказанию, так как это — дело неведения, а не невоздержания... Апостол предоставляет им великую независимость и свободу: не дозволяет им даже сомневаться, то есть исследовать и разведывать, идоложертвенное ли это или нет, а заповедует просто есть все, находящееся на торжище»*.

И даже если сам христианин знает, что ему предлагают идоложертвенное, однако он не предупрежден об этом обстоятельстве угощающими или продавцами, даже тогда, оградив себя молитвой, он имеет полное право без смущения совести *есть все без исследования* (ср.: 1 Кор. 10, 25).

Но апостолу Павлу и представиться не могла нынешняя ситуация: атеистически настроенный хозяин угощает гостей какими-то продуктами, о которых он сам уверяет, что они самые что ни на есть обычные, а гости-христиане твердят: «Нет уж, не притворяйтесь! Мы знаем, что вы на самом деле даете нам идоложертвенное». Нельзя же ведь всерьез считать, что все сотрудники налоговой инспекции и паспортных столов — сплошь тайные каббалисты-оккультисты, которые втайне от нас метят государственные документы, с нашими именами и данными, тайными же «шестерками» с тем, чтобы переповсвятить нас на служение сатане!

Есть и еще одно различие между той ситуацией, что описывал Апостол и той, что сложилась с нынешними штрихкодами (именно их более всего сегодня боятся многие церковные люди). Во времена Апостола не всякое мясо, продаваемое на рынке, было «идоложертвенным». И у христиан не было никакой неотвратимой необходимости идти в гости к

---

* *Святитель Иоанн Златоуст.* Беседы на Первое Послание к Коринфянам (25, 1). С. 243–244.

заведомым язычникам или покупать клейменое мясо. Христиане произвольно шли в места, где могла встречаться нечистота,— но, в принципе, могли бы и не ходить туда. Соответственно, Апостол предупреждает: «Если из твоей свободы рождается искушение для других людей — то лучше пользуйся своей свободой благоразумнее, чтобы не соблазнять других. Тебе нет нужды ходить по капищам? Ну так и не ходи!». Поэтому слово Апостола обращено прежде всего к этим «сильным» и «свободным» христианам, а не к тем, кто смущается подобным поведением своих собратьев по вере.

Но со штрихкодами все иначе. Они — везде и всюду. Не от воли человека зависит — наткнется он на них или нет. В жизнь двух христиан без спросу вторглись эти «клейма». Один из них реагирует с «сильной» позиции: «Идол в мире есть ничто». Второй же смущается и сторонится этих кодов. Он готов убежать из города... В этой ситуации что должен сделать «сильный в вере»? Бежать вслед за обладателем «идольской совести», подражать его страхам и имитировать их, на самом деле вовсе их не разделяя? Или же он именно ради брата своего должен совершить проповедническое усилие и объяснить ему собственно христианское отношение к языческим погремушкам?

Порой люди, считающие, что штрихкоды (точнее, веруемые в них шестерки) сквернят все, к чему они прилепляются, говорят, что число 666 есть максимум скверны, а потому не может быть освящено (как не может принять благодати, например, моча). Верно. Но ведь возможные альтернативы не сводятся только к дилемме: или освятить, или отбросить. Есть еще возможность — отвоевать. Это путь экзорцизма, «отчитки». Это возвращение Богу части Его творения, украденной сатаной. Возвращение через молитву христиан.

Однажды я спросил (порознь) игуменью монастыря Русской Зарубежной Церкви, располагающегося в Гефсиманском саду, у стен Иерусалима, и духовника этой обители: «Вы живете в Израиле, в стране, где государственной рели-

гией является иудаизм. Практически все товары здесь проходят так называемое "кошерование". Процесс изготовления и признания кошерных продуктов связан с благословением раввинов. Скажите, учитываете ли вы это при закупке продуктов для монастыря, или берете продукты только у арабов?». И оба раза я получил один и тот же ответ: «Мы не обращаем на это внимания. Неважно, где куплен продукт. Важно, что мы-то его готовим и вкушаем с молитвой, а перед силой крестного знамения изнемогает вся сопротивная сила».

Штрихкоды никто не собирается «освящать». Речь идет о другом: об очищении продукта (книг, пакета молока, документа), помеченного штрихкодом, от предполагаемой скверны.

Уверение в том, что тайный, незаметный для христианина знак «портит» вещь и человека, который с этой вещью соприкоснулся, входит в противоречие с православным богословием образа. В 1082 г. византийский император Алексей Комнин при ведении войны столкнулся с решительной нехваткой денег. И тогда он велел перелить в монету медные врата одного из храмов (очевидно, подобные тем, что ныне украшают врата московского Храма Христа Спасителя). На этих вратах были излиты иконы двунадесятых праздников. Халкидонский митрополит Лев возмутился поступком царя, сочтя его кощунственным и иконоборческим. Для разрешения конфликта был созван собор. Лев отстаивал ту мысль, что вещество, из которого делаются священные изображения, остается священным предметом даже и после того, как уничтожен лик угодника или Христа. Собор же пояснил, что честь оказывается не веществу иконы, а ее Божественному прототипу...*

Церковная практика и в самом деле велит изымать из молитвенного употребления иконы, на которых стерлись лики. Осыпавшуюся или безнадежно почерневшую икону можно сжечь – и это не будет кощунством. «Если бы кто захотел

---

* См.: *Успенский Ф.* Очерки по истории византийской образованности; История Крестовых походов. М., 2001. С. 164–166.

поцеловать [находящееся]...<в зеркале> свое изображение, то он поцеловал бы не вещество... но — отображенное в нем подобие его самого; поэтому он и прильнул к веществу. Конечно, если он удалится от зеркала, то вместе с ним отступит и образ, как не имеющий ничего общего с веществом зеркала. Таким же образом [следует рассуждать] и относительно вещества изображения: если уничтожено подобие, которое было на нем видимо и к которому [относилось] поклонение, то вещество остается без почитания»*. Поэтому икону с затемнившимся и неразличимым ликом уничтожали — не боясь поругания «накопившейся в ней благодати».

Только пока изображение видно предстоящему человеку — икона способна послужить сочетанию его ума с Божественным Первообразом. Если же мы говорим, что бумага, помеченная незаметным для человека сатанинским знаком, пленяет ум этого человека сатане, то в таком случае сатане мы приписываем больше, чем Богу.

Так «некоторые русские <раскольнические.— *А. К.*> секты отказываются поклоняться иконам, на которых представлены какие-то посторонние лица или предметы (например, иконописному изображению распятия, если на иконе изображены воины-распинатели <...> “Древу поклоняетесь,— говорят рябиновцы, указывая на образ явления Аврааму Ангелов под дубом Мамврийским (см. иконографический сюжет «Троицы»),— звезды почитаете, осла ублажаете, когда изображаете на иконах вход Господень в Иерусалим; змею и коню молитесь, когда прославляете подвиг великомученика Георгия”»**. Здесь все то же непонимание: не наличие изображения как такового вводит в мир людей того, кто изображен на иконе, а молитвенное именование его людьми устанавливает благодатную связь между человеком, иконой и первообразом. Стоглавый

---

* *Преподобный Федор Студит.* Послание Платону о почитании икон // Символ. Париж, 1987. № 18. С. 251–252.

** *Успенский Б.* О семиотике иконы // Там же. С. 180; С. 213. Примечание 132.

Собор, рассмотрев вопрос о допустимости изображения на поклонных иконах несвятых лиц и предметов, пришел к выводу, что это делать можно.

Итак, на иконе может быть изображено мученичество отроков в Вавилонской пещи. При этом на заднем плане будет изображен идол, которому отроки отказались поклониться. Христианин же, поцеловавший эту икону, никак не стал поклонником персидских богов. Хоть и изображен мерзкий знак на предмете, которому христианин оказал знак любовного почтения, но раз в его уме не было намерения поклониться идолу и даже, напротив, было вполне сознательное и словесно, молитвенно выраженное стремление почтить подвиг тех, кто этот идол попрал, то христианин не стал идолопоклонником...

Тем более присутствие идольского знака или языческого заговора на мирской вещи, то есть на такой, которая не требует никаких жестов религиозного почитания, не может сделать богоотступника из христианина, который пользуется вещью, а не этим знаком.

В Турецкой империи каждый Константинопольский Патриарх и каждый епископ, будучи избранным, нуждался в султанском «берате», грамоте, подтверждавшей его духовный и светский авторитет*. Причем документы, касающиеся православных подданных, сопровождались мусульманскими формулами («Во имя Аллаха...»)**. В языческих странах государственные документы сопровождались и сопровождаются упоминаниями и изображениями соответствующих божеств. Но если государство вписывало имя христианина в бумагу, на которой государство же исповедовало свои религиозные взгляды,— то христиане не считали, будто такого рода процедуры лишали их общения со Христом. Для совести важно —

---

* См.: *Святитель Феофан Затворник.* Собрание писем: Из неопубликованного. С. 176.

** См.: *Митрополит Мелетий.* Печать антихриста в православном Предании. С. 21–22.

что написал я, а не то, что другие написали рядом с моим текстом или с моим именем. Если я сделал заметки на оборотной стороне какой-то странички, – это еще не значит, будто я исповедую то, что на этой страничке написано.

Советские документы и деньги несли на себе символы, у которых было оккультно-антихристианское толкование. На первых советских банкнотах было изображение свастики. И во все последующие годы пентаграммы, молот с серпом, изображения яростного ненавистника Церкви Владимира Ленина метили и деньги, и советские паспорта. Но люди не придавали никакого значения этой зловещей символике. Они видели в дензнаках просто знаки, отражавшие их собственный труд, и как частичку своего труда приносили эти бумаги в храмы. И подавали деньгами милостыню, и жертвовали их на церковные нужды. Та лепта, которую мы подавали нищим и жертвовали на содержание храмов, носила на себе нехристианские символы и портреты. Но разве от того милостыня переставала быть милостыней?

Более того – и на церковных документах (и даже на антиминсах) встречались зловещие имена. Митрополит Иоанн (Снычев) долгое время подписывался: «Архиепископ Куйбышевский». Затем на своих антиминсах он ставил подпись: «Митрополит Ленинградский». Бывали даже архиереи с титулами «Сталинградский и Молотовский». Но разве священнодействия этих архиереев были безблагодатны?

Не сквернит христиан путешествие на кораблях, носящих имена мифических богов и богинь: «Афродита», «Венера», «Нептун», «Громовержец»... Были такие корабли и в составе русского императорского военного флота, что совсем не исключало наличия на них православных иеромонахов.

И христиан Франции не оскверняет ежедневное использование ими имен языческих богов. Во французском языке названия дней недели до сих пор включают в себя языческие имена: Mardi (вторник) – день Марса; Mercredi (среда) – день Меркурия; Jeudi (четверг) – день Зевса; Vendredi (пятница) –

день Венеры. Но ведь не Меркурию и не Венере молятся во французских православных монастырях в эти дни, а Христу и Его святым, хотя в богослужебных расписаниях и написано, например: «19.12, Mardi – St. Nicolas».

А ведь были святые, которые сами носили имена языческих богов (так называемые теофорные имена): святой мученик Меркурий, святой мученик Аполлон (чье имя наш православный календарь честно переводит: «Губитель»), святой Афинодор (буквально: «Дар богини Афины»). А вот значение имени Варсонофий даже календарь не публикует. Означает же оно молитву к египетскому богу Анубису: «Анубис, бодрствуй!»,– то есть «храни мумию»[7]. И что же – определена ли была судьба этих святых их именами? Должны ли мы избегать их, поскольку они носят те же имена, что и языческие идолы?

Вывод: любой символ имеет для человека ровно то значение, которое он сам готов связывать с ним. И порой человек боится своей собственной тени. В «Generation "П"» Виктора Пелевина имеется замечательная сценка: «"Что это за шар?.. почему он зеленый?" – "Не знаю. Какая разница. Ты, Ваван, не ищи во всем символического значения, а то ведь найдешь. На свою голову"»*.

Слово Патриарха: «Только вольное и сознательное отречение от Господа и Спасителя приводит к погибели... Будем же достойно проходить предстоящее нам поприще Великого поста, помня, что тогда никто и ничто не отлучит нас от любви Божией. Немощным же в вере и смущающимся Святая Церковь снова и снова напоминает: "С нами Бог! Разумейте языцы, и покаряйтеся: яко с нами Бог!"» (Из Великопостного, 2001 года, Послания Патриарха Алексия II).

Архимандрит Адриан (Псковская епархия) в ответ на вопрос об ИНН: «А у нас в Печорах так говорят: "Ты стань Божиим, а Бог своих не выдаст"».

---

* *Пелевин В.* Generation «П». М., 2003. С. 327.

ПОЧЕМУ ХРИСТИАНЕ НЕ БОЯТСЯ «ПОРЧИ»

Слова «сглаз» и «порча» не найти в богословских словарях и энциклопедиях. Эти слова пришли не из церковного языка, а из язычества, из фольклора. Из мира сплетен и преданий, перешептываний и сказок они сейчас, во время повального интереса к магии, проникают в мир книг.

Поскольку же мы ничего не узнаем о «порче» из книг по богословию и истории церковной мысли, то надо обратиться к историкам, изучавшим народные верования.

Николай Костомаров так пишет об этом народном убеждении: «Под именем "порчи" в обширном смысле разумелось вообще нанесение вреда человеческому здоровью от злоумышления или зложелательства, при участии нечистой силы; но в тесном смысле сюда относились по преимуществу те нервные болезни, которые внезапностью и исключительным ужасом припадков потрясают воображение, настроенное к таинственным толкованиям... "Порча" сообщалась через разные предметы, посредством ветра и выимки следа. Равным образом колдуны пересылали свое зложелательство через подмет разных вещей, к которым случайно мог прикоснуться тот, на кого обращалось злое намерение. Не только верили, но даже избегали сомненья в том, что причины таких явлений надобно искать исключительно во влиянии злых духов, а не в обыкновенной природе. Очень часто появлялись беснующиеся и кликуши. Кликушами они называются потому, что кликали на кого-нибудь, то есть

указывали, что такой-то их испортил. О таких бесноватых ходили изустно и письменно истории самые мрачные и вместе самые затейливые. В одном из сборников XVII в. есть повесть об одной священнической дочери, в первую ночь своего брака подвергнувшейся власти бесов, потому что муж ее неосторожно вышел, оставив дверь отворенной и неосененной крестным знамением. Бесы таскали ее на болото, терзали и мучили. Она делалась беременной и рождала чудовищ, наподобие змей, которые сосали ее до крови... Появление кликуш в городах было истинным наказанием для всего общества; их указания часто принимались и преследовались судом. По одному клику бесноватой женщины брали обвиняемого ею человека и подвергали пыткам. иногда притворные кликуши служили орудием корыстолюбивым воеводам и дьякам; последние нарочно подущали их обвинять богатых хозяев, чтобы потом придраться и ограбить последних. А если кто-нибудь, обезумленный страданиями пытки, наскажет на себя, что он действительно колдун, того сжигали на срубе. Между тем правительство, получив известие о распространении порчи и появлении кликуш в каком-нибудь крае, посылало туда нарочных сыщиков отыскивать и выводить ведунов и ведуний; всеобщее зло удваивалось. Часто обыкновенная болезнь человека служила началом дела о колдовстве. Больное воображение искало причин болезни и тотчас нападало на мысль, что болезнь происходит от супостата. Томит сухота сердечная, есть-пить не хочется, свет белый не мил – верно, напустили, может быть, из-под ветру или со следа, а может быть, зелия чревно-отравного дали, что чаровница собрала в ночь Купалы. Домашние придумывали, от кого бы могла случиться беда. Они имели право указывать на ведуна и просить сыску; а нужно, чтобы только заподозрили в ведовстве – до пытки не далеко. Самый ничтожный факт, если его не могли объяснить, достаточен, чтобы обвинить человека в колдовстве... Во время войны боялись, чтобы чужие государи не подослали волшебниц испортить

государеву семью. Опасение, чтобы лихие люди не нанесли "порчи" царю и царскому семейству, не имело границ. Чуть только случилось прихворнуть государыне или кому-нибудь из царских детей, сейчас подозревали, что их испортили, сглазили или напустили на них худобу. Если в домашнем царском быту возникал какой-нибудь спор между супругами — и этому искали причины в ведовстве и порче. Болезнь царского младенца приписывалась "сглазу" и "порче"»*.

«В старину ни одно... дело не обходилось без обвинений в чародействе»,— пишет исследователь русского фольклора Александр Афанасьев**. «И до сих пор <работы Афанасьева выходили в 60-е гг. XIX в.> простой народ думает, что все калеки, расслабленные и хворые изурочены колдунами и нечистою силою; всякое телесное страдание и всякое тревожное чувство приписываются "порче" "недобрых людей", их завистливой мысли, оговору и "сглазу" и называются напускною тоскою; нервные болезни — кликушество, икота и падучая, а равно грыжа, сухотка и колотье признаются поселянами за действие злых духов, насланных на человека на срок или навсегда мстительным колдуном. Сами больные, разделяя то же убеждение, выкрикивают во время припадков имена своих врагов, подозреваемых в наслании болезни, и обвиняют их в этом мнимом преступлении»***.

И даже прямое противодействие церковных проповедников этому верованию перетолковывалось в его же пользу. Так, когда в XIX столетии священник попытался разъяснить крестьянам, что подозреваемая ими женщина никак не виновата в «порче», то есть в том, что в деревне развелось множество истеричек-кликуш, крестьяне решили, что колдунья испортила

---

* *Костомаров Н.* Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII вв. // *Костомаров Н., Забелин И.* О жизни, быте и нравах русского народа. М., 1996. С. 157–160.

** См.: *Афанасьев А.* Поэтические воззрения славян на природу... Т. 3. С. 305.

*** Там же. С. 36.

и батюшку, который однажды зашел к ней в хату и пил у нее чай. «Пошли разные толки и рассказы о том, будто бы во время службы батюшка забывает выходить с Дарами, не может вынести креста, так как он сам "спорчен". Все это оказалось игрой воображения, лишенного всякого основания, и показывает, какой высокой степени нервного возбуждения достигло все население, едва не впавшее в массовые галлюцинации»*.

Знаменитый исследователь русского языка и народной культуры Владимир Даль с горечью пишет о том же суеверии: «Нигде не услышите Вы столько о "порче", как на Севере нашем... Болезнь эта передается от одной бабы к другим, потому что им завидно смотреть на подобострастное участие и сожаление народа, окружающее кликушу, и нередко снабжающих ее из сострадания деньгами... Покуда на селе только одна кликуша, можно смолчать, потому что это бывает баба с падучей болезнью, но как скоро появится другая и третья, то необходимо собрать их всех вместе в субботу перед праздником и высечь розгами. Двукратный опыт убедил меня в отличном действии этого средства: как рукой снимет»**.

Официальное и церковное отношение к этим поверриям было двояким. Безусловно, чародейство считалось грехом. Но признавалась ли действенность этих чар?

В Европе «народная вера в ведьм и в их способность околдовывать людей вплоть до XII–XIII вв. считалась "ложным суеверием". Составители пособий для исповеди — пенитенциалиев или "покаянных книг", распространившихся в Европе с VII в., рассматривали подобные суеверия своих прихожан как "губительную заразу" и неоспоримое свидетельство утраты "истинной веры", а замеченным в ней полагалась 2-летняя епитимья... Католическая церковь никогда не была замечена в склонности к телесным наказаниям или казни за колдовство. Даже

* *Краинский Н.* Порча, кликуши и бесноватые... С. 163.

** *Даль В.* О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа. СПб., 1880. С. 5.

за вредоносное (смертоносное) колдовство полагалось самое большее семь лет покаяния на хлебе и воде. Собственно, осуждались не столько возможные последствия колдовских действий, успех которых в глазах Церкви был сомнительным, сколько сама вера в их эффективность, означавшая все то же идолопоклонство. Иное дело – реакция светских властей. <В их глазах> колдун подлежал наказанию не за отступление от истинной веры, а за причиненный ущерб... Повторю еще раз: до IX в. светское законодательство упорно делало акцент не на самом факте колдовства, а на степени вреда, наносимого колдуном... Отношение официальной Церкви к народной вере в силу взгляда в раннем Средневековье остается не совсем ясным, так как из Евангелия непонятно, верил ли в нее Сам Христос, и теологи этот аспект народных представлений никак не комментируют. Но в народе вера в "дурной глаз" сохранялась на протяжении всего Средневековья, что явствует из перечня вопросов, которые приходский священник должен задавать прихожанам на исповеди. "Покаянные книги" ничего не говорят нам о болезнях и несчастьях, происходящих от "сглаза", зато осуждают веру "некоторых женщин" в возможность взглядом или оговором околдовывать и изводить соседских утят, гусят, цыплят и прочую живность»[*]. И лишь в XIV в. с возможностью «сглаза» соглашаются католические богословы – причем Фома Аквинский при этом ссылается на труды Аристотеля и Авиценны, откуда он выводит, что душа старой женщины чаще бывает исполненной зла, отчего сам взгляд ее становится ядовитым и опасным, особенно для детей (см.: *Фома Аквинский.* Сумма теологии. 1, 92, 4).

На Руси, с одной стороны, в крестоцеловальных записях на верность царю Борису Годунову содержалось обещание «государю, царице и их детям зелья лихого и коренья не давати и не испортити, да и людей своих с ведовством да со всяким

---

[*] *Арнаутова Ю.* Колдуны и святые: Антропология болезни в Средние века. СПб., 2004. С. 51–52, 84.

лихим зельем и с кореньем не посылати и их, государей, на следу всяким ведовским мечтанием не испортити, ни ведовством по ветру никакого лиха не посылати и следу не вымати»*. Воеводу князя Михаила Воротынского обвиняли в связи с ведьмами. Когда связанного князя привели к Ивану Грозному, царь спросил его: «Се на тя свидетельствует слуга твой, иже мя еси хотел очаровать и добывал еси на меня баб шепчущих».– «Не научихся, царь,– отвечал знаменитый воин,– и не навыкох от прародителей своих чаровать и в бесовство верить, но Бога единого хвалити»**.

С другой стороны, церковные кары для чародеев были слишком мягки. За те грехи, за которые в Европе в те века сжигали, на Руси лишь налагали епитимьи. По наблюдению историка, «к великой чести нашего духовенства надо сказать, что у него колдуны отделывались куда дешевле, чем у западноевропейского. В том самом XVI в., когда в Европе пылали костры, на которых горели живьем сотни ведьм, наши смирные пастыри заставляли только своих грешников бить покаянные поклоны<...> Для наших Патриархов, митрополитов и прочих представителей высшего духовенства ведун, ведьма – были люди заблуждающиеся, суеверы, которых надлежало вразумить и склонить к покаянию, а для западноевропейского папы, прелата, епископа они были прямо адовым исчадием, которое подлежало истреблению»*** . Обращает на себя внимание мягкость этих епитимий. Так, в патриаршей грамоте на основание Львовского братства 1586 г. предписывается за чародейство «епитимья сорок дней поклонов по 100 на день»****. Если

* Цит. по: *Афанасьев А.* Поэтические воззрения славян на природу... Т. 3. С. 304–305.

** Цит. по: Там же. С. 304.

*** *Орлов М.* История сношений человека с диаволом // *Амфитеатров А.* Диавол; *Орлов М.* История сношений человека с диаволом. М., 1992. С. 656–657. Примеры подобных епитимий см. в книге: *Афанасьев А.* Поэтические воззрения славян на природу... Т. 3. С. 295–296.

**** Цит. по: *Афанасьев А.* Поэтические воззрения славян на природу... Т. 3. С. 296.

бы издатель этой грамоты полагал, что колдовство действенно и может по-настоящему навредить человеку и даже погубить его жизнь и здоровье или, что еще хуже, привести ко вселению беса в ни в чем не повинного человека — то епитимья должна была бы быть значительно строже и, «как минимум», приравниваться к епитимье за убийство (пусть даже и с картонным ножом)*.

В синодальную эпоху церковное и государственное отношение к верованиям в «порчу» становится более определенным. «Регулярное» государство не может позволить себе изводить своих же граждан по столь непроверяемым обвинениям, как обвинения в колдовстве.

Кликуши заявляли, что их околдовали, «испортили», причем называли конкретные имена виновников своих бед, тем самым навлекая на своих недругов церковно-государственные репрессии. Государство и Церковь превращались в слепые инструменты в руках кликуш. Петр I не любил, когда его использовали. Поэтому с кликушами стали обращаться по принципу: «Доносчику — первый кнут». По заявлению кликуши дело заводилось. Но допрос начинался не с оговоренного лица, а с самой кликуши. И «число дел о “порче” сразу уменьшилось»**.

---

* По правилу Киевского митрополита Иоанна II (1080–1088), занимающихся чародейством надлежит сначала отвращать от злых дел словами и наставлениями; если же пребудут неизменными, то в отвращение зла наказать их с большей строгостью, но не убивать и не уродовать их тел, так как этого не допускает церковное учение... А в приговорной грамоте Троице-Сергиева монастыря (в 1555 г.) предписывалось изгонять из сел «волхвей и баб-ворожей»; причем их можно было побить и ограбить. «Здесь рекомендуется домашняя мера против волхвов: выгнать вон, и делу конец» (*Гальковский Н.* Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. Харьков, 1916. Т. 1. С. 229, 232). «Весьма замечательно, что наши памятники епитимийного содержания совершенно не содержат указаний на колдовство в западноевропейском смысле: нет указаний на формальную связь человека с диаволом, на контракты с ним» (Там же. С. 234).

** *Левенстим А.* Суеверие в его отношении к уголовному праву // Журнал Министерства юстиции. 1897. № 2. С. 99.

«Духовный регламент» обязывает епископов: «Спросит же епископ священства и прочих человек: “Не делаются ли где суеверия? Не обретаются ли кликуши?”»*.

Со ссылкой на «Регламент» императрица Анна Иоанновна в 1737 г. дала соответствующий указ Синоду: «Сего ноября 15-го дня в полученном Ея И. В., за подписанием собственныя Ея И. В. руки, Святейшему Синоду в указе, сего же ноября 14-го дня состоявшемся... объявлено: может-де памятно быть не токмо суду, но и прочим духовным и мирского чина подданным Ея И. В., тщательным к твердому содержанию веры и закона Божия и догматов церковным людям, какия в прошедших летах явились в Российской Империи от некоторых незнающих совершенно закона и правил и истиннаго ко спасению души пути, самовымышленныя к поколебанию и сумлительствам простого народа разныя суеверия, между которыми находились инде и кликуши; но все такие бездельные суеверцы, тогда ж, по взятии их к следствию, в тех противных закону и совести продерзостях признались и за то жестоко наказаны, и впредь того во всей Ея И. В. Империи не токмо указами предецессоров Ея И. В. прилежно предостерегать и таких суеверцев, где б иногда кто явился, хватать и наказывать повелено... и... каждому Архиерею в своей епархии тщательно наблюдать и смотреть о кликушах, чтоб оных до суеверных шалостей не допускать... и для лучшаго того смотрения... указано Епископам по всем городам учредить из духовнаго чина нарочных... благочинных, которые б, сколь скоро где что в народе к суеверию подлежащее появилось, тотчас объявляли о том им»**.

Сенатский указ 1770 г. «рассказывает, что в Яренском уезде несколько беспутных девок, притворяясь испорченными, выкликали на восемь мужчин и женщин Печорской и

---

* Духовный регламент, тщанием и повелением Всепресветлейшего, Державнейшего Государя Петра Первого, Императора и Самодержца Всероссийского, по соизволению и приговору Всероссийского Духовного Чина и Правительствующего Сената, в царствующем Санкт-Петербурге, в лето от Рождества Христова 1721-е, сочиненный. 3-е изд. М., 1883. С. 40.

** Цит. по: *Краинский Н.* Порча, кликуши и бесноватые... С. 46.

Устненской волостей, называя мужчин *батюшками*, а женщин *матушками.* Соседи, услыша о том, собрались и приступили к обвиненным в "порче" девушек с угрозами, чтобы признались добровольно, потом пришли сотские, *стали сечь их и мучить.* И сии, совсем невинные, не стерпя побои, а притом опасаясь не только горшего себе жребия, но и самой пытки в городе, которою им угрожали, объявили себя чародеями. Несмотря на признание, они все-таки представлены были в город, и там под плетьми были допрашиваемы, и, убоясь от разноречия конечной себе гибели, прежние свои признания подтвердили. Дело об них сначала производилось в Яренской воеводской канцелярии, а потом перешло в Великоустюжскую духовную консисторию, и оба эти судилища обвинили судимых крестьян "в чародействе и посредством оного в «порче» людей". Дело дошло до Сената. "С сожалением выслушав" это дело, Сенат нашел: 1) что подсудимые были подвергнуты напрасному истязанию, ибо их признание в чародействе было вынуждено плетьми и страхом; 2) невежество судей, которые поверили чудовищному народному преданию, якобы "порча" людей производится посредством пущаемых на ветер, даваемых якобы от диавола червяков, и что оные на ветер пущаемые червяки входят в тело тех, которые из двора выходили, не помолясь Богу и не проговорив Иисусовой молитвы... 3) диавольские червяки, присланные за казенною печатью (!), оказались обыкновенными мухами, которых одна из подсудимых наловила и высушила, чтобы удовлетворить судей, а себя избавить от истязания. Поэтому Сенат определил: обвиненных отпустить, воеводу отрешить, сотских и десятских наказать батожьем, а кликуш высечь плетьми»*.

«В 1785 г. Вениамин, епископ Архангельский и Холмогорский, доносил в Архангельское наместническое правление, что, вследствие указа 1737 г., доставлена священниками из Пинегского округа ведомость о кликушах, коих оказалось

* *Прыжов И.* История нищенства, кабачества и кликушества на Руси. М., 1997. С. 84–85.

девятнадцать человек, и под их именами подписано, что именно и как кричат и кликушество свое производят: “Оные именованные женщины кричат необычно во время хождения со крестом, и со святыми водами, а наипаче во время хождения, и в прочия времена, когда оные кликуши начнут мучить, иногда иные бывают без памяти, и ударяют сами себя, и за волосы терзают, и сквернословятся всячески”. Этот рапорт священников доставлен был Синоду с уведомлением,— что и в других приходах в том же Пинегском и Мезенском округах имеются кликуши. Синод на это донесение отвечал, “что как по высочайшему о губерниях 1775 г. ноября 7-го дня учреждению, 399-й статьи, таковые дела относятся к рассмотрению совестного суда, то на основании сего и сообщить из консистории в Архангельское наместническое правление о поступлении с ними по законам”. Но, передавая это дело к наместнику, Вениамин прибавлял, что он много рассуждал о кликушах, и оказалось, что “сие кликушество есть икота, тако ж и стрелы есть не колдовство, но натуральная болезнь, и происходит не от воды ли, в самом деле нечистой, и производящей в человеке червя? И потому не подлежит ли сим людям, икотою и стрелами страдающим, изобрев истинную причину, подать прежде средств к избежанию и излечению тех болезней, нежели издать их, как преступников”»*.

«Тринадцатого мая 1773 г. последовал указ Святейшего Синода о воспрещении духовенству петь молебны и читать слово Божие над кликушами и прочими порчеными людьми, о которых “не иное должно иметь разсуждение, как о прямом притворстве и обмане и суеверии”»**. И даже антизаговорная «молитва святого Киприана» рассматривалась как улика и изымалась при обысках***.

---

* *Прыжов И.* История нищенства, кабачества и кликушества на Руси. С. 85.

** *Краинский Н.* Порча, кликуши и бесноватые... С. 48.

*** См.: *Лавров А.* Колдовство и религия в России... С. 129.

Статья 937 «Уложения о наказаниях Российской Империи» гласила: «Так называемые кликуши, которые делают на кого-либо изветы, утверждая, что он причинил им зло будто бы посредством чародейства, подвергаются за сей злостный обман: заключению в тюрьме на время от 4-х до 8-ми месяцев»*. Эта норма закона не была вполне бездейственной. Так, в 1861 г. Екатеринославская уголовная палата признала священника Донцова виновным в распространении суеверных представлений о «порче» и кликушестве** .

Вообще гражданскому суду подлежали «в колтунах, босые и в рубашках ходящие»***. Последний случай применения 937-й статьи относится к 1874 г., когда Устюжский окружной суд за попытку оклеветать крестьянку Степаниду Харламову приговорил шестерых кликуш к небольшим срокам тюремного заключения, а «спорченого» крестьянина — к пятидесяти ударам розог****.

Впрочем, «порченый» мужик — это редкость. В ту пору уже отмечали, что кликушество имеет достаточно определенную социологическую прописку: практически не было кликушества на Украине, не встречалось оно у мальчиков, крайне редко встречалось у мужчин, не было его и у лиц из образованных сословий...*****

---

*Цит. по: *Краинский Н.* Порча, кликуши и бесноватые... С. 110. Примечание.

** См.: Там же. С. 48.

*** *Святитель Филарет, митрополит Московский.* Мнения, отзывы и письма. М., 1998. С. 205.

**** См.: Дело о кликушах. Заседание уголовного департамента Санкт-Петербургской судебной палаты, 2 мая // Церковно-общественный вестник на 1874 год. СПб., 1875. № 56. С. 5–6; № 57. С. 6–7. В Петербурге устюжский приговор был отменен, ибо было сочтено, что кликушество — это нервная болезнь.

***** См.: *Прыжов И.* История нищенства, кабачества и кликушества на Руси. С. 90–91.

Однако не только в народе продолжали рассказывать о порчах. Было бы странно, если бы взаимодействие между церковным учительством и народом шло только в одну сторону. Духовенство тоже не могло не испытывать воздействия народа (тем более что по уровню богословского образования оно зачастую от него почти не отличалось). Так что было бы странно, если бы общенародные убеждения и суеверия вовсе не просачивались в приходский быт и никак не затрагивали рядовое духовенство (да и не только рядовое: в начале IV в. Эльвирский собор своим 34-м правилом запретил зажигать днем свечи на кладбище – «чтобы не беспокоить души святых»)*.

Поэтому не всякое предание, повествуемое в монастырской келлии (или даже записанное в монастырской летописи) или на приходе, есть предание собственно церковное. «Очень может быть... что, внося некоторые из трактуемых молитв, переписчики и догадывались о темном первоисточнике их происхождения <...> не надо забывать, что если литургическая критика... и даже в Греческой Церкви не всегда стояла на должной высоте, то нечего и говорить о недостатках ее в старинной Русской Церкви»**...

В только что упомянутой Греческой Церкви бытовал, например, даже Чин проклятия человека псалмами («Псалмокатáра»). В этом случае еще не изобличенному преступнику

* См.: *Crouzel H.* Origen. Sibiu, 1999. P. 79. К сожалению, «процент глубокоученых и высокоталантливых пастырей был сравнительно невелик даже и в IV веке. Некоторые пастыри того времени в странном самообольщении ничего не хотели слышать ни о каких требованиях касательно умственного развития, как скоро им сообщена благодатная сила в рукоположении, которая, по их разумению, должна была заменить естественную развитость ума, но, конечно, не заменяла» (*Лебедев А.* Духовенство древней Вселенской Церкви от времен апостольских до X века. СПб., 1997. С. 261).

** *Алмазов А.* Врачевальные молитвы: К материалам и исследованиям по истории рукописного русского Требника. Одесса, 1900. С. 98–99.

не просто объявлялось его отлучение от церковного общения, общения в общецерковных молитвах и Причастии (собственно церковный смысл анафематствования). Но и вместе с этим проклятием возносилось и пламенное моление о жесточайшем и всеобъемлющем наказании преступника и о поражении его всяческими, внутренними и внешними, недугами, которые сделали бы явным преступность этого человека и тем самым вывели бы его из неизвестности[*]. «По уставу этого последования... требуется пригласить семь священников, которые должны совершить Литургию. По окончании Литургии они должны выйти в облачении... на средину... храма. Здесь приготовляется тарелка, в которую наливается “хороший уксус”, а вокруг нее ставится семь смоляных <то есть черных> свечей. После того в тарелку кладется кусок негашеной извести в объеме одного яйца <...> <и над этим составом> и должно читаться все положенное в последовании. <Смоляные свечи были указанием на связь преступника с миром ада.> <...> Что же касается до употребления смеси из уксуса и негашеной извести, то на уместность применения их навело химическое последствие такого смешения... бурная реакция. При ней разложение извести под воздействием уксусной кислоты производит кипение, сопровождаемое выделением газов, а в результате остается густая и очень клейкая масса <...> как указание на “вязание” властью Церкви совершившего преступление»[**].

Затем «все... священники берут в свои руки по одной горящей свече <...> и... каждый из них по очереди произносит предназначенную для него часть псалма и, сверх того, произносит еще так называемый... тропарь Иуды. Когда все семь священников исполнят это, тогда,— говорит устав,— да отлучают и да творят отпуст; тарелку же да перевернут вверх дном и в таком виде да оставят ее внутри церкви»[***].

---

[*] См.: *Алмазов А.* Проклятие преступника псалмами: К истории суда Божиего в Греческой Церкви. Одесса, 1912. С. 1–3.

[**] Там же. С. 4, 9–10.

[***] Там же. С. 4.

В другой греческой рукописи, опубликованной Александром Алмазовым, предлагается совершение подобного рода Чина начинать еще до Литургии. В этом случае «к Литургии ...<также> предписывается приготовить чистого уксуса и чистой извести, новый сосуд, семь же смоляных свечей и пять просфор пресных, свалянных "двигая рукой назад и вперед". Удар в било к Литургии должен делаться левой рукою, совершая же Литургию, священник надевает обувь с правой ноги на левую и обратно и, сверх того, облачается "во всю священническую одежду наизнанку" <...> При совершении Литургии... предлагается еще на выбор: "Когда поминаешь мертвых, если хочешь, чтобы он (отлучаемый) помер,– помяни и его в ряду мертвых; если же желаешь ему жить,– помяни его в ряду живых"»[*].

Как видим, порой даже духовенство способно идти на поводу у верований прихожан, переступая при этом евангельские и святоотеческие заповеди[**].

В древнерусских и сербских Служебниках и Требниках была молитва, надписанная: «Молитва, егда вода в человеке запрется» или «Молитва от запора воды человеку»[***]. Один соловецкий Лечебник содержал в себе заговор: «Како еще кровь умолвити, чтобы перестала»[****]. В русском Требнике была

[*] *Алмазов А.* Проклятие преступника псалмами... С. 11–12.

[**] «Еретические учения, несогласные с принятым нами, должно проклинать и нечестивые догматы обличать, но людей нужно всячески щадить и молиться об их спасении» (*Святитель Иоанн Златоуст.* Слово о проклятии (4) // Творения. Т. 1. Кн. 2. С. 766). «Доброжелательствуй (а не зложелательствуй) всякому, даже врагу твоему или врагу твоей православной веры и отечества, чтобы исполнить точно закон Христа Бога, повелевшего любить врагов, благословлять проклинающих, добро творить ненавидящим нас (см.: Мф. 5, 44). Если же пожелаешь зла и позлорадствуешь врагу – то нарушишь закон Божий, сотворишь лукавство и самосуд пред Господом и себе причинишь вред и зло, лишишься мира сердечного и отягчишь душу грехом» (*Святой Иоанн Кронштадтский.* Путь к Богу: Дневниковые записи. СПб., 1998. С. 634–635).

[***] См.: *Алмазов А.* Врачевальные молитвы... С. 122.

[****] См.: Там же. С. 53.

«Молитва. Егда начнет жена детя родити не борзо», звучавшая так: «Иже обрет Исус Христос со Иоаном Бословцом. Обрели жену ражающу не может родити. И рече Господь нашь Иоану Богослову: вгряди Иоане рцы ей в правое ухо. От Бога раждающис выиди младенче Христов. Христос тя зове. Помяни Господи сыны едемския во дни Иеруслмовы глаголющая. Истощайте и(стощайте) до основания земли...»*. Была в Требниках и молитва «на закрутку»...**

В древности подобных молитв-заклинаний в церковном обиходе было немало. Но постепенно, по мере роста богословского образования духовенства, они исчезают из церковных книг.

Впрочем, есть одно небезынтересное исключение. Именно в поздних, в печатных, Требниках появились ранее не включавшиеся в официальные церковные книги апокрифические молитвы и заклинания. По определению ученого, «заклинание, в противоположность молитве,— есть обращение совершителя или, точнее, его требование, адресованное уже не к подателю блага — Богу, а к источни-

---

*Цит. по: *Алмазов А.* Врачевальные молитвы... С. 124–125.

** «Закрут завивается тайно из жажды мщения, из желания причинить хозяину нивы зло, и сопровождается заклятием на гибель плодородия; он совершается так: злобный колдун берет на корню пучок колосьев и, загибая к низу, перевязывает их суровою ниткою или заламывает колосья и крутит (свивает) на запад=сторона, с которою соединяется понятие смерти, нечистой силы и бесплодия; в узле залома находят иногда распаренные зерна и могильную землю: и то и другое — символы омертвения. В старинных Требниках встречаются молитвы, которые следовало читать над таким очарованным местом: после установленного молитвословия, священник выдергивал закрут церковным крестом и тем отстранял его зловредное влияние. Теперь для снятия закрута приглашают знахаря, который вырубает осиновый кол, расщепливает его надвое и этим орудием выдергивает зачарованные колосья; затем закрут сожигается благовещенскою свечою, а на том месте, где он стоял, знахарь вбивает в землю осиновый кол, что (по мнению поселян) причиняет колдуну нестерпимые муки» (*Афанасьев А.* Поэтические воззрения славян на природу... Т. 3. С. 254).

ку и виновнику того зла или бедствия, к устранению которого направляется данное заклинание»*. Заклинатель декларирует свою связь с Богом, Который полагается страшным для тех существ, к которым обращено заклинание. Итак, молитва просит у Бога блага для себя и для других, в то время как заклинание есть ходатайство, несущее неприятности виновникам зла. Важной чертой заклинания является и то, что «ввиду своего обращения к виновнику зла заклинание, очевидно, понимает этого виновника существом личным, разумным и свободным, а сверх того, и могущественным,– более сравнительно с человеком, но с подчинением могуществу и силе Бога»**. «При указанном усвоении демону особенного могущества, последнее суеверными представителями невежественной части христианского общества иногда стало распространяться до чрезвычайных пределов, настолько, что демон понимался не только источником зла, действующим по своей инициативе, но действующим и по желанию человека»***.

Итак, «под именем апокрифической заклинательной формулы нужно разуметь всякое заклинание (безразлично, направлено оно к благу или ко вреду человека), которое усвояет демону власть и могущество в большей степени, чем это допустимо по учению христианскому»**** – в отличие от заговора, в котором речь идет о технико-магическом воздействии на сам предмет, а не на владеющую им бесовскую силу. «Если в молитве и заклинании положительный результат считается возможным от содействия высшего существа, то в заговоре он усвояется исключительно желанию, воле и требованию самого совершителя заговора»*****.

---

* *Алмазов А.* Апокрифические молитвы, заклинания и заговоры... С. 14.

** Там же. С. 15.

*** Там же. С. 18.

**** Там же.

***** Там же. С. 20.

И вот заклинание из, увы, церковного Требника: «Заклинаю вас... червие, гусеницы... мыши... и различные роды мух... и мравий... Богом Отцем Безначальным, и Сыном Его Собезначальным и Единосущным, и Духом Его Пресвятым... Заклинаю вас вочеловечением Единороднаго Сына Божия... страстию же Его спасительною...» (Чин, бываемый на нивах, или винограде, или вертограде, аще случится вредитися от гадов или иных видов. Заклинание святаго мученика Трифона)*.

Почему бы прямо и просто не обратиться к Творцу всяческих? Почему не сказать просто: «Господи, по беззакониям нашим и по воле Твоей святой нашли на нас сии бедствия, но не воздаждь нам по грехом и, аще возможно, минуй нас Твоей праведной и любящей карой»? Зачем еще обращаться к бездушным и примитивнейшим тварям, делая при этом вид, будто они разбираются в тонкостях церковного учения и знают, что такое «вочеловечение Единороднаго Сына»?

Более того – это заклинание продолжалось еще более странно: «Аще же преслушаете мене, и преступите клятву, еюже заклинах вас, не имате ко мне смиренному и малейшему Трифону, но к Богу Авраама, и Исаака, и Иакова, грядущему судити живым, и мертвым: темже якоже предрех вам, идите на дивия горы, на безплодная древа. Аще же не послушаете мене, молити имам Человеколюбца Бога, еже послати Ангела Своего, иже над зверьми и железом и свинцом, свяжет вас и убиет, зане клятв и молитв мене смиреннаго отвергостеся Трифона: но и птицы посылаемыя моею молитвою да снедят вас. Еще заклинаю вас великим именем, на камени написанным, и не носившем, но разседшемся яко воск от лица огня: изыдите от мест наших» (Чин, бываемый на нивах, или винограде, или вертограде, аще случится вредитися от гадов или иных видов. Заклинание святаго мученика Трифона)**.

* См.: Требник. М., 1884. Л. 163 об. –164.

** См.: Там же. Л. 164–164 об.

Что это за «Ангел, иже над зверьми»? Почему Ангел действует «железом и свинцом»? Зачем упоминать о неких таинственно-неизреченных именах, если Христос уже открыл имя Божие человекам (см.: Ин. 17, 6) и если уже нет иного спасительного имени под небесами, кроме имени Иисуса Христа (см.: Деян. 4, 12)?

Происхождение этого заклинания из мира апокрифов — несомненно: «И теперь в греческом Евхологии (а отсюда и в русском Требнике) имеются молитвы, исходное начало которых только и можно находить в ряду молитв собственно апокрифических»*.

Однако этого заклинания нет у старообрядцев, и ссылки на него используются ими как повод для нападок на «никониан» и их «новизны»[8]. Не было его и в Большом Требнике Киевского митрополита Петра Могилы (который вообще-то содержит — в отличие от современных чинопоследований — немалое число упоминаний о вреде от

**Алмазов А.* Апокрифические молитвы, заклинания и заговоры... С. 31. Подробнее см.: *Алмазов А.* Святые покровители сельскохозяйственных занятий. Одесса, 1904; Руководство для сельских пастырей. Приложение. Библейский листок. 1904. Вып. 8–9. Похоже, что это апокрифическое заклинание, приписанное святому Трифону, восходит к другому апокрифу — житийному повествованию о пророке Иеремии: «На той горе <на которой умер Моисей> пророк Иеремия нашел пещеру, внес в нее кивот завета; вход в эту пещеру загородили большим камнем. И камень этот как бы запечатал Иеремия, начертав на нем своим перстом имя Божие,— причем написание то было подобно написанию железным острием, ибо твердый камень под пишущим пальцем Пророка был мягок как воск, а после отвердел по свойству своей природы... в день же всеобщего воскресения он <ковчег завета> вынесен будет из-под запечатанного именем Божиим камня и поставлен на Сионской горе, и все святые соберутся к нему в ожидании пришествия Господа, Который избавит их от страшного врага — антихриста, ищущего их смерти» (Житие и страдание пророка Иеремии // Жития святых, на русском языке... Кн. 9. С. 33).

чародеев*). В рукописных экземплярах русского Требника оно неизвестно; в печатный Требник оно вошло только с 1677 года. В греческих и западноевропейских сборниках оно известно и ранее — но именно в составе апокрифических народных сборников, и никогда не в церковных Евхологиях (Требниках). По выводу А. Алмазова, эта молитва не входила в церковные сборники молитв до XVII века**.

Стоит заметить, что в современных изданиях Требника эти заклинания, непродуманно заимствованные из околоцерковной письменности в собственно церковную книгу, уже снова устранены.

Это вполне уместное вмешательство цензуры: ведь в целом церковная традиция (и прежде всего — богословие) призывала относиться к вере в «порчу» как к суеверию.

Я раскрыл несколько книг, дающих практические советы священникам***,— но нигде я не нашел упоминаний о «порче» и рекомендаций о том, как священник должен ее «снимать» и как он должен защищать свою паству от чародейств. В них говорится о том, как священник должен защищать своих прихожан от веры в действенность чародейства: «Бороться с русалками и языческими обрядами, если они не имеют безнравственного характера, малопло-

---

* Скорее всего, заимствованных Киевским митрополитом из католических источников: вспомним, что именно в Европе XVI–XVII вв. сильнее всего были распространены и колдовство, и ужас перед ним, и охота на ведьм.

** См.: *Алмазов А.* К истории молитв на разные случаи: Заметки и памятники. Одесса, 1896. С. 28.

*** См.: *Священник Н. Сильченков.* Практическое руководство при совершении приходских треб. Воронеж, 1888; Сборник решений недоуменных вопросов из пастырской практики. К., 1903. Вып. 1–2; *Булгаков С.* Настольная книга для священно-церковно-служителей: Сборник сведений, касающихся преимущественно практической деятельности отечественного духовенства. М., 1913; *Священник Т. Тихомиров.* На приходе: Священническая энциклопедия по всем сторонам пастырской деятельности с вводными статьями теоретического характера. М., 1916. Т. 2.

доносное дело. Нужно бороться с предрассудками и суевериями наиболее жизненно вредными, особенно родящими вражду: "сглаз", знахарские способы лечения»*.

Народные представления действительно в центр религиозной жизни ставят борьбу «белой» и «черной» магий. А церковное богословие поступает совершенно недемократично и к голосу народа в этом вопросе все же не прислушивается**. Почему?

Дело в том, что если принять эту народную веру всерьез, то придется приписать колдунам немалую силу. И тогда в сердце поселится страх. Тогда надо будет опасаться колдунов и бояться «порчи». А это будет означать утрату Евангелия – благой, радостной вести о Спасителе.

Страх перед колдовством может довести и до прямых преступлений. Колдовство столь страшно для ищущих его, что они прямо призывают к убийствам: «Уже после войны, когда я с Полюшкой-блаженной беседовал, то прямо спросил ее: "Скажи мне, а что, если убить колдуна?!". Она сразу мне ответила: "За колдуна – золотой венец от Господа!"»***. Причем кандидата на убийство можно определить самому по такому, например, критерию: «"Если кто-нибудь сам ворожит или приколдовывает, то сам же первым делом и будет непременно отрицать существование магии и колдовства"... это – первый признак!»****. По этому критерию надо было бы христианам казнить апостола Павла, учившего, напомню, не бояться никакой магии и не считаться с нею, ибо *идол в мире есть ничто* (ср.: 1 Кор. 8, 4).

---

* *Священник Т. Тихомиров.* На приходе: Священническая энциклопедия... Т. 2. С. 203.

** См., например: *Лебедев Амф.* О борьбе духовных властей в бывшей епархии Белогородской с суевериями // Киевская старина. 1890. № 1. С. 1–21.

*** Угодница Божия Пелагея Рязанская. Воспоминания раба Божия Петра...

**** Там же.

Что ж, попробуем более спокойно посмотреть на «порчу». Это вопрос о том, каким может быть влияние языческой магии на жизнь христианина, который сам к этой магии не обращается и придерживается христианских принципов.

При рассмотрении любого духовно-богословского вопроса для православного христианина естественно обращаться прежде всего к Писанию, к слову Божию, затем к свидетельствам церковного Предания.

Слова «порча» и «сглаз» отсутствуют в Библии. В греческом тексте Нового Завета встречаются слова μαγεία и μάγος (в русском переводе – «волхвование» и «волхв» [см.: Деян. 8, 9; 8, 11; 13, 6, 8; Мф. 2, 1, 7, 16]). Посмотрите эти места, и увидите, что из них никак не следует призыв: «Бойтесь колдунов!». Маги бессильны навредить чем-либо христианам.

Есть в Евангелии выражение, которое можно было бы воспринять как указание на «дурной глаз»: *ибо извнутрь, из сердца человеческого, исходят злые помыслы, прелюбодеяния, любодеяния, убийства, кражи, лихоимство, злоба, коварство, непотребство, завистливое око, богохульство, гордость, безумство* (Мк. 7, 21–22). Завистливое око – ὀφθαλμὸς πονηρός. Буквально – «дурной, лукавый глаз». Но в святоотеческих толкованиях это выражение воспринимается иначе, чем в просторечии: «Под "лукавым оком" <Господь> разумеет или зависть, или распутство: потому что и завистливый бросает на завидуемого обыкновенно лукавый и язвительный взгляд, и развратный, засматриваясь своими очами, стремится к делу лукавому»*.

Есть восклицание апостола Павла: *о, несмысленные Галаты! кто прельстил вас не покоряться истине?* (ср.: Гал. 3, 1). Латинское слово fascinavit, равно как и греческое ἐβάσκανεν, переведенное как *прельстил*, может означать – «испортил, сглазил». Но почему же тогда апостол Павел к таким людям

---

* *Блаженный Феофилакт, архиепископ Болгарский.* Благовестник, или Толкование на Святое Евангелие. Репр. М., 1993. Ч. 2: Евангелие от Марка. С. 310.

не со святой водой приходит, а с проповедью и увещанием? От «порчи» слова и аргументы не спасают... Значит, то прельщение, о котором упоминает Апостол, есть прельщение обманным словом, а не колдовскими чарами.

Некоторые современные переводчики предпочитают видеть здесь именно магию. В переводе «Благая весть» это звучит так: «О неразумные галаты! Кто-то околдовал вас, хотя на ваших глазах было объявлено, что Христос умер на кресте». А в переводе Валентины Кузнецовой еще хуже: «Галаты, глупцы, кто вас сглазил?! Вы же, казалось, собственными глазами видели распятого Христа, когда внимали моей вести!». По этому поводу официальный церковный журнал говорит, что «богословская нечуткость авторов новых функциональных переводов дает о себе знать на каждом шагу. Не хотят ли сказать авторы новых переводов, что апостол Павел верил в колдовство или “сглаз”? В греческом оригинале здесь стоит слово ἐβάσκανεν (аорист от глагола βασκαίνω), которое в данном контексте могло бы означать скорее *соблазнил, ввел в заблуждение*, чем *сглазил* или *околдовал*»*.

Еще есть в новозаветном греческом языке слово φάρμακον, которое может быть переведено на славянский как «порча»**. Оно один раз встречается у апостола Павла (перечисление восемнадцати грехов, которые делают невозможным наследование Царства Небесного [см.: Гал. 5, 19–21]). Понятно, что любое колдовство есть грех хотя бы потому, что обращает ум колдуна не к Богу, не ко Христу. А тот, чье сердце не со Христом, не может быть введен в Царство Христово... Но нигде апостол Павел не говорит о том, что колдовство может причинить вред другим людям.

---

* *Иеромонах Иларион (Алфеев).* Письма апостола Павла // Журнал Московской Патриархии. 1998. № 10. С. 80.

** См.: *Протоиерей Григорий Дьяченко.* Полный церковнославянский словарь. Репр. М., 1993. С. 460.

И пять раз φάρμακον встречается в Откровении Иоанна Богослова.

Прочие же люди... не раскаялись в делах рук своих, так чтобы не поклоняться бесам и... идолам... И не раскаялись они в убийствах своих, ни в чародействах своих, ни в блудодеянии своем, ни в воровстве своем (Откр. 9, 20–21).

Боязливых же и неверных... и любодеев и чародеев, и идолослужителей и всех лжецов участь в озере, горящем огнем и серою (Откр. 21, 8).

В другом стихе говорится, что вне Града Божия будут *чародеи, и любодеи, и убийцы, и идолослужители, и всякий любящий и делающий неправду* (Откр. 22, 15).

Как видим, Писание упоминает о чародействе лишь как об одной из разновидностей тяжких грехов. Занятия чародейством — то, что вредит самому грешнику, но не то, что приносит беду тем, с кем этот несчастный грешник находится во вражде. Ничто в Писании не дает нам оснований считать, что колдовской грех соседа может повлиять на христианина.

Только Откровение предполагает, что от волшебства может быть вред другим. В одном стихе говорится о действии духа заблуждения и обмана, исходящем от Вавилона: *волшебством твоим введены в заблуждение все народы* (Откр. 18, 23). Однако вспомним, что слово φάρμακον лишь вторичным своим значением имеет «волшебство». Первичное его значение — «отравление, яд». Вавилон отравляет окружающие народы. Чем? Скажем ли на языке магии: мол, колдовскими чарами вавилонские колдуны подчиняют себе волю и умы окружающих людей? Скажем ли на современном жаргоне: Вавилон «зомбирует» их сознание? Или речь идет об отраве идеологической, о лжи, распространяемой из мировой столицы? Именно в последнем смысле понимает это место «Толковая Библия»: вина Вавилона «в волшебстве, то есть в его развращающей политике»*.

*Толковая Библия / Издание преемников А. Лопухина. СПб., 1913. Т. 11. С. 592.

Слово «чародеи» есть в славянском переводе Писания: *лукавии же человецы и чародее преуспеют на горшее, прельщающе и прельщаеми* (2 Тим. 3, 13). Русский текст говорит о «злых людях и обманщиках». Греческое γόητες может означать и колдунов, и шарлатанов. Латинский перевод говорит о seductores – «соблазнителях». Важно отметить, что как для апостола Павла, так и для его переводчиков опасность «чародеев» состоит не в том, что они «вредительствуют», а в том, что они вводят в заблуждение, соблазняют, прельщают. Поэтому вполне обоснованно святитель Феофан Затворник поясняет, что под чародеями славянского перевода «должно разуметь не волхвов и магов, а лица, очаровывающие представлением лжи красною и увлекающие в след ее... *Лукавии человецы и чародее* будет посему: лукавые и обольстительные проповедники лжи»*. «Чародейство» опасно не своим «колдовским» наполнением, а тем, что оно несет с собой обман и прельщение.

Так что нигде в апостольских текстах нет призывов бояться силы языческой магии. И даже на страницах Ветхого Завета мы не видим магической власти языческих жрецов над Израилем. Например, мы видим, что сатана испросил у Бога дозволения коснуться болезнью и горем Иова, но мы не видим, чтобы он это сделал через посредство языческого жреца или колдуна.

В новозаветные же времена, еще раз напомню, о всех «порчах», «насланных болезнях» и «наговоренных продуктах» апостол Павел ясно сказал любителям «бабьих басен»: *идол в мире ничто* (1 Кор. 8, 4). Участники сплетен про «порчу» должны сделать выбор: или для них вместе с апостолом Павлом *идол есть ничто*, или же для них сам апостол Павел есть ничто. Не стоит искать встречи с идолами. Нельзя соучаствовать в языческих молениях и церемониях. Но если язычник («колдун») что-то подложит мне в холодильник, в сумку или под порог – от этого не может произойти никакого духовного вреда для меня.

---

* *Святитель Феофан Затворник.* Толкование Посланий святого апостола Павла. Пастырские Послания. Репр. [М.], 1995. С. 602.

Итак, Писание не дает оснований для того, чтобы жить под страхом «порчи». В мире Библии немыслимы события, подобные следующему: «Одна женщина работала кладовщицей. И как-то одна сотрудница попросила ее подписать ей фиктивный документ, что учреждение якобы получило столько-то пищевого масла, а после этого масло потихоньку списать. Кладовщица была женщиной честной и на такой подлог не согласилась. Тогда сотрудница с угрозой ей сказала: "Ты у меня это масло всю жизнь будешь помнить". После этого она сама или через чародеев навела колдовство, "порчу" на кладовщицу и дочь ее. Кладовщица заболела эпилепсией. И как-то ранней зимой она пошла на реку, лед под ней проломился, и она утонула. Дочь ее тоже стали преследовать бесы, она перенесла в жизни много несчастий и наконец пришла к священнику на отчитку, чтобы избавиться от действия колдовства»*. В этом мире нет Бога, но есть только бесы и их служители. И Бог столь бессилен, что не может избавить от колдовской мести человека, поступившего по совести и закону. И в таком мире жить поистине страшно.

Теперь обратимся к свидетельству Предания. Достовернейший голос Предания — это вероучительные определения Вселенских Соборов. Но ни в догматических определениях Вселенских Соборов, ни в изложениях веры и вероучительных книгах нашей Церкви, ни даже в катехизисах и «Законах Божиих» — нигде в качестве части православного вероучения не именуется вера в «порчу» и в угрозу, устремляющуюся к нам со стороны языческих практиков.

Несомненно, что падшие духи могут входить в души и жизнь людей, сознательно к ним обращающихся. Несомненно, что христианин (крещеный человек), обратившийся к оккультному миру за каким-либо чудом, рискует получить «обслуживание по полной программе» — вплоть до одержимос-

---

* *Священник В. Емеличев.* Одержимые. Изгнание злых духов. М., 1996. С. 98–99.

ти. Спорен вопрос о границах влияния падших духов на жизнь нехристиан, если последние прямо к ним не взывают. Неясен вопрос о том, может ли один язычник магическим путем воздействовать на жизнь и здоровье другого язычника. Но если предположить, что по просьбе неких язычников падшие духи смогут контролировать жизнь и здоровье христианина, то встает вопрос – от чего же нас защитил и спас Христос? Богатства и земной власти Своим ученикам Он не дал. И вот оказывается, что на частицу Его Тела, на церковную частицу (даже на «Божественную больную») любая знахарка может наслать любую напасть... Утверждающие, что такая власть у язычников есть, просто хулят Христа.

Богословие – наука практическая. Помимо теоретических выкладок, я предложу для пастырского обсуждения очень простой вопрос. В свое время в московском Государственном музее Востока существовала «школа магии». По уверению некой оккультистки, некий «Учитель» совершил над ней «обряд раскрещения». «Раскрещенная» ученица, научившись оккультной практике, затем якобы смогла материализовать душу своего умершего мужа и даже зачала от него через два года после его смерти...*

Предположим, что по прошествии времени эта «раскрещенная» ведьма решила покаяться и вернуться в Церковь. Должен ли священник крестить ее вторично? Священник должен проверить глубину ее покаяния – да. Уяснить меру решительности ее отказа от ее колдовского прошлого – да. Призвать ее к публичному отречению от сатаны и дел его – да. Наложить епитимью – да. Но должен ли священник перекрещивать ее? Перекрещивание означало бы, что сатана может налагать свою печать на человеческую душу с такой же силой, как и Спаситель, что он может изничтожить крещальный дар Бога человеку. Это означало бы признание того, что

---

* См.: *Шабанова С.* Тайна беременности Ларисы Клементьевой // Мегаполис-экспресс. 1995. № 22.

по влиянию на нашу жизнь Бог и диавол равномощны. Такое предположение было бы кощунством. И церковная традиция о подобных случаях говорит однозначно: как бы ни были велики грехи человека по крещении, но крещение не повторяется: «Верую во *едино* крещение во оставление грехов». И это значит, что нет у сил тьмы власти до конца стереть печать Христову в душе человека.

Кроме того, вопрос здесь стоит и аскетически. К чему приковано наше зрение, что мы переживаем острее: могущество нашего врага или силу нашего Господа? Вера в «порчу» и боязнь ее есть именно привязанность взгляда ко злу. Но если в поле нашего зрения не Бог,— значит, мы сами находимся в состоянии отпадения от Бога. И значит, тем беззащитнее мы пред стихиями падшего мира. Следовательно, чем более человек интересуется «порчей» и «сглазами», чем больше боится их — тем и в самом деле он дальше от Бога и тем доступнее он для предметов своего страха. Поэтому не колдунов надо искать, а Бога, не на «порчу» озираться, а Бога взыскивать.

Поэтому в творениях святых учителей Церкви отсутствует тема «порчи» и противостояния ей. Христианин не должен обращаться к нецерковным религиозным практикам — об этом Отцы предупреждают постоянно. Но если предположить, что язычество само может вторгаться в жизнь того христианина, который и не помышлял взывать к духам,— то что же остается от той свободы, которую, по торжественному уверению апостола Павла, даровал нам Христос?

Напомню, что святитель Василий Великий (см.: *Святитель Василий Великий.* Правила, пространно изложенные в вопросах и ответах. 55) среди причин болезни не отмечает «наведенную порчу» или вред, причиненный христианину колдуном-язычником (которых во времена святителя Василия было весьма много). И страшнее всех чудовищ, опаснее сонма бесов и всех бесноватых святитель Иоанн Златоуст полагает завистливого сребролюбца: «Я желал бы жить со множеством бесну-

ющихся, нежели с одним из страждущих такой болезнию <сребролюбием>. Сребролюбцы считают врагом своим человека, не причинившего им никакого вреда, желают сделать рабом свободного и ввергают его в бесчисленные бедствия; напротив, беснующиеся ничего другого не делают, как только в самих себе питают болезнь. Первые ниспровергают множество домов, заставляют хулить имя Божие, являются заразой городов и всей вселенной; а мучимые бесами более достойны сожаления и слез <...> представим себе человека, извергающего из очей своих огонь, черного, вместо рук имеющего на обоих плечах своих висящих драконов; представим у него такие уста, в которых вместо зубов вонзены острые мечи, а вместо языка находится источник, изливающий яд и испускающий смертоносное питие; представим, что чрево его пожирает более всякой печи, истребляет все ввергаемое, а ноги как бы крылатые и быстрее всякого пламени. Пусть лицо его будет составлено из собачьего и волчьего; пусть он не будет произносить ничего человеческого, но будет издавать из себя звуки нестройные, отвратительные и страшные; пусть даже в руках у него будет пламень. Может быть, вам представляется страшным сказанное мною; но я еще не изобразил его надлежащим образом. К сказанному надобно присовокупить и еще нечто: пусть он поражает встречающихся с ним, пожирает и терзает плоть их. Но сребролюбец гораздо хуже и такого чудовища»*.

Сегодня на сребролюбцев (по-современному — банкиров) навешивают ордена, а народ пугают байками о «порчах».

Но нет такого понимания «духовной брани» в творениях святых Василия Великого, Макария Великого, Григория Богослова.

Святитель Николай Японский прожил свою жизнь среди язычников. В своем дневнике он отмечает случаи враждебного отношения японцев к нему и к Православию.

---

* *Святитель Иоанн Златоуст.* Толкование на святого Матфея Евангелиста (28, 4–5). Кн. 1. С. 320–321.

Отмечает свои неудачи и болезни. Но ни разу святой Николай не предполагает, что напасть свалилась на него вследствие колдовства язычников.

Не видно следов страха перед «порчей» и у русских Апостолов, трудившихся среди сибирских и американских шаманистов. Ничего не говорят они о заговоренных предметах и косых взглядах, через которые якобы передаются болезни и проклятия. Например, митрополит Нестор Камчатский (в пору своего служения на Камчатке — еще иеромонах) описывает странную болезнь камчадалов — навязчивые подражания: «Однажды в церкви... сторож неожиданно зацепил подсвечник... он покатился по наклонному полу. Большинство молящихся туземцев в церкви... с испугом почти поголовно так же упали на пол и покатились, подражая движению подсвечника... достаточно внезапного потрясения, и одержимые начинают делать и говорить непроизвольно, бессознательно то, что им прикажут. Припадок продолжается недолго, после чего больные мгновенно приходят в себя»[*]. Но слово «одержимый» здесь митрополит Нестор употребил в светском значении этого слова, а не в духовном. Он поясняет: «Предполагают, что заболевают... жители Камчатки на почве недостаточного и скверного питания юколой <вяленой рыбой>»[**]. Как видим, среди причин психической болезни миссионер не увидел действий шаманов.

Единственное место Писания, из которого можно было бы вычитать представление о том, что предмет, к которому прикоснулся колдун, опасен для случайно подобравшего его христианина: *а других страхом спасайте, исторгая из огня, обличайте же со страхом, гнушаясь даже одеждою, которая осквернена плотью* (Иуд. 1, 23). Но святоотеческое толкование этого места исключает возможность грубо-оккультно-

---

[*] *Митрополит Нестор (Анисимов).* Моя Камчатка // Божией милостию архиерей Русской Церкви. М., 2002. С. 286, 285.

[**] Там же. С. 285.

го понимания текста: «Оскверненная одежда есть жизнь, оскверненная многими преступлениями вследствие плотской страсти. Ибо о каждом человеке узнают, праведен он или нет, по образу жизни как бы по одежде. Один имеет чистую одежду, добродетельную жизнь. Другой — оскверненную, жизнь с делами злыми. Или, лучше: одежда, оскверненная плотью, есть такой навык и настроение совести, обременяющие душу памятованием о порочных движениях и действиях плоти, смотря на которые постоянно как на одежду свою душа наполняется зловонием страстей»*.

Вслушаемся еще раз в наставления преподобного Антония Великого, переданные святителем Афанасием Великим: «Где знамение крестное, там изнемогает чародейство, бездейственно волшебство» (*Святитель Афанасий Великий.* Житие... Антония. 78). «Демоны все делают, говорят, шумят, притворствуют, производят мятежи и смятения к обольщению неопытных, стучат, безумно смеются, свистят; а если кто не обращает на них внимания, плачут и проливают уже слезы, как побежденные... Не должно нам и бояться демонов... потому что они бессильны и не могут ничего более сделать, как только угрожать» (Там же. 26–27). «Диавол есть человекоубийца искони. Между тем мы живы еще, и даже ведем образ жизни, противный диаволу. Итак, явно, что демоны не имеют никакой силы» (Там же). «Чтобы не бояться нам демонов, надо рассудить и следующее. Если бы было у них могущество, то не приходили бы толпою, не производили бы мечтаний, не принимали бы на себя различных образов, когда строят козни; но достаточно было бы прийти только одному и делать, что может и хочет, тем более, что всякий имеющий власть не привидениями поражает, но немедленно пользуется властью как хочет. Демоны же, не имея никакой силы, как бы забавляются на зрелище, меняя личины и стращая детей множеством

* *Блаженный Феофилакт, архиепископ Болгарский.* Толкования на Новый Завет. Кн. 2. С. 284.

привидений и призраков. Посему-то наипаче и должно их презирать, как бессильных» (Там же). «Даже над свиниями не имеет власти диавол. Ибо, как написано в Евангелии, демоны просили Господа, говоря: *повели нам ити* (Мф. 8, 31) в свиней. Если же не имеют власти над свиниями, тем паче не имеют над человеком, созданным по образу Божию» (Там же. 29). «Посему <нам> должно бояться только Бога, а демонов презирать и нимало не страшиться их» (Там же. 30).

От тех же страхов избавлял свою паству и святитель Иоанн Златоуст: «Бесы без Его позволения не смеют даже прикасаться и к свиньям... Что бесы ненавидят нас более, нежели бессловесных животных, это всякому известно. Следовательно, если они не пощадили свиней, но в одно мгновение всех их низвергли в бездну, то тем более сделали бы это с обдержимыми ими людьми, которых они таскали и влачили по пустыням, если бы провидение Божие, и при самом жестоком мучении, не обуздывало и не удерживало дальнейшего их стремления»*.

А ведь именно во времена древних Отцов язычество было гораздо более распространенным, чем сегодня. Настоящие языческие жрецы, а не самозваные «посвященные», только что вышедшие из комсомола, жили на окраинах городов и в деревнях. Да и среди христиан было множество людей, которые принесли с собою в Церковь и опыт жизни в язычестве, и языческие предрассудки (все же от атеизма обратиться к истинной вере легче, чем от язычества). И в те времена люди бывали и маловерны, и двоеверны, и малодушны... Но что-то не слышно было в те века церковной проповеди на тему: «Бойтесь языческих жрецов и колдунов!».

Так кто же это отменил слова апостола Павла о ничтожестве идолов? Где это в Писании и в святоотеческом богословии говорится о том, что язычник может навести

---

* *Святитель Иоанн Златоуст.* Толкование на святого Матфея Евангелиста (28, 3). Кн. 1. С. 318.

колдовскую «порчу» на православного, крещеного, церковного человека? Где в творениях древних Отцов предупреждения о том, что наговоренная нитка, иголка или вода могут навредить христианину? С каких это пор Промысл Божий и церковная благодать не защищают людей от колдовства? На каком основании утверждается, будто какая-то тварь может отлучить нас от любви Божией? Тем, кто полон решимости транслировать дальше страхи перед колдовством и «порчей» (которые действительно вредят — но тому, кто ими занимается), порекомендую прочитать отрезвляюще действующее Слово преподобного Иоанна Дамаскина «О драконах и привидениях» и подумать — не относится ли и к ним предостережение святого Отца: «Невежество — вещь ненадежная»*.

Пусть мне покажут тексты, написанные святыми учителями Церкви, в которых утверждается, что колдун может навести «порчу» на христианина, да еще на постоянно причащающегося Святых Даров, да еще на священника. В нынешних апокрифах запросто повествуются байки вроде: «Село, где служил батюшка, сплошь из колдунов состоит, на Украине это обычное дело. Однажды о. Валерий заболел. Едва взглянув на него, старица сказала: “Тебе загнали девять колов. Три кола я с тебя сняла, шесть осталось, давай молиться”. За минувшую ночь ей стало хуже: она его боль на себя взяла. Чаще всего люди не подозревали, что их облегчение ношей ложится на матушку. Обнимет, поцелует — казалось бы, благословляет, а она их хворь на себя берет»**.

Ничего подобного этому нет ни у преподобного Исаака Сирина, ни у святителя Иоанна Златоуста, ни у святителя

---

* *Преподобный Иоанн Дамаскин.* О драконах и привидениях // Творения: Христологические и полемические трактаты; Слова на Богородичные праздники. М., 1997. С. 224.

** *Ильинская А.* Матушки земли Российской. М., 1994. С. 126.

Феофана Затворника, ни у святителя Игнатия Брянчанинова — нигде у святых богословов не встречал я рассказов о «порченых»*.

Мне удалось найти только один текст, принадлежащий перу святого Отца и излагающий подобные верования. Святитель Димитрий Ростовский в своей антираскольнической полемике (надо признать, очень предвзятой) приводит рапорт старого священника, который был уверен, что лет тридцать назад в его приходе староверы сжигались под влиянием наведенной на них «порчи»... Еще один аналогичный пример,— когда магия затронула уже всю Польшу,— святой Димитрий почерпнул из католических польских изданий[9]. Как видим, святой Димитрий говорит о таких вещах не из собственной духовной практики...

Учась и в семинарии, и в академии,— ни на одной из лекций я не слыхивал о подобной напасти. И если, согласно новоявленным апокрифическим «Житиям подвижников и подвижниц благочестия XX в.», новые подвижницы только и заняты тем, что воюют с «порчей», то почему же в церковных школах об этом не говорят ни слова? Почему практикумы по борьбе с «порчей» не были введены в семинариях в ту пору, когда чудотворили персонажи упоминаемых здесь книг и очерков, и куда же смотрел Учебный комитет Московской Патриархии, возглавляемый тогда митрополитом Таллинским и Эстонским Алексием, нынешним Патриархом?

---

*Единственный древнехристианский автор, признающий реальность магии,— это Ориген (о его отношении к магии см. главу «Магия и экзорцизмы» в книге: *Fédou M.* Christianisme et religions païennes dans le *Contre Celse* d'Origène. Paris, 1988). Но и Ориген настаивает: «Мы утверждаем со всею силою и опытно знаем, что те, кто, следуя высшему учению, служат Богу всяческих чрез Иисуса и живут по Его Евангелию, постоянно исполняя предписанные молитвы, не обольщаемы ни демонами, ни магией, как нам и говорит Писание: *Ангел Господень ополчается вокруг боящихся Его и избавляет их* (Пс. 33, 8) от всякого зла» (*Ориген.* Против Цельса. 6, 41).

Из Предания я знаю другое: в святоотеческих творениях есть прямые предостережения против того, чтобы истолковывать несчастья и немощи свои и своих ближних предположениями о «порчах» и «сглазах».

Святитель Иоанн Златоуст уговаривал не бояться иудействующих, вступая с ними в дискуссию: «Ближний, хотя... и понегодует, не может, однако же, сделать тебе никакого вреда... Как негодные слуги, показывая детям страшные и смешные личины (сами-то по себе они не страшны, но только представляются такими по слабости детского ума), возбуждают большой смех; так и иудеи пугают только слабых христиан своими личинами»*. И о силе языческой «эзотерики» святой Иоанн был не более высокого мнения: «Душа их преисполнена множества примет. "Например, такой-то,— говорят,— первый встретился со мной, когда я выходил из дому: непременно случится тысяча неприятностей для меня. Сегодня ненавистный слуга, подавая мне обувь, поднес наперед левую: быть большим бедам и напастям. Сам я, выходя из дому, ступил за порог левою ногою: и это предвещает несчастия... Когда же я вышел из дому, у меня правый глаз мигнул: быть слезам" <...> Закричит ли осел, или петух, чихнет ли кто, и, вообще, что бы ни случилось, все их тревожит, так что они... точно скованы тысячами уз, точно находятся во мраке, во всем подозревают (худое) и гораздо больше порабощены, чем тысячи невольников. Но не будем мы такими, напротив, осмеявши все такие (суеверия)... будем считать для себя страшным один только грех и оскорбление Бога. Если все это пустяки, то и посмеемся над этим, равно как и над первым виновником этого — диаволом. Возблагодарим Бога и будем стараться, чтобы нам самим никогда не впасть в такое рабство, а если кто из наших друзей будет пленен, разорвем его узы, освободим его от этого несносного и постыдного заключения, сделаем его

---

* *Святитель Иоанн Златоуст.* Против иудеев (1, 8; 1, 3) // Творения. Т. 1. Кн. 2. С. 660, 651.

способным для восхождения к небу, выпрямим его опустившиеся крылья и научим его любомудрию касательно жизни и веры»*.

Святитель Серапион Владимирский возмущался тем, что его паства приписывала знахарям и колдунам слишком большие возможности: «Подумал <я>, что уже утвердились вы... Но вы еще языческих обычаев держитесь: в колдовство верите... Из книг каких иль писаний вы слышали, будто от колдовства на земле наступает голод или что колдовством хлеба умножаются? Если же верите в это, зачем тогда пожигаете их <колдунов>? Молитесь вы колдунам, и чтите их, и жертвы приносите им – пусть правят общиной, ниспустят дожди, тепло принесут, земле плодить повелят! Вот нынче три года хлеб не родится не только в Руси, но у католиков тоже – колдуны ль так устроили? А не Бог ли правит Своим твореньем, как хочет, нас за грехи наказуя?.. Если Бог попустит, то бесы вершат, попускает же Бог лишь тем, кто боится их, а кто веру крепкую держит к Богу – над тем чародеи не властны!»**.

Сравним приведенную выше «страшилку о кладовщице» с суждением преподобного Анатолия Оптинского: «Что касается твоей детской боязни быть во власти диавола через какую-то колдунью, то этим ты только доказываешь, что понятия твои о христианине, о Боге, о диаволе суть понятия деревенской бабы. Если в свиней не смели войти бесы без воли Иисуса Христа, как они войдут в людей?»***. «Вся эта мглистая сила ничего не значит и ничего не сделает. Она вас только как детей пугает. Свиньи целый легион не посмел

* *Святитель Иоанн Златоуст.* Беседы на Послание к Ефесянам (12, 3) // Творения. Т. 11. Кн. 1. С. 111–112.

** *Святитель Серапион, митрополит Владимирский.* Поучение // Памятники литературы Древней Руси. XIII в. М., 1981. С. 451.

*** Цит. по: Православный календарь для семейного чтения, 1997 г. СПб.: Сатис, 1996. С. 98.

коснуться; вас ли, Божиих послушниц, тронет?»*. Кладовщица, конечно, не монахиня. Но ведь и не свинья. Допустимо ли для христианина предположить, что Господь может оставить без Своего покрова честного человека, поступавшего по совести и по заповеди?

И отговорки типа: «Это действует только на недостойных христиан» – здесь неприемлемы: ибо кого же можно назвать «достойным» христианином? Или мы признаем, что благодать крещения во Христа несмываема и до конца нестираема, или мы становимся на точку зрения протестантов и донатистов и считаем, что благодатность христианских Таинств целиком и полностью зависит от нашего «достоинства».

Сам я человек весьма далекий от чистой христианской жизни. И при этом я явным образом неудобен тем оккультно-каббалистическим оппонентам, с которыми веду постоянную полемику. По тем схемам, что предлагаются в современных апокрифических брошюрках о «порче», теософы, «неоязычники» и каббалисты должны были бы проводить ночи в прицельном наведении «порчи» на меня, а я не должен был бы прожить и недели после выхода первой моей книжки, критикующей оккультизм... В суд сектанты на меня подавали. С кулаками набрасывались. Толченое стекло в подаренные продукты какие-то мои «уважаемые оппоненты» подкладывали. Но вот «порчи» около себя я не примечал. Отсутствие «порчи» в моей жизни можно объяснить четырьмя причинами. Или со стороны сект не было попыток подействовать на меня на «астрально-духовном плане». Или моя праведность такова, что делает меня неуязвимым для этих стрел. Или магия у них слабая. Или же – сила церковных Таинств такова, что она покрывает и мои грехи, и наветы вражии.

Первый вариант я не могу признать вполне объясняющим мое относительное благополучие. Во всяком случае,

---

*Житие и поучения оптинского старца Анатолия (Зерцалова). Оптина пустынь, 1994. С. 260–261.

от нескольких сект я слышал обещания «помолиться» о моем вразумлении и обращении в их веру. Второе предположение я могу отвергнуть и решительно, и вполне компетентно (ибо *грех мой предо мною есть вину* [Пс. 50, 5]). В третьем вопросе я некомпетентен. Но могу заметить, что, если эта магия не действует даже на меня,– чего же бояться ее остальным христианам?

Так что дело не в их силе и не в моей крепости. Дело в исповедании Православия*. В благости Божией. И конечно, в молитвах тех православных священнослужителей и мирян, которые поминают меня в своих обращениях к Богу...

Скажем иначе: бесы желают вселиться во всех людей? Да. Нужна ли им для этого помощь посторонних людей (чародеев)? Нет. Есть ли человек, которому кто-либо не желал зла? Нет. Следовательно, и в мире видимом, и в мире невидимом у каждого из нас достаточно недоброжелателей. Но если одержимых все же относительно немного – значит, причина каждого конкретного случая одержимости не в зложелательстве соседа, а в неисповедимом Промысле Того, Кто знает, как вразумлять сотворенных Им людей и наказывать, как миловать и предостерегать... И значит – к Нему и должны быть обращены наши надежды и наши страхи.

Нельзя забывать (особенно перед лицом наших недругов) великих слов апостола Павла: *если Бог за нас, кто против нас?* (Рим. 8, 31). И потому «страха же вашего не убоимся, ниже смутимся, яко с нами Бог». На каждом водосвятном молебне Церковь возглашает прокимен: «Господь просвещение мое и Спаситель мой, кого убоюся? Господь защититель живота моего, от кого устрашуся?». Странное дело, но именно на водосвятных молебнах полно тех людей, которые пришли на них из чувства страха: освящен-

* «Хотя жизнь наша и худа, но так как мы по благодати Божией весьма твердо держимся догматов истины, то и возвышаемся над кознями диавольскими» (*Святитель Иоанн Златоуст.* Толкование на святого Матфея Евангелиста (75, 4). Кн. 2. С. 758).

ная вода им нужна как оберег от колдунов, наведших на них и страх, и «порчу». Не благодатную помощь от Бога в собственной борьбе против собственных страстей ищут люди в святой воде и не поддержку собственного усилия на пути к святости, но какую-то чисто внешнюю защиту от тех, кого они считают своими врагами (как правило, в колдовстве подозреваются родственники или соседи).

Вместо приходских сплетен лучше довериться трезвым голосам современных монастырских духовников, предупреждающих: «К разряду грехов против первой заповеди принадлежит волшебство, когда люди, оставив веру в силу Божию, верят тайным и большею частью злым силам тварей, в особенности злых духов, и стараются действовать ими. Таким образом, в грехе волшебства виновен и тот, кто верит в тайные силы тварей, и тот, кто сам действует этими силами»*.

Все эти призывы: «Бойтесь колдунов», «Бойтесь “порчи”» — это еще и забвение заповеди Псалмопевца, обличавшего тех, кои *тамо убояшася страха, идеже не бе страх* (Пс. 13, 5). Душу, которая болеет страхом перед колдунами, должно повязать советом святителя Тихона Задонского: «Сатана, дух злобы и враг мой, невидимый мне, но присутствием злых своих советов мне познаваемый, страшен; но без воли Божией не токмо надо мной, человеком, но и над скотами и свиньями власти не имеет (см.: Мф. 8, 31), как и всяк человек, враждующий мне... Когда Бог попустит на мене беду — ужели я ее миную? Нападет она на мене, хотя бы я ее и боялся. Когда не хощет Он попустить, то, хотя вси диаволи, и вси злые люди, и весь мир восстанут, ничто мне не сделают. Понеже Он, един сильнейший всех, отвратит злая врагам моим. Огнь не пожжет, меч не посечет, вода не потопит, земля не пожрет без Бога: яко все, как творение, без повеления Творца своего ничего не сделает. Почто убо мне всего бояться, что есть, кроме Бога? Убоимся убо, братие, единого Бога,

---

*О суевериях. М., 1995. С. 37–38.

да ничего и никого не убоимся... Бог все, и, кроме Бога, все ничто: и злоба всех диаволов и злых людей ничто. Окаянен и беден, кто не боится Господа и Бога, ибо тот всего боится»*.

Эти недолжные страхи и порождает апокрифическая литература. Не колдуны, а грехи привлекают к нам бесов. Поэтому не колдунов, а грехов надо бояться. Ни колдунов, ни бесов не надо бояться. Страх перед «порчей» есть уже первый шаг к тому искушению, которое в аскетической литературе именуется «бесовские страхования». В житийной литературе (вспомним опять житие преподобного Антония Великого) нередко описываются устрашающие видения недоброй силы. Если человек примет их всерьез и испугается — значит, тем самым видение страха из его ума вытеснило память о Боге, Который силен любую нежить вернуть в ее изначальное небытие. А если из ума выкрадена память о Боге — то он уже гораздо более доступен для влияний и внушений. Тварь встала на место Творца. Тварь, пусть даже не прельстительно-вожделенная, а отвратительно-пугающая, заслонила собою небо.

Если же человек большее внимание уделяет своим оппонентам, то, как ни странно, он становится не более защищен, а более уязвим. Вера в колдовство приносит тот вред, что «когда над человеком беда случится, он не переносит ее с терпением, а на других злобствует. Кто много думает о колдовстве, тот и вправду от своей думы при попущении Божием беду может получить. Поверит человек, что на него колдун болезнь наслал, начнет беспокоиться, скучать и заболеет. Для истинного христианина не страшны наговоры и порчи, потому что не дано от Бога власти колдунам и ворожеям. Нужно во всем предаваться в волю Божию, без повеления Коего бесы не смели и в свиней внити, а не бояться колдунов» (*Преподобный Макарий Оптинский*)**.

---

* *Святитель Тихон, епископ Воронежский, Задонский чудотворец.* Сочинения. М., 1837. Т. 14. С. 121–123.

** Цит. по: Православный календарь для семейного чтения, 1997 г. С. 174.

В этом случае человек впадает в тот грех, от которого предостерегал святитель Иоанн Златоуст: «Но кто из людей, скажешь ты, так несчастен и жалок, что и во время молитвы не бывает кроток? Тот, кто, молясь, проклинает, исполнен гнева и вопиет против врагов своих. Если ты хочешь обвинять, то обвиняй себя самого... говори не о том, какое зло причинил тебе другой, но какое ты сам себе нанес; оно-то и есть величайшее зло. Другой не может обидеть тебя, если ты сам себя не обижаешь»*.

Вера в «порчу» приводит к тому, что человек не видит своих грехов (ставших причиной его злоключений), но впадает в грех осуждения других людей. Татьяна Горичева приводит диалог своего духовного отца, архимандрита Иоанна (Крестьянкина), с некоей паломницей: «Вчера слышала, как старец говорил с одной женщиной. Она стала жаловаться, что какая-то другая паломница все хочет ее околдовать. Наш старец слушал-слушал да и говорит: "Я семьдесят лет живу на свете и ни одного плохого человека, кроме себя самого, не встречал, а ты мне про колдуний говоришь"»**. И другой пастырь советует то же: «Когда человек уверен, что его уже "сглазили", "испортили" или "прокляли", когда его не покидает мысль, что кто-то из людей причинил ему зло, и он хочет найти этого носителя зла,— такому человеку важно понять, что зло ему причинил не человек, а диавол (попущением Божиим). Что делать? Стать членом Христовой Церкви, прекратить поиски "врага" среди людей, внимательнее присмотреться к своей жизни»***. «Мы истинную веру

---

* *Святитель Иоанн Златоуст.* Толкование на святого Матфея Евангелиста (51, 6). Кн. 2. С. 533.

** *Горичева Т.* Взыскание погибших // Логос. Брюссель; М., 1984. № 41–44. С. 78.

*** *Священник Г. Вахромеев.* Оружие на диавола, или Как защититься от чародеев. М., 1998. С. 55–56.

смешали с суеверием, верим всяким силам, предчувствиям, гаданиям, колдовству. Это все наследие нашего языческого прошлого. Прошло 1 000 лет после крещения Руси, а все никак не можем отложить суеверия и быть действительно православными христианами!»,— проповедовал архимандрит Иоанн*.

В Киево-Печерской лавре в наше время произошла знаменательная беседа. Один насельник тяжко заболел и допустил в себя помысл, что это на него кто-то «порчу» навел. С этой догадкой он пошел к братскому духовнику. Батюшка выслушал его и вдруг спросил: «А ты в Бога веришь?».— «Ну конечно».— «Нет, ты подумай: ты в Бога веришь?».— «Да, конечно верю!».— «Ты подумай, прежде чем сказать. Ты в Бога веришь?»... Якобы «спорченный» монах задумался и после раздумья ответил: «Прости, отче! Я глупость сказал...».

Ведь и в самом деле — «Бог может... все, а демоны... только то, что попускает Он, советов Которого тайных много, а несправедливого — ни одного» (*Блаженный Августин.* О Граде Божием. 18, 18).

И именно эти увещания находятся в церковной традиции. И прежде было замечено, что люди, верящие в «порчу», «утверждают, что их испортил такой-то или такая-то, не понимая того, что такою хитростию враг поддерживает свое над больными обладание, скрываясь под кровом питаемой в помыслах больных злобы и самооправдания. Страждущий от бесов человек должен внимательно рассмотреть себя, припомнить все грехи, совершенные им от 7-летнего возраста, и сознать в особенности тот грех, в котором заключается причина болезни. Потом он должен все эти грехи искренне исповедать пред священником, примириться с ближними, оставить всякую против них злобу, и положить

---

* См.: *Архимандрит Иоанн (Крестьянкин).* Опыт построения исповеди. Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь; М.,1993. С. 107.

твердое намерение и начало не обращаться вновь на старые грехи, и, наконец, с сокрушением приступить к принятию Святых Христовых Таин»*.

Лечиться от страха перед «порчей» преподобный Иларион Оптинский советует так: «Много приводили к старцу страдающих нервными и душевными болезнями, которых обычно называют – порчеными. Старец находил, что причиною подобных болезней бывают часто непримиримая вражда, раздоры семейные и тяжкие нераскаянные грехи. Старец указывал больным не мнимую, а действительно найденную им причину их болезни и приводил к сознанию, раскаянию и сокрушению о своих грехах. Если больные указывали на когolибо как на причину своей болезни, что часто бывало с нервными больными, то о. Иларион советовал тогда испросить у того лица прощения, если оно живо, а если скончалось, то примириться с ним, отслужить на его могиле панихиду о его упокоении и дома за него молиться, принести покаяние, принять епитимью и положить начало добродетельной жизни»**.

Впрочем, в житийной литературе (даже той, что вошла в Четии Минеи) встречаются рассказы об успешных действиях колдунов против христиан (то есть о «порче»). Уже на грани XVIII и XIX вв. Московскому митрополиту Платону (Левшину) приходилось сетовать на то, что православному богослову очень непросто полемизировать именно с неумеренными «ревнителями благочестия», которые всюду видят

* Православный календарь для семейного чтения, 1997 г. С. 100. На с. 173 в этом же календаре написано: «Народное поверие, будто колдуны портят людей, то есть поселяют диавола в каких им угодно людей,– нелепое и совершенно неосновательное. Не следует поэтому приписывать им какой-то особенной силы и бояться их».

** Житие преподобного иеросхимонаха Илариона Оптинского. Оптина пустынь, 1993. С. 187–188. Аналогичный совет в книге «Духовная брань» (М.: Паломник, 1993. С. 83)приводится со ссылкой на о. Симеона (и так он цитируется в «Православном календаре для семейного чтения, 1997 г.» [С. 175]).

чудеса, убеждены в богодухновенности каждой строчки, подписанной авторитетным именем или посвященной святому. Любую церковную книжку или даже сплетню они склонны воспринимать как прямо глас с небес. По горькому признанию митрополита Платона, «Церкви Христовой пастырю и самому просвещенному невозможно иметь с раскольниками прение и их в заблуждении убедить. Ибо в прениях с обеих сторон должно быть едино начало или основание, на котором бы утверждались все доказательства. Но если у одной стороны начало будет иное, а у другой другое, то согласиться никогда будет невозможно. Богопросвещенный христианский богослов для утверждения всех истин веры Христовой не иное признает начало, как едино слово Божие или писания Ветхого и Нового Завета; а раскольник, кроме сего начала, которое и мало уважает, ибо мало понимает, признает еще за равносильные слову Божию начала и всякие правила Соборов, и всякие писания церковных учителей, и всякие повести, в книгах церковных обретаемые, да их и более уважает, нежели слово Божие, ибо они для него понятнее. Но как и правила Соборов или относились к тем временам, или писаны по пристрастию и непросвещенному невежеству*; и в писаниях церковных учителей много погрешительного и с собою несогласного; а в повестях и зело много басней, небылиц и безместностей, то следовало бы правила, и Отцов, и повести не иначе принять, как когда они согласны с словом Божиим и служат тому объяснениями. Но раскольник сего не приемлет и почитает хулою, когда бы ему открыть, что Соборы или Отцы в иных мнениях погрешили, а повести многие невероятны. “Как? — воскликнет он.— Отцы святые погрешили? Да мы их святыми почитаем,

---

*Речь здесь идет не о деяниях Вселенских Соборов, а о поместных соборах вроде Стоглавого Собора, которые были авторитетны в глазах раскольников действительно не менее, чем Евангелие, и при этом содержали в себе утверждения столь же категоричные, сколь и невежественные: «Иже кто не знаменается двемя персты, якоже и Христос, да есть проклят» (Стоглав. М., 1863. С. 131).

они чудеса творили, их писания суть богодухновенны". Что на сие богослов? Легко может возразить, но не посмеет, дабы не только раскольников, но и своих малосмысленных не соблазнить и не сделать зла горшего. "Вот,— провозгласят,— Отцов святых не почитает, Соборы отвергает, повестям церковным смеется!". Итак, богослов богопросвещенный молчи, а раскольник ври и других глупых к себе склоняй»*.

Вот и ныне я вижу, как суровеют лица православной аудитории, когда я начинаю говорить нечто критическое о некоторых массовых изданиях.

Не все то, что обжилось в народном благочестии, должно быть расценено как совместимое с христианством. Даже в церковных рассказах есть апокрифически-фольклорные детали... В житийной литературе великое множество драгоценнейших жемчужин. Но есть и фольклорные элементы (Георгий Федотов пишет об этом так: «От чудес следует отличать легендарные мотивы, свойственные народному преданию и эпосу и распространенные в одинаковых и близких формах у разных народов и в разных религиозно-культурных мирах»**.) И поэтому даже каноническая житийная литература обладает значительно меньшим вероучительным значением по сравнению со святоотеческими творениями. То, что составители житий не столь духовно чисты и мудры, как те, о ком они повествуют, не так уж необычно. Жития святых редко пишутся святыми же (и даже Епифаний Премудрый, написавший житие Преподобного Сергия Радонежского,— совсем не Сергий

---

* Цит. по: *Тареев М.* Христианская философия. М., 1917. Ч. 1: Новое богословие. С. 75–76. Первую публикацию резолюции митрополита Платона см. в книге: *Гиляров-Платонов Н.* Собр. соч. М., 1900. Т. 2. С. 282–283.

** *Федотов Г.* Святые Древней Руси. Нью-Йорк, 1959. С. 217. Подробнее о фольклорных сюжетах и деталях в житийной литературе см. в книге: *Плюханова М.* Сюжеты и символы Московского царства. СПб., 1995.

Радонежский). Чаще именно несвятые люди рассказывают о своих впечатлениях от встреч со святыми людьми. И в этих рассказах могут быть неточности, ошибки, и «приписки», и собственные толкования. Почему и предписывалось «Духовным регламентом» «смотреть истории святых, не суть ли некия от них ложно вымышленныя, сказующия чего не было, или и христианскому православному учению противныя или бездельныя и смеху достойныя повести. И таковыя повести обличить и запрещению предать с объявлением лжи, во оных обретаемой»*.

А в XIX в. святитель Филарет Московский предлагал с осторожностью выносить на свет древние житийные рукописи: при издании Макариевых Четиих Миней нужно «пропустить некоторые статьи, которых издание было бы без пользы и частию не без вреда. Не угодно ли было бы распорядиться, чтобы один месяц Минеи Макариевой был критически рассмотрен, с заключением, что должно печатать и что не должно, и почему»**. «Не мало нужно осмотрительности, чтобы составить правильный список святых и отделить чистые источники жизнеописаний от смешанных; потому что, кроме святых общепризнанных... есть местно чтимые, по преданиям неопределенным и не получившим правильного церковного утверждения; и есть сказания о житиях святых, происшедшие из неправых уст»***. Архиепископ Черниговский Филарет говорил тогда же: «Повторять все повести (читаемые в житиях) без разбора, без проверки – грешно перед совестию и стыдно перед просвещенным умом»****.

---

* Духовный регламент... С. 17.

** *Святитель Филарет, митрополит Московский.* Письмо к А. С. Норову от 16.10 1865 г. // Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам. М., 1888. Т. 5. Ч. 2. С. 776.

*** *Святитель Филарет, митрополит Московский.* Донесение Синоду от 30.10 1856 г. // Там же. Т. 4. С. 139.

**** Цит. по: *Голубинский Е.* История канонизации святых в Русской Церкви. М., 1903. С. 293.

Что сказалось в этих житийных эпизодах (например, в житии преподобного Макария Египетского повествуется о том, как колдун превратил некую христианку в лошадь*, а в житии святого Киприана – о том, как он сам, в бытность свою колдуном, превратил юношу в птицу**)? Эти эпизоды написаны в соответствии с учением Церкви или навеяны народным восприятием «духовной брани»? Вновь повторю: в церковно-учительной литературе, в творениях святых богословов такое понимание «духовной брани» отсутствует. Не было у подвижников благочестия веры в то, что колдун на кого хочет, на того и нашлет свою «порчу» и во что хочет, в то и превратится.

Напротив,– блаженный Августин говорил: «Не только душу, но и тело демоны никоим образом не могут своим искусством или властью превратить в действительные члены или формы животных» (*Блаженный Августин.* О Граде Божием. 18, 18).

Поэтому можно говорить о внушении, о гипнозе, о контроле над умами людей, доверившихся колдуну (так, что им будет казаться, будто он и в самом деле стал птицей). Но нельзя предположить, что он и в самом деле сумел это сделать...

Сегодня некоторые православные писатели (правда, не могу сказать, что по делу) упоминают библейский стих о том, что *создал Бог зверей земных по роду их* (Быт. 1, 25), как аргумент для полемики с теорией эволюции и развития животных

---

* Пресвитер Руфин Аквилейский, переводя на латынь некий греческий текст, повествующий о житии преподобного Макария, сделал показательную правку: греческий оригинал говорил о том, что колдун действительно превратил женщину в лошадь, Руфин же смягчил это утверждение, сделав акцент на том, что женщина стала *казаться* окружающим лошадью... (см.: *Пресвитер Руфин.* Жизнь пустынных Отцов. 28).

** Интересно, что этот эпизод отсутствует в греческом тексте жития святого Киприана, написанном Симеоном Метафрастом (см.: *Симеон Метафраст.* Житие и мученичество святых Киприана и Юстины // Памятники византийской литературы IX–XIV вв. М., 1969. С. 89–103). Вопрос о том, откуда, когда и как он попал в русские жития,– остается открытым.

видов. Но если в этом стихе видеть отрицание того, что из одного животного может появиться другое,– то не тем ли резче этот стих отвергает возможность «перевоплощения» человека в лошадь или птицу? Так что у меня вопрос к духовным академиям и к Синодальной богословской комиссии: обязан ли православный христианин, почитающий жития святых как одно из свидетельств церковного предания, верить во все, что в них написано,– в том числе и в оборотней? Если обязан – то не дополнить ли Символ веры соответствующей формулировкой? «Верую в оборотней, в "сглазы", в суккубов и инкубов...».

Очень многое в нашу церковную жизнь приходит минуя цензуру богословского разума. Приходит, обживается. И спустя несколько поколений уже начинает казаться частью Предания (скажем, убеждение в том, что нельзя есть арбуз в день Усекновения главы Иоанна Предтечи, или уверенность в том, что страшный грех – передавать свечку через левое плечо). Здоровое чувство церковного консерватизма требует найти духовный смысл и оправдание любой подробности церковного быта. И уже не от своего опыта, а под давлением некоего «авторитета» человек говорит: «Да, пожалуй, раз это встречается в церковных рассказах, то в этом есть смысл...». Именно такая интонация все же мелькает у двух оптинских подвижников, когда они касаются темы народной веры в «порчу». Они ссылаются на то, что им представляется частью подлинного церковного предания. Так, преподобный Амвросий Оптинский пишет: «От очес призора, от ревности и зависти и от невидимых духов молится священник избавить родительницу и новорожденного. Значит, сомневаться в дурном глазе нельзя»*. А преподобный Макарий Оптинский свое согласие с существованием «порчи» обосновывает ссылкой именно на житийные рассказы**.

---

*Собрание писем оптинского старца иеросхимонаха Амвросия к монашествующим. Сергиев Посад, 1909. Вып. 2. С. 127.

**См.: Душеполезные поучения преподобного Макария Оптинского. Оптина пустынь, 1997. С. 249–250.

Но у агиографической литературы долгая и сложная *история.* Нельзя просто так ссылаться на жития (в тех случаях, когда они говорят о вещах, не подтверждаемых Писанием и учением древних Отцов), не задаваясь вопросом о том — когда и кем было написано это житие, какие оно имеет варианты, когда и кем оно правилось...

То же можно сказать и о чинопоследованиях наших треб и служб. Поскольку *единственный* способ связать веру в «порчу» с церковной традицией — это указание на выражение «от очес призора» в молитве над женой-родильницей*, то присмотримся к истории этой молитвы внимательнее.

Когда и кто составил именно тот вариант молитвы «В первый день, по внегда родити жене отроча», на который ссылается преподобный Амвросий? В Требнике митрополита Петра Могилы, изданном Киево-Печерской лаврой в 1646 г., это прошение читается так: «Ей, Господи, от недуга и язвы, от рвения и зависти и от очеснаго негодования...». Имеет ли отношение это «очесное негодование» именно к магии, или же это просто синоним зависти?

По поводу перевода этого неясного места из Требника А. Г. Дунаев подготовил справку, которую уместно здесь привести.

«Для выяснения богословской и филологической значимости аргумента оптинского старца, ссылающегося на Требник в доказательство существования "порчи" и влияния ее на христиан, необходимо обратиться к оригинальному греческому тексту. Он гласит: "...καὶ ὀφθαλμῶν βασκανίας". Слово βασκανία имеет два значения: первое — "волшебство", второе — "зависть" (см.: A Greek-English Lexicon / Comp. by *H. Liddell* and *R. Scott*; rev. by *H. Jones.* Oxford, 1940. P. 310), которые были тесно связаны между собой. Например, в третьей книге романа Гелиодора "Эфиопика" "сглаз" объясняется передачей зависти по воздуху. В словаре *G. Lampe* (A Patristic Greek Lexicon. Oxford, 1991. P. 293) — самом авторитетном лексиконе для

---

* См.: Требник. Л. 1 об.

перевода греческих Отцов — засвидетельствованы эти же значения, только "сглаз", "волшебство" (evil eye, bewitchment) встречается гораздо реже — приведен лишь один пример (у Евсевия Александрийского, 7-я гомилия [см.: *Eusebius Alexandrinus.* Sermones // PG. T. 86. Col. 356B]). Можно даже сказать, что значение "волшебство", засвидетельствованное у Евсевия (да и то надо еще посмотреть, в каком контексте), *чрезвычайно редко* у святых Отцов (и, значит, вообще не встречается в том смысле, который позволял бы говорить о каком-то "сглазе" против христиан). Просмотрев множество святоотеческих текстов (около *ста пятидесяти* – вместе с контекстами!) по компьютерной версии Thesaurus linguae graecae (1993, CD ROM), я не нашел *ни одного* примера употребления этого слова христианскими авторами в смысле "волшебство" (за исключением приведенного ниже). У всех святых Отцов слово βασκανία встречается в подавляющем большинстве случаев вместе со словом φθόνος (зависть) и тому подобное, являясь его почти полным синонимом (у Игнатия Богоносца, Епифания Кипрского, Василия Великого, Иоанна Златоуста, Палладия, Романа Сладкопевца, Иоанна Дамаскина и так далее), однако *без добавления* "очес".

Единственный пример, привлекший мое внимание,— надгробная речь святителя Григория Нисского на кончину епископа Мелетия (Oratio funebris in Meletium episcopum // Gregorii Nysseni opera / Ed. *A. Spira.* Leiden, 1967. Vol. 9. Pag. 447): ἐλεῶ σε, ὦ ἐκκλησία· πρὸς σὲ λέγω, τὴν Ἀντιόχου πόλιν· ἐλεῶ σε τῆς ἀθρόας ταύτης μεταβολῆς. πῶς ἀπεκοσμήθη τὸ κάλλος; πῶς ἀπεσυλήθη ὁ κόσμος; πῶς ἐξαίφνης ἀπεῤῥύη τὸ ἄνθος; ὄντως Ἐξηράνθη ὁ χόρτος καὶ τὸ ἄνθος ἐξέπεσεν. *τίς ὀφθαλμὸς πονηρός, τίς βασκανία κακὴ* κατὰ τῆς ἐκκλησίας ἐκείνης ἐκώμασεν; οἷα ἀνθ' οἵων ἠλλάξατο. ἐξέλιπεν ἡ πηγή. ἐξηράνθη ὁ ποταμός. Перевожу: "Жаль мне тебя, Церковь! К тебе обращаюсь я, Антиохия [буквально: *град Антиоха*]. Жалею я о твоей столь внезапной перемене. Како обезобразилась красота? Како украдено украшение? Како внезапно опал цветок? Поистине *изсше трава, и цвет отпаде* (Ис. 40, 7). *Какой глаз лукавый, какая зависть злая* [или: *какой дурной глаз, какое злое волшебство*] произвели нашествие [глагол κωμάζω значит «принимать участие в священной процессии» (о вакхических или египетских мистериях), откуда более общие

значения] на ту Церковь? Как все изменилось! Иссяк источник, высохла река". Ясное дело, святой Григорий в традициях греческой риторики создает картину горя Антиохии, потерявшей архипастыря. "Дурной глаз" – в ряду кораблекрушения и прочего. Тем самым расхожее выражение, связанное по своему происхождению с языческим волшебством (глагол подчеркивает эту аллюзию), превращается просто в литературный прием (естественно, святой Григорий не связывал смерть епископа с "сглазом"!). Ведь и в русском языке "положил глаз" означает иногда просто "позавидовал".

Теперь обращаемся к анализу Требника. "Призор" стоит сразу после "зависти". Эта позиция чрезвычайно напоминает большинство святоотеческих контекстов (см. выше) и дает *довольно веский аргумент*, чтобы понимать и второе словосочетание как *синонимичную замену*. С другой стороны, вроде бы мешаются "глаза". Приведенное место из Григория Нисского, как кажется, подчеркивает, что интересующее нас слово может принимать свое первое значение "сглаз", если соединено с "очесами". Однако это же место из гомилии святого Григория доказывает и то, что выражение может иметь *фигуральный* смысл.

Таким образом, трудное место из Требника мы можем с полным правом переводить двояко. Если учесть обычный святоотеческий контекст, то понимание будет следующим: "и от завистливых глаз", или "от завидующих очес", или (буквально) "и от зависти глаз". С такой интерпретацией совпадает и специальное толкование разбираемого выражения в болгарском Требнике (на это обратил мое внимание протоиерей Валентин Асмус),— а именно в плане "психологическом", а не "мистическом". *Именно так* переводит это место и Петр Могила ("негодование", хотя можно было бы выразиться точнее и удачнее).

Пример другого перевода, опирающегося не на предшествующую "зависть", а на "очеса",— толкование протоиереем Григорием Дьяченко (см.: *Протоиерей Григорий Дьяченко.* Полный церковнославянский словарь. Репр. М., 1993. С. 495–496) этого места из Требника: "порча от глаз, очарование". Такой перевод мне вовсе не представляется *единственно* возможным (сам же Дьяченко говорит далее, что это слово вообще может иметь и другое значение – "призрение", то есть "смотрение", также "зависть" или "ненависть"),

хотя, положа руку на сердце, такое толкование представляется более естественным. Правда, лишним аргументом *против* такой интерпретации может служить то, что народное поверье говорит несравнимо чаще (если только я не ошибаюсь, ибо не специалист по фольклору) о "сглазе" младенца, нежели матери.

Однако если Дьяченко и прав, то о. Андрей Кураев совершенно справедливо пишет о невыясненности истории многих текстов Требника. Петр Могила брал их из разных источников. В специальных исследованиях перечисляются три: а) греческие; б) латинские и в) неизвестного происхождения (народные в обработке Петра Могилы либо составленные им самим). Но прекрасно известно, что первые печатные греческие книги издавались на Западе. Допускаю (но вовсе не уверен), что эта молитва могла проникнуть в первопечатные греческие Требники из каких-то латинских источников. По поводу же латинских *средневековых* "заклинательных молитв" (одна из черт их — подробнейшее перечисление частей тела) уже давно существует научная (хотя, наверное, и не без конфессиональной заинтересованности) литература, вскрывающая народно-языческие корни подобных "молитв" (об этом можно прочесть в главе "Народная магия и церковный ритуал" в книге: *Гуревич А.* Средневековый мир и культура безмолвствующего большинства. М., 1990; см. особенно с. 294 и далее, с. 298 и далее, с. 302, где указано и соответствующее немецкое двухтомное исследование: *Franz A.* Die kirchlichen Benediktionen im Mittelalter. Graz, 1960. Bde 1–2). Кроме того, известны и другие сомнительные выражения в Требнике (не случайно именно из него Алексей Лосев в "Диалектике мифа" приводит пример "развертывания мифа из первичного магического имени" — см.: *Лосев А.* Миф. Число. Сущность. М., 1994. С. 197). Например, в последней части молитвы Трифону об избавлении полей от всякой живности есть место, исключенное Петром Могилой (или известное ему в кратком варианте), но имеющееся в старых греческих печатных изданиях, как я имел случай убедиться собственными глазами. Этот пассаж о "неведомом имени" переиздается в наших Требниках и, к слову сказать, до сих пор инкриминируется православным старообрядцами (так что я допускаю, что в славянских рукописях и у старообрядцев мог сохраниться более древний вариант). Впрочем, все

это не более чем догадки, пока не проведена соответствующая текстологическая работа над греческими и славянскими рукописями и нет критических изданий церковных текстов (на тему отсутствия сколько-нибудь существенного "любопытства" в русской и греческой науке к истории священных и богослужебных текстов можно было бы написать целую книгу). Посему я предпочитаю не брать греха на душу, если есть иная возможность, и остановиться на предложенном переводе и толковании Могилы/болгарского Требника как *согласном со словоупотреблением святых Отцов.* По-моему, все же можно говорить *решительнее* о "зависти", что позволяют как семантика греческого и славянского слов, так и святоотеческий контекст».

И даже если считать «очеса призора» «дурным глазом», а в «дурном глазе» видеть колдовство — то ведь молитва-то читается над матерью и младенцем, который *еще не крещен.* И в молитвах крещения, и в последующих об этой опасности уже и речи не идет. Молитва *первого* дня говорит о том злоключении, которое может подстерегать *некрещеного* человека. Но можно ли опасения дохристианского мира переносить в мир крещеный?

Собственно, это и было, очевидно, мотивом внесения такого рода двусмысленной формулы в церковный обиход. Вера в «сглаз» была в народе почти всеобщей. Церковные разъяснения по этому поводу выслушивались, но сердцем не воспринимались. Матери приносили младенчика в храм на крестины, а затем, для полноты эффекта, несли еще и к бабкам на заговор от «порчи». И вот тогда, чтобы отвадить людей от посещения бабок-заговорщиц, Церковь решила внести в свой обряд формулу, которую можно истолковать как защиту от «порчи»: мол, у нас вы и так получите то, что хотели бы получить от бабок, а потому и вовсе не стоит к ним ходить... Не веру Церкви в «сглаз» свидетельствует эта формула, а желание Церкви этой вере противостать*. «Как таковое,

*См.: *Алмазов А.* Апокрифические молитвы, заклинания и заговоры... С. 40.

это выражение в виду подозрения его в несоответствии с церковными воззрениями давно обратило на себя внимание в русской литературе... Занимающая нас молитва не может быть отнесена к молитвам древности первостепенной. В занимающем нас случае нашло себе выражение именно народное верование. По нашему разумению, в настоящий раз со стороны Церкви можно предположить даже сознательное побуждение внести в молитву упоминание о трактуемом веровании. Это побуждение — намерение устранить таким действием из практики всякие бытовые апокрифические обряды, направленные к тому же, к чему выражением "от очес призора" направлена и наша молитва»*.

Такое нередко происходило в истории Церкви: она как бы разрешала рядом с собой существовать какому-то языческому поверью, не внося его в свое вероучение, но и не объявляя ему войну.

Мы знаем, что слово Божие приспособлялось к уровню мышления ветхозаветных евреев: «Он и расположил блаженного Пророка употребить эти грубые выражения для научения рода человеческого... <Моисей> излагал все, приспособляясь к слушателям... обрати внимание и на снисхождение Божественного Писания — какие слова употребляет оно ради нашей немощи... употреблены грубые речения приспособительно к немощи человеческой... столь простые слова употребляются ради нашей немощи»**.

Но неужели славяне или франки в пору их христианизации были настолько выше ветхозаветных евреев, что к их уровню мышления ничего в Православии не надо было приспосабливать и занижать? Такое предположение абсурдно. Значит, не только в народном Православии, но и в церковной педагогике должны обретаться такого рода

* *Алмазов А.* К истории молитв на разные случаи... С. 9–10.

** *Святитель Иоанн Златоуст.* Беседы на книгу Бытия (4, 4; 2, 3; 15, 2; 17, 1)// Творения. Т. 4. Кн. 1. С. 11, 27, 121, 138.

представления, которые попущены Церковью из снисхождения. И это та работа, которую рано или поздно, невзирая на гвалт обвинений в «обновленчестве», должно исполнить наше богословие,— работа осознания и вычленения такого рода компонентов...[10]

И лучше не откладывать этот труд. Ведь первоначально это миссионерски-пастырское приспособление к народным верованиям давало хороший миссионерский результат: у людей, у народов сохранялись островки их прежних воззрений и быта, что облегчало им переход на собственно церковный путь. Но затем, как видим, могут начинаться проблемы: то, что Церковь только терпела, со временем начинает восприниматься как часть собственно церковного Предания и даже учения.

И уже совсем странной становится ситуация, когда в народной среде, в околоцерковной культуре само это верование исчезает, а в Церкви оно сохраняется, и даже более того — от имени Церкви начинают навязывать людям языческие по своему происхождению и по сути воззрения*.

А именно так произошло с отношением к «порче». На том основании, что Церковь некогда допустила в свой лексикон словечко, которое в народе понималось как синоним

---

*В Великих Четиих Минеях в перечне грехов были такие, как «аще кто на восток помочится», «ничком спати на земли» (см.: Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины: Тексты и заметки // *Смирнов С.* Древнерусский духовник: Исследование по истории церковного быта. М., 1913. С. 46, 50). Притом этот же самый текст старается настолько возвысить духовенство над народом, что запрещает церковникам шутить даже между собою: в перечне грехов стоит — «аще кий причетник смешно речет да ся посмеют инии». А ведь, например, блаженный Августин «любил употреблять в своих проповедях анекдоты “для забавы и увеселения своих слушателей”» (*Епископ Антоний (Вадковский).* О проповедях блаженного Августина // Сосуд избранный: История российских духовных школ... [Кн. 1]. С. 48). Рассказ о том, как преподобный Антоний Великий шутил со своими монахами, известен всем...

«порчи», некоторые церковные люди начали думать, что тем самым Церковь признала это верование своим. И вот уже в XIX в. мы видим, что на эту молитву ссылаются как на собственно церковное Предание.

Но все же это — поздняя и единичная святоотеческая ссылка на единичное выражение церковной молитвы.

И потому так странно, что ту церковную молитву, которая была принята ради избавления людей от страха, используют для того, чтобы этот страх насаждать. Я не вижу никакой логики, по которой из наличия молитвы об «очесах призора» можно заключить к тому, что православный христианин должен жить под страхом наведения на него «порчи». Ведь если молитва эта есть, и она прочитана в день духовного рождения человека,— то после ее прочтения уже как-то и негоже опасаться того самого, от чего молитва просит избавить. Ибо такое опасение означало бы прежде всего неискренность молитвы и неверие в силу Божию, в готовность Божией любви защитить младенчика и его мать от злых сил. Как верно заметил оптинский старец Иларион, колдунов «боятся малодушные»*.

Взрослый человек может сознательно встать на путь тех грехов, от которых вроде бы просит себя избавить. Господь может попустить человеку беды (об избавлении от которых он молится) — для его же, человека, вразумления или наказания. Но младенца-то не вразумишь и не накажешь, и грешить младенец не может. Так что малыша Церковь просто вверяет воле Божией, покрову благодати, и просит защитить его.

Вновь скажу: пока малыш находится в некрещеном, «языческом» состоянии, с ним могут случиться вещи, обычные в языческом мире. Но крещение есть та грань, за которой он обретает защиту.

---

* Цит. по: *Преподобный Варсонофий Оптинский.* Келейные записки, 1892–1896 гг. М., 1991. С. 22.

И я убежден, что за этой гранью (если человек сам сознательно не обращается к язычеству) не может язычник-сосед повлиять на духовную жизнь и здоровье христианина. Через предмет, который сам принимающий его не считает идольским, языческим и магическим,— не может темная сила вселиться в христианина. На этот счет есть ясное обетование Спасителя: *уверовавших же будут сопровождать сии знамения... будут брать змей; и если что́ смертоносное выпьют, не повредит им* (Мк. 16, 17–18). Да хоть весь ад упросит колдун воздействовать на нас через подсунутую нам иголочку* — «нет нам дороги унывать». Да хоть все ведьмы подлунного мира будут колдовать над подаренной нам бутылочкой с водой или над блинчиком, поставленным на панихидный столик,— для частицы Тела Христова, каковой является каждый крещеный христианин, нет в том ничего «смертоносного»**.

Но почему-то эта радостная защищенность христианина умаляется сегодняшней церковной литературой и — особенно — околоцерковными пересудами. Они стали слишком много приписывать могуществу темных сил, умаляя силу Божию и Промысл Творца. Например, если в святоотеческой литературе под «печатью антихриста» понималось сознательно-вольное поклонение ему («Волею ли приходишь ко мне?».—

---

* «Эти два молоканца смеялись, что их дело совершилось. После этого в вашей семье началась смута. Они положили вам под порог спичечную коробку с иголками» (*Ильинская А.* Тайна старца Феодосия: Сказание о житии и чудесах «иерусалимского батюшки» — преподобного Феодосия Кавказского. М., 1997. С. 49).

** Падшим духам не могут быть под силу чудеса, творимые Богом в Церкви. Только Божие Слово смогло стать плотью. Только Божий Дух может переступать грань между духом и материей и исполнять Собою богозданную тварь. У бесов нет такой власти над богосозданным веществом. И потому Божие всесилие не надо приписывать демонам. О православном понимании чудесной и чудотворной связи богосозданной материи и ее благодатной освященности Творцом см. в статье «Православие и протестантизм: спор о материи и энергии» в моей книге «Наследие Христа» (М., 1997).

«Да, волею!»)*, то теперь стали модны разговоры о том, что эту печать можно принять как-то совсем незаметно, чуть ли не просто зайдя в магазин и купив пакет сока со штрихкодом. И, не желая отречься от Христа,– ты вдруг Его утратишь в результате какого-то постороннего прикосновения к тебе или к твоей пище...**

Архимандрит Иоанн (Крестьянкин), отвечая на беспокойство в связи с навязыванием людям налоговых номеров, напомнил азы христианской веры: «Запомни и уясни для себя волю Божию: *сыне, даждь Ми твое сердце* (ср.: Притч. 23, 26) – не паспорт, не пенсионное удостоверение, не налоговую карточку, но сердце. Вот зачем следить-то надо неусыпно и со всем тщанием – кому мы в жизни служим, чем живем... Наше сопротивление грядущему страху одно-единственное – наша вера в Бога, наша жизнь по вере. А все те смущения, смятения и неразбериха для того так властно и входят в жизнь и потому входят, что нет живой веры, нет доверия Богу. И все это

---

* «Печать (σφραγίς) же его на челе и на правой руке <...> вероятно, имеет написание: Ἀρνοῦμε (ἀρνοῦμαι = отрекаюсь) <...> Таково будет (надписание) и печать во времена этого ненавистника добра,– та печать, которая будет гласить: “Отрекаюсь от Творца неба и земли; отрекаюсь от крещения; отрекаюсь от служения моего (Богу) и присоединяюсь к тебе и в тебя верую”» (*Святитель Ипполит Римский.* Слово о кончине мира, и об антихристе, и о Втором пришествии Господа нашего Иисуса Христа (28–29) // Творения. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1997. Ч. 2. С. 75).

** «Если печать будет даваться с понуждением к открытому и явному отречению от Христа, тогда многие не примут ее. Если же открыто и явно не будут принуждаемы отречься от своей веры, тогда весь мир легко примет ее» (Коснулся ли вас номер? // Голос совести. 1994. Март. Приложение к газете «Донской казак» / Отв. за вып. настоятель Свято-Никольского храма станицы Еланской о. Валерий). Это перепечатка из греческой раскольнической газетки «Ортодоксос типос» от 13 июня 1986 года. Но если я не собираюсь отрекаться от Христа и меня к этому не провоцируют, то какое же религиозное значение имеет обычная процедура покупки?

вражье вытесняет спокойствие духа и благонадежие. Живи же спокойно, молись Богу и доверяй Ему. Господь ли не знает, как сохранить своих чад от године лютой, лишь бы сердца наши были верны Ему. Кто и как будет отвечать перед Богом? Судится Богом человеческое произволение»*.

О том же сказано в Заявлении Синода Русской Православной Церкви от 7 марта 2000 г.: «Мы хотим ясно заявить: не следует бояться внешних символов и знаков, ведь никакое наваждение врага душ человеческих не способно превозмочь благодати Божией, изобилующей во Святой Церкви. Ничто и никто не может поколебать веры человека, если он воистину пребывает со Христом и прибегает к Таинствам церковным. Святой апостол Петр пишет: *кто сделает вам зло, если вы будете ревнителями доброго? Но если и страдаете за правду, то вы блаженны; а страха их не бойтесь и не смущайтесь. Господа Бога святите в сердцах ваших; будьте всегда готовы всякому, требующему у вас отчета в вашем уповании, дать ответ с кротостью и благоговением* (1 Пет. 3, 13–15). Вопреки традиции иногда утверждают, что технологическое действие якобы может само по себе произвести переворот в сокровенных глубинах человеческой души, приводя ее к забвению Христа. Такое суеверие расходится с православным толкованием Откровения святого Иоанна Богослова, согласно которому "печать зверя" ставится на тех, кто сознательно уверует в него "единственно ради ложных его чудес" (*Святитель Иоанн Златоуст*). Никакой внешний знак не нарушает духовного здоровья человека, если не становится следствием сознательной измены Христу и поругания веры».

Но в нынешнем магическом материализме не отношение человека к скверне рождает грех, а сам «заговоренный» предмет оказывается и скверной, и излучателем, радиирующим грех вокруг себя и чуть ли не навязывающим его всем

* Цит. по: Радонеж: Православное обозрение. 2000. № 9–10.

проходящим. Но нет в Писании призывов: «Бойтесь идолов!». Есть призывы: «Бойтесь поклоняться идолам!». Бойтесь раскрывать свое сознание языческим практикам и падшим духам.

У Отцов есть ясный совет: бояться христианину нужно лишь двух вещей — Бога и греха*. Но в современных апокрифах открывается еще один источник страха: «В этой жизни бойтесь колдунов и колдовства»**. «Приносили и заведомо испорченные колдунами наговоренные продукты. Случалось, съешь что-нибудь из принесенного без матушкиного благословения и не знаешь, куда после этого деваться от боли — в животе так и крутит! Но стоило лишь испить матушкиной водицы и растереться ее маслицем, как все сразу проходило. Поэтому она и старалась предупредить: "Истопи молочко, что принесла эта женщина. Если оно не порчено, то крови не будет, а если порчено, внизу будет кровь"»***. «О чем же рассказывает Царица Небесная схимонахине Макарии? Когда-то Она ее наставляет: "Кто тебя не слушает, ты с тем не разговаривай. Тебе, матушка, нельзя «темных» людей брать в дом, они на тебя темноту наведут"»****. «Портят того,— говорила схимонахиня,— кто им мешает. Вот я мешаю колдунам, они меня и портят. Я век буду страдать. Я же на кресте, у Господа Бога крест такой никто не несет»*****.

---

* «А страшного для нас нет, кроме одного — убояться чего-либо паче Бога» (*Святитель Григорий Богослов.* Слово 16// Собр. творений. Репр. Т. 1. С. 248). «Подчинять страху душу, которая соделалась выше всего этого, свойственно нечистым правилам»,— говорил святитель Иоанн Златоуст при истолковании призыва апостола Павла *отвращаться от бабьих басен* (см.: *Святитель Иоанн Златоуст.* Беседы на Первое Послание к Тимофею (12, 2) // Творения. Т. 11. Кн. 2. С. 699).

** *Дурасов Г.* Богом данная. СПб., 1995. С. 59.

*** Там же. С. 115.

**** Там же. С. 98.

***** Там же. С. 115.

Странно, что к этим страхам с сочувствием относятся люди, которые вроде бы наизусть должны знать 90-й псалом. Может, из-за того, что в церковном обиходе он читается на церковнославянском языке, от слушающих и читающих его ускользает категорическое утверждение: *живущий под кровом Всевышнего под сенью Всемогущего покоится, говорит Господу: "прибежище мое и защита моя, Бог мой, на Которого я уповаю!" Он избавит тебя от сети ловца, от гибельной язвы, перьями Своими осенит тебя, и под крыльями Его будешь безопасен... Не убоишься ужасов в ночи, стрелы, летящей днем, язвы, ходящей во мраке, заразы, опустошающей в полдень... Ибо ты сказал: "Господь – упование мое"; Всевышнего избрал ты прибежищем твоим; не приключится тебе зло, и язва не приблизится к жилищу твоему... на аспида и василиска наступишь; попирать будешь льва и дракона* (Пс. 90, 1–6, 9–10, 13).

Как видим, не человек защищает себя от «ужасов в ночи», разбрызгивая вокруг святую воду и развешивая повсюду талисманы. Господь хранит того, кто полагает в Нем свою надежду. И сам этот псалом никого и ни от чего не защитит. Защита не в том, чтобы носить его в кармане, привязать к притолоке или обвязать вокруг талии*. Не псалом защищает, но Господь – если человек верит в Бога как в Господа (то есть в то, что воля именно Божия, а не колдовская определяет ход событий в его жизни и господствует над нею), в Его защиту, в Его могущество (а не в могущество пояска, бумажки или молитвы-заклинания). Каково условие того, что Господь дает такую защиту? Просто вера человека в нее. *Ибо ты сказал: "Господь упование мое"*. И этого обращения сердца к Богу достаточно для защиты. Дальнейшее определяется

* «Пояски» с 90-м псалмом есть очевидная реплика с иудейских филактериев – «предохранилищ» с выписками из Писания. А что о них говорит собственно церковное Предание – см. в 36-м правиле Лаодикийского собора. Многочисленные примеры того, как различные молитвы предлагалось не просто произносить, но и налагать на тело больного, см. в книге: *Алмазов А.* Врачевальные молитвы: К материалам и исследованиям по истории рукописного русского Требника. Одесса, 1900.

только волей двух: волей Бога и волей человека (не отречется ли он от Завета, обернувшись в сторону язычества?). Желания же всех остальных: врагов, колдунов, язычников, бесов — здесь уже бессильны.

Вопрос о «порче» — это вопрос о том, каким может быть влияние языческой магии на жизнь христианина, который сам к этой магии не обращается и придерживается христианских принципов. И авторы новых апокрифов, по сути, заявляют о бессилии Церкви перед лицом языческой магии — ибо, кроме отдельных старцев и блаженных, все остальные (включая священников) тут оказываются бессильны... Как бессильно-безблагодатны оказываются и церковные Таинства: Крещение, Исповедь и Причастие.

Так что приходится заметить, что увлеченность современных приходских пересудов и апокрифических изданий темой «порчи» есть серьезное нарушение норм христианской жизни и веры. Это — забвение Бога, Который спасает не только от «порчи», но и от малодушия (избавь *мя от малодушия и от бури* [Пс. 54, 9]). Те малые упоминания о «порче», которые были в церковной традиции, все же не дают основания говорить об этом феномене с такой частотой, убежденностью и экзальтацией, как это имеет место в книгах типа «Богом данная». Если во всем корпусе святоотеческих текстов находим лишь два, причем позднейших, кратких упоминания о «порче» (да и то в частных письмах Отцов, а не в публичных проповедях) — почему же сегодня целые книги посвящаются этой теме? В наследии святых Отцов, за два тысячелетия составивших огромную библиотеку, лишь одна страничка посвящена этой теме. Святоотеческие тексты, призывающие не бояться колдунов и не придавать значения языческим игрищам, являются более древними, более авторитетными; наконец, они просто многочисленнее. Так почему же сегодня проповедь о «порче» разрастается подобно флюсу?

Проповедники «порчи» не осознают, что они провоцируют семейные и человеческие раздоры, внутриприходские конфликты («всю-то благодать колдуны из нашего храма унесли!»). Они способствуют росту авторитета магии. Поверивший этим книжкам человек, прежде религиозно равнодушный, скажет: «Раз уж христиане магию признают и ее боятся — значит, и в самом деле там что-то есть». Не учитывают они и еще одного следствия своей проповеди. Ведь среди читателей этих брошюрок немало женщин с весьма неустойчивой психикой — и если они всерьез поверят в наведенную «порчу», то их психическое здоровье окажется разрушенным. Как об этом писал Владимир Бехтерев: «При существовании религиозного внушения о возможности "порчи", достаточно для предрасположенной личности уже самого незначительного повода, чтобы развилась болезнь. Если такая личность случайно взяла из рук подозреваемого в колдовстве лица какую-либо вещь или поела его хлеба, выпила воды или квасу из его рук или даже просто встретилась с ним по дороге — всего этого уже достаточно, чтобы болезнь развилась в полной степени»*.

...Не сомневаюсь, что и теперь найдутся желающие объявить жизнь под страхом колдовства, «сглаза» и «порчи», веру в оборотней и чародеев неотъемлемой частью Православия. Меру позора наша Церковь, очевидно, еще не испила полностью. Отыщутся ведь еще люди, которые «ради блага церковного» провозгласят обязательной нормой Православия веру в «сглаз» и в «порчу», в кентавров, в драконов и в бесов, насилующих бедных женщин прямо в трамваях**. Впрочем, о кентаврах, упоминаемых в греческом и славянском переводах Книги пророка Исаии (см.: Ис. 13, 22),

---

* *Бехтерев В.* Предисловие... С. IV.

** «Одну женщину часто насиловал блудный бес. Он делал это с ней и дома, и в транспорте, и на улице» (*Священник В. Емеличев.* Одержимые. Изгнание злых духов. С. 133).

я смогу ответить словами святителя Василия Великого: «Кажется, что сим означается некоторый род бесов огрубелых и по наружности омраченных, которых дело — быть непостоянными и никогда не останавливаться ни ногами, ни мыслию»*.

И к сожалению, я даже не сомневаюсь в том, что немалое число апологетов «порченых» апокрифов будут отстаивать могущество колдовства ради того, чтобы доставить себе удовольствие призвать к погромам и кострам. Ведь если силы церковных Таинств недостаточно, чтобы защититься от «порчи», значит, надо устранять сам источник «порчи». Тюремная стена не помешает колдуну послать губительный дух к другому человеку. Расстояние, устанавливаемое между колдуном и его потенциальными жертвами с помощью ссылки, тоже не ослабит его сверхъестественной мощи. Поэтому вполне логично устранять зло радикально: уничтожая носителя зла. Путь к инквизиции вполне последователен. Если признать могущество ведьмы превышающим могущество Христа — то логично обратиться за помощью к третьей силе: к государственной власти и, используя ее могущество, попросить сжечь ведьму.

И эта логика была знакома не только католической и протестантской Европе. Были свои костры и в православной России[11].

Мне же кажется, что христианину больше, чем колдунов и «порчи», надо опасаться инквизиции, ибо язычество все же не позорит *нас* и не отлучает от *нас* Христа. Но если мы хотя бы в мысли своей оправдаем костры — то и навлечем позор на Церковь, и сделаем себя людьми, чуж-

---

* *Святитель Василий Великий.* Творения. Ч. 2. С. 315. См. также: *Козлов И.* О «косматых» по Иерониму// Миссионерское обозрение. 1910. № 5. С. 841.

дыми распятому Спасителю*. Новый Завет, конечно, нов. Но не настолько, чтобы при его наступлении устарели слова, в давние времена сказанные Сократом: «Для человека лучше испытать несправедливость, чем совершить ее».

Вообще не надо грязнить свои души догадками о дурном. По справедливому наблюдению, сделанному о. Павлом Флоренским еще в годы его студенчества, «после чтения с увлечением всякого рода оккультических книг, после излишних разговоров об упырях и тому подобном остается осадок нечистоты, нечистое чувство в душе, именно какая-то грязнотца»**. Не стоит забывать, что каждый сам наделяет реальностью то, во что верит. Если кому-то очень захочется отстоять реальность языческой колдовской мистики и всесилие бесов, — в его жизни и опыте они станут таковыми. Евангелие же призывает нас верить в Христа и Его Царство для того, чтобы мы стали чужими и недоступными для стихий «мира сего».

---

* «Нельзя же православному христианину отрицать того факта, что Христос в Евангелии неоднократно говорил Своим ученикам: “Вас будут гнать за имя Мое”, но ни разу не сказал: “Вы будете гнать других во имя Мое”» (*Соловьев В.* Письмо императору Николаю II // Логос. Брюссель; М., 1995. № 50. С. 342). Ср.: «Бог не требует ни крови, ни гонений за веру: мечом не доказывают истины. Бог слова покоряет словом» (*Хомяков А.* Несколько слов о философическом письме // Сочинения. М., 1994. Т. 2. С. 455).

** *Флоренский П.* О суеверии // Философские науки. 1991. № 5. С. 107.

КАК НАУЧНЫЙ АТЕИСТ СТАЛ ДИАКОНОМ

— Святейший Патриарх Алексий II позволял этому человеку спорить с собой. А с ним, с этим человеком, кто только не спорил: и буддисты, и староверы! Ректор МГУ Виктор Садовничий вручил ему медаль «Почетный выпускник МГУ», а «рериховцы» засыпают прокуратуры письмами с требованиями запретить его лекции. Рокеры Юрий Шевчук и Константин Кинчев называют его другом... Кто же он, этот человек, человек в «спецодежде» церковника (но не священник),— самый молодой персонаж словаря «Философы России XIX–XX столетий»*, ставший и самым молодым (в тридцать пять лет) профессором богословия в истории России? Так кто же Вы, господин Кураев?

— Прежде всего — православный христианин. Затем — диакон (служу в храме Иоанна Предтечи на Красной Пресне). Богословом назвать себя не дерзну, но церковным журналистом — можно.

— Значит, до Бога дошли?

— Дойти невозможно. Но можно приблизиться...

— Что для этого нужно? На собственном примере, пожалуйста.

— Мой путь шел через поиск смысла. Как пел в 80-х один рок-музыкант (ныне священник в Макеевке), «если меня

*См.: *Алексеев П.* Философы России XIX–XX столетий: Биографии, идеи, труды. М., 2002. С. 520–521.

разложить на молекулы,— что ж, стану молекулой. А если меня разложить на атомы,— что ж, стану атомом. Скучно». Вот это ощущение скуки как последнего предела мироздания и было для меня толчком к вере. Ну не может же скука быть последней истиной![*].

— Стало обидно?

— Захотелось добраться до истины.

— Как же Вы добирались?

— Сейчас, по прошествии двадцати лет, кажется, что все было очень просто...

Лет пять назад я был в монастыре у кришнаитов. Здесь, в Подмосковье, у них российский центр. И выяснил очень интересную вещь. Оказывается, в истории индийской философии был диспут, очень похожий на тот, что ведется в христианском мире между протестантами, православными и католиками. У католиков считают, что человек своими заслугами должен заработать себе спасение. Протестантские полемисты говорят человеку: «Нет, ты только уверуй,

---

[*] В одной из миниатюр о. Иоанна Охлобыстина есть что-то похожее: «Судьба 25-летнего провинциального актера Х. напоминала даже не восхождение в гору, а стремительный взлет геликоптера. В одночасье он стал фаворитом петербургских подмостков, состоятельным человеком и потенциальным обладателем руки и сердца дочери градоначальника. Каково же было изумление столичной общественности, когда ей стало известно, что господин Х. оставил сцену и состояние ради пострижения в монашество в маленьком, далеком от процветания монастыре под Малоярославцем. Известный городской хроникер господин Л. ради выяснения этих обстоятельств тут же направился туда. Его поиски увенчались успехом на огороде монастыря, где господин Х. собирал редис.

— Что же побудило Вас к такому поступку? — спросил у него господин Л.

— Все очень просто,— ответил господин Х.— Просто я решил вопрос бытийности Гамлета положительно».

Господь тебя Сам спасет. Тебе не надо никаких заслуг, добрых дел». Православие — это путь такой «царской середины», сотрудничества Бога и человека.

Так вот, у кришнаитов есть две школы, одна из которых близка православным, а вторая — протестантам. Одна из них зовется «школа обезьянки», вторая — «школа котенка». Первая говорит, что детеныш обезьяны цепляется за мать, а она его сама переносит с ветки на ветку. От малыша требуется лишь держаться и не мешать. «Школа котенка» говорит: «Смотрите, как кошка несет в зубах малыша, котенок же вовсе ничего не делает». Так и Господь спасает человека, который в этом никакого участия не принимает. Мое крещение я могу объяснить только с позиции «школы котенка».

Можно, конечно, долго рассказывать, как из полного неверия, из семьи, где не было православной традиции, с кафедры атеизма я пришел в семинарию. И при этом буду употреблять местоимения «я», «мне». На самом же деле это было чудо. Не я пришел в Церковь, а Господь «взял за шкирку», вытащил и протащил, как я этому ни сопротивлялся. Чудо — любое проявление Божией воли. И именно потому, что это — чудо, оно не подлежит дальнейшему анализу. Это нельзя дальше расчленять. Здесь можно просто замереть... Чудо есть чудо, и чудо есть Бог.

Если же искать человеческих сдвижек, то тут очень много ниточек сходились в один узел.

В моем обращении к Церкви многое значило детское увлечение фантастикой. Это я потом понял, что на философском языке фантастика — это привитие человеку навыков феноменологического мышления. Феноменология интересуется смыслом, а не правдой. Дело не в том, «так на самом деле» или «не так». Феноменолог анализирует текст, изначально воздержавшись от суждения о его «истинности». Важна внутренняя логика сюжета, перекличка смыс-

лов. Если ты принял некоторые условия фантастического романа — дальше ты следуешь этим правилам игры. Вот и встретившись с миром религии, поначалу именно так, феноменологически, я к нему и относился. Для атеистически воспитанного человека нельзя было сразу поставить вопрос: «Правда это или нет, воскрес Христос или не воскрес?». Но прежде чем сказать для себя «да», он может попробовать понять: если «да», то... То есть начать понимать внутреннюю логику Православия. А однажды воля говорит разуму (именно так: не уму, а воле дано решать — что есть, а чего нет): «Все, я хочу жить именно в таком мире, где есть вот это, я хочу, чтобы это было всерьез». Игра кончается, начинается жизнь.

Первыми религиозными авторами, которых я читал, были Семен Франк и Лев Шестов. Первое знакомство с ними оставило меня равнодушным. Я просто не понимал, о чем они пишут. Их рассуждения о Боге, о Христе казались мне слишком далекими. Но все же нечто позитивное из первого знакомства с ними я вынес. Они показали мне, что можно быть христианином и при этом человеком XX века. Затем о. Сергий Булгаков вполне убедил меня: мир духовной жизни — это такой мир, о котором нельзя судить снаружи.

На третьем курсе МГУ я всерьез заболел Достоевским. Книга, которая по-настоящему «перепахала» меня,— это «Братья Карамазовы». Я действительно болел ею. Две недели, пока читал, ничего, кроме нее, в голове не было.

Ну и потом, оказавшись на кафедре научного атеизма, я в учебном порядке должен был заниматься религиозными вопросами, читать литературу — прежде всего, конечно, атеистическую,— но попадался и самиздат. Доводилось брать книжки у знакомых, да и на кафедре библиотека была достаточно приличная. Атеистический стиль работы, с которым я встретился, вызывал неприятие и тем самым во многом помог мне определиться.

— Каким образом?

— Во-первых, сравнивая первоисточники, Евангелие, книги по истории Церкви с тем, как это препарировалось в книгах по атеизму, я достаточно быстро заметил, что в последних много неправды, многое притянуто за уши, что в них много просто элементарной некомпетентности. Когда я начал вживаться в кафедральную жизнь, меня поразила одна деталь. Там не было ни одного спецкурса по библеистике, по истории Церкви, даже по истории религии; там не было ни одного человека, который мог бы эти спецкурсы вести. Было много спецкурсов по «модернизму», но никакого знакомства с традицией. Образование получалось странно мозаичным. Кроме того, в те годы никто из преподавателей кафедры не знал ни еврейского, ни греческого языков. И при этом они заявляли, что занимаются научной критикой Библии. Это меня сильно разочаровало.

— А как Вы вообще оказались именно на столь своеобразной кафедре?

— Вовсе не потому, что я был одержим зудом атеистической работы. Вообще-то я собирался специализироваться по истории зарубежной философии. Марксизм был мне, мягко говоря, неинтересен. А вот что-то домарксистское, зарубежное... Но на экзамене по истории философии приключился эпизод, перевернувший всю мою жизнь. В билете, который мне достался, первый вопрос был по китайской философии, второй — по Аристотелю. Китай был мне опять же неинтересен, да и лекции на эту тему у нас были крайне скучные. Короче, я ничего по этому вопросу не знал. А по Аристотелю ответил хорошо. Опыт сдачи экзаменов у меня к тому времени был уже немалый, поэтому я понимал: «два» по первому вопросу и «пять» по второму в среднем дают «тройку». Каково же было мое удивление, когда профессор Алексей Богомолов протянул мне зачетку с за-

писью: «Отлично»! Но при этом он сказал: «Передайте привет Вашему отцу!». Отец-то у меня тоже философ, и работал он тогда в Президиуме Академии наук...

И тогда я понял: или я всю жизнь буду всего лишь носителем своего отчества и всю жизнь буду таскать домой «приветы отцу», или я должен искать свой путь жизни.

Сложность выбора состояла в том, что, как я уже сказал, в ту пору официальная идеология не вызывала у меня симпатий. Поэтому-то как раз накануне экзамена я и подал заявление о специализации на кафедру истории зарубежной философии: думал забуриться куда-нибудь в былые века и культуры, в проблемы, по которым, к счастью, не существует «установочных» определений пленумов ЦК... Но, оказалось, что на этой кафедре слишком хорошо знают моего отца. Куда же еще на философском факультете можно спрятаться от идеологии? Конечно, на кафедру логики. Занятия по логике я любил... Но, увы, мой отец по своей научной специализации как раз логик и потому и на этой кафедре более чем известен. Так, а раз мой отец логик, а я хочу выбираться своей колеей, то что же находится вдали от логики? Конечно, религия. И в итоге я подал заявление на кафедру атеизма: по сути, изучение той же самой «зарубежной» или несоветской философии, только с более узким выбором тем.

Так что в выборе этой кафедры «виноват» мой юношеский «протестантизм». Ничего идейного.

— И на самой кафедре атеизма к вере Вы тоже шли «от противного»?

— Во многом да. Сама атмосфера в обществе, которая сложилась в начале 80-х гг., помогала повернуться к Церкви. Атеистические нападки выглядели очень нечестно, и я сказал себе: если ты видишь, что родная партия врет тебе по каждому поводу, и в крупном, и по мелочам, то, может

быть, она не права и в вопросе, который сама же назвала основным вопросом философии: «Есть ли Бог? Что первично: материя или разум?».

Я подошел к миру религиозной мысли, попробовал понять русских философов,— естественно, сразу не получилось. Это была совершенно другая вселенная, абсолютно чужая для меня, для моего окружения.

У меня не было верующих знакомых: ни родственников, ни друзей, ни однокурсников. То есть приходилось идти по книжкам. И довольно скоро я понял, что это — мир, который можно понять только изнутри. Человеку неверующему рассуждать о религии — это все равно что слепому рассуждать об особенностях живописи Рембрандта. И я понял, что не хочу ставить себя в глупое положение; раз уж профессионально я оказался связан именно с этой специальностью, все-таки должен попробовать войти внутрь. Я понял, что нечестно заниматься изучением религии, если ты сам никакой веры не имеешь. Веры-то в марксизм у меня не было точно. Но и никакой другой — тоже.

Кроме того, меня задели и даже обидели слова о. Сергия Булгакова о том, что неверующий человек, который занимается изучением чужой религии, похож на евнуха, который сторожит гарем. Обидно, но верно. И я решил попробовать войти в новый мир. Читая книги русских религиозных философов, я заметил, что они постоянно говорят о том, что религия — это мир опыта. И если у тебя этого опыта нет, хотя бы в малейшей степени, ты, изучая историю религии, ставишь себя в неловкое положение. В самом деле, мы же не станем доверять мнению глухого человека, если он вздумает написать диссертацию о музыке. В таком же положении и человек, не слышащий музыки небесных сфер. Что он может сказать о религии?

Я понял, что если хочу уважать себя, то должен сделать решительный шаг.

— Когда Вы впервые осознали, что верите во Христа не просто как в учителя нравственности, жившего 2 000 лет назад, а как в Бога, от Которого зависит вся Ваша жизнь?

— Для меня это были два разных момента: сначала пришла вера во Христа как Бога (Творца, Спасителя, грядущего Судию), а уже потом — вера во Христа как Вседержителя, от Которого зависит моя жизнь здесь и сейчас.

Что касается первого, то это произошло тогда, когда я «болел» «Братьями Карамазовыми»: более всего меня поразила легенда о Великом инквизиторе. В этой легенде для меня сошлись все философские проблемы, о которых я тогда думал. Всё, что тогда меня пугало в жизни, сконцентрировалось в словах Великого инквизитора. Я вдруг понял, что те искушения в пустыне, которые были предложены сатаной Христу,— это предельный, точный и емкий выбор. И поэтому согласился с той характеристикой, которую Достоевский дал этому евангельскому персонажу и которую я уже приводил: «Дух сверхчеловечески умный и злобный».

Так сначала я признал существование сатаны, ну а затем последовал логический вывод: если Христос смог отвергнуть эти искушения, значит, Он тоже сверхчеловечески умен, но добр. Пришло осознание Христа как Спасителя. Ощущение внутренней пустоты прошло, свет в окошке забрезжил.

Но пока это было только философским принятием Христа. Начать молиться было намного труднее, и это произошло несколько позже, а крестился я почти через год после этих событий. И даже будучи крещеным, я с большим трудом понуждал себя публично перекреститься в храме или поклониться вместе с бабушками, которые там стояли. Более того, спустя еще год после крещения, на какой-то марксистской лекции, когда лектор громил идеалистов, я *с ужасом* понял, что он говорит, фактически, про меня. Осознать то, что я стал идеалистом, было очень трудно, настолько глубокие корни пустила марксистская закваска в моем подсознании.

А отношение к Нему как к Вседержителю пришло уже позже. Своеобразие юношеской веры в том, что она ни о чем не просит, она просто радуется тому, что Бог есть. Еще нет болячек, нет каких-то безвыходных жизненных ситуаций, и, следовательно, можно приходить к Богу не торгуясь, не выклянчивая «гуманитарную помощь». Поэтому впервые я начал относиться ко Христу не просто как к Творцу и грядущему Судии, а как ко Вседержителю, от Которого зависит моя жизнь здесь и сейчас, только тогда, когда начал молиться о том, чтобы Господь помог мне поступить в семинарию.

— А почему из всех религий Вы выбрали именно Православие?

— В свое время я решил для себя: если однажды я все же приду к выводу о том, что Бог есть, то не буду выдумывать никакой своей религии. Мне уже обрыдли все эти бесконечные ночные посиделки на кухнях и в общагах, когда в прокуренной комнате со стаканом коньяка (водки, портвейна, пива) в руке ведутся дискуссии об Абсолюте. «Так, Андрюша, давай договоримся. Если ты однажды придешь к выводу, что Бог есть, я тебя очень прошу: не выдумывай ничего своего. Понимаешь, если Бог есть, то это означает, что ты не первый умница, который до этого додумался. История началась не с тебя. Ты не первый человек, идущий по этому пути. Присмотрись к опыту людей, которые шли по нему раньше и дальше тебя продвинулись». Любые попытки выдумать что-то свое, свою религию, мне казались верхом пошлости. Поэтому я с самого начала наложил на себя такое ограничение: я не имею права пошлить, я не должен выдумывать что-то свое, я должен войти в традицию. Если уж христианство — то самое традиционное.

А почему именно христианство? Так ведь к тому времени у меня уже были представления о других религиях, и я уже понимал, что более высокого пути религиозной жизни и мысли

нигде нет. Ни одна другая религия мира не кладет в свою основу формулу: *Бог есть любовь* (1 Ин. 4, 8, 16) — и не говорит в своем символе веры: «Нас ради человек и нашего ради спасения».

— И как это решение переросло в действие?

— Помню, это решение я принял под воздействием чувства... зависти. Мой ближайший друг — студент истфака — все же крестился (у староверов). Он был настолько счастлив, что я подумал: «Хватит баловаться философией, жонглировать умными терминами и цитатами, надо решаться». Это был май, и я решил: «И я либо к осени крещусь, либо никогда». При чем тут была осень, мне и самому до сих пор непонятно. Но в те дни для меня значимой стала песня Высоцкого: «Мой друг уедет в Магадан — снимите шляпу...».

Конечно, обычная студенческая суета занесла своей пылью ту ясную решимость. И только в предпоследний день осени — 29 ноября — я был разбужен мыслью: «Ты же что-то обещал сделать!». И побежал искать храм для того, чтобы более не откладывать. В каком-то смысле я испугался себя самого, своей нерешительности и решил с нею покончить.

Тогда в голове у меня вертелись строки Пастернака:

Жизни ль мне хотелось слаще?
Нет, нисколько; я хотел
Только вырваться из чащи
Полуснов и полудел»*.

Спустя годы я услышал точную формулу этой своей мотивации со стороны. Я уже был в аспирантуре. И вот наш «сектор современной зарубежной философии» празднует масленицу дома у моего научного куратора Тамары Кузьминой. Сидим на кухне и ведем вековечную русско-интеллигентскую дискуссию на тему «Что такое мещанство». А в гостях у Тамары Андреевны в тот день оказался ее давний друг, былой однокурсник. Вот только он по окончании университета

* *Пастернак Б.* Стихотворения и поэмы. Т. 2. С. 246.

решил не иметь вообще ничего общего с советской идеологией и всю жизнь так и проработал в Калуге истопником. Но интерес к миру книг он не потерял. Так и в тот вечер — пока все сгрудились на кухне и спорили, он ходил по квартире, выискивая на книжных полках новинки. И вот, отобрав что-то интересное для себя, со стопкой книг он заходит на кухню. И хозяйка его с ходу включает в разговор: «Ну, скажи, что такое мещанин?!». Ответ был дан без секунды раздумий, с лету: «Как что? Мещанин — это человек, у которого бытие определяет сознание!»*.

Мне же хотелось, чтобы мое сознание дало мне новый опыт бытия...

С этой жаждой я и пришел ко крещению. Сам день моего крещения был довольно необычным. Я не могу сказать, что уверовал и потому пошел креститься. Ровно наоборот: я пошел креститься для того, чтобы уверовать, то есть я ощущал потребность сделать шаг, который вырвал бы меня из привычной колеи жизни; надо было пойти посмотреть, ворваться туда, в Церковь. Может быть, потом я что-то пойму. До некоторой степени это был философский эксперимент, поставленный на себе,— но он увенчался совершенно невероятным успехом.

У Бога Свои планы о нас: в день крещения благодать Христова коснулась сердца — и с этого дня стало понятно, о чем слова Евангелия: *Царство Божие внутри вас* (ср.: Лк. 17, 21). После этого мне действительно стало изнутри понятно многое из того, что говорится в Священном Писании, у святых Отцов. Я всем существом ощутил, что чудо произошло. Это Таинство, а не просто омовение в купели.

— Когда же Вы крестились?

— Это произошло в 1982 году. Я был студентом четвертого курса.

---

* «Бытие определяет сознание» было основополагающей формулой марксистского «исторического материализма».

— А где Вы крестились?

— В Москве, в храме Иоанна Предтечи. Причем искал храм, который был бы максимально далек от моего дома и университета,— с тем, чтобы никаких случайных знакомых не было, чтобы никто не «настучал». Я, собственно, об этом уже говорил (если узнают в университете — выгонят... у родителей будут неприятности из-за меня... и так далее...). И за этот неуместный страх я себя сейчас очень корю: в том храме, где крестился, теперь я и служу!

— А как же происходило крещение или что произошло при крещении?

— Вдали от своего дома я знал только один действующий храм — на Ваганьковском кладбище (был там на похоронах Высоцкого). Поехал туда — но храм был закрыт. Я был просто оглушен, земля ушла из-под ног. В таком потерянном состоянии я просто пошел бесцельно бродить по городу. И вдруг в конце Большевистского переулка увидел храм. Побрел к нему безо всякой надежды (ибо трудно было представить, чтоб в одном районе Москвы было два действующих храма). К моему радостному изумлению, храм оказался действующим и даже еще не был закрыт по окончании утренней службы.

Я успел проскользнуть в дверь. Обращаюсь за свечной ящик: хочу, мол, креститься. Бабушка, стоящая там, начинает меня отговаривать: «Ты лучше завтра приходи, завтра хороший батюшка служить будет!». По-своему эта бабушка была права. Священник, который должен был служить завтра, и в самом деле потом стал моим духовным наставником. Но тогда я возмутился: «Какая разница, какой священник! Я не к священнику пришел, а к Богу! И мне нужно креститься именно сегодня!». В общем, денег с меня за крестины не взяли, бабушка эта даже крестик подарила.

Вышел из алтаря о. Александр Мещеряков и повел меня в «крестилку». Крестил он весело, без назиданий и пояснений, с прибаутками. Соответственно, и у меня не было никакого «медитативного» настроя.

А затем он ввел меня в алтарь (это называется: «Чин воцерковления»). Первое мое впечатление от алтаря — чайник. Даже мелькнула мысль: «Теперь я знаю, зачем в церкви иконостас: чтобы за ним прятаться во время службы и чаи гонять (как наши лаборантки на кафедре)».

В алтаре, вдали от посторонних глаз, священник начал меня расспрашивать — кто, откуда... Узнав же, где я учусь, и вдоволь посмеявшись, сказал: «Не смей бросать учебу. Ты должен окончить университет».

Так что, по крайней мере, этот самый первый священнический совет в моей церковной жизни я точно исполнил. И кстати, он мне много помог, потому что потом у меня неоднократно возникало желание бросить университет и «убежать в леса».

А в целом все было вполне обычно и обыденно. И только когда я вышел из храма и вошел в метро — там и произошел тот сдвиг в душе, ради которого я и искал крещения... Потом я узнал, что такое бывает нередко: человеку дается пережить благодатность Таинства не в минуту его совершения, а потом. В моем случае мудрость Промысла была в том, что если бы это переживание пришло в храме — его потом было бы легче украсть. Потом шальная мыслишка подсказала бы атеистической части меня: «Ну, это же было в храме — необычная обстановка, твой собственный настрой, в итоге и родилось это самовнушение»*. Но

* Потом и в самом деле я пришел в общежитие психфака и попросил знакомую девушку прогнать меня по всем тестам. Результаты тех тестов она потом показывала и своим преподавателям и получила от них уверение, что все в норме. «Значит, дело в другом»,— сказал я ей и объяснил причину сомнения в себе: религиозное обращение.

что для москвича может быть более привычно и обыденно, чем метро? И настроя уже ищущего не было. Я просто возвращался в университет... И был «настигнут радостью».

— А что в университете?

— В университете я попал прямиком на третью пару — спецкурс «Несовместимость современного естествознания и религии». Профессор скучно зачитывает свою лекцию для маленькой группы — нас человек семь было на этом спецкурсе. А меня распирает от счастья — я не могу не улыбаться. Он косится на меня и в конце концов спрашивает: «Кураев, что Вы все время смеетесь?». А я как представлю, что с ним будет, если я ему скажу, отчего я сегодня смеюсь,— так мне вообще хохотать хочется...

А в последующие месяцы это даже вошло в поговорку на нашем курсе — «счастливый, как Кураев».

— Обычно люди приходят к вере, ко крещению после какого-то жизненного переворота, трагедии, горя или удивительного события. У Вас, насколько я понимаю, было по-другому?

— Дело в том, что свой путь в Церковь я могу описать двояко. Я могу несколько часов подробно рассказывать, что происходило,— и в итоге получится впечатление, что это был логичный путь, который иначе и не мог завершиться. Но сердцем я помню и знаю, что это не так. Потому что каждый новый импульс: открытие, какая-то встреча, слово — тут же заглушался. И потом снова были недели и месяцы пустоты, обычные студенческие тусовки, после которых опять происходило что-нибудь. Правдивее будет сказать так: Господь взял и привел.

Ну, а затем были непростые годы, когда надо было силком втаскивать себя в Церковь, заставлять себя, понуждать к пониманию Писания, к согласию со всем учением церковным.

— А как же родители — они разве были к такому готовы?

— Никто готов не был. Я крестился и полгода от родных это скрывал. Говорил, что иду на дискотеку, а сам шел в храм. Я понимал, что правда для них будет слишком болезненна, потому что у них были свои представления о том, какую я должен был делать карьеру.

— Когда родители узнали о Вашем крещении, состоялся, наверно, нелицеприятный разговор?

— Родители обо всем узнали случайно. Вернулись с дачи домой раньше времени. Я был как раз на службе, а дома оставил неспрятанными Молитвослов и иконки.

Слезы были. Но мне удалось убедить родителей, что я не собираюсь бросать университет. Уже через пару дней отец сказал мне: «Знаешь, а я все же рад, что ты крестился... теперь в твоих руках ключ от всей европейской культуры...».

Потом их ждал новый шок: я объявил о своем намерении поступать в семинарию. Родители стали перебирать: кто из надежных людей для меня авторитет... Вспомнили: старый друг семьи, который был у меня репетитором еще в десятом классе. Это Вячеслав Грихин, доцент филфака, великолепный знаток древнерусской литературы. Приехали к нему на чашку чая. И после светских любезностей — к делу: «Вячеслав Адрианович, а ведь у нас в семье беда. Андрюша в Бога поверил. Хочет в семинарию поступать». После довольно долгого молчания Вячеслав Адрианович тихо произнес: «Что ж, дай Бог, чтобы тебе удалось осуществить то, о чем я мечтал всю жизнь да не сумел».

Таких открытий, надо сказать, мне потом предстояло немало. Люди, о вере которых и подозревать было невозможно, оказывались верующими. Как-то, уже будучи аспирантом, я попал на съезд молодых ученых. Там блис-

тал Генрих Батищев — в те времена известный советский философ, немного диссидентствующий и поэтому, в частности, довольно чтимый молодежью. Он хорошо говорил, но одна странность царапала слух. Я не удержался — и после лекции подошел к Батищеву: «Знаете, Генрих Степанович, я просто не могу понять Вашей логики: почему в каждой фразе у Вас звучит: "Космос ждет", "космос заповедует". Нельзя о космосе так говорить. Если слово "космос" заменить словом "Бог", тогда это станет понятным... А просто от космоса нечего ждать — это же какое-то безличностное бытие». Батищев вдруг стал озираться, потом отвел меня в сторону: «Андрей, Вы все правильно поняли. Только, знаете, это благословение моего духовника, чтобы я слово "Бог" в своих речах не употреблял».

— Ваши родители не пострадали за сына?

— Пока я доучивался в университете и в аспирантуре — нет. Но едва только я перешел на работу в семинарию — мои повороты коснулись и судьбы отца. У него как раз тогда была перспектива поехать на работу в Париж, в ЮНЕСКО. Он был референтом академика Петра Федосеева — ведущего идеолога советской поры; отцовская должность называлась: «Ученый секретарь секции общественных наук Президиума Академии наук СССР». Но как только я подал документы в семинарию, сразу же соответствующая информация появилась в ЦК, оттуда — Федосееву. И отцу предложили «уйти по-хорошему» — самому написать заявление об уходе. И Париж, конечно, отменился. А Федосеев еще звонил в Минобороны, требуя, чтобы меня срочно призвали в армию. К счастью, там оказались здравомыслящие люди. Я ведь по окончании МГУ был уже лейтенантом, по военной специальности числился замполитом... Советской армии такие замполиты были совсем не нужны.

— Отец сильно переживал? Ваши отношения из-за этого не испортились?

— У меня хороший отец, бывший детдомовец. В нашей семье карьеристов не было.

— А в университете совсем не догадывались о перемене в Вашей жизни?

— К счастью, в те годы техника сдачи экзаменов по идеологическим предметам была хорошо отработана. Свою позицию можно было маскировать фразами типа: «Карл Маркс говорил об этом так» или «С точки зрения “диамата”, дело обстоит так». А о том, что думаю лично я, преподаватели не спрашивали.

Не могу сказать, что перемена во мне осталась незамеченной на кафедре, но преподаватели проявили достаточную тактичность и не поднимали этот вопрос.

Относились ко мне хорошо. На четвертом курсе я не успел написать курсовую — так мне поставили «пятерку» даже не глядя в работу,— просто взяв с меня обещание, что до конца сессии я ее принесу. Это меня расстормозило (или расхолодило). И дипломную работу я писал тоже скорее для себя, чем в расчете на чей-то посторонний взгляд. И ошибся — потому что дипломы как раз читают.

В результате через день после того, как я сдал дипломную работу, мне звонит мой научный руководитель и говорит: «Что Вы написали? Это харизматический трактат или диплом по кафедре научного атеизма?!».

Пришлось срочно переделывать. А как раз наступает Страстная седмица — надо ежедневно быть в храме, а тут этот немилый сердцу диплом... Руководитель торопит, и я в сердцах говорю ему: «Ну, не успеваю я! Какая переработка, если сейчас Страстная идет!». Брякнул — и замер... Ответ прозвучал более чем спокойно: «А я в Вашем возрасте успевал все: и работу сделать, и в храм сходить!».

Единственно только при защите диплома мне было сказано председателем кафедральной комиссии: «Мы даем Вам рекомендацию в аспирантуру, но учтите, Андрей Вячеславович: в Институте философии тоже бывают чистки!».

А через полтора месяца, за час до вручения диплома, научный руководитель отвел меня в сторонку и сказал: «У нас есть информация, что Вы бываете в Троице-Сергиевой Лавре, общаетесь с преподавателями и семинаристами и у Вас там есть духовник. Это, конечно, Ваше дело, но у кафедры есть просьба к Вам: не поступайте в семинарию!».

Посещение Лавры и общение с преподавателями я признал, объяснив это необходимостью «полевых социологических исследований». О духовнике честно сказал: «Никакого духовника там у меня нет» (это было честно, потому что духовник у меня был в Москве). И обещал, что сейчас поступать в семинарию не буду (в моих планах это было сделать только через год).

— А на какую тему была Ваша дипломная работа в МГУ?

— Диплом у меня был по философии Семена Франка и Мартина Хайдеггера, ну, с надлежащими прибамбасами и «выводами» о том, что их построения радикально антимарксистские и вообще не материалистические.

— И как складывалась Ваша дальнейшая жизнь?

— Понятное дело, что оставаться преподавателем в университете я не мог (хотя и было предложение — не с моей кафедры, а с кафедры эстетики), потому что это означало бы врать: врать студентам, врать на кафедре... Надо было уходить из университета и искать аспирантуру на стороне.

Вопреки слухам, что распускают про меня «рериховцы», я никогда не преподавал ни «научный атеизм», ни вообще «марксизм-ленинизм». Именно ради того, чтобы устранить от себя такую необходимость, я отказался от преподавания и от вступления в КПСС.

На кафедре атеизма я учился не критиковать религию, а защищать ее от атеистического напора — ибо уже в самом начале учебы на этой кафедре начал отождествлять себя с той стороной, на которую атеисты нападали.

Вновь напомню: в Церковь я пришел еще в 1982 году. О «перестройке» тогда и речи не шло. И мой приход в Церковь вовсе не был «перетеканием из одной идеологии в другую»*.

— И куда шел Ваш путь после университета?

— В Институт философии Академии наук. В те времена нужно было обязательно куда-то трудоустраиваться после университета, работать по специальности — «отработка диплома». И чтобы избежать преподавания «марксистско-ленинской философии», я поступил в аспирантуру Института философии. В аспирантуре я оказался по совету своего отца. Ведь там идейных требований, по большому счету, уже никаких. Спокойно учишься, осматриваешься, а потом...

Дело в том, что еще на четвертом курсе МГУ, через полгода после крещения, я очень твердо ощущал, что мой путь — это путь в семинарию.

И вообще о семинарии я впервые услышал на лекциях по научному атеизму. В этом было что-то мистическое. На кафедре (еще на третьем курсе) был закрытый спецкурс «Русская Православная Церковь сегодня». Читал Евгений Варичев — сотрудник Совета по делам религий. И он более подробно, чем это обычно делается, рассказывал о структуре Патриархии: какие там существуют отделы, сколько всего семинарий. И просто давал статистику: сколько студентов, сколько преподавателей, сколько из них в звании доцента, сколько профессоров и так

* *Шапошникова Л.* Подвижничество диакона Кураева. С. 356.

далее. Он давал сухие цифры, но, когда он их называл, меня вдруг пронзило глубочайшее ощущение, что я должен быть там. Странно: мне называют число профессоров в академии, а я — студент-безбожник с кафедры атеизма! — вдруг ощущаю, что должен быть среди них. Я был тогда совершенно неверующим человеком. А на уровне рациональном (уже на переменке) это отрефлексировалось так: «Счастливые люди! Они могут говорить о том, во что они действительно верят, и они не обязаны цитировать Ленина на каждой лекции». Я им такой белой завистью тогда позавидовал.

Это было такое дежавю наоборот: вижу настоящую картинку и четко понимаю, что она будет в моем будущем. На другой лекции преподаватель зачитывает чей-то мемуар о посещении семинарии и произносит: «По лестнице сбегала стайка семинаристов». И я вдруг тоже отчетливо ощущаю: это из моей жизни, это про меня...

Потом это дежавю начало облекаться плотью. Помню первый свой вход в семинарию. Я приехал с рекомендательным письмом от калязинского батюшки (о. Леонид Черняк, ныне духовник Минской духовной семинарии), у которого говел перед тем, Великим постом. Письмо было адресовано доценту академии Виталию Антонику (ныне профессору Минской духовной академии).

Знакомимся. Расспрашивает обо мне. Узнав, где я учусь, Виталий Кириллович вдруг говорит: «Вот и хорошо. Значит, оканчивай университет, приходи к нам, будешь вместо меня “Основное богословие” вести. Я-то по светскому образованию биолог, мне эта философия не то чтобы очень интересна!».

Я обомлел. Как-то трудно было себе представить, чтобы в светском вузе преподаватель сказал студенту: «Учись, а как только доучишься, я тебе свое место оставлю»...

Это сегодня может казаться странным, но в семинарию я шел без мечты о священстве (она представлялась слишком дерзкой для меня — как можно дерзать на *такую* мечту!). У меня не было совершенно никакого плана о том, что будет со мной по ту сторону семинарии, как я буду дальше жить в Церкви. Настроение было одно: «Хоть хворостиной — да в церковной ограде торчать!». Семинария мне была дорога не как путь к священству, а как возможность пожить в Лавре, как возможность молиться, не прячась ни от кого. Семинария и Церковь для меня были тогда одним и тем же: поступление в нее означало просто попадание под благодатный покров Церкви. И все. Больше мне ничего не надо — только быть там...

В годы, предшествовавшие поступлению в семинарию, каждый раз прошение из ектеньи «И весь живот наш Христу Богу предадим» я так переводил с церковнославянского на русский: «Господи, помоги мне поступить в семинарию!».

Было бы просто нечестно остановиться на полдороге. Если уж я пришел к вере и не могу молчать о ней (и действительно не молчал: своим друзьям в университете я открыто об этом говорил) — то надо обрести право на этот разговор. Как Алеша Карамазов в свое время решил: «Сказано: “Раздай все и иди за Мной...”. Алеша и сказал себе: “Не могу я отдать вместо «всего» два рубля, а вместо «иди за Мной» ходить лишь к обедне”»*.

Очень резанули меня тогда строчки Арсения Тарковского:

Быть может, идиотство
Сполна платить судьбой
За паспортное сходство
Строки с самим собой**.

---

* *Достоевский Ф.* Братья Карамазовы // Собр. соч.: В 10 т. Т. 9. С. 37.
** *Тарковский А.* Избранное. М., 1982. С. 56.

Но я остро ощущал: за право говорить о Евангелии надо именно «платить судьбой», и не меньше.

Такова была плата за богословское образование в советские времена. В «домашних условиях» богословское образование получить было нельзя из-за отсутствия книг. Значит, в семинарию юноша приходил, еще не зная вполне веры Церкви. Но за эту еще неведомую ему веру он уже готов был расплачиваться судьбой. Если такой решимости в нем не было — богословский мир оставался для него закрытым. На пороге семинарии требовалась решимость, согласие с верой Церкви, а не ее глубокое понимание. По сути, любой неофит должен ответить на вопрос: «Веруешь ли ты, что глокие куздры курдячат бокрят?»* — так: «Ей, честный отче, верую так и исповедую и анафематствую трижды всех тех, кто верует иначе!».

Теперь я могу сказать, отчего я не люблю рассказывать о своем приходе к вере ни журналистам, ни в аудиториях. Я говорю о самом дорогом для себя, а как показывает опыт, это, увы, перевирается и профанируется как угодно. Например, в одном интервью со мной (наверно, это было мое первое интервью) мотив моего перехода в семинарию выглядит так: «Потом возникло желание почитать богословскую литературу. После окончания МГУ я подал документы в духовную семинарию...»**. Да упаси Господь наши семинарии от студентов, идущих туда из желания «почитать богословскую литературу», — а не из желания всей жизнью служить Богу и Церкви!

Но сразу после университета уйти в семинарию мне бы не удалось: во всех анкетах красовалась «кафедра атеизма» в качестве последнего места работы, да еще «красный диплом» МГУ. Если бы я шел в семинарию прямо с кафедры атеизма, то путь мне перекрыли бы сразу. Сама же семинария испугалась бы скандала. Другое дело, если бы меня

---

* См.: *Успенский Л.* Слово о словах. М., 1997. С. 358.

** *Суворова Т.* Между клиром и миром // Московская правда. 1989. 16 июня.

выгнали из аспирантуры... Получилось бы, что я неудачник, двоечник. Вот с этим советская власть уже смогла бы смириться. Поэтому я поступил в аспирантуру — с намерением проучиться там лишь год, без защиты диссертации. Защищаться было нельзя. К тому времени я уже достаточно хорошо знал схему церковно-государственных отношений и прекрасно понимал, что поступить в семинарию я могу только чудом. Потому что людей с высшим образованием туда не очень-то пускали, москвичей тем более, а с кафедры атеизма — так и говорить нечего. А если я еще ухитрюсь защититься... Кандидата идеологических наук никто не пустит.

А в аспирантуре Института философии я уже не был связан с атеизмом, название моего сектора было: «Сектор современной зарубежной философии». И власти уже привыкли, что, кто современной зарубежной философией занимается, тот марксистом перестает быть.

Когда же прошел год и можно было в анкетах писать, что я не из университета, а из этой аспирантуры, тогда я и пошел в семинарию.

— Уже без проблем?

— Как сказать. Ректор академии и семинарии не мог своей властью принять преподавателя на работу, не мог своей властью принять студента на учебу — все нужно было согласовывать с Советом по делам религий. Однако существовала «номенклатура» ректора Московской духовной академии, то есть те должности, на которые он мог назначать своей властью. Это было единственной свободной нишей в Церкви. Можно было взять сторожей, дворников, кочегаров храма — и это не нужно было согласовывать с властями. Вот почему церковные сторожа в те годы были самой образованной прослойкой Москвы. И владыка ректор — архиепископ Александр, нынешний Саратовский*,— взял меня вахтером.

*Скончался на Рождество, 7 января 2003 года.

Правда, посадил он меня не на проходной, а в своей приемной. По сути, я на несколько месяцев стал его секретарем. Это был ясный жест: «Привыкайте, этот человек уже здесь, в семинарии, мы его не прячем, и я ему доверяю!». Это было в ноябре 1985 года.

Ну, а летом 86-го уже можно было поступать на учебу.

— Ходят разные анекдоты о Вашем поступлении, о загадочных буквах МДА...

— Это правда, было такое.

— А что именно?

— При поступлении в семинарию очередная рогатка состояла вот в чем. Естественно, я был членом комсомола, потому что в комсомол вступают в четырнадцать лет, а крестился я только в девятнадцать. Так вот, когда юноша поступал в семинарию в советское время, получалась такая апория. Дело в том, что власти играли с Церковью в кошки-мышки. Они не говорили прямо, что «мы хотим вас сгноить»,— в 70–80-е гг. так уже не говорили. Они делали вид, что они все делают в интересах Церкви. Вас душат, но ради вашего же здоровья.

И когда, к примеру, уполномоченный Совета по делам религий объясняет ректору, почему он не разрешает принять этого юношу, он находит какой-то благовидный, почти благочестивый предлог. Он говорит: «Видите, этот молодой человек — комсомолец. Вы понимаете, что комсомол — атеистическая организация. Ведь нехорошо, если в числе семинаристов окажется человек с двойной моралью, нечестный человек?». А если этот молодой человек уйдет из комсомола до поступления в семинарию, то уполномоченный скажет: «Комсомол — это советская структура. Получается, что он антисоветчик, да? Вам нужны антисоветчики? Вам нужны неприятности? Мало вам одного Глеба Якунина?».

Поэтому написать заявление: «Прошу не считать меня комсомольцем, потому что я уверовал» — означало расстаться

с мечтой о семинарии. И я решил просто тихо уйти: забрать свою учетную карточку в райкоме, торжественно ее сжечь и таким образом исчезнуть из поля зрения комсомола. Вот, прихожу в райком, говорю:

— Вы знаете, ухожу я из аспирантуры Института философии, надо переводиться, поэтому дайте мне учетную карточку.

Мне говорят:

— А куда Вы переходите?

Говорю:

— Я в другой город уезжаю (что было чистейшей правдой, ведь я из Москвы в Загорск уезжал).

— Но если в другой город, то мы не можем Вам дать, потому что у нас есть специальные курьеры, которые специальной почтой перевозят учетные карточки и другие документы.

Я спросил что-то еще, а регистраторша говорит:

— Вот если бы Вы переходили в Москве, из одного райкома в другой,— тогда мы бы дали документы Вам на руки.

Узнав об этом, я решил прийти на следующий день, когда, по расписанию, там должна была сидеть другая девушка. Прихожу и говорю:

— Вы знаете, я перехожу на другое место работы. Мне нужна учетная карточка.

Она говорит:

— Куда?

Я говорю первое, что пришло в голову:

— В Таганский райком.

Она говорит:

— Хорошо, вот Вам Ваша карточка, но мне нужно записать, куда Вы направляетесь, на учет какой комсомольской организации.

Этого я совершенно не ожидал, но вспомнил, что на Таганке находится Центральный дом атеизма. Думаю: «Раз есть Центральный, то, наверное, есть и Московский дом атеизма».

И говорю:

— Московский дом атеизма.

Она по документам видит, что я по профессии идеолог-философ, так что все выходит логично. И начинает писать... В анкете же надо все коротко. И я говорю:

— Напишите сокращенно: МДА.

И она пишет:

— МДА...

Я думаю, последующие историки будут немало удивлены тем, что, согласно райкомовским документам, в начале 80-х гг. в МДА (Московской духовной академии) существовала комсомольская организация...

— А КГБ Вас тревожил?

— Однажды (конечно, сам не зная об этом) даже помог. Точнее, не он сам, а миф о его всевластии. Я только окончил университет. Лето. Из Лавры почти не вылезаю. И тут в Лавру приехала группа преподавателей и аспирантов с моей кафедры — сопровождая каких-то зарубежных «религиоведов». О том, что тогда произошло, я узнал только спустя годы. Они быстро заметили меня. Я же их «в упор» не видел — в самом буквальном смысле слова. В те годы, входя в храм, я снимал очки. И становился почти слепым — чтобы ничто не отвлекало от молитвы. Силуэты людей при моих «минус пяти» видел, а лиц — нет. Вот и в то утро. Сначала я стою в Успенском соборе на Литургии, затем иду к мощам Преподобного Сергия в Троицкий собор, потом в надкладезную часовню за святой водой... И университетская группа все время ошалело переходила следом за мной — удивляясь и тому, что я все делаю «как положено», и тому, что никак не реагирую на их присутствие. И в конце концов они решили: «Не зря он не реагирует на нас; наверно, он тут по специальному заданию, и мы не должны его расшифровывать». Так, сочтя меня за «засланца» КГБ, они тихо удалились, не поднимая скандала.

— А Вы чем-то КГБ помогали?

— Был один эпизод, когда я, наверно, помогал Комитету, сам, впрочем, тоже не зная этого. Это было весной 1982 г., еще за полгода до моего крещения. Нас, студентов, специализирующихся на атеизме, пригласил завкафедрой и сказал, что горком комсомола проводит социологическое исследование религиозности молодежи. Поэтому нам поручается провести полевые социологические исследования методом прямого наблюдения. Мы должны по воскресеньям ходить в московские храмы и затем заполнять анкеты. Храмы были определены рядом с МГУ: Троицкий на Воробьевых горах, Новодевичий монастырь, Николы в Кузнецах, Николы в Хамовниках и Иоанна Воина (кстати, потом, помня об этом и боясь новых поколений «социологов», я специально избегал этих храмов до своего поступления в семинарию). Мы должны были прийти к проповеди, узнать имя проповедующего священника, перенести его проповедь в анкету (по пунктам: к кому обращался, было ли специальное обращение к молодежи, цитировал ли только Библию и Отцов Церкви или же и светскую прессу и литературу, к чему призывал). Надо было на глазок указать число прихожан, из них молодых, и, если сможем опознать,— отметить, встречали ли мы там лица, знакомые по университету (имен называть не требовали — иначе это слишком откровенно стало бы доносом)...

Поначалу я не мог отличить чтение Евангелия от проповеди. Пробовал расспросить прихожан — когда будет проповедь и кто ее произносит — и удивлялся их недружелюбной реакции: не сообщать никакой информации странно любопытствующему незнакомцу. Проповеди меня никак не впечатлили: гладко-округлые, они не оставили никакого следа в памяти (хотя, казалось бы, первая услышанная живьем проповедь могла бы оставить хоть какой-то след).

Никакой «политики» не было, конечно, ни в проповедях, ни тем более в моих отчетах о них, но цифры я безбожно фальсифицировал. «Назло советской власти» я преувеличивал число прихожан, особенно молодых, и уверял, что священники совершенно спокойно сочетают знание святых Отцов и светской культуры (как классической, так и современной). Вот, мол, официальная пропаганда твердит о кризисе религии, об умирании Церкви, о том, что вера – это удел пенсионеров, а я вам напишу, что молодежи в храмах много! Мне тогда казалось, что таким путем я хоть немного смогу помочь гонимой Церкви, опровергнув слухи об ее «отсталости»...

Спустя год я уже понял, что все было наоборот: ведь, с точки зрения власти, сообщение о том, что в таком-то именно храме много молодежи, было «сигналом». Причем сигналом не к пересмотру идеологии самой власти, а «сигналом» к тому, чтобы приложить свои «меры воздействия» к не в меру активному священнику.

Но факт есть факт: первые адреса московских действующих храмов я узнал, исполняя поручение горкома комсомола...

— Но ведь не всегда КГБ прятался за подставными лицами и организациями.

— Первый звонок в мою дверь прозвучал через два дня после того, как я подал документы в семинарию. На пороге стоял человек и протягивал красную корочку: «Я капитан такой-то». В квартиру я его не пустил, говорил на лестничной площадке... И началось многолетнее ломание, которое (мы потом с друзьями сверили) обычно шло по определенной схеме.

Разговор, как правило, начинался с лести. «Вы такой талантливый человек. У Вас и в миру есть все возможности. Куда Вы идете? Я вот Вам расскажу, этой весной

был в семинарии жуткий случай: представляете, один преподаватель, монах-архимандрит, не буду называть его имени, пригласил к себе в келлию семинариста якобы именины отпраздновать, споил коньяком и изнасиловал». Слава Богу, что я до поступления уже год проработал в семинарии вахтером, поэтому знал, что все это вранье. А на другого этот рассказ вполне мог произвести впечатление. Даже на встречах со своими «подопытными» КГБ занимался распространением клеветы на Церковь и церковных людей.

Потом в ход пускается следующее. «Андрей Вячеславович,— называет гость меня по отчеству,— я Вам должен сказать честно: кое-кто не хочет, чтобы Вы поступили в семинарию. В Загорском исполкоме почему-то очень косо на это смотрят». «Но знаете,— продолжает чекист,— мы готовы все уладить, помочь Вам. Однако у нас должны быть на то серьезные аргументы, что Вы не антисоветчик и честный человек; ну подумаешь, верующий, с кем не бывает... Знаете что? Давайте еще раз встретимся, поговорим, все обсудим... Вы не могли бы зайти к нам в Загорске? (И оставляет свой телефон.) Спросите Александра Николаевича».

И я оказываюсь перед выбором. Вернуться в мир я уже не могу, там я со всем порвал, на работу меня тем более не возьмут. А главное — мечта служить Церкви, к которой я шел уже несколько лет. Или какой-то ни к чему не обязывающий звонок... Сдаю экзамены и поступаю, прекрасно понимая, что это зависело вовсе не от того, как я их сдам. Все поступающие проходили сквозь сито КГБ и Совета по делам религий.

— Вы позвонили ему?

— Да. Разговор вроде бы ни к чему не обязывает. «Как себя чувствуете? Все нормально? Как кормят? Не устаете? Ну и слава Богу. Всего доброго». Все.

В чем смысл такого разговора? Человек позвонил, и это главное. Это своего рода проба на «советскость», тест на определение: диссидент ты или нет. Я не был диссидентом, меня не прельщал этот путь. И брезгливости от контакта с органами власти я не испытывал. Контакт контактом. Главное — не переступать черты: «не стучать», не сообщать им информации, которая могла бы помочь им в травле других людей.

В 60–70-е гг. таким собеседованиям и такой фильтрации подвергались практически все семинаристы. Я поступил в 1986 году. Тогда фильтрация стала уже выборочной: обращали внимание лишь на тех, кто подает надежды, кто кем-то в Церкви непременно станет, если не завтра, то послезавтра. Мой класс в семинарии был элитарным, в нем учились только люди с высшим образованием. С нашим-то классом «эти» и «работали». Между прочим, в нашем классе мы друг от друга этих контактов не скрывали и — более того — предупреждали друг друга: «Сегодня меня вызывают в известное место. Если что-то случится, то я там». Когда возвращались со встречи, рассказывали, о чем шла речь, о ком спрашивали, предупреждали, над кем нависла опасность.

— А где проходили такие встречи?

— Приходило, например, извещение с почты о посылке, идешь за ней, а там человек в сером плаще. Иногда самым неприкрытым образом караулили у выхода из семинарии: «Следуйте за нами». Приводили в конспиративное место. Их было несколько: в гостинице, в загсе, в государственном музее, который находился в Лавре. Последнее предназначалось исключительно для бесед с монахами, которые за пределы монастыря выходили редко.

Начинался разговор. События не форсировались, ведь система была рассчитана навечно, на всю человеческую жизнь. Они это знали, и мы — тоже. Сначала ничего не предлагали —

просто «приручали». Они уже знали о нас все, даже больше, чем мы сами. Ясно было, что у них есть и хорошо разработанные методики психологической обработки. Первые фразы обязательно были «высокие»: «Мы так же, как и вы, хотим блага Православной Церкви». Осторожное касание политики. А затем — ни к чему не обязывающая болтовня. Какие-то пустяки, но каждый раз добавляется по песчинке. Например, показывают фотографию кого-нибудь из моих сокурсников по семинарии и говорят: «Нам только что передали карточку, надо теперь узнать имя, вы не можете нам помочь?». Конечно, они и имя его знают, и уж тем более фамилию. Просто это делалось для того, чтобы хоть полную чепуху, хоть совершенный «пустячок», но человек сделал по их просьбе.

— Подписку требовали?

— До требования в моем случае дело не дошло, но уговоры были. Типа: «Ну пожалейте меня, на меня мое начальство давит. Мы с Вами уже год встречаемся, а никаких результатов, я же должен чем-то отчитаться, хоть что-то начальству предъявить. А Вас это в общем-то ни к чему и не обяжет...». Подписки на сотрудничество я не давал. Самое серьезное «предложение», которое было сделано,— написать свои соображения о том, как улучшить... противопожарную безопасность здания семинарии. Это на самом деле была очередная «наживка» — просто надо было приучить человека к тому, что он им все время что-нибудь пишет.

— Но где вербовка, там и шантаж...

— Да, использовались и методы неприкрытого шантажа. Например, заводились у семинариста знакомые в городе. Его приглашали в гости, а это оказывалась специально оборудованная квартира. А дальше — как в детективе. Подсыпают кое-что в рюмочку, человек впадает в беспа-

мятство. А месяца через два ему показывают разные пикантные фотографии. Прием, кстати говоря, формально в органах запрещенный, но им пользовались в работе и с семинаристами, и с секретарями обкомов. Во всяком случае, однажды у меня возникло подозрение, что меня втягивают именно в такой сценарий,— и пришлось спешно убегать от одной знакомой...

— А просто сказать «нет» чекистам было нельзя?

— Открыто, по-моему, мало кто решался. Но можно было прибегнуть к разного рода уловкам типа: «Я потерял ваш телефон» или «Я должен посоветоваться со своим духовником или с ректором». Последних, кстати, такого рода советы не смущали. Мы действительно с ними советовались, и никого это не удивляло. Один из нас, правда, поступил остроумнее всех: он предупредил чекистов, что во сне разговаривает. И знаете, отстали...

— Но не все же беседы были формально-бессодержательными?

— Дальше чекисты предлагают давать какие-то отзывы. Сначала — об иностранцах. На это ведь легче согласиться: иностранцы приехали и уехали, говори и пиши что хочешь, никто от этого не пострадает. Но протокол составят: «Такой-то и такой-то по нашему заданию встречался с гражданином такой-то страны. Показывает то-то и то-то»... Но приходит день, когда надо «повязать» человека окончательно: сделать агентом и дать ему кличку. Мой Александр Николаевич мне так прямо и сказал: «Понимаете, я ведь отчитываюсь перед начальством, и я должен как-то называть Вас». Я предложил все-таки называть меня по фамилии и никакой клички не взял. Другие поступали иначе. Иногда давали клички и без ведома.

— И часто Вы встречались?

— Иногда удавалось избежать встреч на несколько месяцев. Но в конце концов я стал ощущать очень сильное давление. Все началось с моего выступления в Коломенском пединституте в феврале 1988-го. Тогда образовался поразительный разрыв между настроениями в обществе и тем, что происходило в церковно-государственных отношениях. Всюду — весна, но в религиозной политике все еще ледниковый период (перемены начались лишь летом 1988-го, во время празднования 1000-летия Крещения Руси). Сначала на этом зазоре «ожегся» нынешний Патриарх Алексий. В конце 1985 г. он написал письмо Горбачеву с предложением изменить партийно-государственную политику по отношению к Церкви. В итоге его сняли с поста управляющего делами Московской Патриархии (ключевой пост при больном и престарелом Патриархе Пимене) и направили в провинцию — в Ленинград...* На своем уровне и в свою меру пришлось и мне уколоться об этот же незаметный изгиб «перестроечной» политики.

Зал в Коломне был переполнен, студенты едва не на колоннах висли. Здесь же и вся профессура. Дискуссия была жаркой, но очень быстро стало понятно, что ход ее складывается в мою пользу... В принципе, всё, что знали коломенские преподаватели, знал и я, только в более свежем виде, как недавний выпускник кафедры атеизма. Зато они не знали многого из того, что знал я как человек, уже оканчивающий семинарию и просто живущий в Церкви. И главное, на моей стороне была убежденность. Получился скандал. Неизвестный семинарист переспорил партийных пропагандистов[12]. Вскоре вышло постановление Московского обкома партии «О неудовлетворительной постановке ате-

---

*См. об этом мою статью: *Диакон Андрей Кураев.* Неизвестное письмо Патриарха // Известия. 1992. 2 марта.

истического воспитания в Коломенском пединституте». И хотя во время дискуссии я не представлялся, фамилию не называл, меня «вычислили», и пошли неприятности.

— А какие могут быть неприятности у семинариста?

— В апреле 1988 г. ЦК комсомола Белоруссии и республиканское телевидение устраивали в Гродно одно из первых в стране молодежных ток-шоу. Организаторам хотелось, чтобы на нем были представлены молодые люди из «неформальных» организаций, в том числе и кто-нибудь из семинаристов. В общем — те, кто идут «неправильным путем», с точки зрения поколения отцов-коммунистов. Поскольку еще раньше у меня установились связи с белорусскими журналистами — обратились ко мне. Я получаю официальный вызов (на бланке Госкомитета по ТВ), подтвержденный телеграммой митрополита Минского Филарета, иду с ним к ректору академии, он, конечно, благословляет мой отъезд... Когда же через несколько дней я возвращаюсь в семинарию — меня там встречает новость: мне объявлен выговор «за самовольное оставление стен духовной школы». Я иду к тому проректору, чья подпись украшала документ (выговоры у нас вывешивались публично, на доске объявлений), и говорю:

— Чем я согрешил? Какая самоволка? Я ехал по приглашению митрополита, члена Синода. Моя поездка была согласована с ректором академии.

В ответ мне говорят, что моя в вина в том, что я не написал прошение на имя этого проректора... Опять не соглашаюсь:

— Какое прошение? Я же не прошусь, а исполняю уже данное мне послушание!

Видя, что его доводы меня не убедили, проректор добавил:

— Ну, понимаешь, Андрей, ведь идет Великий пост. Это время не может обходиться без искушений...

Вот с той поры меня тошнит от преизобилия нашего церковного «словесного елея». Ему ведь КГБ велел меня приструнить, а он начал разводить благочестивые турусы на колесах...

— А откуда Вы знаете, что это все-таки была инициатива «чекистов»?

— Так ведь спустя месяц-другой проректор академии намекнул мне, что все мои неприятности (а к тому времени, кроме выговора, меня еще уволили из иподиаконов, а моим одноклассникам открыто говорили, что меня вот-вот отчислят из семинарии) из-за того, что «ты на диспуты всякие ездишь».

Ведь был 1988 г., 1000-летие Крещения. Как Москву «чистили» перед Олимпиадой, так теперь «чистили» Лавру. Спустя всего лишь два года в «Московском комсомольце» были опубликованы фрагменты архива оперотряда МГУ, из которых следовало, что мои встречи не только с коломенскими, но и с московскими студентами не прошли незамеченными*.

---

* «Командиру ОКО при комитете ВЛКСМ МГУ Затулину К. от стажера ОКО МГУ Жабина Д. рапорт. С середины сентября я наблюдал за деятельностью студента философского факультета Кадяйкина А. Постепенно мне удалось выяснить, что он является членом секты “Истинно-православная церковь” <ну, это брехня; Саша был обычным православным юношей.— *А. К.*>. Он вел активную пропаганду религии, допускал негативные выражения в адрес советского строя, общественных организаций. В конце сентября собирался ехать в Загорск для встречи с каким-то духовным лицом. Кадяйкин вышел на контакт со студентом философского факультета Д. Волощуком, после чего в комнате Волощука проводились ночные религиозные бдения» (*Поэгли В.* «1984» и другие, или Полемические заметки о добровольном сыске // Московский комсомолец. 1990. 23 января). «Ночные религиозные бдения» — это были всего лишь наши беседы в 87–88-м годах... А Кадяйкина все же выгнали из МГУ. Несколько лет помотавшись по Сибири, он в конце концов создал в Москве фирму, выпускающую квас «Братина».

— И чем все разрешилось?

— Наверно, в конце концов все же решили не плодить диссидентов накануне празднования 1000-летия. Ведь много иностранцев приедет. А у меня к тому времени уже вышла первая богословская публикация — в самиздатском журнале «Выбор». Его издавали Виктор Аксючиц и Глеб Анищенко. Открытые и известные диссиденты... И хотя моя статья была под псевдонимом (Андрей Пригорин), наши контакты вполне могли быть замечены кем надо.

Так что семинарию мне дали окончить. Затем, летом,— торжества. И перемена климата. Первые мои открытые публикации в «Московских новостях»*, в «Вопросах философии»**, потом первая публикация в церковной прессе...*** В конце концов за меня вступился ректор — архиепископ Александр. Очевидно, он смог договориться с органами, чтобы меня не выгнали, но просто послали учиться в духовную академию в Румынию. Компромисс состоял в том, что и советская молодежь оставалась в безопасности, и я — в Церкви.

Странное дело, но в Румынии меня никто не трогал. Лишь однажды один сотрудник советского посольства позволил себе намек на свою связь с органами — он упомянул такое обстоятельство моей биографии, о котором я ему точно не рассказывал. Значит — «наводил справки»...

Последняя моя встреча с «этими» была уже после возвращения, в августе 1991-го, дней за десять до путча. Был перенос мощей преподобного Серафима Саровского. На обратном пути в самолете ко мне подсел незнакомый «товарищ» и начал опять ту же «песню»: «О. Андрей, мы давно

---

* См.: *Кураев А.* Не поддаваясь магии круглых чисел... // Московские новости. 1988. № 24.

** См.: *Кураев А.* Письмо в редакцию // Вопросы философии. 1988. № 6. С. 150–151.

*** См.: *Кураев А.* О чем говорит «Троица» // Московский церковный вестник. 1989. № 2. С. 6–7.

хотим с Вами познакомиться. Не затруднит ли Вас позвонить в Москве вот по этому телефону...». Слава Богу, не пришлось...

— Не считаете ли Вы, что Ваш рассказ о работе КГБ среди священников подорвет доверие людей к Церкви?

— Я рассказал все это, потому что еще не уверен, что подобное повторяться не будет. Поэтому я хотел бы попросить всех, кому пришлось пройти через что-то подобное (особенно людей, служащих в Церкви), не молчать, но рассказывать, как именно работали с ними чекисты и как можно подобному противостоять.

А всем остальным я хотел бы в связи с тем, что сейчас пишется об отношениях высших церковных иерархов с КГБ, сказать следующее: если вы узнаете, что члены коллегии Минздрава назначались по согласованию с КГБ, вы ведь не перестанете ходить в поликлинику и не станете всех врачей считать «чекистами в белых халатах»? Но так же и с Церковью: если был грех на совести иерархов — это их забота.

Греха нет на Христе. И нет на священниках, которые никого не предавали. Если вы сейчас отвернетесь от Церкви — это будет посмертный триумф КГБ.

— Ну, мы слишком много говорим о том, что было за стенами семинарии. А что дала Вам учеба в ней?

— Много. Начиная от опыта жизни в общежитии и кончая тем, что семинария научила меня читать. Не смейтесь, это именно так. В светском университете учат прочитывать, пролистывать, пробегать, проходить... Там стремишься к скорочтению, учишься читать книги «по диагонали», улавливать «главную идею». А те дивные лекции по Ветхому Завету, что читали мне в первый год моей учебы в семинарии (лектор — протоиерей Владимир Иванов, сейчас

служит в Берлине), были замечательны именно замедленностью своего сюжета. Библия разбиралась слово за словом, а не глава за главой.

Кроме того, советская школа учила на прошедшие века и их творения смотреть сверху вниз: «Георг Гегель понял да не допонял, Виссарион Белинский шел да не дошел». А тут перед тобой книга, о которой заведомо известно, что именно тебе надо дорасти до ее уровня, а не ее подвергать своей «верхоглядной» цензуре. Значит – учись понимать. Учись читать.

— Из Ваших однокурсников, друзей по семинарии кто-то еще стал заметен в церковной жизни?

— Ну, если совмещать все три названных Вами критерия: однокурсник, друг и последующее служение, имеющее более чем приходскую значимость, то я бы назвал четыре имени: Ростислав, архиепископ Томский; Юстиниан, епископ Тираспольский; Лонгин, епископ Саратовский; Марк, епископ Егорьевский. А вот профессоров-книжников из нашего кружка получилось неожиданно мало. По научно-педагогической стезе идет, пожалуй, лишь архимандрит Никон (Лысенко) – несколько лет он был заведующим кафедрой русской церковной истории в Санкт-Петербургской академии.

— А почему «неожиданно»?

— Потому что наш курс был уникальным. Это набор 1985–1986 годов. Еще за несколько лет до этого принять сразу несколько десятков людей с высшим светским образованием было невозможно: советская власть такого не допустила бы. А уже через пару лет после этого вновь стало невозможно – поскольку пласт людей, уже имеющих университетские дипломы и при этом готовых вновь стать студентами, иссяк достаточно быстро. То есть и сейчас каждый год человек по пять таких «фанатиков» приходит в

Московскую семинарию. Но целый класс — тридцать человек — составить из них уже невозможно.

Поэтому, кстати, чуть не половину нашего курса и направили на учебу в заграничные церковные институты. Это опять же была переходная эпоха. В западные образовательные центры ехать еще было нельзя. Но с духовными академиями Восточной Европы сотрудничать уже было можно. Так что у ректора академии, наверно, была надежда, что из нас он воспитает целое поколение новых преподавателей.

Наш ректор вообще был очень своеобразным человеком. Сам он не был ни богословом, ни хорошо образованным человеком. Но у него были два дара: рассудительность и преданность родной академии. Три его предшественника на посту ректора покидали этот пост с резким повышением — получая членство в Синоде. Мне же он открыто сказал, что всю жизнь собирается служить академии (и в самом деле, когда в 1992 г. ректора сменили, владыка Александр несколько лет просто жил в доме рядом с Лаврой и никуда не просился).

Так вот, в одном отношении это был пример нормального древнерусского церковного простеца: сам не будучи книжником, он уважал знания и образованность в других людях. Он был невысокого мнения о научном потенциале вверенной ему академии и постоянно говорил: «Нам нужны варяги». «Варягами» с той поры в академии именуют светских ученых, пришедших сотрудничать с церковной школой. И я с первых же дней слышал от него: «Ищите таких людей и приводите ко мне».

— Хорошо, а что же дала Вам Румыния?

— Сама учеба дала немного. По сути, это были годы самообразования: из Московской академии после каникул я привозил чемодан книг и по ним сдавал экзамены в Бухаресте.

Но как опыт жизни это было важно. Во-первых, опыт самостоятельной жизни (в том числе в бытовом смысле). Во-вторых, я увидел нерусское Православие, увидел, что Православие — вселенская, мировая религия. Кроме того, в Румынии сохранилось много церковных народных традиций.

Например, в день освящения церкви доступ в алтарь открывается для всех. И мужчины, и женщины могут в этот день войти в алтарь, поцеловать Евангелие и престол. Мне кажется это мудрым: трудами и жертвами этих людей и был построен этот храм. И поэтому позволение им в день приходского торжества войти и приложиться к святыне, созданной при их помощи, мне кажется вполне уместной формой выражения благодарности им. А поскольку доступ в алтарь открывается по окончании службы, которая вместе с освящением длится не менее четырех часов, то нецерковных людей рядом просто не останется, и потому не будет риска неблагочестивого отношения к святыне.

Еще один обычай, совсем не похожий на наш,— это завершение диаконской хиротонии. После того, как епископ облачил ставленника в священные одежды, он выводит его из алтаря и ставит на амвон. У амвона ждет жена новопосвященного диакона, и епископ представляет ей нового церковного служителя. Новоиспеченная матушка дарит своему диакону цветы; они целуются, и диакон возвращается в алтарь. У нас при посвящении в сан епископ, наоборот, снимает обручальное кольцо с женатого человека в знак того, что отныне он принадлежит уже не семье, а Церкви. В Румынской же Церкви подчеркивается, что связь с семьей не разрывается. Возможно, этот обычай родился как очевидное противоположение униатству и католичеству с их обязательным безбрачием священнослужителей.

Но главное, что я увидел в Румынии,— это живое и многоликое монашество. Наши монастыри были разрушены и закрыты, а в никогда не закрывавшихся румынских обителях сохраняется то, чему нельзя научиться по книжкам.

Между прочим, это и особножитные монастыри. В России таких давно уже нет. В отличие от насельника общежитного монастыря, анахорет живет только своим трудом, сам себе готовит, сам растит себе пищу. Монахини зарабатывают себе на жизнь церковным шитьем. Причем самый большой монастырь современного православного мира — монастырь Агапия — объединяет вместе оба устава. Часть из тысячи его сестер живет общим хозяйством. Часть — индивидуальным. Но служба, духовник и игуменья при этом все же у них общие.

А вот в монастыре Черника я видел добрую практику общежития. Монастырь стоит на двух озерных островах. На дальнем от берега и от туристов острове — братское кладбище, келлии для престарелых монахов и келлии для юных послушников. На ближнем острове — храм, братский корпус, музей, административный корпус, трапезная. Это значит, что сначала юноша, поступивший в монастырь, должен пройти испытание ухода за больными и старыми монахами. По ходу общения он может перенять и их жизненный и духовный опыт. И лишь потом, уже повзрослев, он может влиться в общую жизнь монастыря.

Но самое важное в Румынии для меня состоит не в том, что я там видел, а в том, что там со мной произошло: меня рукоположили.

— А почему именно там?

— Во-первых, подходил к концу срок учебы. Надо было принимать решение о том, как дальше служить Церкви. Во-вторых, пребывание в Румынии давало мне определенную дистанцированность от контакта с советскими «аппаратчиками». Я представлял себе, что в те годы означало пройти ставленнику (кандидату в священники) в Москве. Это многократные собеседования, смысл которых в том, чтобы заверять всех в своей лояльности к соввласти. И это в

любом случае подписание в Патриархии бумаги с обязательством соблюдать каноны Церкви и светские законы. Первое мне было по сердцу, а вот давать обязательство в верности светским законам не хотелось. Ведь советское законодательство о культе не предусматривало права на религиозную проповедь. Конституция СССР гласила: «Граждане имеют право вести атеистическую пропаганду или отправлять религиозные культы». Статья явно асимметричная: только за атеистами признавалось право на распространение своих убеждений.

Православная Вселенская Церковь одна. По канонам человек может принимать рукоположение в любом городе у канонического православного епископа при условии, что епископ его родной Церкви, той епархии, с которой человек был прежде связан, согласен на это. Хиротония же в Румынии давала возможность избежать нежелательных собеседований, контактов, обязательств, слов...

На рождественских каникулах 1990 г. я пошел к о. Кириллу (Павлову) на ставленническую исповедь. Он благословил меня на принятие сана. От его келлии я побежал в академию – к ректору. Тот начал уговаривать меня принять монашество. Но ссылка на благословение старца Кирилла (и его молитвы; в минуту, когда ректор уже уходил, я в сердце взмолился: «Господи, по молитвам о. Кирилла, вразуми его!») превозмогла: «Ладно, давайте Ваше прошение!».

Прошение студенты пишут в форме: «Прошу Ваше Высокопреосвященство ходатайствовать перед Святейшим Патриархом о моем рукоположении в сан...». Соответственно, ректор написал обращение к Патриарху Пимену. Патриарх благословил мое рукоположение. И затем уже председатель Отдела внешних церковных сношений (только что на это пост был тогда назначен архиепископ Кирилл) пишет письмо Румынскому Патриарху Феоктисту, в котором по благословению Патриарха Пимена просит Патриарха

Феоктиста рукоположить русского студента. И по окончании учебного года — в воскресенье 8 июля, в день святых Петра и Февронии,— в Патриаршем соборе Бухареста прошло мое посвящение во диакона*.

— А почему ждали конца учебного года?

— Сначала была обычная бумажная волокита. А потом уже я попросил немного подождать — чтобы из Москвы мог после сессии приехать мой младший брат. Он впервые (тогда ему было девятнадцать) выехал из СССР. Кстати, родителям о принятом решении я ничего не говорил. Просто вышел к ним в рясе из поезда, уже приехав в Москву...

После службы я месяц возил брата по румынским монастырям. Хотел показать румынскую монашескую жизнь ему, а получилось, что прощался с нею сам... Уже на обратном пути спросил его:

— Дим, так а что тебе запомнилось больше всего?

Думал, что он скажет что-то про море или про красоту Карпат... А он задумался и выдал:

— Оказывается, епископы могут быть худыми.

В общем, в Москву я ехал просто на каникулы. Вещи остались в Бухаресте.

— И в Москве Вас ждало знакомство с новым Патриархом?

— Именно так. В мае 1990 г. скончался Патриарх Пимен. В июне был избран Алексий. Ни с прежним, ни с но-

---

* «Рериховцам» в этом теперь мерещатся «шпиёнские» страсти: диакон Кураев внедрен-де в Русскую Православную Церковь через Румынию (см.: *Бакунин Л.* Деятельность Иркутского регионального отделения Международного центра Рерихов по защите имени и наследия Рерихов: Выступление на научно-общественной конференции «В защиту имени и наследия Рерихов». Иркутск, 26 января 2003 г. [см.: http://cultura.baikal.ru...]).

вым Патриархом я не был знаком прежде. Так что эти перемены никак не соотносил со своей судьбой.

Я просто пришел в родную академию, к ректору, чтобы представиться в новом сане. Ректор принял меня хорошо, настроение у него было благодушное. И тогда я решил высказать ему свою дерзновенную мечту:

— Владыко, многое уже изменилось за эти два года. Другой политический климат у нас в стране, новый председатель Совета по делам религий, новый Патриарх, новый председатель Отдела... Может, теперь я мог бы вернуться в академию и доучиваться здесь?

Он минутку подумал:

— Да. Теперь можно. Мы сделаем так. Восстановим Вас на третьем курсе академии и при этом дадим вести какой-нибудь предмет в семинарии. Будете совмещать преподавание с учебой. Я еще подумаю, как это сделать,— зайдите ко мне через недельку!

А через неделю я услышал нечто совсем для меня неожиданное. Ректор сказал мне, что он говорил обо мне с новым Патриархом. Святейший собирает себе «команду», ищет помощников.

— В общем, сегодня он служит в Лавре, и на всенощной Вы должны подойти к нему и представиться.

Так я впервые подошел к Патриарху, и наш первый разговор начался довольно примечательно. Патриарх сказал, что слышал обо мне как о человеке, у которого есть харизма к писательству. На что я быстро ответил: «Нет».

— Вообще-то Патриархам такое не говорят, но что вырвалось... Первоиерарх не обиделся?

— Но я действительно считал, что мое призвание не в сочинительстве, а в педагогике, пишу же я от лености — чтобы двадцать раз не повторять одно и то же. И сейчас, кстати, я пишу скорее «от безысходности». Я невысокого

мнения о своем публицистическом таланте, а тем более богословском. Пишу на какую-либо тему только тогда, когда вижу: никто больше этого не делает.

Тогда же Патриарх улыбнулся. Потом началась нормальная работа.

— А можете ли Вы вспомнить Ваше первое задание, полученное от Патриарха?

— Мой первый рабочий день в Патриархии совпал с получением скорбной вести об убийстве о. Александра Меня. И первое послушание было связано именно с подготовкой телеграммы соболезнования[13].

— Работая с Патриархом всея Руси, Вам пришлось столкнуться с какими-то интригами, внутрицерковной борьбой? Не стало ли это для Вас тяжестью, не привело ли к негативным ощущениям?

— Думаю, что нет. Я ведь не с улицы пришел, несколько лет семинарской жизни тоже не всегда сахаром были... К тому же я совсем не интриган по натуре.

— Можете ли Вы рассказать, какое именно влияние Вы имели на этом посту, что смогли там сделать?

— Кажется, я помог городу на Неве вернуть его настоящее имя... Двенадцатого июня 1991 г. в Ленинграде проходил референдум, посвященный переименованию города. Прогнозы социологов были весьма кислыми: «колыбель революции» не желала расставаться с именем Ленина. «Наиболее авторитетные социологи в период, предшествующий опросу, представляли данные о некотором численном преимуществе противников переименования»*.

Я же попросил Патриарха Алексия выступить с обращением к его недавней пастве (до избрания на кафедру Мос-

---

* *Могилевский Р.* «О, ужас! Ленинградцы ошиблись!». А петербуржцы? // Невское время. 1991. 6 июля.

ковских Патриархов он был митрополитом Ленинградским) и призвать ее вернуть имя святого Петра. Патриарх, подумав, решил, что от своего имени делать это будет ему неуместно, но благословил мне сделать такое обращение, официально подписавшись не просто диаконом, но сотрудником Патриархии.

Я написал соответствующий текст, послал по факсу Анатолию Собчаку, и по его распоряжению оно было немедленно опубликовано в четырех пока еще ленинградских газетах.

«Есть слова, имена, мысли, дорогие нашему сердцу. И если их нельзя безопасно говорить и нельзя поэтому поминать их всуе, они не исчезают. Напротив, они становятся еще сокровеннее, еще дороже. Таким именем для всех нас стало и имя нашего города на Неве. Ленинградом назывался футляр, идеологический каркас, в который было велено уместиться граду святого Петра. И в самые нелегкие годы, когда нам хотелось с любовью и теплотой говорить о нашем городе, мы вспоминали то имя, что было ему дано в его крещальной купели.

И в самом деле, что составляет неповторимый лик нашей северной столицы – то, что в нем связано с именем Петра, или – с именем Ленина?

Впрочем, как естественно сопрягаются святыни города – Исаакиевский собор и Спас на Крови, Эрмитаж и Невский, Петропавловка и Адмиралтейство – со словом “Санкт-Петербург”, столь же ощутима натужность имени “Санкт-” в тех районах города, которые были построены в “ленинградский” период. В самом деле, что от Санкт-Петербурга, его духа, гармонии и истории есть в новостройках Озерков?

Поэтому-то мы и стоим действительно перед выбором: где сокровище наше, где сердце наше, к чему обращена любовь наша? Именно это и обнаружит опрос жителей города

об его имени. И мы надеемся, что возвращение городу названия "Санкт-Петербург" повлечет за собой и преображение жизни в его новых районах.

Город же должен помнить своего основателя, императора Петра, и носить имя своего молитвенника – апостола Петра. По замыслу своего основателя, именование столицы России Петербургом должно было свидетельствовать еще и о том, что Россия вошла в сообщество европейских государств, а ее столица – в содружество столиц северных морей.

Мы, верующие Руси, земно кланяемся подвигу блокадников и понимаем, что в их памяти блокада была именно "ленинградской". Такой она, наверное, навсегда останется в памяти всего нашего народа, так же, как и битва на Волге всегда будет "Сталинградской". Сам же Сталинград носил это имя не в память о битве, а в честь Сталина, так же как Ленинград несет в себе память не о ленинградской блокаде.

Мы надеемся, что в городе, который вновь будет называться Санкт-Петербургом, не забудут о блокадниках-ленинградцах, о их былом подвиге и о их нынешних нуждах.

И мы надеемся, что жители града Петрова выскажутся за возвращение городу его исторического и священного имени – Санкт-Петербург»*.

«Десятого июня было уже очевидно, что отречение (от имени Петра.– *А. К.*) практически неминуемо. И хотя накануне с призывами выступили и академик Дмитрий Лихачев, и председатель Ленсовета Анатолий Собчак, социологи подвели черту: даже до половины "петербуржцы" не дотягивали. И первый секретарь обкома КПСС Борис Гидаспов мог взять моральный реванш**: ничего у вас не выйдет. И вдруг – в четырех городских газетах совершен-

---

* Смена. Л., 1991. 11 июня.

** «Реванш» – потому что коммунист Гидаспов незадолго до этого проиграл выборы «демократу» Собчаку.

но фантастическая даже по нынешним временам публикация. “Позиция Московской Патриархии: «Ленинградом назывался футляр, идеологический каркас, в который было велено уместиться граду святого Петра»”. Это подействовало даже на ленинградских коммунистов. “Ленинградская правда” дала краткое сообщение об этом. Скупые петитные строки, посвященные позиции Московской Патриархии, стали сигналом к спешной ретираде: 54,86 % – за Санкт-Петербург, 42,68 % – за Ленинград»*.

Таково же мнение главного ленинградского социолога: «Напомним, что именно на последнюю неделю, предшествовавшую 12 июня, пришлись выступления в поддержку возвращения городу исторического названия наиболее авторитетных деятелей Церкви, культуры и городской власти. Поэтому и неудивительно, что большинство колебавшихся сделали выбор в пользу Санкт-Петербурга»**.

— А что еще Вы сделали?

— Лучше скажу, чего я не делал: я не писал речи Патриарха перед раввинами (хотя в «патриотической» прессе потом неоднократно писалось, что это якобы я навязал эту речь Патриарху).

— Какое Ваше главное приобретение за годы работы рядом с Патриархом?

— Для меня эта работа значила то, что я получил возможность изнутри посмотреть на образ принятия важных решений в сфере высокой политики. Приходилось общаться не

---

* *Чернов А.* Реставрация имени // Московские новости. 1991. 18 июня.

** *Могилевский Р.* «О, ужас! Ленинградцы ошиблись!». А петербуржцы?.. (О том, что коммунисты и поныне не могут мне простить того выступления, см. в публикации: *Денисов И.* Нужны ли России города-герои Ленинград и Сталинград? //Дуэль. № 38 (см.: http://www.duel.ru/200338/?38_5_1).)

только с иерархами Церкви, но и политическими деятелями страны. Для меня была расколдована власть. Я понял, что нет автоматической машины истории, что фантастически много зависит от поступков конкретных людей. При этом сам я никогда не стремился заниматься политикой — ту деятельность воспринимал скорее как послушание.

— Вы несколько лет работали с Патриархом Алексием. Можете что-то о нем рассказать?

— Если я честно скажу то, что больше всего меня поражало и поражает в Патриархе Алексии, то это будет слово в мое собственное обличение... Наша вера называется православной. Славянские народы в греческой ὀρθοδοξία — «ортодоксии»— расслышали не «право-верие», а «Право-славие», умение правильно прославлять Господа. Оттого критерий «успешности» церковного восхождения человека — не его сан и не ученые звания, а его отношения со своей собственной молитвой. Утомляет человека молитва или окрыляет. Отбирает «последние силы» или же придает новые.

Когда я познакомился с Патриархом Алексием, ему был шестьдесят один год, мне — двадцать семь лет. Патриаршие службы, как известно, длительны, три–четыре часа. Причем Патриарх ведет службу, а значит, он все время на виду, никуда не может укрыться. Так вот, у меня, молодого человека, после праздничной патриаршей Литургии часто оставалось лишь одно желание: тихонечко отлежаться где-нибудь часика два. А Патриарх после Литургии сразу ехал в Чистый переулок и до позднего вечера еще работал. Значит, Литургия придает ему силы. Значит, не напрасны ни его молитва, ни молитва всей Церкви о нем.

Пожалуй, ни один священник не служит так много, как Патриарх. Число храмов в Москве в два раза больше, чем число дней в году. А значит, и количество престольных дней весь московский календарь окрашивает в красный цвет. На

большинстве престольных праздников народ ждет встречи с Патриархом, и Святейший едет к людям. На неделе у него от четырех до пяти Литургий. Много ли не то что приходских батюшек, но и монахов, чья литургическая жизнь столь насыщенна? И вновь скажу: для Патриарха отслуженная Литургия — лишь начало дня, лишь опора для принятия последующих ответственных решений.

Господь на рубеже тысячелетий нам дал право-славящего Патриарха. Он молится о Церкви. Мы молимся о нем.

Для меня же опыт общения со Святейшим наполнил очень личным смыслом привычное прошение: «Еще молимся о великом господине и отце нашем Святейшем Патриархе Алексии». Когда лично знаешь человека, поминание о нем идет с особой радостью. И вот эта наша возможность молиться о главе Русской Церкви как о личности (а не как о безликой структуре времен Святейшего Синода) оттеняет нашу скорбь о том, что не можем мы точно так же помолиться о человеке, а не о «власти» при поминании государства.

Сегодня в России нет монархии. Но это не означает, что в ней нет иерархии. Отсутствие самодержавия в России не означает, что с православного человека снята обязанность научения послушанию. Просто школа послушания теперь находится в самой Церкви. И тот, кто дерзит Патриарху, будет дерзить и монарху. Вот изложение Патриархом очевидной нормы жизни в Церкви: «Решения соборов, Священного Синода, выступления предстоятеля Церкви по церковным вопросам — это официальная позиция Церкви, которая должна быть ориентиром для клириков, состоящих в ее юрисдикции. Лица, имеющие иные мнения, по меньшей мере обязаны воздерживаться от публичного оглашения их»*.

---

*Обращение Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II к клиру и приходским советам храмов города Москвы на епархиальном собрании 16 декабря 1997 г. М., 1998. С. 15.

Честно признаюсь, мне трудно вспоминать о годах работы со Святейшим Патриархом Алексием (я был его референтом в начале 1990-х гг.). Трудно чисто технически: человек хорошо запоминает то, что он несколько раз проговорил вслух. Я же сознательно не разрешал себе копить «мемуары», ибо не я, а лишь сам Патриарх может определять, что из того, что он сказал мне в рабочем порядке, может становиться достоянием гласности.

Но один момент был полупубличен, и потому, наверно, можно сейчас о нем рассказать открыто. В 1991 г. готовился первый визит в Россию великого князя Владимира Кирилловича. Он написал Патриарху. В ответном письме Святейший решил затронуть тему отношений с Русской Православной Церковью Заграницей. Точного текста того Послания я, конечно, не помню, но смысл его был ясен: отношение к памяти новомучеников, в том числе царственных страстотерпцев, не может быть причиной для взаимного отчуждения. Мы по обстоятельствам нашей здешней жизни еще не можем гласно прославить царскую семью. Но если бы между нашей Церковью и Церковью Зарубежной установилось евхаристическое общение, это само по себе означало бы признание всех канонизаций, совершенных в зарубежье. Мы просто присоединились бы к почитанию царственных мучеников, уже сложившемуся в православной эмиграции. И таким образом начало почитания царской семьи в России стало бы символом соединения, а не нового витка общественных и церковных дискуссий.

Тогда сближения с Русской Зарубежной Церковью не произошло. Нам еще десять лет нужно было идти через эти самые дискуссии к Архиерейскому Собору 2000 года. Я же могу лишь свидетельствовать, что патриаршая позиция и тогда уже была благожелательной и в вопросе о соединении с Зарубежной Церковью, и в вопросе о почитании царственных страстотерпцев.

И еще одно воспоминание, опубликованное, но забытое. Анатолий Собчак, в конце 1980-х гг. бывший весьма популярным народным депутатом, вспоминал, как на Съезде народных депутатов СССР был дан ответ академику Андрею Сахарову. Молодой ветеран афганской войны, депутат от комсомола, гневно возмущался отсутствием советского патриотизма в речах Сахарова. Под влиянием его эмоциональной речи зал поднялся и несколько минут скандировал: «Ленин! Партия! Комсомол!». Не встал лишь митрополит Алексий. Суметь устоять перед волной тысячного «властьимущего» зала не просто трудно. Мгновенно принять решение и не позволить втянуть себя в аплодисменты и крики в этой ситуации может лишь тот, у кого еще задолго до этого сложилась своя позиция. Не секундное мужество, а целожизненная решимость проявляет себя в таких случаях...

— Известная ли Ваша строптивость стала причиной того, что Вы расстались с работой у Патриарха?

— С Патриархом я работал два года после возвращения из Румынии в 1990-м. Это были ключевые годы перемен — начало 90-х. Сейчас, с расстояния в десятилетие, это кажется недолгим. Но тогда каждый день был очень насыщен. Каждый месяц менял очень многое и стоил десятилетий стабильного пребывания.

— Почему Вы расстались с Патриархом?

— Я же честно сказал Патриарху, что вижу свое призвание в педагогике. У меня были случаи, когда я откладывал беседу с Патриархом ради детей. Скажем, у меня назначена встреча в какой-нибудь школе на 13 часов. К 10 часам я прихожу к Патриарху в надежде что-то с ним обсудить. Но тут к Патриарху приезжает один митрополит, другой... Какой-то ВИП-посетитель... Конечно, я пропускаю их.

И вот наступает минута выбора: или сидеть в приемной дальше, или бежать в школу. В таких случаях я все же всегда сбегал.

А в 1992 г. был создан Российский православный университет – моя мечта. Во главе его встал очень близкий мне тогда человек – игумен Иоанн (Экономцев). Была надежда создать лучшее учебное заведение России, собрать под его сводами мыслящую интеллигенцию. Я помню эпизод года через два по создании университета: читаю лекцию своему родному курсу, который сам и набирал, пестовал... И между делом, что-то цитирую из Аристотеля. А студенты не соглашаются – путаете, говорят мне! Немножко поспорили, и они доказали мне свою правоту. Конечно, меня это раздосадовало, от студентов это не скрылось, и один хлопец вдруг начал меня утешать: «О. Андрей, да Вы так не переживайте – мы же всё понимаем! Вам же негде было получить нормальное образование». Для меня это была высшая похвала – значит, нам все же удалось создать нормальный университет!

– После того как Вы перестали работать непосредственно с Патриархом, у Вас продолжаются с ним какие-то отношения?

– Знаете, я слишком уважаю время Патриарха, чтобы отбирать его для внеслужебных дел. Но один эпизод меня искренне удивил. В конце августа 2003 г. я участвовал в Литургии, за которой Патриарх рукополагал нового Саратовского епископа Лонгина. В конце службы по традиции все служащее духовенство подходит к Патриарху под благословение. Меня Патриарх встретил словами: «О. Андрей, поздравляю Вас с юбилеем!». Юбилей-то у меня был аж в феврале, а Патриарх о моем 40-летии помнит еще спустя полгода – причем такие полгода, которые были отмечены серьезным недугом в его собственной жизни!

— Но Патриарх делает Вам какие-то замечания — после Ваших выступлений, скажем, в печати, острых высказываний, отличных от общепринятых в Церкви?

— Советы — давал. Замечаний — не делал. Наоборот, и в последующие годы были случаи, когда я помогал в составлении патриарших текстов или документов. А потом, что значит — «общепринятых»? Парадокс моей жизни в том, что в большинстве спорных (спорных внутри самой Церкви) вопросов я поддерживаю и аргументирую официальную позицию. И именно за это мне достаются самые сильные тумаки со стороны церковных же сплетников. В советские годы в семинариях не разрешалось прямо критиковать марксистский атеизм. И помыслить нельзя было о том, чтобы дать критику работ Маркса или Ленина. Но умные преподаватели делали так: они брали брошюрку какого-нибудь «урюпинского» доцента Мышкина и критиковали его: «С точки зрения доцента Мышкина, религия есть опиум народа... Мы же в ответ на это скажем...». Вот так же поступают и мои сегодняшние критики. Вместо того, чтобы вступить в полемику с Патриархом, смело нападают на меня. Да, а парадокс состоит в том, что сама церковная власть не просит меня вступаться за нее. Просто наше ви́дение многих проблем совпадает*.

---

*На епархиальном собрании московского духовенства 25 марта 2003 г. в речи Патриарха было сказано: «Если бы в Москве было профессионально подготовлено достаточное количество кадров, мы могли бы командировать людей с миссионерской целью в другие епархии нашей Церкви, особенно отдаленные, которым несравненно сложнее самостоятельно организовать катехизаторскую работу. Нельзя же, в конце концов, надеяться только на диакона Андрея Кураева и профессора МДА Алексея Ильича Осипова, которым хочу выразить искреннюю благодарность за их многотрудную, многополезную и бескорыстную миссионерско-просветительскую деятельность» (Церковный вестник. 2003. № 8[см.: http://www.tserkov.info/numbers/patriarch/?ID=347]).

— Вас называют вечным диаконом...

— Да ни одного диакона не бывает вечного. Все мы помираем когда-нибудь.

— И все же почему Вы не пошли вверх по иерархической лестнице, ну, скажем, до протодиакона или иерея?

— Нет, ну «прото-» — это уж совсем от меня не зависит. Впрочем, я мечтаю об одном отличии. Знаете, высшей наградой епископа является «право ношения двух панагий»; высшим отличием священника является «право ношения двух крестов»... Так вот, я мечтаю о том, чтобы меня наградили «правом каждения двумя кадилами»! Представляете, как красиво это смотрелось бы: выходит диакон на амвон, в каждой руке по дымящемуся кадилу, и он машет ими, как китаец нунчаками! Просто супердиакон!

— Но почему Вы не стали священником?

— Я ведь никогда свою жизнь особо не планировал. Мне дороги слова Экзюпери о том, что призвание найдешь просто: по тому, что не ты его выбираешь. Я только один выбор в жизни и сделал — крестился. Все остальное не столько избиралось и находилось мной, сколько входило в мою жизнь, вторгалось. Иногда — как внешние обстоятельства, иногда — как ощущение, через которое нельзя переступить.

И даже со священством так было. Заканчивал академию, надо было принимать священство... Сейчас-то это желание кажется безрассудным: знаете, принятие сана, как и женитьба,— это такие безумства, которые можно совершать только в молодом возрасте, пока не сознаёшь всей меры ответственности за свои поступки. Но окончить академию и остаться «пиджачником»... В этом мне чудилось какое-то предательство, какая-то искусственная недовершенность.

Итак, я написал прошение о рукоположении во священника. И благословение Патриарха Пимена и старца Кирилла уже было. Предполагалось, что в одно воскресенье рукоположат во диакона, в следующее — во священника. И уже все было назначено, и вдруг после диаконского посвящения у меня появилось ощущение, что надо остановиться. Я не понимал зачем, не мог найти разумных объяснений этому чувству, но оно было слишком очевидно. В итоге я просто убежал от своей хиротонии во священника, точнее — не поехал в Сучаву — тот румынский город, где она и должна была совершиться. Теперь я уже знаю причину того торможения: священник Кураев не смог бы делать то, что делает диакон Кураев.

Чем диаконское служение хорошо? Я — в церкви, в алтаре, участвую в службе, в Таинстве, питаюсь им. Для меня очень важно и радостно то, что я могу сослужить при Литургии, принимать максимально близкое участие в Таинстве... Кроме того, мне легче строить отношения со священниками, потому что я состою в одном сословии с ними. И со светскими людьми обращаться легче: видят же, что я в рясе... А с другой стороны, я — не священник.

Понимаете, я уже давно сделал сознательный выбор: пусть лучше некоторые церковные люди соблазнятся лично обо мне, нежели люди нецерковные соблазнятся о Православии. Мне порой удается достучаться до тех душ, до которых не доходят проповеди, выдержанные в традициях храмовой гомилетики. Но именно потому, что форма моих проповедей непривычна,— я предпочитаю оставаться в диаконском чине.

Это означает, что у меня больше права на ошибку. Больше свободы в выборе тех или иных образов, аргументов, в стиле поведения. Диакона труднее отождествить с Церковью, нежели священника. Мой диаконский сан позволяет людям безопасно со мной общаться: я не набиваюсь им в

духовные руководители, и моими советами запросто можно пренебречь.

А главное — люди заведомо не могут ко мне прилипнуть. Серьезнейшее искушение миссионера связано с отношением к нему других людей. Ведь миссионер встречает не только ненависть и сопротивление. Его проповедь будет знать и успехи. Понятно, что человек, который узнал о Христе и пришел в Церковь через усилия миссионера, перенесет на своего первого знакомого христианина ту радость и даже неофитский восторг, с которым он будет поначалу воспринимать все, освященное ореолом Церкви. Людям свойственно влюбляться в ярких проповедников; мудрость проповедуемого Евангелия люди отождествляют с человеческой мудростью самого проповедника; духовность повествуемых им святоотеческих опытов они отождествляют с жизнью самого рассказчика...

И тут миссионер должен научиться быть прозрачным, научиться не воспринимать всерьез похвалы себе. Миссионер должен очень жестко, очень внятно пояснять людям, что они не должны отождествлять его и ту Церковь, в которую он их ведет. Миссионер — дверь в Церковь, церковный порожек, но не вся Церковь. На пороге нельзя застревать; дверной проем не надо принимать за жилое помещение. И чем по-человечески талантливее и ярче миссионер, тем более велика опасность того, что своей человеческой яркостью он в сознании своих учеников затмит духовный свет Православия. Для миссионера велика опасность того, что он людей приведет к себе, а не к Церкви. Особенности его речи, жестикуляции, аргументации будут казаться им единственно и подлинно христианскими. Недавний пример о. Александра Меня свидетельствует нам об этом искушении, перед которым не устояли многие из его учеников. Люди шли именно к нему как к лич-

ности, а не через него — к полноте и разнообразию церковной жизни... Чтобы избежать такого отождествления себя с Церковью, миссионер должен постоянно подчеркивать: «Я — это не Церковь; Церковь богаче, чем я, духовнее, чем я, разнообразнее, чем я».

Вот для того, чтобы такого ненужного отождествления не происходило, я предпочитаю быть диаконом, носителем самого малого церковного сана, заведомо несамостоятельного...

То, что я не священник, ясно показывает людям, что я не претендую на роль их духовного руководителя и отца. Послушали меня, поняли, что в Православии можно жить,— так ступайте, входите, ищите себе духовного наставника. И чем больше он будет непохож на меня — тем лучше: вы поймете, что мир Православия разнообразен. Если мое слово кого-то убедило, подвело к вере, то человек заранее знает, что дальше-то я его вести не смогу. Я не буду его наставником, учителем жизни. Диаконский сан гарантирует, что вокруг не создастся секта «кураевцев». Нет никаких учеников, последователей, духовных чад. В этом смысле я — человек свободный.

А раз не может быть секты «кураевцев» — то и у моих церковных критиков нет повода говорить, будто я создаю какую-то свою «псевдоцерковь». Я привожу людей не к себе, а в обычные храмы. И вполне сознательно я допускаю «неканонические» выражения — чтобы неофиты, склонные отождествлять Православие с первым встретившимся и полюбившимся им проповедником, не воспринимали меня слишком всерьез и, пройдя через меня, мимо меня и дальше меня, вошли-таки в Церковь.

Кроме того, будь я священником, имей свой приход, я не мог бы ездить по стране. Священник отвечает за тех людей, которые уже ходят к нему в храм,— и дай Бог, чтобы у него хватило сил на своих прихожан. Я не смог бы бросить

сотни судеб, вверившихся мне, и куда-нибудь в Магадан на неделю умчаться. А сейчас я могу вести образ жизни перекати-поля.

И наконец, у меня есть право отказывать людям. Часто подходят, даже на улице,— с просьбой освятить квартиру, поисповедовать или посоветовать что-то. Сейчас я говорю: «Это не ко мне, а к священнику, к духовнику». Став же сам иереем, я лишусь этого права на отказ. А это — время, которого мне и так катастрофически не хватает.

Как-то еду в метро. Полупустой вагон, но все сидячие места заняты. Стою, книжку читаю. Вдруг нависает надо мной матерый и, мягко говоря, не вполне трезвый человечище с бритым затылком... Златая цепь на дубе том... И громко, на весь вагон, спрашивает: «Батюшка, что мне делать? Я семь человек зарезал». Смотрю — скамеечка опустела, можно присесть и по душам поговорить.

— Хорошее место для исповеди он выбрал. Что же Вы ему посоветовали?

— Послал его.

— Куда?

— В храм, естественно.

— Чтобы на улице к Вам не приставали, хóдите в светской одежде?

— Несколько раз пробовал. Казалось, меня могли бы принять за вольного художника или хиппи. Но все равно распознают и обращаются — «батюшка».

— К Вам подходят за автографами?

— Бывает. И я предпочитаю не терять времени на объяснения того, что раздаяние автографов малополезно для моей души и потому мне малоприятно. Если чело-

века это радует, то эту радость я лучше ему подарю, а со своим тщеславием буду разбираться потом. Это уже «задание на дом».

— Но если к Вам постоянно обращаются с просьбами об автографах и интервью, то, имея столько поводов ко тщеславию, как Вы боретесь с этой страстью?

— Для начала нужно сказать, что все-таки я, увы, тщеславлюсь. Во всяком случае — радуюсь, когда вижу, что моей работой люди интересуются. Впрочем, такое же авторское чувство было у святителя Феофана Затворника: «Беретесь прочитать мои книжки. Мне всегда приятно слышать, что кто-либо читает мои книги. Думаю, почитает, и если найдет что, то поклончик положит о помиловании меня, многогрешного»*.

А для того, чтобы это не принимало каких-то крайних форм... знаете, *грех мой предо мною есть выну* (Пс. 50, 5). Вспоминаешь некоторые свои собственные безобразия... Это ведь несерьезно: роль лектора, преподавателя, раздавателя автографов... Есть другое: Литургия. Есть диакон, совершенно искренне называющий себя недостойным в минуту Причастия.

— Есть у Вас смена?

— Для того чтобы идти моим путем, слишком много необычностей должно было сойтись. Главная из них: моя церковная карьера шла сверху вниз. Я ведь свою работу в Церкви начал с самой высшей точки. Еще не окончив академии, я уже в двадцать семь лет был пресс-секретарем и референтом Патриарха. Затем был деканом богословского факультета, затем — заведующим кафедрой, теперь — просто профессор. Хорошо бы окончить жизнь диаконом в сельском приходе...

---

* *Святитель Феофан Затворник.* Собрание писем: Из неопубликованного. С. 21.

— Простите, что перебиваю. Но, говоря о сельском приходе, Вы не позируете?

— Ну какая тут поза! Это просто скучный и рациональный расчет. Любой писатель желает в конце жизни получить покой, чтобы «исписаться». Писать лучше всего в тишине, видя вокруг себя Родину, а не бетонное «определенное место жительства». Но чтобы спокойно жить, писать и служить на селе, нужно очень много денег. Для этого нужен какой-то постоянный источник дохода (каковым сегодня не могут быть гонорары за книги). Самое надежное — это сдавать московскую квартиру. Но для этого ее нужно сначала купить. Да и «домик в деревне» — если это в пределах досягаемости до Москвы и с Интернетом — стоит ой как недешево. Так что идея трезвая, хорошая, но дорогая. Где на нее взять денег — не знаю. Но уж если я себе разрешаю о чем-то помечтать — так именно об этом бегстве из Москвы, а не о протоиерейском кресте или солидной чиновничьей синекуре.

Так возвращаясь к моей карьере. Это ее странное направление — сверху вниз — означает, во-первых, что, оказавшись «наверху», я (надеюсь) не успел внутренне мутировать, стать человеком «системы», который долго и переживательно ждет продвижения вверх и с соответствующим расчетом и осторожностью выстраивает свои слова и поступки*.

Во-вторых, то, что я начал с верхней ступеньки, сделало мое имя сразу известным всему епископату. То, что с самого начала я был рядом с Патриархом, помогло заручиться церковно-иерархической поддержкой при начале моей миссионерской работы. У архиереев не возникал вопрос, наш че-

* Дмитрий Быков увидел в Патриархии «чисто официозную структуру, где тихие, безликие и солидные люди делают карьеру» (*Быков Д.* Народ и Церковь едины? // Вечерний клуб. 1999. 2 октября). Преувеличение, конечно, но не без повода к оному с нашей стороны...

ловек или не наш. Мне не нужно было доказывать, что я могу защищать нашу веру: раз Патриарх в Москве тебе доверил такое послушание — что ж, приезжай и к нам и работай.

В-третьих, и Патриарх с самого начала знал, в чем я вижу свое призвание. Понимаете, если обычный молодой священник начнет активно ездить с лекциями за пределы своего прихода и тем более за пределы своей епархии, епископ неизбежно спросит его: «У тебя что, на своем приходе дел мало?». У меня же было уникальное сочетание свободы и доверия. Я не был диссидентом. С самого начала я воспринимался (в том числе и самим собой) как «человек Патриарха».

Моя свобода, в частности, связана с тем, что я сам для себя определил область своей работы и ее методы (это я сейчас так могу сказать, оглядываясь назад: когда все только начиналось, никаких подобных планов у меня и в мыслях не было). Плюс к этому мой двойственный статус как светского журналиста и университетского преподавателя, а не только как церковного служителя...

В общем, все это было легко в начале 90-х гг.: когда все бурлило и создавалось. Кстати, для меня это очень важно: в Церкви я никогда не приходил на чье-то место, а значит, и мои должности не вызывали чьей-то зависти. Так что обходилось без «подсидок». Просто каждый раз совпадали моя готовность к перемене места и потребность в каком-то новом служении. В 1985 г. впервые ректор МДА создал при входе в свой кабинет «предбанник» и решил посадить в нем референта. В 1990 г. впервые Патриарх решил создать должность пресс-секретаря. Прошло еще время — и впервые был создан богословский факультет в рамках впервые же создаваемого православного университета, и этому факультету, конечно, был нужен декан. Во всех этих случаях мне никого не приходилось заменять и тем самым — «обижать».

А новым миссионерам приходится прокладывать себе дорогу снизу. Им — тяжелее.

Я сейчас пробую поставить себя на место молодого человека, который хочет начать церковное миссионерское служение. Его рукоположили после семинарии, он пробует что-то делать вне храма, а едва ли не все его сослуживцы смотрят на него как на белую ворону: «Тебе что, больше всех надо? Протестант какой-то! Ты что, не знаешь, что кого надо Господь Сам приведет?».

При таких настроениях начинающий проповедник будет постоянно генерировать вокруг себя поле осуждения. Если он выйдет за пределы своего прихода, в конце концов ему скажут: «Значит, у тебя на приходе дел мало?». Кроме того, чем больше времени он будет проводить с детьми или молодежью, тем меньше денег он заработает требами в храме. Ведь пока он вел урок в школе, он мог бы машину освятить... И со временем голос жены начнет ему напоминать, что пора бы «жить как все»...

А затем журналисты какой-то каверзный вопрос зададут, а он ответит неудачно (или и в самом деле так ответит, или же журналисты переврут его ответ). И уже с самого верха следует грозный окрик: «Что ж ты такое ляпаешь! Сиди на приходе, юноша, и бабушек своих по праздникам поучай, а на радио не ходи!».

Нет, сегодня, мне кажется, молодому священнику тяжелее встать на путь миссионерства. И тем более я удивляюсь тому, как Господь вел меня по этому пути!

— Значит, Вы не всегда будете заниматься миссионерством, Вы хотите что-то изменить в Вашей жизни?

— Я не «хочу», а знаю, что перемена будет. Может, еще года два так можно пожить («так» — это значит: на колесах, читая в год лекции в пятидесяти городах), а потом просто силы кончатся. Но не я буду принимать это решение, все произойдет само собой; и я надеюсь, что затем будет время для того, чтобы осесть в Москве, писать книги. А потом и

уехать из Москвы... Но если что-то такое будет, то к этому Господь Сам приведет.

— И монашеский постриг возможен?

— Тоже не исключаю. Это будет камнем, который должен будет растревожить болотце моей жизни, если оно совсем уж затянется ряской «обвыкания» к святыне.

— А семья?

— Я один. Я изначально строил свою жизнь так, чтобы не иметь якорей.

— А Вы когда-нибудь любили женщину?

— Вы знаете, до некоторой степени это все-таки был не я, потому что это было в те старые «доисторические» годы, когда я даже еще крещен не был. А после крещения Господь, наверно, вел меня к тому образу жизни, в котором я и пребываю сейчас. А потому и не посылал больше влюбленности. Значит, и не нужно.

Вновь скажу: мое глубокое убеждение в том, что настоящее ты не выбираешь, оно само входит в твою жизнь. Так что даже когда мои однокурсники-семинаристы активно решали свои брачные вопросы (кто женихался, кто, наоборот, по братским монастырским молебнам бегал), я сказал: «Господи, да будет воля Твоя. Если Ты считаешь, что мой путь — это путь семейный, то пошли мне такую встречу с девушкой, чтобы я сразу понял: это — она. Если нет, то управь как-то иначе». Здесь не было долгих внутренних «разборок». Слишком еще остры были переживания от недавно обретенной веры.

— Почему Вы выбрали путь отказа от семьи, если это многого лишает человека?

— Я не думаю, что это отказ. Отказаться можно от того, что есть. Все же одно дело — отпустить то, что у тебя уже

есть, а другое — просто не взять. Если я не протянул руку, чтобы какое-то сокровище взять,— вряд ли можно назвать это отказом.

Так же было и с выбором профессии. И тут не было внутренней борьбы. В те дни вроде бы выбора (напомню, это был 1985 г.) я четко ощущал: для того, чтобы мне остаться в аспирантуре и продолжить светскую карьеру, мне пришлось бы поломать себя. А вот сломать весь внешний строй своей жизни и прийти в семинарию мне было внутренне легче.

— О. Андрей, Вы как-то сказали, что батюшки не должны забывать о своих прежних мирских увлечениях. Вы свои прежние увлечения сохранили?

— Да, было бы хорошо, если бы священник мог воцерковлять и свою мирскую профессию, и свое прежнее хобби. Я знаю священников, которые были мастерами боевых искусств до принятия сана,— так они и сейчас преподают эти искусства мальчишкам, сопровождая их изложением христианской позиции.

У меня в детстве тоже было одно увлечение, к которому я потихоньку возвращаюсь. Я любил книжки по истории, но поступил потом на философский факультет, по сути — антиисторический. И вот в последние годы по капле выдавливаю из себя философа. Мне интересны подробности, детали, историческая сложность. А философскую легкость обобщений, когда по двум-трем фактам строится глобальная теория, приходится изживать.

Помню, когда я сам был студентом, то первые книги по религиозной философии попадали мне от научного сотрудника Института философии Альберта Соболева. Его квартира была для меня островом сокровищ: там стояли дореволюционные издания и парижские книги, которые в со-

ветских библиотеках хранились за семью спецзамками. И вот, принося очередную прочитанную книгу и беря новую, я пробовал завязать с ним обсуждение прочитанного, но в ответ не встречал никакого энтузиазма. Сначала я это счел за обычную советскую осторожность. А потом Альберт Васильевич сам пояснил: «Знаете, мне это уже не очень интересно. Мир идей русской философии достаточно обозрим. Я его изучил уже давно. Эти философы мне гораздо более интересны как люди. Мне интересно, как они жили, как общались. Порой старая фотография мне интереснее нового издания книги Флоренского». Тогда я не понял его. Мне казалось, что вселенная русской религиозной философии неисчерпаема. А сейчас я чувствую что-то похожее. История для меня интереснее, чем философия и богословие.

— А как Вы отдыхаете? Как проводите свободное время? Может, у Вас есть какое-то хобби?

— Вот в этом смысле мой образ жизни совершенно ненормальный, потому что обычный москвич, когда у него наступает время отпуска, уезжает куда-нибудь из Москвы, стремится слиться с какой-нибудь компанией, а у меня все ровно наоборот. Вся моя жизнь — в поездках, поэтому для меня отдых — это если я могу дома один посидеть. Счастливое время, если я могу на два-три дня запереться дома и не выходить вообще никуда, даже в магазин. Поскольку отдых — это смена образа жизни и деятельности, то отдых для меня — когда я пишу. Потому что в поездках я только читаю (или напротив: читаю я только в поездках)... Увлечения? Да одно у меня увлечение — поспать.

— А Вас никогда не посещали сомнения, что Вы ошиблись в выборе жизненного пути?

— Я сам себе завидую.

— Значит, не считаете себя неудачником? Выходит, и без семьи, и без карьеры можно быть успешным?

— Ну как я могу считать себя неудачником, если у меня нет свободного времени? Я же вижу, что мой труд нужен людям.

Вообще, православный священник — благополучный человек. Не в материальном смысле, а внутренне. Он понимает нужность своего служения, понимает, что люди поворачиваются к нему самой сокровенной стороной, видит, что помогает людям. Он знает, что то, чем он живет, очень важно. Но это внутреннее благополучие не должно расслаблять священника. Ему должно быть трудно. Когда ты себе не принадлежишь, когда ты все время должен делать то, что ожидают от тебя Господь и люди.

Вот, беседуя с Вами, я смотрю за окно. Я в прекрасном старом городе, у него прекрасные уютные улицы. Но я понимаю, что я на них так и не побываю, что у меня совершенно не будет времени, что давать Вам интервью мне приходится за счет крошечной паузы между лекциями, потому что еще нужно на минуту прилечь (у меня больная спина), а потом ехать за 360 км, а уже потом, в гостинице, за компьютером, выправить очередное срочное интервью... Да, я счастлив.

— А что побудило Вас заняться церковной публицистикой и миссионерской деятельностью?

— Я никогда не думал, что стану миссионером. Есть странное противоречие между моим личным характером и характером моей жизни.

Я по характеру домосед — а тут приходится жить в дороге. По своему складу я интроверт, одиночка,— а постоянно приходится быть с людьми...

Нет, серьезно, я домосед. В годы учебы у меня был один путь: МГУ и храм. Я даже в других храмах не бывал, в Петер-

бург на каникулы не срывался... После крещения я долгое время никуда, кроме своего храма, не ходил. В Даниловский монастырь вошел года четыре спустя после его открытия, и то после того, как один батюшка, у которого в гостях был, сказал: «У меня дела в Даниловском монастыре, едем со мной». А так я знал только Троице-Сергиеву Лавру и свой храм, и больше ничего. В Патриарший собор попал впервые только когда нас, семинаристов-«первоклассников», повезли туда. И даже сегодня для меня каждый выход из дома — маленькая душевная травма.

То, что я уже который год в дороге,— это ситуация, скорее навязанная мне, нежели избранная мною. И это влияние Патриарха, потому как он, сам будучи мобильным человеком, для которого путешествие — естественный образ жизни, приучил к тому и всех своих сотрудников. Как известно, сердечный приступ случился с ним не в московских покоях, а во время посещения Астрахани. Патриарх часто брал меня с собой в поездки, и это позволило мне преодолеть определенные страхи (я вообще сторонился контактов с советской властью — даже на уровне обращения к администратору гостиницы или к железнодорожному кассиру).

А потом, причастность к Церкви дала мне ощущение сословности. Я семинаристом очень остро ощутил, что в моей жизни что-то резко изменилось. Если я студент университета и куда-нибудь еду, я совершенно сам по себе и нигде, ни в каком городе никому не нужен. Но слова: «Я семинарист» — это слова чудесные. В любом городе, в любом селе, где есть храм, заходишь, говоришь: «Я семинарист» — и тебе радуются. Это сейчас семинаристов много, и много проходимцев и шарлатанов. А в советские времена семинарист — это была такая редкость... Ты видишь, как люди тебя принимают, и понимаешь, что ты должен это отработать потом, потому что мы ничего еще не сделали для Церкви, для людей, для Бога.

Вновь говорю: у меня не было решения: «Стану ездить с проповедями!». В Церкви есть такая поговорка: «За выбирачку – получай болячку!». То есть если ты начал метаться, срываться с места без крайней необходимости, искать новый храм или новую епархию просто «в поисках лучшего» – то в итоге Господь может «проучить» тебя. И ты окажешься в таких новых условиях, что с ностальгией будешь вспоминать о прежних, казавшихся «невыносимыми».

Я помимо своего желания оказался у Патриарха, потом в православном университете, без особой какой-то своей инициативы начал заниматься публицистикой. Это казалось случайностями: вижу, что о Церкви чушь говорится, берусь за перо, чтобы пояснить, в чем тут неправда. А затем, когда секты появились, уже об этом стал писать. И совсем уж неожиданной оказалась идея одного церковного журналиста, когда он предложил собрать и издать книжкой мои статьи, разбросанные по разным изданиям. Это было в 1994 г., и книжка называлась: «Все ли равно, как верить?». Я был настолько ошарашен, что даже вопрос о гонораре не стал обсуждать. Это, наверно, была первая книга о богословии, написанная языком журналиста. Отсюда и ее успех: 45 000 разошлись за полгода... А затем тот же издатель говорит: «Слушай, у нас бумага осталась, давай еще что-то твое издадим». Так появилась уже серьезная книга «Традиция, догмат, обряд», составленная на основе моих университетских лекций. Ну а сделанное дважды уже становится привычкой.

— Как получилось, что у Вас — чуть ли не у единственного сегодня активного проповедника — столь романтическое отношение к христианству? Вы, кажется, готовы за Честертоном повторять: «Наша вера — авантюра, она похожа на детектив, где главная разгадка — в конце».

— А ведь правду сказал. Наша вера и в самом деле есть именно авантюра. Вот представьте себе (это реальный слу-

чай, рассказанный мне в Вильнюсе), сын-студент говорит матери:

— Ну какие у вас в Церкви чудеса? Нету сегодня никаких чудес!

А та отвечает:

— Ну как же, сыночек, нет чудес? А со мной вот только что — разве не чудо было? Картошку надо мне было убрать, потому что назавтра заморозки обещали. Копаю-копаю, гляжу — солнце уже на закат, а у меня едва треть выкопана. Тут я и взмолилась: «Господи, помоги убрать эту картошку, Ты же ведь знаешь: мне зиму без картошки не прожить!». И я снова — носом в грядки. И представляешь, до темноты действительно все убрала. Разве это не чудо?

Вот эта способность обратиться к Богу по поводу картошки и есть величайшая авантюра. С точки зрения богоискателя-интеллигента это просто скандал: к Трансцендентному Абсолюту, Идее идей, Высшему Благу — эта крестьянка обратилась по поводу какой-то обыденной картошки! Нет чтобы попросить Божество об утончении своего эстетического вкуса, о даровании терпимости, широты взглядов и политкорректности...

Да и во многих реальных религиях такое поведение тоже кажется неразумным: смирись, гордый человек, молись туземному духу, но не досаждай небу.

Представьте, что я оказал услугу Президенту. Он дал мне номер своего прямого мобильного телефона. Сказал: «Нужна будет помощь — звони!». Но я понимаю, что у меня есть право только на один звонок. Представляете, как я буду беречь эту палочку-выручалочку, от одного кризиса к другому все откладывая и откладывая свою единственную апелляцию «на самый верх». Конечно, я не буду звонить Президенту с жалобой на соседа, который опять залил мою квартиру. Вот и к Богу Творцу во многих языческих религиях разрешалось обращаться только в самом крайнем

случае — не когда «крокодил не ловится, не растет кокос», а когда гибель угрожает всему народу... Христианин же может к Творцу миров обращаться по пустякам и по-семейному, запросто: «Отче».

Вы знаете, как-то в одной украинской газете я прочел молитву «Отче наш» на украинском языке. Русское слово «отец» по-украински — «батько». Я сначала возмутился: «Надо же! Какая фамильярность, грубость!». Я до этого знал только одного «батьку» — Махно. А затем задумался и обрадовался. Это хорошо, что Владыку всех миров называют так по-семейному.

Мне и самому случается иногда «капризничать» перед Небесным Отцом, молиться о сущей ерунде: прошлую неделю я провел в Румынии. И когда я уезжал туда, так мне хотелось, чтобы там было тепло! До того я устал от этой московской осенней слякоти! Снег уже лежал в Москве. Снег завалил Украину. Снег в Карпатах. Снег в румынской Молдове. В общем, двое суток заснеженного пути почти убили мою надежду. Но на подъезде к Бухаресту вдруг стало удивительно тепло. И всю неделю температура была плюс двадцать — это в середине-то ноября! Правда, из-за этого внезапного потепления небольшое наводнение случилось в Центральной Европе, но это уж их проблемы... Об этом я не молился.

Если же говорить серьезно, таких авантюрных, и в то же время повседневных, чудес полна наша жизнь. А как я пришел к вере, вдобавок понимаемой как авантюра... Честно говоря, я и не знаю, что Вам ответить. Надо что-то придумывать, а не хочется. Скажу как есть: я не стал взрослеть.

— Как Питер Пэн?

— Не совсем: прежде всего я не стал взрослеть в церковном смысле. В иерархическом, что ли. Диакон — это не священник.

— Как в Вашем храме относятся к Вашим частым отлучкам?

— Настоятель терпит, слава Богу! В отчеты мои поездки, как «миссионерская деятельность», конечно, включаются. С самого начала моей «приписки» к этому храму Патриарх сказал настоятелю, что служить я буду «в свободное от богословских занятий время».

Когда Патриарх предложил мне на выбор — в каком храме Москвы я пожелал бы служить, я назвал храм Иоанна Предтечи на Красной Пресне. И заметил, что у Святейшего некая тень пробежала по лицу. Потом я начал в Патриархии наводить справки, и оказалось, что этот храм считался там своего рода «штрафбатом»: в советские времена в него назначали священников, которые были не на лучшем счету в Патриархии. К нему от метро надо подниматься в горку (и редкая бабушка осилит этот путь), зато рядом есть другой действующий храм — на Ваганьковском кладбище. Так что наш храм по московским меркам считался одним из беднейших. А тут я сам попросился в «штрафбат»... Но для меня тут не было выбора: этот храм был моим родным.

И потом наш храм — не идеологический, без претензий. Батюшки не одержимы идеями авторского истолкования Православия. У нас — нормальные служаки. И люди к нам ходят просто молиться. Кстати, в своем храме я не проповедую. Потому что хочу иметь в жизни местечко, где я не профессор Кураев, а самый обычный диакон. Где бы я мог помолчать и помолиться. Ведь в других местах говорить приходится слишком много.

— Как обычно складывается Ваш рабочий день?

— У меня нет понятия рабочего дня, есть, скорее, понятие рабочей недели. Вот уже лет семь каждое воскресенье я улетаю в какой-нибудь регион. В год, как я уже сказал, не менее пятидесяти городов. Всего за последние шесть лет

побывал в 250 городах мира... Там три-четыре встречи-лекции в день. Обычно в пятницу возвращаюсь в Москву и — лекции в МГУ, в богословском институте. Субботнее утро — для общения с журналистами, для домашних дел, писательства. Вечером — всенощное бдение в храме Иоанна Предтечи на Красной Пресне, утром — Литургия, и снова — самолет.

— Вы — человек раскрученный. Мелькаете постоянно на экране, в прессе. Вас коллеги не ревнуют? Ведь всякие закрытые сообщества — военные, чиновники — не любят выскочек из своих рядов. А клир?

— Духовенство — очень необычное сообщество. Оно не может быть «закрытым», потому что в него приходят люди из самых разных слоев общества и с очень разными судьбами. В Москве каждый десятый священник — выпускник МГУ. Хотя бы поэтому в этой среде не может быть аллергии ко мне.

— Бывает, когда много работаешь — ложишься спать, а перед глазами работа. И начинаешь вспоминать: тому должен, то не сделал, с тем встретиться, это выполнить... Невозможно сосредоточиться даже на самой простой молитве. Есть ли у Вас способы с этим справляться?

— Ну, перечисление своих долгов на сон грядущий я себе давно запретил — это верный путь к бессоннице и язве. Здесь надо просто говорить «стоп» — и все. Я не стану думать, о чем мне не хочется. Что касается молитвы — то она и в работе помогает. Я верующий книжник. Книжник — но верующий. Это значит, что, когда я беру книжку, я вхожу в личный контакт с автором. Если это человек святой, я молюсь ему: «Святителю отче Григорие Богослове, моли Бога о нас». Если это человек не канонизированный Церковью,— я молюсь: «Упокой, Господи, душу раба твоего, болярина Александра» (это о Пушкине). Если автор жив — то тем более можно помолиться о его здравии и (если нужно) о вразумлении. У христианина повод для молитвы всегда найдется.

— Ваши многочисленные поездки Вас скорее вдохновляют — или, наоборот, отнимают силы?

— Они изматывают, конечно. Но я к ним отношусь как к обычной работе. Легкую работу искать было бы странно. Кроме того, «вдохновений» и «просветлений» я не ищу. А то так недолго и до психушки... Помните этот дивный афоризм: «Если человек беседует с Богом, то это молитва, а если Бог беседует с человеком, то это шизофрения»?

Вообще же я не ставлю себе глобальных задач. Уже давно я дал себе зарок: в своей жизни я никогда не буду заниматься двумя вещами — я не буду спасать Россию и не буду спасать Православие*. Мне ближе этика малых дел: оказание частной помощи частным людям.

— Что-то Вы скромничаете, по-моему. Почему это Вам не хочется спасти Россию и Православие?

— Потому что слишком часто на моих глазах люди с ума сходили от самомнения и постановки себе чересчур масштабных задач. Если же и во мне вдруг шевельнется подобная мессианская мыслишка — я ее осаживаю простым вопросом: «Андрей, а кто тебя назначил "дежурным по апрелю"?».

Так что вновь скажу: я именно работаю. Слова типа «служение» и «подвиг» выношу за скобки своей жизни — чтобы не «звездило». Поэтому и беру гонорары за свои лекции и книги. Знаете, в Церкви иногда говорят: «Бесплатно — это там, где бес платит». В смысле — одаривает «кайфом» от сознания собственной праведности.

---

* «Надо выбросить из головы все планы о многополезной, многообъятной общечеловеческой деятельности, и жизнь Ваша будет созерцаться вложенною в покойные рамки и без шума ведущею к главной цели. Помните, что Господь и стакана холодной воды, поданного томимому жаждой, не забывает» (*Святитель Феофан Затворник.* Собрание писем: Из неопубликованного. С. 472).

— При таком объеме миссионерской и проповеднической деятельности, которую Вы ведете,— в том числе и на рок-концертах,— трудно ли возвращаться к уединению, молитве, частной жизни христианина, который стоит перед Богом?

— Да даже и не в духовной жизни, а в чисто практической — трудно возвращаться в Москву. В самом буквальном смысле. Когда я еду в какой-то город — меня там чуть не на руках носят, встречают... Когда я возвращаюсь в Москву — я тут никому не нужен. Самому надо тащить сумку к автобусу, затем часа два самому тащиться от аэропорта до дома...

— С какой аудиторией Вам интереснее всего вести диалог?

— С той, которая со мной не согласна. Моя аудитория — это люди, которым интересна мысль, сложность. Люди, которые боятся простых ответов и пропаганды. Люди, которые радуются, узнавая, что какие-то проблемы сложнее, чем им казалось раньше.

— И сколь часто Вам доводится встречаться с такими людьми?

— Аудитория моего первого выступления в городе всегда не моя. Это подтверждается почти во всех епархиях, где я побывал. Это большая для меня проблема, так как мои книги, записи выступлений распространяются лишь по церковным каналам и не доходят до тех, кому они адресованы,— прежде всего до людей не церковных. Почти везде, куда я приезжаю, объявления висят лишь в храмах. Поэтому на лекции приходят прихожаночки, «профессионально православные», в надежде на то, что им расскажут о чудесах и блаженно-юродивых старцах... Бабушки вскоре понимают, что ошиблись, и спокойно дремлют до того времени, когда можно задать свои вопросы. На сле-

дующую лекцию они уже, как правило, не приходят. Но несколько десятков людей из университетского мира, которые все же оказались на лекции, после нее задают нагрузку местным телефонным сетям. По городу начинается телефонный перезвон (сенсация: «Нескучное Православие!»). На следующий вечер численность слушателей та же, но уже качественно меняется их состав. Теперь уже собираются люди светские, для которых это первая возможность серьезного диалога с Церковью на их языке. И на третий вечер собирается уже моя аудитория — люди, которые боятся простых ответов.

И еще один признак моей аудитории — это присутствие моих ровесников, «средовеков». Проблема состоит в том, что в наших приходах в основном только две возрастные группы: это молодежь и пожилые люди. Мне печально, что в храмах не видно людей среднего возраста: от тридцати до пятидесяти лет, и особенно мужчин. Почему мужчины этого возраста в наших храмах практически отсутствуют? Возможно, потому, что это люди, чье мировоззрение сложилось еще в советские годы. А для мужчины, в отличие от женщины, гораздо труднее ломать свое мировоззрение: мужчина более эгоцентричен, он выше ценит себя, свой жизненный опыт.

В старости человек чувствует приближение страданий, смерти, и понятно, почему он становится более религиозным. А возраст тридцати—пятидесяти лет, возраст карьерного пика,— это время чрезмерно завышенной самооценки, и этот возраст становится малопроницаем для православной проповеди покаяния. Поэтому я очень радуюсь, когда вижу, что на моих лекциях появляется много людей именно этого возраста. И если раньше я считал, что буду обращаться прежде всего к молодежи, то в последнее время я полагаю, что, может быть, один из главных адресатов моих книг и лекций — это люди среднего возраста.

— А неприятных открытий в жизни у Вас не было?

— Одно из крупных разочарований моей жизни связано все с тем же моим миссионерством. Я с некоторой горечью должен признаться, что наибольшую отдачу мои книги и лекции дают, увы, не в том направлении, на которое я рассчитывал. Я ни в коем случае не могу считать себя учителем Церкви. Учить духовной жизни, молитве и покаянию, как я считаю,— не в пределах моей компетенции: ни человеческой, ни диаконской.

Мне бы хотелось быть действительно миссионером, приводить к Богу людей из *страны далече* (ср.: Лк. 15, 13).

И все же по откликам и беседам с сотнями людей, по письмам, которые я получаю, оказывается, что для многих людей мои лекции выполняют другую задачу.

Оказывается, что для многих мои лекции и книги являются скорее неким удерживающим фактором, то есть они, скорее, не приводят в Церковь, а помогают остаться в ней. Те, кто приходят,— приходят сами. Но затем, когда пора первых восторгов закончится,— начинается горечь — сомнения, трудности, разочарования. Особенно они тяжелы, если не сложились отношения со священником. Если в эту пору к такому человеку попадают мои книги, то он вдруг видит, что Православие может быть иным. Книги показывают ему, что мир Церкви — разнообразен. И поэтому в нем можно жить. Пространство Церкви — пространство людей, а не пыльное книгохранилище.

Порой даже приходится говорить: «То, что тебе было выдано за Православие или показалось им, на самом деле таковым не является».

— То есть та аудитория, с которой Вы работаете, это большей частью уже церковные люди?

— Ну, это, скажем, к моей печали... Мне бы хотелось, чтобы на моих лекциях было больше людей нецерковных. Но, к сожалению, в последние лет пять я наблюдаю обратную тен-

денцию. Если раньше и тех и других было примерно поровну, то сейчас на моих лекциях не более 20 % светских людей.

— Может быть, проблема в том, что светские люди о Вас просто не знают?

— Да, я это вижу очень четко. Потому что иногда, бывает, приезжаешь в небольшой городок — полный зал на 1 000 мест. А бывает большой, миллионный город, а зал полупустой... Очевидно, это связано с какими-то неудачами в подготовке моего приезда, в оповещении.

— Нормально ли для церковного проповедника прибегать к рекламе в средствах массовой информации?

— Оповещать через СМИ — это нормально. Хотя здесь действительно есть проблема, потому что рекламный характер современной культуры противоречит основам православной этики. И поэтому мы проигрываем сектам. Приезжает, скажем, какой-нибудь захудалый проповедник из Калифорнии, а о нем по всему городу висят афиши: «Выдающийся Мыслитель: Тот, Кто ответит на все вопросы!». Я же не могу так говорить. Это неуместно для православного человека — так говорить. Будь я баптистом, «подо мной» был бы какой-нибудь специальный фонд, который занимался бы и раскруткой, и организацией всего, и было бы планирование встреч, поездок, работы в Москве и по стране... У меня этого нет.

— С точки зрения Церкви — Вы можете оправдать такую ситуацию?

— Оправдание только одно: Промысл Божий таков.

— Для меня, как для стороннего наблюдателя, Вы едва ли не единственный заметный православный миссионер. Существует ли в нашей Церкви системный подход к делу миссии?

— Я не знаю. Я не являюсь сотрудником Миссионерского отдела или Отдела по работе с молодежью. Я не знаю,

что там делается. Парадокс моей ситуации в том, что за моей спиной ничего нет. Приезжаю я на Украину, и там националистические газеты пишут, что приехал «агент Москвы». Но, к сожалению, я не агент Москвы. Москва меня никуда не посылала. Если я приезжаю, значит, есть местный интерес, значит, люди зовут.

— На Украине говорят: «У нас, к сожалению, нет своего Кураева».

— Видите ли, Церковь выступает против клонирования.

— О. Андрей, Вы были одним из первых священнослужителей, кто после 1991 г. вошел в стены Московского университета и стал читать лекции о запрещенном, о духовном. Какова была реакция Ваших слушателей?

— На самом деле в МГУ первым был о. Артемий Владимиров, в 1990 году. Сначала это были разовые встречи в переполненных залах. Читал несколько раз о. Артемий, потом я.

Может быть, я был первым, кто вообще из Церкви пришел в советский университет, но это было не в МГУ,— а в уже упомянутой Коломне.

— А как складываются Ваши отношения с МГУ?

— Я начал первый систематический курс на факультете журналистики — в 1991 г., осенью. Приношу искренние соболезнования студентам, которые пали жертвами моего эксперимента.

Меня подвела весьма распространенная иллюзия. Каждый уважающий себя старшекурсник и аспирант, естественно, считает, что он по своей специальности знает уже все.

И я, когда начал читать лекции в МГУ, тоже считал, что знаю достаточно много: университет, аспирантура, семинария, академия, богословский институт... Но критерии, с которыми студент подходит к знанию предмета, совершенно иные, чем у преподавателя. Когда я как студент сдаю экза-

мен, то мне важно просто найти в своей памяти материала на десять-пятнадцать минут разговора на тему билета. Это даже много... Студент, как правило, читает материал, лишь когда просматривает вопросы к экзамену. И если при виде вопроса у него в голове возникают две-три мысли, то он считает: «Ну, это я уже знаю, а остальное нафантазирую — поехали дальше». Вот с таким багажом оканчиваешь университет, потом семинарию и академию, где очень похожая ситуация в смысле интенсивности учебы. И самоуверенно считаешь себя человеком более-менее образованным.

А лекция-то идет полтора часа. И чтобы она была серьезной и интересной, преподаватель должен изложить не более трети того, что он на эту тему может сказать. Тогда есть какой-то запас прочности, появляется творческое отношение к лекции, можно менять, адаптировать ее каждый раз.

Когда же я начал читать лекции в университете, я вдруг с ужасом обнаружил, что всех моих знаний хватило ровно на три лекции. То есть двенадцати лет послешкольной учебы — в университете, в аспирантуре, затем в семинарии, в академии, в богословском институте — всего этого мне хватило ровно на три лекции. После этого я понял: «Все, больше я ничего не знаю».

Я, конечно, пришел в ужас от своего невежества. Но как раз в ту пору у меня была своеобразная ситуация в жизни, было много свободного времени, так что я мог позволить себе по нескольку дней готовиться к одной-единственной лекции. Я заставил себя, по сути, учиться ради моих студентов, читать те книжки, которые давным-давно надо было прочитать, которые входят в классическую библиотеку истории богословия, философии. Пришлось все это всерьез перечитывать — уже не глазами студента, который хочет сдать зачет. Систематизировать. Поэтому первый

курс лекций, первые два семестра — это был тихий кошмар. Насколько я понимаю, студенты были такого же мнения.

— А сейчас какие-то новые проблемы в связи с Вашими лекциями в МГУ появились?

— Наверное, да. Поскольку я возвращаюсь в МГУ к каждой лекции из миссионерских поездок, бывает трудно переключиться с режима популярной лекции на лекцию академическую. Но главное — это появившаяся стабильность. Знаете, ведь уже больше десяти лет это неизменно: каждую пятницу в половине четвертого в первой поточной аудитории первого гуманитарного корпуса идет моя лекция. Так что в некотором смысле я уже стал частью университетского интерьера.

— Как Вам удается держать аудиторию в таком напряжении на протяжении довольно продолжительного времени и у слушателей остается желание еще слушать и слушать? В чем секрет?

— Просто прежде чем начать читать лекции, я попробовал осознать, какие лекции я сам люблю, какие я слышал хорошие лекции в университете, в семинарии, в академии. И вот оказывается, что практически у всех преподавателей, которые и мне дороги и интересны, и студенты их любят, помимо серьезных знаний, хорошей речи, есть один интересный подход к изложению материала. Они отталкиваются от некоторых стереотипов: «Вот вы думаете, что здесь дело обстояло так, а на самом деле все гораздо интереснее, своеобразнее, по-своему противоречивее, а может быть, вообще совершенно не так». И я с самого начала выстраивал свои лекции тоже по этому принципу. То есть я, учитывая те шаблонные представления, которые могут быть в сознании моих слушателей, предлагаю иное, более глубокое прочтение, понимание, привожу

интересные нюансы и детали. И это создает ощущение, что лектор ведет диалог не только со слушателем, но и с самим собой.

В МГУ мне поручили преподавать на условиях весьма своеобразных: мои лекции ни для кого не обязательны, а кому интересно — пожалуйста, приходите. И вот, мне нужно, чтобы студенты не просто зашли ко мне на один-два раза, заинтересовавшись рясой, а чтобы они весь год после всех своих лекций, натощак, без обеда, еще два часа сидели и меня слушали. Добиться этого можно было, только если соответствовать университетским стандартам интересных лекций.

И еще я должен признаться в том, что к преподавательской работе я ведь профессионально не подготовлен. Я не прочитал ни одной книги по искусству риторики или по гомилетике (искусству церковной проповеди). Я не беру в руки книг по психологии. Не читал даже Дейла Карнеги, не говоря уже о всевозможных оккультных брошюрках о «нейролингвистическом программировании». Я сознательно не прикасаюсь к этому миру — потому что считаю, что людьми нельзя манипулировать. Я просто стараюсь думать вместе с аудиторией, быть с ней в диалоге.

Оттого с тем большим изумлением и смехом я встретил «весьма проницательное» наблюдение рериховских лазутчиков, побывавших на моих лекциях: «Кто не мог угнаться за полетом мысли проповедника, мог наблюдать за стилем работы диакона. Поражало его умение владеть аудиторией. Как преодолеть естественные психологические барьеры на пути к душам разнородной аудитории? Можно пойти по пути уважительного, доброжелательного отношения к людям и надеяться, что сердца людей откроются для восприятия. Но такой подход неприемлем изначально. Какое уважение может вызвать болото? Тут нужна специальная техника. Аудитории задается риторический вопрос...

Выдерживается небольшая пауза, во время которой люди успевают подумать: “Конечно же”. Сам же “мастер” дает противоположный ответ: “Нет!”. В зале наступает гробовая тишина, которая свидетельствует о попадании в самое яблочко,— люди оказываются в замешательстве, в шоке, защитные свойства психики парализованы, “фильтр” снят, дорога к сознанию открыта. Теперь можно говорить все что угодно — парализованное сознание должно принимать все за чистую монету. В уме возникают не менее шокирующие вопросы: “Что же это такое — лекция православного проповедника или сеанс массового гипноза с применением техник нейролингвистического программирования сознания? Где можно оказаться после такой лекции — в стаде Христовом или в психиатрическом заведении? Разве использование таких методов не является насилием над личностью?”. Другой пример. Задаются заранее подготовленные вопросы, на которые никто не знает ответа. Для эрудита и знатока традиций это не сложно. Затянувшееся молчание или неудачные ответы комментируются безобидным: “Эх вы”,— и механизм заниженной самооценки приведен в действие. Безмолвную реакцию зала нетрудно просчитать: “Какие мы все-таки непроходимые неучи и тупицы”... Прямым оскорблением и унижением это не назовешь. Так по-иезуитски изощренно люди подводятся к самоумалению, потере элементарного человеческого достоинства, так ловко загоняются в раболепно-послушное стадо»*.

Надеюсь, мои студенты прочитают эту «экспертизу».

— Почему надеетесь?

— Так ведь тогда мне не нужно будет уже им доказывать, что рериховские проповедники неумны и нечестны. По-

* *Чесноков П.* Приглашение на проповедь: Заметки о лекциях диакона А. Кураева, проходивших в Донецком медицинском университете в 2002 г. (см.: http://www.roerichs.com/Publications/Kuraev/Kuraev3.htm).

нимаете, о моих слушателях можно, наверно, сказать многое (тем более что они очень разные), но вот одного точно сказать нельзя – что они «раболепно-послушное стадо».

— То есть Вы всегда ставите себя на место тех, кому читаете лекцию?

— Да. В некотором смысле я даже и книжки читаю их глазами. То есть когда я читаю книгу, то я отмечаю не только то, что мне интересно, а я отмечаю и стараюсь запомнить то, что, пожалуй, стоило бы сказать человеку определенного склада: «Вот этот факт интересен для разговора на эту тему, вот этот аргумент стоит помнить ради такого спора» и так далее. И лишь когда ты понимаешь, что каждая информация функционально необходима, легче запоминаешь.

— Помогает ли Вам в миссионерской деятельности атеистическое образование?

— Конечно, помогает. Оно дало мне возможность посмотреть на Церковь со стороны. Сейчас я стараюсь в своих беседах смотреть на проблему глазами человека не согласного со мной, чтобы понять его. Так мне легче строить диалог с людьми. Миссионер должен быть немного шизофреником: он должен говорить и при этом тут же слушать себя, причем не своими ушами, а ушами своего собеседника и оппонента – как с его позиции будет воспринято то, что я сейчас скажу. Если этой «шизофреничности» нет, то получится монолог по принципу: «Тихо сам с собою я веду беседу».

— А как стал возможен подобный стиль общения со светской аудиторией? Были ли у Вас проблемы в начале Вашей деятельности? Высокий уровень был всегда или это начиналось несколько по-другому?

— Со стилем общения проблем не было, потому что еще в университете мне приходилось постоянно защищать веру

перед лицом своих однокурсников, своих знакомых, друзей. И появился навык апологетики и разговора на языке, понятном студенчеству, ученым. Потом, учась в семинарии, я много водил экскурсий по академическому музею; в основном это были люди нецерковные, впервые встретившиеся с Церковью.

— А Вас не смущает тот факт, что Вы сейчас преподаете от кафедры, которая до недавнего времени называлась: «Кафедра религии и атеизма»?

— По-моему, мы сейчас взаимно гордимся этим: кафедра гордится тем, что воспитала меня; я горжусь тем, что в моей биографии был такой экзотический факт.

— А где Вам интереснее преподавать — в богословском институте или в МГУ?

— Сложнее и интереснее в МГУ. Во-первых, я все же прежде всего миссионер. Поэтому обращаться к уже верующей аудитории мне менее интересно. Во-вторых, работа в МГУ учит отвечать за свои слова (и даже брать их назад). Ведь на моей лекции сидят студенты, аспиранты, а порой и преподаватели с самых разных факультетов. И значит, я должен быть крайне осторожен. Потому что, если я ненароком забреду за краешек моей компетентности, то тут же найдутся в зале люди, более меня знающие физику, биологию, историю, филологию, которые тут же меня поправят. Такое бывает. Это очень здорово и для меня полезно — чтобы не было «шапкозакидательства», чтобы не было работы в жанре: «Пришла и говорю». Каждый шаг надо обосновывать.

И кстати, может быть только благодаря вот этой школе, которую я как лектор прошел в МГУ, я до сих пор на свободе. Ведь известна тактика сектантов: журналистов и проповедников, которые мешают им работать, говорят правду о теневых сторонах их доктрин и практик, сектанты затаскивают по судам. Подают иск за иском — нас, мол, окле-

ветали. Такие попытки были и в отношении меня. Я живу в постоянном ожидании суда. Помню об этом. И поэтому пишу и произношу только то, что могу обосновать ссылками на источники или чужие исследования. Кроме того – четко разделяю мои оценочные суждения от фактических сообщений.

– А какова для Вас цель Ваших лекций в МГУ?

– Я прошу студентов отнестись ко мне как к самому обычному преподавателю: «У вас же есть спецкурсы о Иммануиле Канте, о Платоне, и, прослушав их, не обязательно становиться ни кантианцем, ни платоником. Также и цель этих моих лекций не в том, чтобы по их окончании вы крестились». Но я надеюсь, что, прослушав курс по Православию, две вещи студенты все-таки ощутят: во-первых, будет воспитан некоторый вкус, опыт размышлений на религиозные темы; и затем, встретившись с сектантскими проповедниками и книжками, они заметят, как все это примитивно. И второе – у них останется некое «послевкусие»: ощущение того, что Православие – сложная, серьезная, парадоксальная религия. Может быть, пройдут десятилетия, прежде чем студенты придут в Церковь, но у них будет хотя бы память о том, что Церковь – это пространство человеческой жизни.

Тот вывод, который я хотел бы запечатлеть в памяти людей,– это не те или иные какие-то конкретные мои слова, аргументы или цитаты. Мне бы хотелось, чтобы осталось какое-то общее ощущение того, что в религиозной области можно и нужно думать. Это важно потому, что советские, как я уже говорил, люди были воспитаны в убеждении, что религия и разум несовместимы.

Надеюсь, что в лекциях мне все же удается воздерживаться от агитационно-проповеднических интонаций.

— Вы допускаете шпаргалки на своих экзаменах?

— Было время, я сомневался, можно ли ставить плохие оценки. Сначала было опасение: мол, если я поставлю заслуженную «двойку» или «тройку», человек уйдет от меня с горьким осадком и, вполне возможно, эту свою горечь сохранит и в отношении к Церкви. Так что низкая оценка может оказаться антимиссионерским поступком. Мол, важнее, чтобы у студента осталось доброе впечатление от общения с православным миссионером.

Потом я понял, что это нечестно. На экзамене я — преподаватель, а не миссионер. С другой стороны, студенты сами очень быстро почувствуют фальшь. Получится, что я их пытаюсь подкупить отметками, как туземцев бусами, заманиваю их в Церковь «пятерками».

В общем, я решил быть обычным преподавателем. Я не ставлю «автоматом» «пятерки» и не заигрываю со студентами. Порой у меня и православные юноши получают «двойки» — если они надеются «выплыть» на общей богословской эрудиции...

Мой курс все же слишком авторский. Поэтому я разрешаю пользоваться и шпаргалками, и конспектами, и книгами. Студентам это все мало помогает. Достаточно задать один-два вопроса, и становится ясно: понимает человек, что говорит или нет.

— Часто ли Вы встречаетесь с аудиторией, которой Ваша лекция «до лампочки»?

— Почти всегда с этого начинается. Но чтобы привлечь к себе внимание студентов, я в ладоши не хлопаю. Зато могу ударить по самолюбию. Например, заявить, что в вашем «тьмутараканском» университете не так уж часто выступают московские профессора. Напомнить, что я самый избалованный лектор России, что на моих лекциях слушатели нередко стоят в проходах и сидят на ступеньках. И вообще

считайте мою лекцию инспекцией из Москвы: «Что такое ваш университет? Это ПТУ, купившее вывеску университета, или действительно учебное заведение высшего класса? Я не собираюсь тратить силы на то, чтобы заставлять вас меня слушать. Коль вам скучно, извольте выйти вон. Но после этого не считайте себя людьми науки».

После такого вступления внимание всегда возрастает. Но при условии, если уже прошла часть лекции и хотя бы часть аудитории поняла, что здесь нечто иное, чем привычное им занудство или давление авторитетом. То есть этот аргумент работает только тогда, когда до него были предъявлены другие аргументы в пользу того, что наше общение стоит того, чтобы быть продолженным. Кстати, я с удивлением узнал, что в провинциальных университетах лектор, говорящий без бумажки, вообще воспринимается как чудо.

А самый интересный случай был, пожалуй, на историческом факультете Брестского университета. Похоже, преподаватели-марксисты заранее настроили ребят устроить мне обструкцию и противостать «поповской пропаганде». И по ходу лекции (а она была на вполне светскую тему о причинах научной революции XVII в.) постоянно звучали реплики из зала и перебивающие вопросы.

В конце концов я решил, что не буду являть собой пример «кроткого христианина», резко сменил интонацию и сказал:

— Значит так, ребята. Учить меня тому, что писал Маркс, не надо. Я окончил философский факультет МГУ с красным дипломом и знаю Маркса лучше, чем вы.

Сидящий рядом декан брестского истфака вдруг меняется в лице и спрашивает:

— Да-а? А в каком году вы оканчивали МГУ?

— В 1984-м.

— Кто у вас был завкафедрой?

— Новиков Михаил Петрович.

— А... Да, я его знаю... Это серьезный специалист... Пожалуйста, уважаемый коллега, продолжайте.

Всю студенческую фронду как рукой сняло.

О своем светском университетском образовании, о знакомствах в мире современных культурных и медийных элит имеет смысл упоминать ради того, чтобы во мне перестали видеть блаженненького инопланетянина, безнадежно затерявшегося в веках. То, что знаете вы, знаю и я. И ноутбук у меня есть, и мобильник, и свой сайт в Интернете. И новости рок-музыки я узнаю не по МузТВ, а когда в своей студии Шевчук ставит мне эскиз своей новой песни... Но, кроме этого, я знаю нечто большее и могу вам это подарить. Слыша об этом, люди понимают, что Православие — это мир, в котором может жить и современный человек. Этот мир — для них, а не только для бабушек. А значит, не надо откладывать свое вхождение в Церковь до выхода на пенсию по умственной инвалидности.

— Некоторых людей смущает, что Вы в лекциях порой переходите на уличный сленг...

— Это неправда. «Уличный сленг» — это мат, а вот именно этого вы от меня никогда не услышите. Я могу употребить слова не из уличного сленга, а из университетско-студенческого лексикона. Впрочем, лексикон разных социальных групп я могу использовать — когда и если передаю чужую речь, в цитате. И я всегда интонационно это подчеркиваю, что вот сейчас «играю», передаю ход мыслей и речь не свою, а некоего «персонажа из жизни».

От себя же я могу озвучивать лишь свой родной, студенческий лексикон. Есть, например, сложнейшая проблема взаимоотношений «малых» и «больших» народов, в частности, проблема русско-еврейских отношений. И в попытке пояснить еврейским олигархам и журналистам, что безопас-

ность еврейской диаспоры в России зависит от того, насколько тепло, неоскорбленно, неограбленно будут чувствовать себя русские люди в своей стране, я могу сказать так: «Когда Гулливера “колбасило”, лилипутов “плющило”».

Но при этом, если нужно, я предупреждаю слушателей: «У меня есть право говорить так. У вас – нет. Вы сначала овладейте литературным русским языком, классическими нормами речи, а потом уже можно будет позволить себе диалектизмы. Десятиклассник не имеет права на “авторскую пунктуацию”. Солженицын – имеет такое право. Вот так и здесь. Я владею русским языком во всем разнообразии его стилей – от церковнославянского до студенческого. Поэтому и могу на минутку отступить в сторону от стандарта МХАТ. Вот когда вы, дорогие мои студенты, будете в состоянии так же варьировать свои языковые средства, тогда при необходимости сможете идти моим путем. А пока – учите правила!».

Мои критики просто плохо знают историю Церкви. Ну скажите, может ли священнослужитель сказать: «Теперь кейфую»? К лицу ли это монаху? А епископу? А святому? А между тем сказал так святитель Феофан Затворник*.

Однако, если и в самом деле кто-то смущен моими лекциями – у таких людей я прошу прощения. Прошу прощения, понимания, терпения и молитв.

– Если уж высказывать претензии к Вам, то среди них будет и то, что порой в Ваших лекциях перебираются довольно откровенные сексуальные сюжеты...

– Да уж... Боюсь, придется сказать, что у тех, кто с моих лекций выносит только это, у самих проблемы в этой

* См.: *Святитель Феофан Затворник.* Собрание писем: Из неопубликованного. С. 404, 407. Другой пример употребления этого словечка: «Большая часть батюшек, правду сказать, любят покейфовать и пожить на безделье, обмахиваясь веером» (*Святитель Николай Японский.* Запись в дневнике от 07.07 1903 г. // Дневники святого Николая Японского. С. 271).

сфере. На самом деле сексуальная тематика звучит у меня опять же только в цитатах. Если я пересказываю языческие мифы, которые активно используют сексуальный язык, то зачем же я буду смягчать их звучание? Современный человек слишком оглушен неоязыческой пропагандой. Подлинных языческих мифов он не знает, ибо знаком с ними по купированным изложениям Николая Куна. И пока ему не покажешь реальную «гнусь» язычества, он все твердит, что язычество – это «близость с природой», а вот христианское отторжение от язычества – это фанатизм.

Что ж – приходится дать людям «понюхать языческие портянки».

О язычестве я считаю необходимым рассказывать побольше правды. Если эта правда гадка и пошла – это не мой грех. Слишком любят сегодня «интеллигентные люди» повздыхать о том, что было, мол, светлое язычество, проповедовавшее близость к природе, и было оно таким экологичным и эзотерическим, а вот потом появилось это страшное, изуверское и аскетическое христианство... Вот тут очень даже нужно напоминать людям языческие мифы не в их пересказе для детей, а в их реальном обличье: с развратом и мастурбациями, кастрациями и расчленениями трупов, с содомией и каннибализмом...

Поступая так, я следую примеру Отцов (посмотрите «Панарион» святителя Епифания Кипрского[14] и «О Граде Божием» блаженного Августина). Говоря о брачной жизни, «Августин не избегает подробностей, чуждых обычаям современной церковной кафедры и печати, но, очевидно, не казавшихся странными в то время и тому населению, для которого писал Августин»[15]. В дореволюционных изданиях святых Отцов нередко перевод прерывался, и какая-то часть текста воспроизводилась на языке оригинала – по-гречески или по-латыни – безо всякого перевода. Так от

случайного взгляда прятали подробности древних упоминаний о человеческой физиологии. Сегодня «обычаи печати» снова изменились. Поэтому я считаю, что вполне можно вернуться к языку Отцов.

И я буду это делать и впредь — ибо отвратить людей от язычества мне представляется более важным, нежели соблюсти благочестивую девственность слуха. Если отвращение к язычеству мои критики переносят на того, кто обличает эти языческие гнусности*,— значит, что-то ненормально с логикой у самих критиков. И не надо мне показывать слова апостола Павла о том, что *блуд и всякая нечистота и любостяжание не должны даже именоваться у вас* (Еф. 5, 3). Апостол пишет о правилах внутрихристианской жизни и речи (*у вас*), а мне приходится обращаться к тем, которые отнюдь еще не являются «нашими». Впрочем, если «Русь Православная» действительно желает, чтобы уши слушателей «не осквернялись всякой гадостью», то пусть выступит против распространения в церковных лавках совершенно патологических брошюрок вроде «Лекарства от греха».

— А порой церковных людей смущает то, что в Ваших книгах и лекциях обильно цитируются не только святые Отцы, но и совершенно светские авторы...

— Факт то, что светские источники мною цитируются. Факт то, что кого-то это смущает. Но вина здесь на тех, кто смущается. Они слишком настроили себя на тотальную подозрительность и тотальное осуждение. Духовно

* «Вообще весьма показательно, что в ходе своих лекций Кураев любит поговорить о сексе, осквернить уши слушателей всякой гадостью, не думая о том, что его лекции могут слушать и дети. С большим удовольствием он рассказывает о греческих божках-бесах, об их рождении, и кто из них с кем блудил, и как именно это происходило. И даже удивляется, что слушатели этого не знают!» (*Дудник Ю.* Профессорские побасенки: Слово против лжеучения диакона Андрея Кураева // Русь Православная. 1998. № 11 [17]).

здравый человек это оценил бы иначе. Например, так, как священномученик Иларион (Троицкий): «В сочинении автора буквально рядом стоят преподобный Иоанн Лествичник с В. В. Розановым, преподобный Симеон Новый Богослов и блаженный Августин с <Дмитрием> Мережковским. Он равно пользуется и житиями святых, и стихами поэтов, и беллетристическими произведениями, и даже рисунками юмористических журналов. Пред нами ярко выраженный тип духовного человека, всегда и всюду неразлучного с богословскими вопросами и интересами. Это тип — увы! — редкий даже и в духовной школе и тем более, конечно, ценный»*.

— О. Андрей, за Вами закрепилась репутация миссионера нового времени — необычный стиль, смелость мысли, контакты с рокерами. Эта новизна раздражает некоторую часть, так сказать, консервативного духовенства. Иной раз Вас называют «попсой российского Православия», иной раз «рационалистом», «ревизионистом» и «еретиком»...

— «Еретиком» меня называют газеты вроде «Русского вестника», редактор которого в былые времена трудился в идеологическом отделе ЦК, а теперь почему-то решил говорить от лица Православной Церкви. Всерьез к этому относиться не стоит. Достаточно зайти в книжный магазинчик при редакции «Русского вестника», чтобы убедиться в том, что чистота Православия этим людям: а) неизвестна; б) их не заботит. У них натерта и зудит националистическая мозоль. Между «русским язычеством» и «русским Православием» для них нет различия. Рекламно-языческие издания представлены у них в весьма разнообразном ассортименте. Более обильны в этом магазине разве что газетки и брошюрки

* *Священномученик Иларион (Троицкий).* Отзыв на сочинение Козырева // Богословский вестник. М., 1915. С. 326.

с руганью в адрес Русской Православной Церкви (от имени всевозможных самостийных «катакомбников»).

Уровень их знакомства с Православием, которое они якобы защищают от моих «ересей», хорошо виден из статьи в «Русском вестнике», вышедшей в марте 2004 г.: «Далее о. диакон долго говорит о разногласиях православных и католиков, которых, якобы, вовсе и нет. И апофеозом его лекции прозвучала фраза: “По сути, все мы с вами являемся православными католиками” (!!!). Эта фраза-слоган прозвучала в самом конце – значит, и студенты, и слушатели “Радонежа” запомнят ее крепко-накрепко. Оставляю сие без комментария и анализа»*.

А зря псевдобогословы из «Русского вестника» отказались от анализа. Я всего лишь напомнил официальное название нашей Церкви в XIX в.: «Российская Греко-Кафолическая Православная Церковь». Катехизис святителя Филарета Московского, который изучают в любой церковно-приходской школе, называется «Пространный христианский катихизис Православныя Кафолическия Восточныя Церкве». И там мы читаем:

– *Вопрос.* Какое важное преимущество имеет Кафолическая Церковь?

– *Ответ:* Ей собственно принадлежат высокие обетования, что *врата адовы не одолеют ей* <Мф. 16, 18>**.

Что означает слово «кафолический» (в другой транскрипции: «католический»)? Вселенский, повсеместный, соборный. Да, мы – католики. Мы – Вселенская Церковь, а не латинские раскольники. Ни один из тех атрибутов Церкви, что перечислены в Символе веры, мы не можем уступить кому-то. Именно Православная Церковь – и Единая,

---

* *Мамонтова Е.* Кто мы? Православные? Католики? // Русский вестник. 2004. Март.

** *Святитель Филарет Московский.* Пространный христианский катихизис Православной Кафолической Восточной Церкви. М., 1845. С. 75.

и Святая, и Кафолическая, и Апостольская. И если какие-нибудь харизматы свой кружок называют «Апостольской церковью», это еще не повод нам самим гнушаться этого нашего славного имени.

Так что полезен, полезен анализ.

«Рационалист и критик» я только при анализе нашей современной церковной жизни. Все, что несет с собою церковное православное Предание,— я приемлю и умом, и сердцем. Просто вот этому голосу Предания я доверяю больше, чем модным листовкам и видениям. Сравнить же свидетельства Предания с новыми феноменами, пробующими проторгнуться в церковную жизнь,— это уже работа рациональная. Сначала, впрочем, все равно это дело вкуса: при знакомстве с очередной новизной прежде рождается вкусовое ощущение — «не то», ну а затем уже это ощущение богослову просто надлежит облечь в аргументы.

«Ревизионист» я по отношению к своему атеистическому прошлому. Те свои взгляды я действительно пересмотрел. Да, мое переживание Православия отличается от переживания традиционно церковных людей. Для меня вера — это обретение, а не наследие. Одно дело: человек из священнической семьи, «потомственный православный», у него где-то даже глаза замылились, ему что-то уже приелось, ему «поскушнело». Я «ревизионист» в том смысле, что до сих пор умею радоваться и умею открывать для себя глубину церковной традиции. До сих пор нахожу что-то новое, неожиданное и радуюсь.

Что касается «попсы» — в этом тоже есть своя правда. «Попса» — то, что популярно. А что — Православие должно быть элитарно, эзотерично?

И разве проповедь приходского батюшки, что-то в сотый раз разжевывающего для бабушек,— не «попса», не упрощение? Почему приспособлять православную проповедь к уровню бабушек считается нормальным, а попытка вести

тот же, по сути, разговор на языке студенчества считается предосудительным?

— Приходится Вам сталкиваться с какими-то предубеждениями православных верующих?

— У каждого свои предубеждения. Кто-то, например, считает, что нельзя улыбаться, когда разговор идет на духовные темы. Смотришь на такого человека во время лекции — и видишь, что в нем происходит тяжкая борьба с самим собой, потому что часть его сознания запрещает смеяться и улыбаться, но в то же время, когда он слышит какой-то интересный аргумент или шутку, остатки человечности пробуют вырваться наружу через коросту псевдоблагочестия. Если же и этого не происходит — что ж, с горечью приходится ставить неутешительный диагноз: «Необратимо воцерковленный человек»... Самое несчастное существо: и к радостной глубине Православия он не прикоснулся, и радость человеческого общения потерял. Приняв Бога (точнее — «идею Бога»), он потом не смог с этим вновь обретенным даром вернуться в мир людей.

Насчет «необратимости». У Владимира Соловьева есть стихотворение «Признание»:

Я был ревнитель правоверия,
И съела бы меня свинья,
Но на границе лицемерия
Поворотил оглобли я.

Душевный опыт и история,
Коль не закроешь ты очей,
Тебя научат, что теория
Не так важна, как жизнь людей,

Что правоверие с безверием
Вспоило то же молоко
И что с холодным лицемерием
Вещать анафемы легко*.

* *Соловьев В.* Стихотворения и шуточные пьесы. Л., 1974. С. 161.

А еще, бывает, приезжаешь куда-нибудь и чувствуешь: глухота, нет у людей желания слушать, думать и реагировать. Похоже, что здесь кто-то из батюшек настолько неудачно начал вести проповедь Православия, что у людей сложилось впечатление, будто Православие — синоним большой скуки. Приходится сламывать и это предубеждение.

— Говорят, что раньше Вы были более независимы в своих суждениях, а сейчас стали ближе к власти.

— В таком упреке сквозит извечная убежденность русской интеллигенции — власть всегда не права. Но прошлый век нас научил, что может быть неправота большая, чем неправота власти: неправота бунта.

— Где у Вас больше недоброжелателей: в среде атеистов, представителей другой веры или среди православных церковников?

— Больнее всего переживать упреки от своих. Как-то в Тюмени ко мне подошел бородач в сапогах и говорит: «Зачем Вы к нам приехали? В Евангелии сказано: *не бойся, малое стадо!* (Лк. 12, 32). Видите, нас, православных должно быть мало. Зачем Вы тут проповедуете?!».

Так что, бывает, мои поездки по епархиям заканчиваются доносами. Именно из церковной среды.

В 1998 г. газета «Русский вестник» уже предлагала меня расстрелять. В № 46–47 они перепечатали статью некоего Николая Алексеева «Перебежчики» (до этого вышедшую в седьмом выпуске альманаха «Антихрист в Москве»; его издает Комитет «За нравственное возрождение Отечества», окормляемый протоиереем Александром Шаргуновым).

Когда-то (в книге «Школьное богословие») я написал, что мы слишком напуганы тревогами «взрослого» мира и за этими тревогами не видим детей. В Москве вышло уже

несколько сборничков под названием «Антихрист в Москве». Но с ними ведь в школьный класс не пойдешь. Туда надо идти с вестью о том, что «Христос в Москве»,— ибо «Христос посреди нас!». Представим, что я пришел в школу и в течение трех недель беседовал с детьми. В результате один слушатель захотел креститься. Пошли. Крестили. На следующий день, когда я приду в класс, для меня возможны два варианта поведения. В первом случае я скажу: «Жидомасоны вы проклятые! Я уже три недели говорю вам о Православии, а только один из вас вырвался из-под влияния гнусного рока и порнографии!»,— а во втором случае: «Посмотрите, какая у этого Ваньки физиономия счастливая. Это — потому, что он вчера крестился. Кстати, эта радость может быть и вашей». Я предпочитаю второй путь. Издатели «Антихриста в Москве» — первый. «Мы — герои Брестской крепости,— говорят они.— Нас со всех сторон окружили враждебные силы, с окон газами травят, под нами подкоп ведут, сверху бомбы бросают...». В общем, быть православным — это здорово, айда все до нашего каземата! И надо сказать, что даже в такой проповеди был бы больший динамизм и было бы больше правды, чем в той проповеди, какая ведется сейчас на страницах православных изданий и в телесюжетах. Все же воинская символика — это тот язык, что близок сердцу мальчишки. На этом языке он сможет понять, что речь идет о чем-то живом и ждущем от него выбора и участия. Но и такая проповедь редко слышна. По большей части язык нашей проповеди еще анемичнее. «Храните веру предков» и «имейте сокрушение сердечное» — в этих призывах так мало может узнать себя молодой человек.

Издатели альманаха «Антихрист в Москве» смысл всей трехсотстраничной книги «Школьное богословие» свели к вышеизложенному одностраничному фрагменту и заявили, что «диакон Андрей Кураев написал целую

книгу "Школьное богословие" якобы о христианском воспитании детей — с тем только, чтобы дезавуировать позицию Комитета и с чувством превосходства (как у того чекиста) небрежно раскритиковать попытки оградить детей от окружающего их растления»*.

У «комитетчика» слишком высокое мнение о своей деятельности. При том, что мне неблизка «духовно-душевная» атмосфера «Комитета», его апокалиптическая моноидейность и мрачная моноэмоциональность, я и не подумал бы писать целую книгу «с тем только, чтобы дезавуировать позицию Комитета».

Разочарую «Комитет». Эти строки были мною написаны еще до создания его структуры. «Комитет» был создан в сентябре 1994 г., а мой текст был опубликован в первом сборнике моих статей «Все ли равно как верить?» (Клин, 1994. С. 26–27), который был подписан в печать еще в марте 1994 г., а вышел в мае. Впервые же эти строки появились на свет вообще в середине 1993 года**. И лишь увидев, что новосозданный «Комитет» поразительно похож на давно мною нарисованный шарж, я вставил упоминание о нем в «Школьное богословие».

Но само «Школьное богословие» я написал вовсе не ради полемики с «Комитетом», а ради устранения тех средостений, что стоят между детьми и Церковью. Если бы прав был Алексеев, написавший, что «убитые души детей не волнуют перебежчика диакона Андрея Кураева»***, то не стал бы я браться за написание такой книги о детях.

Но теперь я убежден, что от этого «Комитета» детей действительно надо охранять.

---

* *Алексеев Н.* Перебежчики // Антихрист в Москве. М., 1998. Вып. 7. С. 148–149.

** См.: *Диакон Андрей Кураев.* Православие без молодежи? // Московские новости. 1993. 2 июля.

*** *Алексеев Н.* Перебежчики. С. 149.

Во-первых, потому, что детей надо защищать от любой истерики и нетрезвости. Разве нормально такое восприятие мира, когда в банальных рекламных щитах (пусть даже рекламирующих грех) видят магию, и ничего, кроме магии: «Эти рекламы имеют чисто мистическое значение — это чистый сатанизм, оккультный колдовской прием... Здесь речь идет уже о потворстве черной магии»*. Ну ладно, сорвалось с языка при выступлении по радио. Но зачем же потом эти запальчивые преувеличения перепечатывать? Неужто каждый грех — это уже «чистый сатанизм» и «черная магия»? Неужели все, приходящие на исповедь для рассказа о своих грехах, должны каяться в «чистом сатанизме» и «черной магии»?

Если к неверующим подросткам, воспитанным на материализме-дарвинизме-консюмеризме, к подросткам, которые на переменках подсовывают друг другу порножурнальчики, прийти и сказать, что они «чистые сатанисты» и «черные маги», то это будет лучшим средством для того, чтобы надолго перекрыть им всякую дорогу к храму...

Во-вторых, детей надо охранять от «Комитета» потому, что он несет в себе такой заряд ненависти, с которым самые страшные голливудские триллеры не сравнятся.

А что еще я могу сказать о людях, которые, по сути, призвали к моему расстрелу? Именно таким выводом кончается статья Алексеева: «Что же можно сказать? Сурово, но справедливо поступал с перебежчиками генерал Туркул»**. А поступал он так: «Чекиста расстреляли без пощады»***.

Напомню — статья «Перебежчики» посвящена именно мне.

---

* *Протоиерей Александр Шаргунов.* Об акции протеста // Антихрист в Москве. М., 1998. Вып. 7. С. 68.

** *Алексеев Н.* Перебежчики. С. 149.

*** Там же. С. 147.

Ну а у борцов против ИНН появилась мода при встречах делиться со мною своей мечтой — как бы они хотели изжарить меня в клетке (так было в коридоре МДА во время заседания Синодальной богословской комиссии по проблеме ИНН в феврале 2001 г., а также при пикетировании «иэнэнистами» епархиального собрания у храма Христа Спасителя в декабре того же года).

А в день моего рождения в 2004 г. в Интернете (и, что более важно,— в праздник Сретения) магаданские «православные» фашисты вернулись к теме моего расстрела: «Кураев в своем амплуа. Теперь этот деятель рассказал всему крещеному миру о пользе "дня святого Валентина". Оказывается, раз традиция уже есть, так пора и молебны служить 14 февраля о здравии "всех влюбленных". А то не знает "умник", что в нормальном церковном календаре 14 февраля никаких "Валентинов" отродясь не бывало... Тьфу! Впрочем, этот м... давно уже в расстрельный список напросился»[16]. Ну, видите, вот опять нехорошее слово процитировал...

Попытки вдуматься, понять, о чем я говорю, у моих «суперцерковных» оппонентов нет. Голое «супервозбужденное» раздражение пропитывает их тексты. Для примера — отзыв «Русского вестника» на мою лекцию про фильм «Матрица».

«После ознакомления с лекцией стало понятно, что далее оттягивать начало разговора нельзя: то, что говорит диакон Кураев, является полнейшей, вопиющей, чрезвычайной... галиматьей. Подчеркиваю, галиматьей является именно то, что говорит автор лекции, а не то, о чем он говорит. Причем галиматья эта, подобно галиматье <Владимира> Жириновского, весьма талантлива и обтекаема. Насыщенная созвучными сведениями из области истории, богословия, культуры, она приковывает к себе внимание, интригует, начинает казаться мировоззренческой концепцией, завоевывает своих "сторонников". Я долго не мог понять, сторонником чего именно можно быть, будучи сторонником того, что говорит диакон

Кураев. Ведь если взять в руки карандаш и абзац за абзацем, строчку за строчкой, слово за словом проанализировать то, что говорит диакон Кураев в своих статьях и лекциях, то обнаружится, что сказанное в целом не имеет ни малейшего смысла. Причем такая совокупная беспредметность складывается из отдельных частей и частичек, которые сами по себе могут быть и содержательными, и актуальными и свидетельствовать о каких-то отдельных аспектах истины. Но, перелопаченные через мясорубку воспаленного сознания диакона Кураева, войдя в состав его проповеднического "фарша", они перестают служить прежним своим идеалам и начинают обслуживать популизм конкретной персоны. И что удивительно, подобное творчество находит своих почитателей! Причем большая их часть – это так называемые новые русские из числа предпринимателей, банковских клерков, деятелей шоу-бизнеса. Все это люди далеко не глупые, способные к самостоятельному добыванию, осмыслению и использованию информации. И вот, поди ж ты, попались, как мухи на липучку»*.

– А какая из Ваших книг более всего критикуется Вашими церковными оппонентами?

– С книгами спорить тяжело – тезисы в них ясно прописаны. Аргументация приведена. Да и проверить легко – правда ли я написал ту глупость, которую мне приписали. Поэтому издания, специализирующиеся на обличении «кураевщины», предпочитают строить свои пиар-кампании на перевирании моих лекций.

К лекциям легче придраться по вполне объективной причине. Лекции для пишущего человека – это всегда черновики. Тут обкатываются, «наговариваются» некоторые темы, сюжеты, аргументы. Затем, по мере начитки определенных тем, они оформляются сначала в статьи, а затем и в книги. Устная речь имеет свои особенности, по сравнению с речью

* *Королев Е.* Антикураевщина // Русский вестник. 2004. № 9.

письменной. В устной речи больше сиюминутности, меньше продуманности. Здесь бывает больше педагогики (надо «держать аудиторию») и меньше логики и источниковедческой корректности. Но людям определенных способностей наполовину сделанную работу не показывают.

Сразу поясню: кассеты с моими лекциями распространяются против моей воли и без моего ведома. Ни гонораров, ни даже авторских экземпляров мне не передают. Тем более не делают необходимой правки при тиражировании лекций. А правка необходима — ибо в устной речи бывают и неточные цитаты, и путаница в датах. Бывает также, что то, что было нужно сказать именно в той аудитории, совсем ни к чему на кассете или в книге.

В моих аудиториях (а бо́льшую часть своих лекций я читаю «на выезде» — вне Москвы) преобладают люди или равнодушные, или даже враждебные по отношению к Православию. Обо мне они, как правило, впервые слышат в день лекции. Кроме того, эти лекции проходят обычно после окончания основных занятий в университете. Студенты уже достаточно выдохлись за день. Суметь еще два часа удержать их внимание — дело совсем не простое. Так что вытаскивать аудиторию надо «из минуса». Предвзятое отношение ко мне (для них я безымянный представитель «этого тоскливого Православия») и к тому, о чем я говорю, надо в течение первого часа переменить на сначала сдержанно-интересующееся, а в конце концов и на согласное.

Совсем иное дело — кассета. Ее покупает человек, который уже заранее заинтересован в беседе на именно эту тему. Это, как правило, не студент. Опять же, как правило, это человек уже православный. Он способен уже к восприятию более твердой духовной пищи. Ему не нужны «разрядки» и «экскурсы в сторону». Поэтому, если бы распространение кассет хоть как-то согласовывалось со мною, я настаивал бы на их серьезнейшей правке. Увы, никакого согласования нет.

— А насколько человек, пришедший на Вашу лекцию, может быть уверен в том, что Вы излагаете действительно точку зрения Православной Церкви?

— Вы сами понимаете, что если я сочту, что мои взгляды — это не взгляды Православной Церкви, и при этом буду делать вид, что говорю от имени Церкви, то я буду подлецом. Для меня очень дорого, что я в Церкви: я к этому стремился, мучительно шел, чтобы войти в Церковь, поэтому ни в малейшей степени не желаю себя Церкви противопоставлять. И естественно, я принимаю все церковное вероучение. Другое дело, что нужно отличать догматические вероопределения от частных богословских суждений, мнений. В последнем случае есть пространство для изучения, ознакомления, понимания и — споров. Здесь могут быть разноречия даже между православными богословами. Такие разноречия всегда были в истории, более того, даже между святыми Отцами бывали недоразумения и дискуссии. Так что, начиная лекцию, я всегда стараюсь разъяснить, когда речь идет о церковной позиции, а когда ставится вопрос, по которому нет общецерковного суждения. Тогда я говорю: «Моя позиция вот такая, но это моя позиция, у других священников она может быть по этому вопросу другая».

И потому и журналистов, и семинаристов я прошу: «Братья, простите, понимаю, что вас уже достали призывами к аскетике, воздержанию и так далее, но я присоединяю свой голос к голосу ваших священников и прошу вас: “Будьте воздержанны на язык”. Хотя я понимаю, что это звучит отчасти смешно — диакон Кураев призывает к воздержанности, а у самого язык без костей,— но тем не менее я благочестиво прошу вас: “Братья, «фильтруйте базар»”! И как можно реже в своей речи позволяйте себе начинать фразу с вводного предложения: “Как учит Церковь”, “По мнению Церкви”».

Я имею право начать так фразу только в том случае, если дальше последует цитата из Символа веры. Вот тогда я имею право сказать: «По учению Церкви, есть Единый Бог Отец, Творец неба и земли, всего видимого и невидимого мира». В остальных случаях лучше поосторожничать и не выдавать свое мнение за мнение всей Церкви. Скажем, когда меня спрашивают: «Что Церковь думает о Гарри Поттере?»,— то на это я могу ответить только: «Да много чести для Гарри Поттера, чтобы Церковь о нем что-либо думала». От имени Церкви может сказать только собор. Но я как-то не могу представить себе собора, в повестке дня которого под пунктом 15, например, значилось бы: «Выработка отношения к Гарри Поттеру».

И все же я не думаю, что Церковь не одобряет мою работу. Об отношении Церкви ко мне можно судить по судьбе моих книг. За десять лет тираж моих книг уже перевалил за семьсот тысяч. В связи с этим у меня есть чувство некоторой вины перед моими однокурсниками по университету, среди которых есть люди очень яркие, талантливые. Но я смотрю, как им живется и как живется мне. Мне, конечно, живется гораздо лучше. У меня есть та возможность, о которой мечтает любой интеллигент. Это — возможность говорить с людьми. То, что я пишу, востребуется, издается, распространяется. А те книги, что пишут в Институте философии Академии наук и на философском факультете МГУ, или не издаются, или издаются мизерным тиражом в 500 экземпляров, так что, по сути, автор сам их и покупает, а потом раздаривает. Мое преимущество в том, что за моей спиной стоит мощная система епархий, приходов, монастырей со своей сетью книготорговли. По сути дела, сегодня только религиозные организации имеют общероссийскую сеть распространения литературы. Даже научная литература по стране почти не распространяется. Так вот,

если бы отношение ко мне Православной Церкви было плохим, мои книги не издавались бы и не распространялись. Это первое.

Тут, кстати, вообще есть две крайности. Одни мои критики считают, что я какой-то диссидент внутри Церкви и мои книги не представляют церковной позиции. Другие же мои критики, напротив, полагают, будто моя работа носит «заказной» характер. Они пишут, что «книги диакона Кураева щедрейше финансируются РПЦ МП»*. На деле и то и другое неверно: я не официальный журналист, но и не диссидент. Многие издательства – как светские, так и церковные – готовы издавать мои книги, но прежде всего потому, что это приносит им прибыль. Книги интересны и нужны людям; они не содержат оппонирования Патриархии – поэтому церковные структуры и не сторонятся от соучастия в их издании и распространении.

Второе. Почти половина моей жизни проходит в поездках. И по большей части приглашают именно приходы и епархии. Для меня как раз это источник радостного ощущения – я в Церкви, я вместе с нею и ради нее.

И третье: я же чувствую, что от многих и многих неприятностей меня хранят молитвы тех людей, что по всей России поминают меня. Я живу, не по грехам моим, хорошо – и это по их молитвам.

Не буду скрывать: не всегда все духовенство одобряет мои суждения. Бывает и несогласие, и полемика. Более того – иногда (не по вопросам вероучительным, естественно) моя позиция оказывается отличной от позиции большинства.

---

* *Ильницкий С.* Необъявленная война против свободы общественной жизни // Актуальные проблемы сохранения и защиты наследия Рерихов в историческом контексте: Материалы Международного общественно-научного симпозиума. М., 2003. С. 186.

Меня это не слишком смущает. Я себя ощущаю как исполнитель в большом симфоническом оркестре. У меня не самый громкий и не самый главный инструмент. Но и он нужен. Более того — если бы звучал только мой инструмент, то музыка вышла бы невыносимой, и симфония была бы загублена. А если бы мой инструмент замолчал — симфония вышла бы малость беднее, лишенной некоего привкуса. А так — я знаю, что есть издания и проповедники, которые говорят иначе. Иначе — не всегда означает «неверно». Просто и там и там есть своя пастырская, миссионерская правда или нужда.

В общем, я считаю, что наша Церковь достаточно сильна и стабильна, чтобы позволить себе терпеть таких маргиналов, как священник Иоанн Охлобыстин или диакон Андрей Кураев. Сигналом тревоги, повторюсь, будет служить появление «секты кураевцев». Пока я не слышал о возникновении кураевской секты, и это меня радует. Значит, люди через мои лекции, мои книжки приходят не ко мне, а к Богу.

— Почему в Святогорском монастыре Донецкой области не разрешают продавать Ваши книги?

— Святогорский монастырь противопоставил свою позицию позиции Патриарха, Синода по вопросу о новых паспортах, налоговых номерах и так далее. Что же касается книг, то запретить легко, а вот аргументировать — труднее. Как-то у меня была возможность увидеть в деле наместника этого монастыря. Этот батюшка, явно не отягощенный академическим образованием, вдруг встал и заявил: «Да я всех святых Отцов прочитал — там нет того, что Вы говорите!». Уверяю Вас, ни один профессор богословия не прочитал всех святых Отцов. (Еще дальше от этой цели отстоят наместники монастырей.) Хотя бы по той причине, что огромная часть текстов святых Отцов не переведена на русский язык... В общем, его реплика была встречена дружным хохотом священнической аудитории (это было на епархиальном собрании Донецкой епархии).

— Вы молитесь перед началом Ваших бесед?

— Да, перед входом в аудиторию. При этом я не столько произношу традиционные молитвы по Молитвослову, сколько просто говорю: «Господи, Ты знаешь, зачем Ты меня сюда привел, помоги мне». И действительно, я чувствую, что Господь мне помогает. И помогает не потому, что я такой хороший, а просто потому, что это нужно другим людям. И любой священник подтвердит, что очень часто Господь дает силы и слова через священника ради человека, который к нему обращается. И даже невзирая на грехи самого проповедника*.

— Скажите, по Вашему личному опыту, кому подобные встречи важнее: Церкви или людям?

— Они необходимы всем. Церкви — для того, чтобы в этом диалоге слышать собеседника и самой в ходе беседы уточнять свое понимание тех или иных проблем. Верующим людям они помогают осознать и защитить свою веру. Неверующим же людям такие встречи помогают противостоять деятельности сект.

— Вы часто говорите о красоте Православия, любовь к которому у Вас очень глубокая и за которое Вы так мужественно стоите. Если все же открыть, за что Вы его любите?

— Я в Церкви не потому, что умные книжки прочитал, а потому, что встретил людей, в которых Православие живо и из которых свет Христов струится. Я православный потому, что есть старцы. Все книжные аргументы в пользу Православия совершенно недостаточны для того, чтобы войти в Православие, принять его, жить им. Я бы ни одного дня не остался в Православии, если бы меня удерживали в нем только какие-то знания: богословские, философские,

---

* «Не думай, заслуг у тебя особых нет, ни силы, ни мудрости. Но ты избран, значит, не о чем говорить, придется обходиться теми силами, сердцем и разумом, которыми располагаешь» (*Толкиен Д.* Властелин колец. СПб., 1992. Ч. 1: Братство кольца. С. 77).

историко-религиозные. Но, милостью Божией, я встречал Православие в жизни, встречал людей (может быть, не более десяти за все эти двадцать лет жизни в Церкви), с которыми можно было *ни о чем не говорить.*

Старец — это человек, с которым можно молчать. Очень часто, мне кажется, люди этого не понимают, принимая старцев за каких-то оракулов. И едут к старцу для того, чтобы тот подтвердил мнение, которое и так есть у человека,— подтвердил *мою* правоту. Или о каких-то бытовых вопросах у старца спрашивают. А ведь в старце важно не то, *что* он скажет о будущем и даже обо мне. В нем важно то, *что* он есть. Важно качество его бытия.

В старцах есть святая очевидность, в их присутствии умирают вопросы. Поэтому общению с подлинным старцем не может помешать и языковой барьер. Так, в Румынии, когда я еще не знал румынского языка, я познакомился с о. Клеопой, человеком, подобным, наверное, о. Кириллу (Павлову), а внешне, может быть, даже больше похожим на о. Иоанна (Крестьянкина). Рядом с ним было просто хорошо сидеть. Тишина и мир внутри. Он исповедовал и время от времени выходил к народу, беседовал, отвечал на вопросы. Меня удивило, что еще тогда, еще в 80-е гг., он говорил против сект. А потом он даже написал специальную книжку против сект.

Первая же моя встреча со старцем была удивительной. Это были очень тяжелые дни в моей жизни, когда я учился в аспирантуре в Институте философии, уже несколько лет мечтая о поступлении в семинарию. Я дерзнул сказать об этом своему духовнику, и тот стал объяснять мне трудность церковного служения, из чего я понял, что он меня не благословляет на это. Жизнь для меня потеряла смысл...

Но однажды после Литургии в Лавре один мой друг-семинарист показывает на пожилого человека в светском пиджачке и говорит: «Смотри, у этого старичка глаза прозорли-

вые». Я смотрю: красные, как будто налитые кровью, глаза, ничего прозорливого я в них не разглядел, да и что я мог тогда в этом понимать?.. Часа через два, возвращаясь в Москву, я увидел этого старичка в вагоне электрички. С нами ехали подвыпившие ребята, которые стали приставать к старику-паломнику. А он стал отшучиваться:

– Ой, ребятки, да что уж, вы молодые, вам видней, а я уж как-нибудь так доживу. Вы меня не трогайте.

Они спрашивают:

– А как зовут-то тебя, дед?

– Да Сережка меня зовут,– отвечает.– Ребятки, вы поспите, ничего, я сам уж доеду...

И действительно, минут через десять они засыпают. И тут вдруг старичок поворачивается ко мне, причем мгновенно происходит перемена лица, и спрашивает:

– А тебя как зовут?

Я говорю:

– Меня Андреем зовут.

Он говорит:

– А ты, Андрюш, не беспокойся, в семинарию ты поступишь.

В разговоре выяснилось, что старичок этот – иеросхимонах Сергий, подвизавшийся в Почаевской лавре в те годы, когда ее пытались разогнать, то есть много лет назад. Я спросил батюшку, давно ли он странничает. Он говорит: «Нет, недавно, семнадцать лет». А мне самому тогда было лишь двадцать два года.

Так он и странничал, от храма к храму, от монастырька к монастырьку. И на прощанье он сказал мне: «Не переживай. Я за тебя помолюсь. Наша монашеская молитва крепкая, до Бога доходит». После этого я как на крыльях лечу к себе. Обратился к батюшке с рассказом обо всем этом. И мой духовник сказал: «Да что ты, я просто не понимал, насколько это для тебя серьезно, а так, конечно же, поступай в семинарию, с Богом...».

Одним из критериев, по которому можно определить, истинный это старец или он только мнит себя таковым (или люди его таковым считают),— одним из таких критериев является то, что у подлинного духовника нет заранее заготовленных ответов, нет схем для всех случаев жизни. Я знаю по себе и по своим друзьям, что даже на одни и те же вопросы – и теоретические, и совершенно конкретные – о. Кирилл (Павлов) разным людям говорит разное. И это ни в коем случае не приспособленчество, не какая-то политика, когда в каждой аудитории говорят то, что здесь желают слышать. Это и не психология, не всматривание в человека. Старец всматривается в себя, в свою молитву, и уже оттуда черпает, что надлежит сказать этому человеку на его вопрос. Ответы разным людям потому и бывают разные, что *разный замысел* у Бога о разных людях. Если же вы видите, что некий священник всех подряд посылает, скажем, в монастырь или, напротив, всех подряд уговаривает жениться, значит, у этого человека есть некая схема, которую он налагает на людей.

— О. Андрей, Вы одновременно являетесь профессиональным философом и профессиональным богословом. Чем, по-Вашему, философия отличается от теологии и что общего между ними?

— В отличие от философа, богослов знает, у Кого спрашивать. Там, где философ один на один со своими мыслями и загадками, богослову есть Кому молиться и Кого вопрошать.

— Так есть вопросы, на которые и Вы не знаете ответа?

— Конечно. Вот только небольшой их перечень:

Куда подевался мальчик, которым я был когда-то?
Скажите, долгая старость – награда или расплата?
Где умирают птицы? Сколько лет сентябрю?
Понимает ли море то, что я говорю?

О чем молодая листва поет весеннему бризу?
Откуда является смерть – сверху или же снизу?
<...>
Сколько листьев, чтоб выжить, платят зиме деревья?*.

— А есть вопросы, которые Вам не нравятся?

– Я не люблю вопросы обо мне самом. Лучше поговорить о православной вере, чем о том, как я пришел к ней. Кстати, это интервью я специально даю ради того, чтобы интересующихся мною лично отсылать к этой статеечке и тем самым экономить время на лекциях для разговора о более важных предметах. Я бы и дальше отмалчивался на эту тему, если бы вокруг моей биографии не начали возникать самые странные мифы и клеветы. Так что лучше, чем каждый раз тратить время на рассказы и объяснения, самому все же рассказать о себе.

Господ журналистов я прошу учесть, что они не дождутся от меня ответов на два своих традиционно-диких вопроса: «Расскажите о целях Вашего приезда в наш город» (как будто я приезжаю для того, чтобы местного пива попить!) и «Что Вы пожелаете в конце нашим читателям?».

Еще мне не нравятся вопросы типа: «Расскажите о Ваших впечатлениях о нашем городе». Во-первых, этот вопрос неприличен, потому что он не оставляет собеседнику пространства для выбора; стандарты вежливости требуют выдать ответ в стиле: «Как тут все здорово!». Во-вторых, этот вопрос выдает безнадежный непрофессионализм интервьюера (ибо означает, что он больше не знает, о чем спросить, то есть пришел на работу, будучи «не в теме»). В-третьих, он обнажает и его, столь же безнадежный, комплекс провинциала, считающего себя именно таковым – мол, человек из Москвы (Парижа, Лондона...), а наш «Урюпинск» ему понравился!

---

* На последний вопрос Хоакин Мурьета , герой поэмы Пабло Неруды, отвечает: «Мне бы только, чтоб дети не погибали во чреве...» (см.: http://libretto.musicals.ru/text.php?textid=163&language=2).

А главное — у меня просто нет сил и времени, чтобы систематизировать свои впечатления. При моем объеме работы на выезде я могу работать только «на выход»; входящая информация почти не усваивается. Да и что я вижу в других городах, кроме одних и тех же залов и «Дворцов культуры»! Чаще всего не остается времени даже для того, чтобы поклониться местным святыням.

Но еще больше я не люблю вопросы в стиле: «А как Вы относитесь к...». Слишком часто их задают только для того, чтобы записать меня в какую-то партию. Это не вопрос, а допрос. Это своего рода «экзамен на лояльность» той партии, с которой себя отождествляет вопрошающий.

Для примера: получает некая газета письмо от читателя. Читатель говорит, что, желая вступить в «Черную сотню», он «пошел за благословением в местный храм и услышал от своего духовника, что сначала-де нужно самим воцерковиться, начать вести праведный образ жизни, а потом уже спасать Россию и других к этому призывать». Очень верные слова: прежде чем воспитывать в себе ненависть к тому, кого ты сочтешь «недругом России», надо привить себя к любви Христовой. Но даже если бы духовник сказал своему духовному сыну нечто не столь очевидное — не дело газеты опровергать совет духовника. Один из принципов церковной этики состоит в том, что нельзя критиковать духовного отца и его советы в присутствии его духовного чада. Совсем иначе мыслит «Черная сотня». Вопрошающий получает ответ: «Наше время смутное, и среди духовенства встречаются время от времени обновленцы, экуменисты и прочие еретики. Отличить еретика от православного не всегда бывает просто, но есть своеобразный “тест”, по которому можно с большой долей вероятности отличить одного от другого. Давай перечислим вопросы из этого “теста”. Спроси священника — как он относится: к экуменизму, католицизму, протестантизму; к событиям августа 1991 г. и октября 1993 г.; к демократическим средствам массовой информации; к демо-

кратическим выборам; к Ельцину и его режиму; к самодержавной форме правления; к обновленчеству и А. Меню; к переходу на "новый стиль"; к церковному служению на русском, а не церковнославянском языке; к иудаизму и иудеям; к патриотическому движению вообще и к "Черной сотне" в частности. Ответы на эти ключевые идеологические вопросы практически с абсолютной точностью дадут тебе ответ: еретик перед тобой или православный священник»*.

И духовного сына подстрекают к тому, чтобы задать подобные вопросы своему духовному отцу! Хамство это, а не борьба за Православие. Диссидентский модернизм, а никак не традиционализм стоит за этим «тестом».

И хотя автор этого теста — Александр Штильмарк — прихожанин храма, где я служу (и очень хороший и светлый прихожанин; человек с добрыми, а не злыми или колючими, унылыми глазами), все же при всем моем добром человеческом отношении к нему я не могу счесть этот его «совет» умным или даже просто церковным.

В древности все как-то было яснее. «Предел Православия есть чисто ведать два догмата веры — Троицу и Двоицу: Троицу неслиянно и нераздельно созерцать и ведать, Двоицу — два естества во Христе в едином Лице... исповедать»**. Сегодня критерии, по которым люди готовы различать Православие и ересь, весьма сместились.

«Вопрос 707. Если кто скажет, чтобы я проклял Нестория и подобных ему еретиков, проклясть ли мне их или нет?

Ответ. Что Несторий и бывшие после него еретики находятся под анафемою — это очевидно, но ты отнюдь не дерзай проклинать кого-нибудь, потому что считающий

* *Штильмарк А.* Церковь и черносотенцы: Письмо соратнику Николаю Ведерникову // Черная сотня: Православная патриотическая газета. М., 1998. № 1. Спецвыпуск.

** *Преподобный Григорий Синаит.* Главы о заповедях и догматах (26) // Добротолюбие. М., 1900. Т. 5. С. 185.

себя грешным должен оплакивать грехи свои и более ничего; но не надобно осуждать и проклинать кого-либо...

Вопрос 708. А кто отсюда заключит, что и я мудрствую так же, как они <еретики>, что сказать тому?

Ответ. Скажи ему: "Хотя и очевидно, что еретики достойны проклятия, но я сам грешнее всякого человека и боюсь, как бы, осуждая другого, не осудить самого себя" <...>

Вопрос 709. Если же я не знаю, действительно ли еретик тот, которого он просит меня предать проклятию, то как поступить мне?

Ответ. Скажи ему: "Брат! Я не знаю, как мудрствует тот, о ком ты говоришь; проклинать же того, кого я не знаю, как кажется, послужит мне в осуждение. Говорю тебе, что другой веры, кроме (преданной) от 318 святых Отцов <Первого Вселенского Собора>, я не знаю, и, кто мудрствует иначе, нежели она научает, тот сам себя предал анафеме"»*.

Сегодня же если миссионер говорит только о главном — о Христе, то «партийными православными» это воспринимается как злостное уклонение от партийного «равнения», как маскировка позиции «молчальника». И позиция эта наверняка является совсем неправославной, «не нашей», раз он о ней не говорит,— ведь этот миссионер, говоря о Евангелии, не высказывается на ту тему, что интересует всех истинно-православных ревнителей. Представьте — в то время, когда «остро стоит на повестке дня проблема...», он совсем не говорит о ней, а полемизирует с какими-то «свидетелями Иеговы» и доказывает им Божественность Христа вместо того, чтобы принципиально потребовать от Патриархии канонизации N.

Интернетовский сервер издателей «Руси Православной» откровенно предупреждает: «Мы не предлагаем посетителям нашего сервера материалов по Священному Писанию,

* *Преподобные Варсонофий Великий и Иоанн.* Руководство к духовной жизни, в ответах на вопрошения учеников. М., 2005. С. 658–659.

житиям святых, катехизису, истории Церкви». Что же это за «православная Русь», забывшая о Евангелии и редуцировавшая Православие к бесконечным перепалкам! Как с очаровательной откровенностью и наивностью выразилась писательница, близкая по духу «Руси Православной», «миссия нашего Отечества – удерживать юлианский календарь»*. Не мала ли «русская идея»? Неужели это и есть тот уникальный вклад России в мировую культуру, историю и религиозную жизнь, о котором мечтали славянофилы и Достоевский?

Но свой круг интересов околоцерковные газетчики считают нормативным для Православия. И тех, кто этим кругом не ограничивается, пробуют вытолкать из Церкви.

– Мне довелось присутствовать на Ваших лекциях. И оба раза у меня такое впечатление, что на лекциях я узнал больше, чем из Ваших книг. Сколько из задуманных книг Вы уже издали, а сколько еще ждут своего часа?

– Если считать формально, то вышло у меня тридцать пять книг и брошюр. Но как их считать, я и сам не знаю. Вот в 1997 г. у меня вышла книга под названием «О нашем поражении». В ней было сорок страничек. В 1999 г. вышла книга с таким же названием. То, что было за два года до того целой брошюркой, здесь оказалось лишь первой главой. Всего же в книге стало 540 страниц. В 2003 г. вышла новая переработка той же книги с тем же названием – «Христианство на пределе истории: О нашем поражении». Теперь в книге уже 840 страниц. И при том 140 страниц из издания 1999 г. не вошли в издание 2003 года...

Как это считать – три разные книги или одна?

Или обратный пример: в 1997 г. у меня вышла книга «Если Бог есть любовь». В ней было 120 страниц. Она полностью вошла в состав моей книги «Дары и анафемы» (в последнем издании это 540 страниц). Так две это книги или одна?

---

* *Ильинская А.* Матушки земли Российской. С. 141.

Я поэтому осторожно говорю, что у меня вышло двадцать книг.

— Когда Вы успеваете писать так много книг и статей?

— А я и не успеваю. Поэтому и приходится все время к ним возвращаться и переделывать.

Так получилось, что я начал писать и публиковаться раньше, чем сам это предполагал, и раньше, чем был готов к этому. Слишком резкий поворот произошел в религиозной жизни России в начале 90-х гг., и слишком медленно реагировали на происходящие перемены церковные издания и церковные писатели. На себе я убедился в истинности наблюдения, утверждающего, что каждый пишет ту книгу, которую хотел бы просто прочитать. Отсутствие современных апологетических публикаций, с одной стороны, и невероятное количество лжи о Православии, с другой — понудили меня взяться за перо.

К обычной, давно привычной и тогда еще не стихнувшей атеистической антиправославной полемике в те годы прибавились новые голоса: и сторонников «общечеловеческих ценностей», полагающих, будто именно православные монахи мешают им стать банкирами, и быстро набирающих силу оккультных пропагандистов, и новых русских протестантов, в одночасье воспитанных иностранными миссионерами.

Со стороны церковных публицистов и богословов старшего поколения не было слышно публичных ответов на эти нападки на Православие. И тогда я вспомнил слова Антона Чехова: «Есть большие собаки, и есть маленькие собаки, но маленькие не должны смущаться существованием больших: все обязаны лаять — и лаять тем голосом, какой Господь Бог дал»*.

Мои статьи начали появляться в газетах, затем в журналах, наконец они стали собираться в книги. Те отклики, которые мне доводилось слышать, показывали, что,

---

* Цит. по: *Бунин И.* Чехов // Собр. соч.: В 5 т. М., 1956. Т. 5. С. 267.

несмотря на все несовершенство этих книг, они все же приносили пользу. Их тиражи и допечатки быстро разошлись. Но когда вновь стали поступать предложения о переиздании, оказалось, что просто так это сделать уже невозможно. Тексты нужно слишком серьезно менять. Я отказываюсь признать эти книги «своими», то есть выражающими мое сегодняшнее отношение к обсуждаемым в них проблемам.

В Московской духовной академии моим любимым преподавателем был профессор Алексей Осипов. Человек глубоко православный и потому наделенный удивительной внутренней свободой, он не прочь иронично отнестись к самому себе и к своему профессорскому достоинству. Чтобы не прилагать к нему слишком обязывающее слово «юродство», я скажу иначе: порой он не прочь поступить так, как не позволяют поступать нормы православного этикета. Так вот, однажды на перемене я подошел к Алексею Ильичу с вопросом по поводу одного из тезисов его учебника «Основное богословие». Мой вопрос, однако, был встречен совершенно неожиданно: «А почему Вы с этим вопросом обратились именно ко мне?».— «Ну как же,— говорю,— Алексей Ильич, это же Ваш учебник!».— «Помилуйте, да с чего Вы это взяли?». Ошеломленно показываю ему титульный лист: «Да вот здесь же написано!».— «Ну нет, извините, здесь как раз написано, что автор совсем другой человек».— «Как так?».— «Читайте внимательно: видите, как написано: “Доцент А. И. Осипов”. А я кто? Профессор А. И. Осипов. Так что это не мой учебник».

Вот так и я чувствую, что мои первые книги не вполне мои. А потому время от времени я занимаюсь уничтожением своих старых черновиков, точнее — переработкой прежде вышедших книг. В переизданиях многое заново написано на те же темы, которым были посвящены первые книги, но при этом, естественно, сохраняются те места прежних книг, которые в моих глазах все еще выглядит как более-менее приемлемые.

И конечно, обилие лекционных поездок мешает писательской работе. В последние восемь лет у меня хватает сил только перерабатывать уже вышедшие книги. Вообще же хотелось бы еще шесть-семь книг написать. Материал для них есть.

— Вы не очень жалуете прессу, а между тем сами предпочитаете называть себя не богословом, не профессором и так далее, а церковным журналистом.

— Тут действительно есть некоторое расхождение между официальным титулом и внутренним самоощущением. Ну какой я в самом деле «профессор богословия»! В дореволюционную духовную академию меня и студентом бы не приняли, не то что профессором! Я бы прежде всего на языках завалился... Но уж если есть сегодня богословские высшие учебные заведения — кто-то должен быть в них и профессором. «Какое время на дворе — таков мессия» (*Андрей Вознесенский*).

Впрочем, тут можно отметить одну уникальность нашего времени: впервые в истории нашей Церкви миссионерская работа ведется профессорами богословия. Даже в предреволюционные годы слышны были жалобы миссионеров, что «профессора наших духовных академий совершенно игнорируют святое дело нашей миссии, гибель душ православного народа для них безразлична, почему профессорских трудов по сектоведению у нас никогда не было, нет, и не знаю, скоро ли будут. Лишь изредка, как бы мимоходом, они критикуют наши миссионерские литературные труды... но самостоятельных серьезных научных работ по вопросам миссии они до сих пор не дали и не дают; и миссионеры в этом отношении совершенно одиноки»*.

---

*Священный Собор Православной Российской Церкви 1917–1918 годов: Обзор деяний. Вторая сессия. М., 2001. С. 401 (слова Михаила Кальнева).

Сегодня ситуация действительно уникальна: есть группа профессоров богословия, которые готовы отрываться от академических библиотек и византологических штудий и идти к людям, идти в аудитории и к людям, весьма далеким от профессионально-богословских традиций. Идет ли это на пользу или во вред их собственно научной работе? По крайней мере по себе могу сказать, что, конечно, во вред. Но людям-то польза есть. Значит, надо работать именно так: зная достаточно для преподавания в духовной школе, все же идти в школу обычную; имея знаний больше, чем у журналиста, работать все же именно в журналистике.

Я действительно – церковный журналист. И так как изнутри вижу, как делается журналистика, у меня есть ряд уже порядком укоренившихся претензий к современной светской прессе. Есть такой старый еврейский анекдот. Еврей сидит и плачет на пепелище своего дома. Подходит к нему сосед и спрашивает:

– Как дела, Изя?

– Да сам видишь – дом сгорел, жена сгорела, дети сгорели. Все сгорело!

– Да, печально... А что еще новенького?

Этот анекдот у меня прочно ассоциирован с журналистикой...

А еще, конечно, в мире журналюг и чиновников мне обидна устоявшаяся неприязнь, нелюбопытство к миру русской мысли, к миру философии, богословия. Почему у нас русской культурой считаются только «ложечники» и «матрешечники»? Почему событием в культурной жизни считается концерт Бори Моисеева, а не лекция богослова? Обидно, что в мире журналистики царит потрясающая безграмотность*,

* 11 сентября 2003 г. в программе «Время» Первого канала бегущая строка сообщала: «Завтра Православная Церковь чтит память святого князя Александра Невского – победителя на Куликовом поле».

нелюбопытство, предвзятость. Откуда это желание современных папарацци все изгадить, изъесть, обо всем написать с ехидцей? Прошли торжества в Дивееве (100-летие прославления преподобного Серафима),— а либерально-диссидентствующий интернет-сайт начинает репортаж с фразы: «Паломники разъехались, оставив после себя груды мусора». А ведь даже детские стишки высмеивали такой репортерский стиль: «“Где ты была сегодня, киска?”.— “У королевы у английской”.— “Что ты видала при дворе?”. — “Видала мышку на ковре!”».

— О. Андрей, говорят, у Вас вышла новая книга о посте?

— Да *прильпни язык мой гортани моему* (Пс. 136, 6), аще я когда-нибудь напишу что-то о посте! Достаточно посмотреть на мою талию, чтобы понять, что это тема, находящаяся вне пределов моей компетенции.

— У Вас дома обширная фонотека, даже записи современной музыки; на книжной полке у Вас фотография Владимира Высоцкого — как это все совмещается с христианством, верой в Бога?

— Ну, эта музыка — то, что осталось от прежнего и что жалко стирать как воспоминание о молодости. Что касается Высоцкого — для меня это был очень дорогой человек, который в период моего выбора... Не скажу, что он привел меня к Православию,— но он создал ту внутреннюю психологическую атмосферу, в которой это стало возможным. Потому что его песни говорили о выборе, о протесте — в начале 80-х этот мотив не мог не присутствовать в жизни молодого человека, который пришел в православную традицию. За это я Высоцкому благодарен.

Его песни постоянно звучали в нашем доме. Это еще любовь и моего отца — они с Высоцким ровесники. Поиск своего пути, колеи, выход за «красные флажки» — вот это сделало для меня психологически возможным сделать свой выбор.

Я храню те кассеты, но уже давно не слушаю его записи. Жизнь человека полосата: наверное, бывают такие дни, когда я снова мог бы слушать и стал бы слушать Высоцкого. Рассудочно говоря, я желал бы, чтобы таких дней было поменьше. А с другой стороны, то, что такие дни бывают, это помогает оставаться человеком.

— У Вас случаются личные духовные кризисы, Вас посещает ощущение богооставленности?

— В свое время в семинарии это все хорошо лечилось. Были и личные трения, случались занудные лекции... Но выходишь за территорию семинарии и понимаешь, что все остальное – хуже. С той поры мой образ жизни на границе Церкви и мира скорее помогает преодолевать внутренние кризисы, нежели их порождает.

— Вы имеете в виду периоды неспокойствия, духовного кризиса?

— Здесь мы упираемся в другую проблему, серьезную проблему церковной жизни. Она состоит вот в чем: люди, которые приходят в храм, обращаются к священнику,— это зачастую люди с больной совестью, с больной душой. А священник – это, как я уже говорил, как правило, человек, чье внутреннее благополучие выше среднего уровня. Это человек, у которого есть свой смысл жизни — очень осознанный,— человек, у которого есть внутреннее призвание. Это человек, который всем существом своим ощущает нужность своего служения. Это человек, у которого главный выбор жизни — уже позади, сделан. Но ситуация внутреннего мира имеет своего двойника: вот мир во Христе, а вот двойник — душевный комфорт. И очень легко одно принять за другое. Часто так бывает, что люди нецерковные,— которые нередко поэтому и остаются нецерковными,— идут к священнику со своей болью, а встречают человека, который не пожелал быть собеседником, не пожелал принять эту боль.

Не пожелал выйти из своего привычного ритма жизни, выслушать человека, понять его. Господь от таких болезней, как известно, лечит: лечит нас искушениями, разными житейскими тяготами. И поэтому, с одной стороны, может быть, и не хотелось бы, чтобы эти «тяжелые» дни бывали, но, с другой стороны, совсем с этим расставаться — это означало бы утрату. Иногда бывают такие дни, когда становится близким ощущение дохристианского юношеского экзистенциализма.

— «Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать...». Но вернемся к Высоцкому. В каких отношениях он с христианством?

— В плохих. Я, конечно, сильно христианизировал его в своем восприятии и был очень рад, когда однажды увидел его фотографию с крестиком на шее. Этому обстоятельству я придавал, наверно, больше значения, нежели сам Высоцкий.

Но его судьба, похоже, все-таки прошла мимо Евангелия. И в этом во многом виноваты наркотики. Увы, очень многое из той боли, которая есть в его поздних песнях,— не оттого, что пошлость советской действительности вызывала страдание в душе поэта, а — просто боль от наркотика. Но есть у Высоцкого и настоящая поэзия.

— Очень часто в Ваших лекциях, в работах Вы цитируете отрывки из литературных произведений и цитатами из Цветаевой или из Высоцкого иллюстрируете многие богословские темы и аргументы. Что для Вас значит мир поэзии?

— Просто я не люблю мир прессы и телевидения, мир попсы. Напомню слова Цветаевой: «Глотатели пустот, читатели газет».

И вот убежищем от этой тотальной «макдоналдсизации» мира газет для меня становится поэзия. Когда-то это была отдушина в мире «диамата». И я очень признателен Марине Цветаевой, Анне Ахматовой, Александру Галичу, Борису Пастернаку, Максимилиану Волошину, Николаю Гумилеву,

Владимиру Маяковскому, Сергею Есенину. Я не смею судить их за те кощунственные строчки, которые встречаются в произведениях некоторых из них. Как не имеет права священник осудить человека, пришедшего на исповедь, так и я не сужу поэта за его публичную исповедь, на которую он вынес свои грехи, страдания, сомнения, страсти.

— Есть ли у Вас время для чтения подобной литературы? Насколько обосновано использование подобных цитат? И вообще, что Вы предпочитаете читать, каков круг Вашего чтения в данный период?

— Художественную литературу я очень давно уже не читаю, просто со времен студенчества в памяти кое-что осталось. Работаю с историко-религиозной, богословской литературой. Почти не читаю даже книг по философии.

— Почему?

— Я же говорил, что всю жизнь жалею, что поступил на философский факультет, а не на исторический.

— В Ваших книжках, лекциях, беседах заметно влияние Льюиса, Честертона. Каково Ваше отношение к ним?

— Льюис и Честертон, как я уже говорил, очень много для меня значили. Я читал их еще в семинарии, еще в самиздате. Я понял, что можно с радостью говорить о христианстве, без занудства. И вот именно эта интонация, манера легла мне на сердце, помогла изменить стиль письма, потому что писать я начинал на чудовищном «научно-аспирантском» жаргоне. И для меня была радостной мысль, что можно же писать иначе, не для ученого совета, а для людей.

— Нравится ли Вам лично что-нибудь из современного искусства?

— В самых неожиданных местах, где думается, что на этом болоте могут только поганки расти, вдруг находится

что-то интересное. Кто мог подумать, что в мире рок-музыки может появиться что-то христианское, православное? Например, песни Шевчука — там очень много евангельского света, там человеку напоминают о душе. Очень добрым был видеофильм «Зона “Любэ”» — там очень человечный, христианский взгляд на человека.

— Однако в современном творчестве наверняка много неправославного. Как это можно «отфильтровать»?

— Это действительно трудно. Но, понимаете, я был воспитан в советские годы и учился быть благодарным за малое. Я знал одного семинариста, который пошел в семинарию таким странным путем: он нигде не мог достать Евангелие и покупал атеистические книги и оттуда выписывал цитаты из него. И так составил довольно полную мозаику из евангельских цитат. А в советские годы я учился быть благодарным хотя бы за одно доброе слово о Церкви. Поэтому и привык к тому, что могу ценить какого-то автора, при этом не беря на себя обязательство соглашаться со всем, что он сделал, говорил. Так что остается только сказать вслед за Ахматовой: «Когда б вы знали, из какого сора растут стихи, не ведая стыда».

— Слушая Ваши лекции, поражаешься Вашим знаниям, и они, должно быть, всё пополняются и пополняются. Как Вы чувствуете себя с ними? Ведь сказано: *от многой мудрости много печали* (ср.: Еккл. 1, 18).

— Да, так сказано Соломоном (если именно его считать автором Книги Екклесиаста). Но у премудрого Соломона речь шла о знании отнюдь не научном, философском, а о знании мира людей. Мои книжные познания, скорее, укрепляют мою веру. Удар по вере наносят обычно «новости церковной жизни». Но лекарство от уколов современности — в знании истории. Когда я узнаю́ какие-то плачевные вещи о нас, современных православных, то ду-

маю: «Боже мой, люди не научились грешить по-новому за тысячи лет. И тем не менее Господь нас терпит». А то, что Господь нас терпит, дает надежду, что наше поколение – не есть поколение предельное, последнее. Число же непорядочных людей в рясах всегда стабильное, евангельское – каждый двенадцатый.

В общем, тут у меня утешение то же, что и у Екклесиаста: *бывает нечто, о чем говорят: "смотри, вот это – новое!" – но это было уже в веках, бывших прежде нас!* (ср.: Еккл. 1, 10).

— Вы как-то говорили, что в земной истории мы всё равно обречены на поражение. Но разве оптимизм — не качество православного христианина?

– Есть известная формула: «Мое знание пессимистично, моя вера оптимистична». Каждый из нас переживет гибель не только России, но и всей нашей Галактики. Мы же бессмертны. К сожалению или к радости – решать каждому самому.

— А что Вас в церковной жизни радует?

– О, в Церкви меня радует прежде всего то, что она меня терпит.

— А в конце что бы Вы хотели сказать?

– У меня есть одна просьба, вырастающая из одной моей досады. Мне больно, что в нашей Церкви нет общецерковной молитвы о миссионерах. И все же я знаю, что очень многие люди поминают меня в своих личных молитвах, это я ощущаю. И я бы просил, чтобы, открывая мою книжку, прежде всего помянули меня, пока я жив, за здравие, а когда уйду – за упокой.

ПРИМЕЧАНИЯ

К с.13.

[1] Надежда Кеворкова спросила Патриарха Алексия: «Такие люди, как диакон Андрей Кураев и Александр Дворкин, вещают от имени Церкви? Они ездят по стране и возбуждают в православных ненависть к иноверцам. Нужны ли Церкви такие ревнители?». И в ответ услышала: «Сегодня задачи внутренней миссии являются для Русской Православной Церкви приоритетными. Десятилетия преследований, обрушившихся на нашу Церковь в минувшем столетии, привели к тому, что у нескольких поколений людей “отняли Бога”, по слову одного русского иерарха XX столетия. Сейчас сотни тысяч людей возвращаются к вере отцов. Этот процесс не может быть легким и безболезненным. Мировоззренческий вакуум, порожденный гонениями на Церковь, подчас заполняется различного рода лжеучениями, проповедники которых мимикрируют под Православие, подменяют церковное вероучение своими доктринами или просто позволяют себе ложь о вере православных христиан. Поэтому просветительская работа сегодня предполагает не только проповедь Евангелия, но и полемику, в том числе публичную, с различного рода учениями, противоречащими Православию. Впрочем, полемика и ненависть – далеко не одно и то же. При ведении полемики нужно очень ответственно подходить к словам, избегать эмоциональных оценок, проверять и перепроверять факты, которые должны быть достоверными и доказанными. Мне неизвестны случаи разжигания межрелигиозной или межнациональной вражды упомянутыми миссионерами. Более того, я убежден, что проявления такой вражды прямо связаны с царящим в обществе невежеством в области религии, которому они в меру своих возможностей противостоят» (Христианство требует от человека духовной брани: Ответы Патриарха Московского и всея Руси Алексия II на вопросы газеты «Газета» // Газета. 2003. 25 апреля. См. также: http://www.gzt.ru/world/2003/04/25/105316.html).

И еще – для того, чтобы мою полемичность не противопоставляли Церкви, скажу, что решением Синода от 16 июля 2005 г. я был включен в состав «рабочей группы для составления концептуального документа, излагающего позицию Русской Православной Церкви в сфере межрелигиозных отношений».

К с. 56.

[2] См.: *Быков Д.* Лесное чудо или чудо лесное. Михаил Щетинин – сектант-новатор? //Огонек. 2000. № 8. Подробнее: «В новосибирском Облфото в начале 70-х работал фотограф Владимир Пузаков. Вскоре этот юноша женился на девушке с фамилией Мегре и после регистрации принял изящную фамилию жены и поменял паспорт. Взяв себе в напарники родственника жены с той же фамилией, везде стал представлять свою мини-бригаду как “отец и сын Мегре”, тем самым вводя многих (в том числе и меня) в заблуждение, что это и есть его исконная фамилия от рождения. После развода с женой (ушла по причине безудержного прелюбодейства мужа) фамилия Мегре так за ним и осталась. В начале перестройки сей юноша арендовал теплоход и несколько навигаций возил вниз по Оби товар, взятый на реализацию. Но однажды во время навигации сильно запил, пропил деньги и значительную часть товара. По возвращении в Новосибирск, попав под жесткий прессинг кредиторов, неожиданно из города исчез, объявившись через некоторое время писателем – автором “Анастасии”. Говорят, что полученные гонорары позволили ему рассчитаться с долгами. Вот такая краткая история, особенностью которой является один небольшой штрих. Проводя это расследование и разговаривая со многими людьми, хорошо знающими Пузакова, не услышал ни одного доброго слова об этом человеке. Не дай Бог нам оставить такую память о себе» (см.: http://www.kuraev.ru:8101/forum/view.php?subj=19495&section=3).

К с.128.

[3] Да, да, слово «журналист» для меня стало уже ругательным. Поразительное совмещение безграмотности, апломба и какой-то нутряной, необъяснимой неприязни к Православию – вот что характерно для большинства журналистов, касающихся церковных тем. Два примера: «Когда Библию переводили с иудейского, якорный канат почему-то приняли за слово “верблюд”. И до сих пор тот верблюд лезет в игольное ушко» (*Рессина Т.* ... и обрящете... // Московский комсомолец. 1996. 2 июня). Новый Завет переводили ни с какого

не с иудейского, а просто — с греческого. И совсем не очевидно, что именно «якорный канат» спутали с «верблюдом» (именно в греческом, а никак не в иудейском языке эти слова действительно близки по звучанию). Просто в Иерусалиме были таможенные врата, сделанные столь узкими, что пройти через них мог лишь разгруженный верблюд. Погонщик не мог не снять с верблюда поклажу, и таможенники имели возможность осмотреть ее на земле. Эти врата и назывались «игольным ушком». А вот «известный» Константин Кедров: «На каком языке Апостолы запечатлели слова учителя, неизвестно. В любом случае был неизбежен перевод с арамейского на греческий, с греческого на старославянский, со старославянского на древнерусский, с древнерусского на церковнославянский; с церковнославянского на русский. Если же учесть, что сам русский язык сформировался лишь в XIV в., спустя 1 400 лет после рождения Христа, то можно понять, насколько трудно переводить сразу с нескольких уже умерших языков: с арамейского, с древнегреческого, со старославянского, с древнерусского, наконец, с церковнославянского» (*Кедров К.* Люби ближнего, как самого себя, и через 2 000 лет. Впервые осуществлен научный перевод четырех Евангелий на русский язык // Известия. 1996. 1 июня).

Неужели Кедров считает, что синодальный перевод Библии выполнен с церковнославянского? Ну зачем же всех считать такими неучами, не знающими греческого языка? А уж за путаницу со старославянским, древнерусским и церковнославянским языками пусть этого неуча, подписывающего свои тексты «доктор философских наук», скальпируют филологи.

К с. 132.

[4] А как может христианин не считать борьбу с ведьмами своим долгом, если ведьмы сами громко настаивают на своем существовании, на своем всесилии и на своем антихристианстве? Если некая дама, «раскрещенная» неким «Учителем» магии, вещает о том, что она, научившись оккультной практике, якобы смогла материализовать душу своего умершего мужа и даже зачала от него через два года после его смерти?..

Как видно, идея суккубов и инкубов порождена отнюдь не «фанатичной средневековой инквизицией», но возвещается самими адептами оккультизма. Вообще чтение современной оккультной литературы заставляет как-то иначе отнестись к инквизиции и «охоте на ведьм». Пока люди не верят в ведьм, колдовство и «порчу» — охота на ведьм кажется несу-

светной дикостью, сугубо позорной для христиан. Но если это всерьез? Если действительно возможно такое черное воздействие на человека, для которого ни расстояние, ни стены не являются преградой?

И если действительно есть люди, готовые приносить самые страшные жертвы ради получения «черной благодати»? Людей Средневековья постоянно обвиняют в суевериях. Но ведь эти «суеверия» они вычитали не в Библии и не в творениях святых Отцов. Молва распространяла секреты, выползшие за пределы колдовских кухонь. Ведьмы сами уверяли, что их ничто не берет, что они в огне не горят и в воде не тонут и что за некоторую плату они могут на любого «порчу» навести... Ведьмы убедили народ, а затем и иерархов в своей реальности и в своем могуществе — и последовал ответ, последовала реакция общественной самозащиты... Прежде чем обвинять тех впечатлительных христиан (или меня) в нетерпимости и человеконенавистничестве, попробуйте сами спрогнозировать свою реакцию. Представьте, что Вы поверили сообщению Блаватской о том, что «в древние времена фессалийские колдуньи к крови черного агнца примешивали кровь новорожденного младенца и с помощью этого вызывали тени умерших» (*Блаватская Е.* Разоблаченная Изида. М., 1994. Т. 2. С. 671)...

К с. 164.

[5] У фанатиков унии своя логика: «Подвиг его святости просто потрясает. И потому, когда читаешь, как один из видных наших церковных деятелей, числящийся к тому же в профессорах духовной академии, с пренебрежительной иронией пишет о *“немощном старичке”, способном “лишь кивать да дремать”, не понимая, что стал своего рода “пиар-акцией Ватикана”*, приходишь просто в ужас от того, до какой же закаменелости сердца, нравственной глухоты и бредового помрачения можно дойти, привыкнув дышать в атмосфере злобной конфессиональной ксенофобии и весь мир современного христианства воспринимать лишь через измерение церковно-политических шахматных интриг, расчетов и каверз! Брат мой, чему же ты можешь научить в своей академии, если не способен разглядеть даже такой очевидный пример истинного христианского подвижничества?.. Сознательная или за долгие годы церковно-советской деградации ставшая уже органической духовная глухота не позволила расслышать голос, пытавшийся донести волю неба, а не заманить в очередную хитроумную ловушку католической агрессии» (*Виноградов И.* Весь наш // Континент. М., 2005. № 124. С. 21–22). Последняя фраза в контексте статьи Игоря Виноградова относится уже к Патриарху

Алексию... Я же напомню нашему с Патриархом критику слова человека, которого вряд ли можно обвинить в «церковно-советской деградации» и интриганстве. Митрополит Антоний (Блум), в своем Послании Патриарху Алексию накануне Архиерейского Собора Русской Православной Церкви 1997 года, предостерег: «Пора нам осознать то, что Рим думает только о "поглощении" Православия. Богословские встречи и "сближение" на текстах — никуда нас не ведут. Ибо за ними стоит твердая решимость Ватикана поглотить Православную Церковь» (Послание митрополита Сурожского Антония // Радонеж. 1997. № 7 [51]).

А вот огульное обвинение всех несогласных в нравственной деградации — это как раз признак тоталитарного сознания.

К с. 273.

[6] Оригинальный текст перевода звучит так:

— Сколько лет лошадке, приятель? — полюбопытствовал мистер Пиквик, потирая нос приготовленным для расплаты шиллингом.

— Сорок два,— ответил возница, искоса поглядывая на него.

— Что? — вырвалось у мистера Пиквика, схватившего свою записную книжку.

Кэбмен повторил. Мистер Пиквик испытующе воззрился на него, но черты лица возницы были недвижны, и он немедленно занес сообщенный ему факт в записную книжку.

— А сколько времени она ходит без отдыха в упряжке? — спросил мистер Пиквик в поисках дальнейших сведений.

— Две-три недели,— был ответ.

— Недели?! — удивился мистер Пиквик и снова вытащил записную книжку.

— Она стоит в Пентонвиле,— заметил равнодушно возница,— но мы редко держим ее в конюшне, уж очень она слаба.

— Очень слаба! — повторил сбитый с толку мистер Пиквик.

— Как ее распряжешь, она и валится на землю, а в тесной упряжи, да когда вожжи туго натянуты, она и не может так просто свалиться; да пару отменных больших колес приладили; как тронется, они катятся на нее сзади; и она должна бежать, ничего не поделаешь!» (*Диккенс Ч.* Посмертные записки пиквикского клуба // Собр. соч.: В 20 т. М., 1999. Т. 1. С. 26).

К с. 323.

[7] См.: Отзыв экстраординарного профессора священника П. Флоренского на сочинение студента иеромонаха Варнавы (Беляева) на

тему «Святой Варсонофий Великий. Его жизнь и учение» // Богословский вестник. 1916. С. 179. Вообще отзыв Флоренского чрезвычайно интересен и в то же время отрицателен. Вот довольно типичный его отрывок: «Монашество предполагает духовное окормление старцем. На этой насущной необходимости старческаго окормления о. Варнава настаивает твердо и многократно. Что ж можно тут сказать, кроме одобрения? Но это одобрение и на о. Варнаву возлагает сугубую ответственность внимательнаго отношения к старчеству,— хотя бы в той области, которая для него сейчас доступна,— в научной.

Разве не должен был о. Варнава, множество раз повторяющий слова "окормление", "окормлять", "окормляться", разве не должен он был поинтересоваться, что такое *"окормление"*? Однако он ссылается тут на какую-то анонимную брошюру, в которой сообщается, между прочим, что "окормление есть такое воспитание опытным иноком инока молодого, когда старец своими наставлениями и советами как бы питает, *кормит*, как мать маленькое дитя, и духовно растит его". Неужели *ученому, монаху*, специализировавшемуся в аскетике, не стыдно не знать, что "окормление" происходит не от *окормить* (=обкормить, перекормить, то есть дать корму чрез меру), и вообще не имеет ничего общего с "кормом", а от "окормлять", то есть *быть на корме*, руководить, то есть происходит от слова *"корма"*? О. Варнава хотя бы из богослужебных книг (если уж отрицает обязанность для себя занятий филологией) должен бы знать, что на церковном языке "окормитель" означает "кормчий". "Окормляю" значит "управляю" — κυβερνάω» (Там же. С. 183–184).

К с. 341.

[8] См.: *Кутузов Б.* Церковная реформа XVII в., ее истинные причины и цели. Рига, 1992. Ч. 1. С. 36. Автор книги полагает, что упоминание «имени, которого не может носить камень» заимствовано из жития святителя Сильвестра, папы Римского (см.: Четии Минеи. 2 января), повествующего о прении этого святого с волхвом Замврием. «Волхв Замврий убил вола, прошептав ему на ухо "великое имя", которое "ни кожа, ни хартия, ни древо, ни камень, ниже кая-либо иная вещь может имя то, написанное на себе, содержати". Когда же святитель Сильвестр, желая показать силу Исуса Христа, обратился к Нему с молитвою о том, чтобы Он воскресил этого вола, "егоже Замврий призыванием бесовским сотвори мертва", то вол немедленно ожил. Итак, имя, которое не может носит камень, есть имя

бесовское? Значит, Никоновы правщики, поместив это заклинание в Требник, приписали имени бесовскому большую силу, чем имени Божию» (*Кутузов Б.* Указ. соч. С. 36). Интерпретация старообрядческого апологета все же слишком тенденциозна.

«“Еще же в новоизданных Великих Требниках в молитве под именем мученика Трифона, глаголемой на заклинание мушиц, червей, гусельниц, мышей и прочих вредящих, после слов: «Заклинаю вас Святою Троицею, таже вочеловечением Господним» и прочее,— написано сице: «Еще заклинаю вас великим именем, на камени написанным, и не носившем, но разседшемся аки воск от лица огня...». И таковое молитвословие богопротивно есть, показуется некоей твари, кроме Божества Триипостасного, обожение”. Такое выражение, по мнению беспоповцев, “согосподствено быти является афродите-звезде” и есть манихейство» (Разбор оснований, на которых раскольники-беспоповцы утверждают свой обычай перекрещивать православных при переходе их в раскол// Христианское чтение. СПб., 1865. Ч. 1. С. 635).

К с. 356.

[9] «Священник Иосиф, обличая раскольщиков о чарованиях их, приведе... сотворшееся иногда от жидов в королевстве Польском дивное волшебное дело, выписаное из книги глаголемой “Зерцало Короны Польския”, из артикула пятаго, яко жиды некоей от жен христианских великую цену дали, дабы продала им млека христианскаго; жена же оная возвести о сем мужу своему, и по его научению продаде им млека кравияго вместо человеческаго христианскаго. Жиды же с радостию то млеко приемше, наняша некоего человека, и идоша с ним к висильнице, на нейже злодей повешен бысть, и совершивше там своя над млеком волшебная чарования, повелеша наятому человеку, да млеко то обволхвованное ими влиет в ухо висящему злодею, и приклонит свое ухо к уху мертваго злодея. Он же егда то сотвори, вопросиша его жидове, что слышит? Тойже отвеща: рычание скотов слышу. Жиды же опечалившеся, идоша к жене оной христианстей, и лаяша ю яко обманувшую их. Потом бысть во всем королевстве Польском велий мор на скот; имел же бы той мор быти на христиан, аще бы жена оная христианская человеческаго христианскаго млека продала им» (*Святитель Димитрий, митрополит Ростовский и Ярославский.* Розыск о раскольнической брынской вере. М., 1855. С. 588–589).

К с. 377.

[10] «У нас до 1771 г. существовал обычай: всех умиравших неестественною смертью, удавленников, утопленников, замерзших и так далее, не отпевать и не класть на кладбищах: их неотпетыми свозили на так называемые "убогие дома", которые находились вне городов и представляли из себя глубокие ямы. Сложенные там тела оставались неотпетыми и незасыпанными до седьмого четверга по Пасхе. На Семик священник служил общую панихиду, а добровольно являвшиеся сюда мужчины и женщины зарывали яму с телами и вырывали новую... В патриаршей грамоте Макарьевскому Желтоводскому монастырю (1628 г.) запрещается хоронить по-христиански умерших случайной или насильственной смертью: "А который человек вина упьется, или удавится, или ножом зарежется, или с качелей убьется, или своею охотою купаючися утонет, тех у церкви Божией не хоронити и над ними не отпевати"» (*Гальковский Н.* Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. Т. 1. С. 200; подробнее см.: *Зеленин Д.* Избранные труды. М., 1995. Т. 2: Очерки русской мифологии: Умершие неестественною смертью и русалки).

Вот эта народная память о том, что утопленников хоронить и отпевать нельзя, вдруг проснулась осенью 2000 г.— и пошли слухи о том, что моряков, погибших на подводной лодке «Курск», отпевать нельзя... В церковную печать, по счастью, эта сплетня не просочилась. Но этого примера достаточно, чтобы понять — какой шок порой испытываешь, встречаясь с потаенными верованиями наших прихожан или же просто изучая «преданья старины глубокой»...

К с. 386.

[11] «Новгородские летописи говорят о сожжении четырех волхвов в 1227 г., псковские — двенадцати "вещих женок" в 1410 году. Сжигали волхвов до XVII в., а ворожей закапывали в землю по грудь» (*Управителев А.* Тайноведение и христианство // Философские науки. 1991. № 5. С. 84). И традиция эта не была заимствована с Запада. Она пришла из православной Византии. Так, по свидетельству принцессы Анны Комниной, в 1111 г. богомильского ересиарха Василия «все члены Священного синода и сам занимавший тогда патриарший престол Николай приговорили к сожжению. С ними был согласен и самодержец... Так как о Василии распространялись всевозможные слухи и басни, то палачи опасались, как бы покровительствующие Василию бесы с Божиего дозволения не

совершили какого-нибудь необычного чуда. Они боялись, что этот негодяй, выйдя невредимым из огня, явится в многолюдное место и в результате произойдет новый обман, еще хуже предыдущего... Палачи подняли Василия и бросили его в середину костра. Пламя целиком сожрало нечестивца... Стоявший кругом народ с нетерпением ждал и требовал, чтобы бросили в огонь и всех остальных причастных к гибельной ереси Василия» (*Анна Комнина.* Алексиада. СПб., 1996. С. 423–425).

К с. 420.

[12] В апреле 2005 г. я неожиданно получил письмо от тогдашнего слушателя: «Однажды Вы были в Коломне, году в 85–86-м на “политбое” со студентами местного пединститута. После этого моя жена, студентка исторического факультета, окончательно покончила с атеизмом, спасибо Вам... Вы были одеты в свитер и джинсы и внешне ничем не отличались от тех молодых людей, которые находились в зале. Поразили своей убедительностью и доступностью объяснения многих тогда еще новых тем, несмотря на их 1000-летнюю историю. Основной аудиторией на этом мероприятии были студенты исторического факультета, которым с первого курса внушалось, что они идеологический оплот того строя, что в первую очередь они идеологи, а потом уже педагоги. Что получилось из этого: 5–10 % из них работают в школах, а Ваши главные оппоненты тогда — “Ведерников и К°” — ныне предприниматели и, по всей видимости, идеологи уже других, капиталистических идей. Время показало, чьи ценности чего стоили и чья вера была истинной. Кстати, непосредственно после этого “политбоя”, так это там называли, комсомольцы и коммунисты понимали, что побеждены. Но потом вовсю говорили о своем превосходстве, и о победе, и о превосходстве идеологии развитого социализма. Как и раньше говорили. Короче, вовсю хотели это забыть. В вышеупомянутом Коломенском пединституте на одном курсе с Ларисой, моей женой, училась дочь священника Зарайского прихода, об этом знали только самые близкие подруги, и то не с первого дня.

В метриках этой девушки ее папа числился как рабочий завода. И ее очень часто просили на политэкономии рассказать о том, как законы развитого социализма действуют на заводе папы. Она всегда была вынуждена говорить что-то невнятное... Кстати, именно она и работает сейчас в школе, в родном городе... Никакой идеологии... Год 1000-летия Крещения Руси. Мне, третьекурснику Ко-

ломенского артиллерийского училища, именно тогда стало ясно, как боится власть веры в Бога в народе. Например, достойных курсантов, которые могли стать отличными офицерами, отчисляли из училища якобы за нарушение дисциплины, а на самом деле им в голову пришло вырезать на своей сумке в тот год: “988–1988”. Этого было достаточно, чтобы попрощаться с обучением за несколько месяцев до выпуска».

К с. 432.

[13] «С глубокой печалью воспринял скорбную весть о кончине о. Александра. Выражаю свое глубокое соболезнование семье, духовным чадам и прихожанам храма, в котором проходил почивший свое пастырское служение. По человеческому разумению, казалось бы, только сейчас и настало время, когда талант о. Александра как проповедника слова Божия и воссоздателя подлинно общинной приходской жизни мог раскрыться во всей своей полноте. Увы, сложилось иначе — Господь призвал его совершить священнотаинственное служение к Себе. В своем богословском дерзновении о. Александр иногда высказывал суждения, которые без специального рассмотрения нельзя охарактеризовать как безусловно разделяемые всей Полнотой Церкви. Что ж, *надлежит быть разномыслиям между вами, дабы явились искуснейшие* (ср.: 1 Кор. 11, 19). В памяти людей и Церкви, верю, останется то немалое, что о. Александр реально сделал для них. Много молитвенников по себе оставил о. Александр. К их молитвам о его упокоении в недрах Авраама, Исаака, Иакова присоединяем и мы свою молитву. Вечная ему память!».

К с. 478.

[14] «Послушайте о том еще более ужасном, что осмеливаются они делать, если один из них проникнет нежданно истечением семени во вход влагалища и женщина станет беременной. Извлекши зародыш, чуть только могут ухватить его пальцами, они берут этого выкинутого новорожденного и замешивают его в ступе с помощью песта. Они вмешивают внутрь мед, перец, некоторые другие приправы, так же как и пахучие масла, чтобы не было рвоты. Приступая тогда к своему ритуальному сборищу, все эти последователи культа, созданного для свиней и собак, зачерпывают каждый пальцем частицу младенца, растертого в кашицу. Разом завершив это людоедское обжирание, они обращают к Богу тогда такую молитву: “Мы не были обмануты владыкой похоти, но собрали плод преступления брата”.

Они верят, что это "пасха совершенная"... Если кто-то "пребудет в знании" и "соберет себя" посредством месячных очищений и истечений похоти, он не будет больше удержан здесь, но освободится от названных выше архонтов» (*Святитель Епифаний Кипрский.* Панарион. 26, 5, 4–6; 26, 10, 7–9). Надо заметить, что дошедшие до нас гностические тексты резко порицают подобного рода магию. Но из самого этого порицания следует, что в некоторых сектах она все же существовала. «Фома сказал: "Мы слышали, что есть на земле такие, которые берут мужское семя и женскую кровь месячных, кладут это в чечевицу и едят, приговаривая: «Мы верим в Исава и Иакова». Подобает ли это или нет?". Иисус же разгневался на мир в тот час и сказал Фоме: ..."Сей грех превыше всех грехов и беззаконий"» (Пистис Софиа. 397 [цит. по: *Трофимова М.* К вопросу о гностической тайне //Религии мира: История и современность: Ежегодник 1989–1990 гг. М., 1993. С. 178]).

К с. 478.

[15] *Герье В.* Блаженный Августин. М., 1910. С. 141. Ср.:«Что еще? Следовало бы пощадить человеческую стыдливость: пусть бы остальное доканчивала похоть плоти и крови с сохранением тайны стыда. Почему же спальня наполняется толпою божеств, когда из нее уходят и друзья жениха? Да и зачем наполняется? Наполняется не для того, чтобы, зная о их присутствии, заботились о целомудрии, а для того, чтобы женщина, слабая полом и на первых порах робкая, была лишена девственности при их содействии: тут находятся и богиня Виргиниенсия, и бог Субиг – отец, и богиня Према – мать, и богиня Пертунда, и Венера, и Приап. Зачем это? Если мужчине нужна в этом случае помощь со стороны богов, то не достаточно ли кого-то из них одного или одной? Неужели мало одной Венеры, которая потому, говорят, и получила свое имя, что без ее содействия женщина не перестает быть девицей? Если есть у людей хоть капля стыда, которого нет у богов, то разве при представлении о том, что присутствует и вникает в это дело такое множество богов того и другого пола, не проникаются супруги таким стыдом, что один менее требует, а другая более сопротивляется? Но пусть богиня Виргиниенсия присутствует затем, чтобы развязан был у новобрачной девственный пояс; пусть бог Субиг – чтобы она подчинилась мужу; богиня Према – чтобы, подчинившись, сохраняла покорное положение: что делает там богиня Пертунда <"Пробивающая">? Да будет ей стыдно: пусть идет она вон. Должен же сделать что-нибудь и

сам муж <...> Там находится и Приап, самец-урод, на громаднейший и отвратительный фаллос которого, по весьма почетному и благочестивому обычаю матрон, советуется сесть новобрачной...» (*Блаженный Августин.* О Граде Божием. 6, 9).

К с. 488.

[16] Магадан_47. 2004. 15 февраля (см.: http://magadan-47.livejournal.com/34113.html?thread=185921). Вместо авторского фото у магаданского автора — свастика РНЕ («коловрат»).

Еще цитата: «Кураев вообще скользкая мразь. О нем много написано, сам писал пару заметок и организовывал съемку и оцифровку видео... так что нет нужды писать, какое это дерьмо. А вот на угрозах в его адрес хотел бы остановиться. Приятно узнавать, что в Церкви есть люди, готовые его при случае поджарить, и, даст Бог, кто-то из них от слов перейдет к делу. Сам лично, если когда-нибудь встречу, разобью его одутловатую харю. И за царскую семью, и за гуманизацию и извращение Православия. С такими, как это существо, иначе нельзя. Спорить с ним бесполезно. Его, как гадливого пса, нужно бить до тех пор, пока не перестанет гадить или не сдохнет. Однако я не думаю, что проблема тут только в Андрейке. Была бы Русская Православная Церковь здорова, в ней и не пахло бы такими “богословами”. Но Кураев, несмотря на всю свою гнусность, неотъемлемая часть этой Церкви, ее рупор, если можно так выразиться. При этом сам по себе он полное ничтожество, ни на что не способное без “крыши” МП. Вины с него это, конечно же, не снимает, и морду бить ему все равно нужно, но главной проблемы — проблемы нездоровья организации “РПЦ МП” — это не решит. Проблему, возможно, решит осознание верующими людьми того очевидного факта, что нельзя одновременно ругать Кураева и молиться за нынешнего Патриарха, дабы он “право правил” слово Божественной истины. Нельзя надеяться на спасение своей души и при этом находиться в евхаристическом общении с рясоносными безбожниками и еретиками. Нельзя считать себя патриотом и одновременно состоять в организации, руководство которой охотно благословляет на правление откровенных разрушителей твоего Отечества и, вместо анафемы, раздает им премии и награды» (laborant39. 2004. 27 декабря. См.: http://laborant39.livejournal.com/6035.html).

СОДЕРЖАНИЕ

Диакон Андрей Кураев

ПОЧЕМУ ПРАВОСЛАВНЫЕ ТАКИЕ?..

Ответственный за выпуск *Елена Синельщикова*
Редактор *Владимир Крюков*
Оформление обложки *Станислава Попова*
Технический редактор *София Шкляр*
Корректоры *Владимир Крюков, Вера Лобанова*

Подписано в печать 24.03.2006
Формат 60х90$^{1}/_{16}$. Гарнитура «New Baskerville».
Печать офсетная. Бумага офсетная. Объем 33 печ. л.
Тираж 10 000 экз. Заказ № 0603481.

Московское Подворье
Свято-Троицкой Сергиевой Лавры
129090, Москва, 2-й Троицкий пер., д. 6а, стр. 9

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

1140 - 4380

В новой книге диакона Андрея Кураева, выдающегося православного богослова и публициста, ставятся, как всегда остро и доказательно, насущнейшие вопросы жизни современного человека и даются на них четкие, ясные и исчерпывающие ответы.

О чем бы ни писал отец Андрей, он всегда горячо, заинтересованно и с глубоким знанием предмета, хотя порой и крайне полемично и парадоксально, ищет справедливо православный взгляд на мир.

Новая книга известнейшего литератора адресована самым широким кругам читателей и приглашает к откровенной дискуссии по всем затронутым ею проблемам.

диакон
андрей кураев

почему православные такие?..